

АННА ГОТЛИБ

*ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ:
КАЧЕСТВЕННЫЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ
ПОДХОДЫ*

МЕТОДОЛОГИЯ

*ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
ПРАКТИКИ*

Рекомендовано Учебно–методическим объединением
по социологии в качестве учебного пособия для студентов
социологических факультетов университетов

Самара
Издательство «Самарский университет»
2002

УДК 316.52

ББК 60.55

Г 736

Готлиб А.С. Введение в социологическое исследование: Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики: Учеб. пособие. Самара: Изд-во "Самарский университет", 2002. – 424 с.

ISBN 5-86465-241-5

Книга представляет собой учебное пособие, где «на равных» проанализированы качественный и количественный подходы в социологическом исследовании. Значительное внимание уделено методологическим основаниям этих двух подходов. Выделены основные черты современной формы научного знания, в соответствие с которой была создана классическая социология. Проанализированы предпосылки становления качественной парадигмы, ее философские корни. Детально описаны основные черты качественного и количественного подходов. Впервые в отечественной практике выделены основные направления внутри качественной социологии, проанализирован образ и язык их готового продукта, функции качественного исследования. Большое внимание уделено позиции исследователя в рамках этих двух подходов, проблеме истины в них.

Наряду с этим в книге серьезное внимание уделяется исследовательским практикам, детальному описанию разнообразных типов качественных и количественных исследований. Проанализированы три ведущих метода социологического исследования, показана специфика их использования в качественной и количественной парадигмах. Богато представлен зарубежный и российский опыт социологических исследований в рамках анализируемых подходов. Каждая тема снабжена вопросами для повторения, а также списком литературы для дополнительного чтения.

Книга рекомендуется в качестве учебного пособия студентам и аспирантам социологических факультетов и отделений, а также преподавателям курса «Методология и методы социологического исследования».

УДК 316.52

ББК 60.55

Рецензент д-р филос. наук, проф. С.И.Голенков

ISBN 5-86465-241-5

© Готлиб А.С., 2002

© Издательство «Самарский университет», 2002

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга – в определенной степени ответ на «вызов среды». Качественная социология, ворвавшись в российское социологическое пространство сравнительно недавно – всего каких-нибудь 7-8 лет назад, – расколола социологический мир на «качественников» и «количественников», яростно противостоящих друг другу. Тогда ситуация в российской социологии повторяла западную с опозданием почти в 20 лет.

Сегодня, когда и в России, кажется, утихают страсти по качественной социологии, наступает пора взвешенного подхода к оценке познавательных возможностей качественной и количественной парадигм, проблем, которые они порождают. Вот и эта книга – попытка внести свою лепту в осознание современной социологией своих познавательных ресурсов – богатств, которыми надо суметь распорядиться.

Конечно, качественная парадигма в большей степени насыщена проблемами, порождает больше споров, нежели классическая, что вполне объяснимо: осмысление ее «инаковости» в западной социологии имеет совсем недавнюю историю. Да и сама она – более философична и потому более трудна для социолога-эмпирика, как правило, редко задумывающегося о методологических основаниях производимого знания. Может быть, «заслуга» качествен-

ного подхода в том и состоит, что он *поставил вопросы методологии социологического знания в полный рост*, вынудив социолога «оторваться от эмпирии» и задуматься над «вечными» вопросами: что такое истина в социологическом исследовании? Какую реальность мы изучаем, работая с документами, письмами, дневниками, газетными статьями? Кто мы, социологи, сами? Какую позицию мы занимаем по отношению к тем, кого изучаем? И, наконец, зачем вообще социология нужна миру, что она дает людям, живущим в нем?

Некоторый крен в сторону методологических основ социологического знания, который, несомненно, характерен сегодня для современной познавательной ситуации в социологии, надеюсь, присутствует и в книге. Во всяком случае, мне хотелось написать не столько книгу, отвечающую на вопрос: «Как делать социологическое исследование?» (сегодня есть уже достаточно много хороших *инструменталистски ориентированных учебников*), сколько обратить внимание читателя на методологические проблемы качественного и количественного подходов в социологическом исследовании. В то же время как социолог-эмпирик я понимала, что без связи «высоких» вопросов с конкретной социологической практикой, вне анализа их «пропущенности» сквозь тот или иной метод или исследовательскую стратегию интерес к методологии грозит вылиться в философствование, оторванное от реального опыта социологов и потому не очень-то и значимое, важное для них. Поэтому, где это возможно, я старалась провести линию: *методология – конкретная исследовательская практика* применительно к обоим подходам.

Следует также сказать, что *сами эти подходы – качественный и количественный – скорее веберовские идеальные типы, мысленные конструкции*, как правило, не совпадающие с «живым» социологическим исследованием. Тем

не менее, только усвоив (освоив) их, социолог может надеяться на успех в таком многотрудном, рискованном и полном неожиданностей предприятии, как социологическое исследование.

Мощным стимулом к написанию этой книги явилась замечательная Летняя школа «Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях», которую нам удалось провести жарким летом 2000 года в Самаре. Здесь, в спорах за круглым столом, в тьюторских классах и кулуарных «тусовках» особенно остро «высветились» проблемы, нуждающиеся в осмыслении.

И последнее. Мое желание под «одними корочками» и в «читабельном» варианте соединить фактически две социологии обусловили *неизбежную неполноту* представленности каждой из них. И все-таки, на мой взгляд, в таком сочетании есть смысл. С одной стороны, это дает возможность показать *разные правила игры* на поле социологии, а с другой – продемонстрировать ее многоцветие, богатую палитру красок, с помощью которых социология «рисует» мир социума.

ЧАСТЬ I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОГО И КАЧЕСТВЕННОГО ПОДХО- ДОВ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

ТЕМА 1

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ

Действительность, входя в науку, сбрасывает с себя все ценностные одежды, чтобы стать голой и чистой действительностью познания, где суверенно только единство истины.

М.Бахтин. К философии поступка

1. Что такое методология социологического исследования

Термин «методология» (от греческого *μεθοδοζ* – способ познания и *λογος* – слово) имеет ряд значений. В узком значении, впрочем наиболее распространенном, методология представляет собой описание конкретных методов исследования, т.е. чисто «техническую» область знания.

Методология социологического исследования в широком значении термина есть довольно сложное образование,

включающее в себя две составляющие: философскую и собственно социологическую.

Философская составляющая – это система наиболее общих принципов и положений исследования. Их цель – *обосновать* конкретные методы сбора и анализа социологической информации, конкретные исследовательские практики, логику их реализации, критерии оценки качества получаемой информации, подходы к определению его истинности и т.д. Философская часть методологии социологического исследования – это ответы на предельно общие вопросы: какова природа социальной реальности в рамках того или иного подхода. Как соотносятся в них познающий субъект (исследователь) и мир, который познается? Что понимается в них под истинным знанием? Каковы способы (пути) получения нового знания? Каков характер этого знания? Каковы, наконец, основные функции (задачи) социологического исследования в тех или иных подходах?

От ответа на эти «высокие» вопросы зависит и реальная логика социологического исследования, которая описывается второй, *собственно социологической составляющей*. Эта часть методологии содержит ответы на менее общие, достаточно конкретные вопросы, неизменно встающие перед исследователем: какую принципиальную стратегию получения нового знания выбирать? Каковы способы представления этого знания? Какова должна быть последовательность организации социологического исследования? Каковы возможности и ограничения конкретных методов сбора и анализа социологической информации? Как организовать общение между исследователем и опрашиваемым в процедуре опроса? Как доказать факт наличия или отсутствия связи между изучаемыми явлениями и нужно ли вообще доказывать это?

Действительно, вне определенного ответа на философские вопросы невозможно обосновать и технику использования того или иного метода, ибо то, что считается достоинством, преимуществом в рамках одного социологического подхода, выступает серьезным недостатком, объектом критики в другом.

В самом деле, результаты наблюдения ситуации изнутри (т.е. включенного наблюдения) невозможно считать социологическим знанием, не зная, к какой парадигме¹ относится данный метод, каковы задачи социологического исследования в ней, что считается здесь истинным. Точно так же, как нельзя понять, что, собственно, делать с той информацией, которая содержится в рассказе человека о своих способах «выживания» в современной российской ситуации. Как ее анализировать вне осознания того, в рамках какого подхода используется нарративное интервью, а значит какова природа социальной реальности здесь, каков способ получения знания здесь и что здесь считается истинным?

Нельзя однозначно также ответить на вопрос, как следует организовать общение с респондентом (информантом) в рамках интервью вне четкого понимания, к какой парадигме относится используемый вид этого метода. Ответ на «технический» вопрос: следует ли стараться избегать «эффекта интервьюера»², максимально дистанцируясь

¹ Термин «парадигма» (от греческого *παράδειγμα* – пример, образец) означает совокупность методологических посылок, идей, определяющих конкретное научное исследование (критерии оценки исследовательской практики, теоретические стандарты, образцовые решения исследовательских задач, общее «мировоззрение»), а также признанных на данном этапе развития науки.

² Термин «эффект интервьюера» означает нежелательное смещение ответов (искажение информации) респондента в процедуре интервью, вызванное неправильными с точки зрения методики классического социологического исследования действиями интервьюера.

от опрашиваемого, или наоборот, стремиться к сближению с ним, стараясь эмпатически понять его, – кроется в философских основаниях методологии социологического исследования, в специфике качественного и количественного подходов.

Точно так же нельзя ответить на вопрос, следует ли сначала в исследовании выдвигать теоретическую гипотезу, а потом верифицировать (подтверждать) ее эмпирическими фактами, т.е. идти «сверху – вниз» или, наоборот, избрать принципиально другой путь «снизу – вверх» – от эмпирических данных восходить к теории, не осознавая, в какой парадигме исследователь собирается работать.

2. Что такое количественный подход в социологическом исследовании

Термин «*количественный подход*» в социологическом исследовании, весьма распространенный в западной литературе, представляет собой скорее метафору, нежели строгое научное понятие. Он появился в 70-е годы именно потому, что в это время социологическим сообществом начала осознаваться и анализироваться «особость», специфика *иного, отличного от традиционного*, так называемого «качественного» подхода. Появился как своеобразная антитеза, противопоставление качественному подходу в социологическом исследовании. По сути же так называемый «количественный подход» означает не что иное, как *традиционный, классический* (в значении «устоявшийся», проверенный временем). Впрочем, в этом термине улавливается специфика формы, прежде всего *математической формы* представления знания в классической социологии.

В самом общем виде количественный подход представляет собой такую *методологию и конкретные исследова-*

тельские практики, при которых отправной точкой исследования являются теоретические гипотезы, которые в процессе исследования верифицируются (подтверждаются). При этом процедура верификации построена на использовании математики в качестве доказательства: на измерении социальных признаков, интересующих исследователя, и математическом анализе полученной социологической информации.

Как складывался «количественный подход» в социологии, или, говоря другими словами, как стало возможно классическое социологическое исследование, классическая социология в целом?

3. Из истории становления количественного подхода

Философской колыбелью той социологии, которую мы сейчас называем классической, был *позитивизм*, в рамках которого «позитивная» наука, выстроенная в традициях Нового времени, в традициях «классической рациональности» рассматривалась как самая совершенная форма человеческого познания – в противоположность теологическому (схоластическому) и философскому, понимаемому как умозрительное, оторванное от жизни знание.

В самом термине «позитивный», как его понимали впервые использовавший это слово в своих трудах Сен-Симон, французский мыслитель XIX века, и Огюст Конт, основатель позитивизма, уже слышится это противопоставление. Огюст Конт подчеркивал несколько значений этого слова: реальное в противоположность химерическому; полезное в противоположность бесполезному; достоверное в противоположность сомнительному; точное в противоположность смутному; положительное в проти-

воположность отрицательному.³ При этом под положительным он понимал способность позитивной философии (новой философии) не разрушать, но быть консолидирующей силой.

Именно с наукой блестящие мыслители XIX века связывали свои надежды на прогрессивное развитие всех сфер общественной жизни.

Позже, к концу XIX – началу XX вв. из позитивизма «вырастет» целая социально-культурная концепция, абсолютизирующая роль науки в жизни общества, возводящая ее в ранг всеобщего мировоззрения. Критики назовут эту концепцию *сциентизмом* (от латинского *scientia* – наука).

XX век внес свои коррективы в это радужное восприятие научного знания: стало ясно, что наука принесла человечеству не только повышение комфортности его существования (разнообразный мир потребительских товаров и услуг, новые возможности коммуникации и т.д.), но и во многом поставила под угрозу саму жизнь комфортно устроившегося человека: экологические катастрофы, войны с применением атомного оружия – этого венца научно-технического знания XX века – способны убить все живое.

Но тогда, во II половине XIX века, еще не было трагического опыта Чернобыля и Хиросимы, и потому наука, идеал которой был сформирован еще в XVII веке, в Новое время, окружается особым ореолом в общественном сознании, ей придается особый мистический смысл новой религии человечества.

Понятно, что в такой духовной атмосфере и новое знание об обществе, которое Огюст Конт назвал социологией (буквально с латинского: *soció* – общность, *logos* – слово), создается по образу и подобию сложившихся к тому времени *естественных наук*: химии, физики, биологии.

³ Конт Огюст. Дух позитивной философии. СПб., 1910.

По образу и подобию означает здесь реализацию по крайней мере двух фундаментальных предпосылок:

- социальные явления с точки зрения любой аналитической задачи *качественно те же*, что и природные явления;

цели и методы исследования, разрабатываемые в естественных науках, применимы и для изучения социальных явлений.

Следует заметить, что стремление понять и осмыслить характер общественного устройства, принципы, на которых строится человеческое общежитие, описать отдельные его грани было свойственно философам, мыслителям задолго до появления во второй половине XIX века новой науки. Великие мыслители античности Аристотель в работе «Политика», Платон в своем знаменитом «Государстве», а также плеяда блестящих мыслителей эпохи Просвещения: Монтескье, Вольтер, Руссо, Гельвеций, Кондорсе, Тюрсо и др. каждый по-своему в рамках своих философских и социально-политических систем осмысливали общественное бытие. Вместе с тем все богатство концепций, подходов, оригинальных суждений и точек зрения, накопленное за 25 веков существования обществознания, тем не менее *в целом не соответствовало критериям научной рациональности, идеалам научного знания* в его классической, нововременной форме.

Справедливости ради надо сказать, что образцы для подражания молодой науке об обществе задавали не только более зрелые естественные науки, но и гуманитарные дисциплины, скроенные тогда по принципиально другим «лекалам»: история, антропология, право, лингвистика. В области гуманитарного знания тогда господствовали историко-генетический и сравнительный подходы.

Использование сравнительного подхода в антропологии, например, тогда позволило выдвинуть теорию *культурного эволюционизма*, согласно которой при всем раз-

личии образов жизни, обычаев, традиций существует единство стадий развития человечества. При этом ни эта теория, ни другие обобщения не подвергались эмпирической проверке на обоснованность, как того требует *научное знание*. Зато для выдвижения ее тщательно, подробно, во всех исторических деталях изучались культуры разных народов, конкретные жизненные формы во всей полноте их проявлений⁴.

Повсеместно создаваемые в западноевропейских университетах в этот период кафедры антропологии, а также традиционные университетские кафедры права, классической филологии, истории не могли не оказывать «нормативного» давления на становящуюся социологическую науку. Да и в общественном сознании второй половины XIX века, несмотря на преобладание позитивистских настроений, практически параллельно идет процесс осмысления *специфики гуманитарного знания*, радикального противопоставления «*наук о духе*», к которым относятся и общественные науки, и «*наук о природе*» в терминологии В.Дильтея, выдающегося немецкого мыслителя.

Чем же объяснить все-таки тот факт, что молодая социальная наука не пошла по традиционному пути гуманитарных дисциплин, выступив не только против методов, *но и самого стиля мышления гуманитарного знания того периода?*

Прежде всего, это связано с тем, что вторая половина XIX века была временем оформления науки в важную самостоятельную сферу общественной жизни. Интеллектуальный авторитет науки, полученный ею благодаря Просвещению, был в этот период подкреплён ее *практическим*

⁴ Через несколько десятков лет, уже в начале XX века, антропологи откажутся от этой глобальной теории, чтобы окончательно сконцентрировать свой научный интерес на реконструкции *частного*: культур отдельных народов, отдельных типов обществ.

авторитетом, развитием прикладных исследований и разработок. Наука, существовавшая в XVII веке в виде научных обществ, университетов и академий, стала проявлять себя в виде лабораторий и исследовательских институтов. Расширялась сеть научных учреждений, возрастало число ученых.

Выбор социологии в пользу *научного типа знания* не в последнюю очередь был обусловлен и социально-историческим контекстом. Известно, что понятия и другие более сложные познавательные конструкции – теоретические концепции и целые научные направления – довольно часто выступают результатом осмысления их авторами конкретной социальной ситуации, специфического жизненного контекста. Связь эта: социально-историческая ситуация – познавательные конструкции, конечно, не слишком жесткая, но все-таки она существует.

Историки социологии утверждают, что именно неудовлетворенность западноевропейских мыслителей спекулятивной (умозрительной) социальной философией, с которой связывались ужас и крах Великой французской революции в первой половине XIX века, подтолкнула их к идеалу *научного знания*. Под сомнение ставилась сама возможность оторванного от жизни философского знания способствовать изменению общественных отношений, потребность в котором была очень велика во французском обществе, родине позитивизма.

Научное же знание в его нововременной форме, «заряженное» идеей преобразования, было как раз тем *желанным типом знания*, в котором, по мнению социальных мыслителей, более всего нуждалось современное общество.

Каковы же основные черты *научного знания*, послужившего идеальной моделью для отцов-основателей классической социологии?

4. Критерии научного знания

Известно, что существует несколько типов знания, которые одновременно и результат осмысления человеком мира и средство (способ) выживания в нем: мифологическое, религиозное, обыденное, наконец.

Попробуем выделить специфические черты еще одного типа знания – *научного* – в том его виде, в каком оно было сформулировано плеядой блестящих мыслителей Нового времени, с энтузиазмом воспринято в XIX веке позитивизмом и дошло практически до наших дней. Конечно, каждый из них – и Джон Локк, и Фрэнсис Бэкон, и Рене Декарт (Картезий – по-латински), и Галилео Галилей, и Томас Гоббс, и Пьер Гассенди были оригинальными мыслителями, создавшими свои собственные философские системы, во многом противостоящие друг другу. Тем не менее, каждый из них особым, только ему присущим способом создавал Проект *научного знания*.

В нашу задачу не входит подробный анализ всего спектра познавательных проблем, которые так или иначе рассматривались этими философами. У нас гораздо более скромная задача: описать то общее в подходах этих мыслителей, что и составляет *контуры научного знания*, его принципиальное отличие от других типов знания. Следует сказать, что споры о том, что считать критериями, признаками научности не умолкают до сих пор в философии науки⁵. Более того, сами эти критерии на протяжении веков изменялись, подвергались критике с разных позиций. Тем не менее, сегодня все-таки существует согласие по ряду бесспорных черт научного знания, тех его отличительных

⁵ Подробнее см Агасси Дж. Революции в науке – отдельные события или перманентные процессы // Современная философия науки: знание, рациональность, ценность в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия. М.: Логос, 1996.

характеристик, которые были заданы еще в Новое время. Каковы же они?

4.1. Опытное изучение реальности

Прежде всего, наука строит свои выводы на опытном изучении фактов, т.е. включает в себя эмпирическую составляющую (от латинского *empiricus* – опыт). Опытное изучение природы означало прежде всего использование эксперимента. Сам же эксперимент понимался как планомерно проводимое, специально сконструированное действие по проведению испытания или проверке чего-нибудь. Посредством эксперимента исследователь как бы задавал природе интересующие его вопросы. Не случайно Ф.Бэкон, требуя пересмотра концепции образования в стране, писал: «вообще же следует твердо помнить, что едва ли возможен значительный прогресс в раскрытии глубоких тайн природы, если не будут предоставлены средства на эксперименты»⁶.

В целом такой эмпирический характер научного знания стал культурным изобретением XVII–XVIII вв.: в то время как средневековые схоласты позволяли заблуждаться относительно характера фактов в природе и социальном мире из-за того, что помещали между собой и реальностью ее интерпретацию, мыслители Нового времени отбросили интерпретацию, оставившись один на один с фактами как таковыми. Наблюдение как специально организованная процедура и эксперимент призваны были «увеличить дистанцию между кажется и есть, между видимостью и действительностью», как точно скажет современный английский социолог А.Макинтайр.⁷ При этом схоласти-

⁶ Бэкон Ф. Сочинения. Т.1. М., 1971. С.151.

⁷ Макинтайр А. Факт, объяснение и компетенция // Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996. С.120.

ческому знанию доставалась «видимость», научное же претендовало на познание «действительного».

Опытное изучение природы и социального мира не препятствует созданию теоретических обобщений, а служит лишь способом их проверки. Эта связь «теория – опытное изучение природы», различным образом объясняемая, всегда присутствовала в работах мыслителей Нового времени. Так, Френсис Бэкон с его акцентом на эмпирическом изучении природы в своей знаменитой работе «Новый органон», тем не менее, уподоблял исследователя пчеле, которая не только собирает дань на полях и в садах, но и перерабатывает ее в мед собственными усилиями. Рене Декарт с противоположной *рационалистической позиции* («*ratio*» с латинского – счет), с ее усиленным вниманием к деятельности «правильно рассуждающего ума» для познания природы в «Правилах для руководства ума» осуждал тех высокомерных мудрецов, которые, пренебрегая опытом, воображают, что истина появится из их головы, как Минерва из головы Юпитера. Рационалистический способ познания, основателем которого он был, по его глубокому убеждению обязан контролировать свои положения и выводы опытом (опытами), дабы не «скатиться» к схоластически-умозрительным рассуждениям.

Эту значимость опытного подтверждения выдвинутых идей «поднимал на щит» и великий физик, математик Исаак Ньютон. Его аналитический метод, не им изобретенный, но им осознанный и реализованный как методологический принцип, предполагал, что силы и простейшие законы природы устанавливаются на основе ее тщательнейшего наблюдения и изучения с помощью «беспощадного контроля» опытом, экспериментом. Необходимость такого контроля была зафиксирована даже в девизе Лондонского естественнаучного общества, выдающимся президентом которого он был: «ничего со слов».

4.2. Достоверность научного знания

Научное знание – это достоверное знание. При этом достоверность понимается как соответствие полученного знания истинному положению дел, т.е. тем реальным отношениям, которые существуют в природе и выступают объектом исследования. При этом часть ученых, так называемые «наивные эмпирики», и прежде всего И.Ньютон, полагали, что достоверное теоретическое знание получается через обобщение экспериментальных фактов, т.е. *индуктивным* путем (логический путь от частного к общему). Последователи Ньютона – ньютоонианцы пытались конструировать чисто наблюдательную (вытекающую из фактов) физику, химию, биологию. Такая методологическая установка базировалась на представлении о том, что наука должна заниматься *исключительно наблюдаемыми объектами*, т.е. теми, которые в принципе могут быть изучены экспериментальным путем. Так, французский астроном Бейли в манере «добропорядочного индуктивиста» настаивал на том, что наука должна ограничивать себя такими наблюдаемыми «законами, которые природа нам открывает»⁸. Это означало, что в науке недопустимы теории, относящиеся к объектам, слишком малым, чтобы быть наблюдаемыми (например, атомам), или к процессам, слишком постепенным, чтобы быть заметными (например, процессе естественного отбора).

В конце XVIII века эта позиция будет отброшена за счет обоснования так называемого метода гипотез. Этот метод допускал «законность» в рамках науки гипотез, относящихся к *ненаблюдаемым (теоретическим) сущностям*, поскольку из этих гипотез может быть выведен *широкий набор наблюдаемых, т.е. могущих быть проверенными экспериментально, утверждений.*

⁸ Цит. по: Лаудана Л. Наука и ценности // Современная философия науки. М.: Логос, 1996. С.337.

Вместе с тем само появление теоретических гипотез как «законных детей» научного знания стало возможным благодаря иному (в противоположность эмпиризму) представлению о достоверности знания. Здесь основанием достоверности (наряду с опытом, прежде опыта) является интеллект, рассудок, познающий ум. Под рассудком Рене Декарт, наиболее емко выразивший эту позицию, понимал специальную деятельность, направленную на построение суждений, умозаключений, доказательств, на выстраивание «бесчисленного множества систем», нахождение доводов, аргументов или их опровержение. Знаменитый декартовский лозунг «сомневайся во всем» предполагал недоверие прежде всего к чувственным качествам вещей, т.е. к тем, знание о которых можно получить эмпирическим путем – с помощью наблюдения, эксперимента. Эти качества, по его мнению, нельзя рассматривать как подлинные, достоверные. Таковыми можно считать только те неизменные признаки тел, в которых нас убеждает разум, ориентированный на математику.

Поскольку действительность, по мнению великого математика, представляет собой цепь бесчисленных отношений, в которых находятся между собой явления и вещи, подчиненные правилам «всеобщей математики» (термин Декарта. – А.Г.), достоверное познание этих отношений возможно лишь на пути использования логики, приближенной к математике. Прежде всего достоверное знание может быть получено за счет использования дедуктивной логики как способа непрерывного и последовательного выведения знания из некоторых самоочевидных суждений, истин⁹. При этом «рассуждающий ум» должен владеть этим умением в полной мере, если он рассчитывает получить точное истинное знание.

⁹ Позднее под дедуктивной логикой или дедукцией будут понимать способ выведения знания от более общих положений к менее общим.

В поисках такого суждения он поставил под сомнение почти все «истины» своего времени: законы науки, аксиомы математики, утверждение о существовании «моего» тела и даже принцип бытия Бога. Декарт пришел к мысли, что единственной основой научного (т.е. достоверного) знания может служить суждение «Я мыслю, следовательно, существую», сомневаться в котором означало бы сомневаться в самом акте сомнения. Исходя из этого суждения, Декарт путем дедукции восстановил науку, разрушенную его сомнением. Точнее, он не просто восстановил разрушенное им здание, он построил новое: он вывел принципы и философии и физики (натурфилософии), доказал существование Бога, души, материального мира, понимаемого им как *протяженная субстанция*, продемонстрировал истинность законов движения, отчасти предвосхитив законы Ньютона.

Вот это понимание достоверности как, прежде всего, логической, в том числе и математической доказательности, рассмотрение математики как важнейшего средства доказательства истинности, правильности теоретических положений,¹⁰ станет общим местом в рассуждениях о науке философов Нового времени – Г.Галилея, Д.Локка, В.Спинозы, Г. Лейбница. С тех пор, а это дошло и до наших дней, знание настолько будет считаться научным, насколько в нем много математики.

Дошел до наших дней и *гипотетико-дедуктивный метод* как основная логическая схема получения достоверного знания в классической науке.

¹⁰ Известно, что математика организована как дедуктивная система, т.е. как множество таких высказываний, которые могут быть дедуцированы из специального множества посылок.

4.3. *Объективность и предметность научного знания*

Научное знание – это объективное знание. Под объективностью здесь понимается полная независимость знания от личностных особенностей познающего субъекта, личностная нейтральность знания. Фрэнсис Бэкон, например, борясь за объективное, истинное знание, предлагал очистить человеческое сознание от «идолов». «Идолы»- это призраки, предрассудки, отчасти присущие человеческому уму вообще («призраки рода»), отчасти характеризующие индивидуальные особенности исследователя («идолы пещеры»). По мнению английского мыслителя, у каждого человека существует «своя особая пещера» (черты характера, особенности психики), которая дополнительно искажает «свет природы». Идолы постоянно преследуют человека, создают у него ложные идеи и представления, препятствуют человеку в его проникновении «в глубь и даль природы». Ф.Бэкон рассуждает: «Человеческий ум – не сухой свет, его окропляют воля и страсти, а это порождает в науке желательное каждому... Бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум».¹¹

В научном знании человек жестко отделен от своей продукции (научных трудов или технических свершений), очищая вещи «как они есть» от всех субъективных искажений.

Как личность он должен отсутствовать в них, его человеческая неповторимость (ценности, взгляд на мир, страсти) вытесняется из процесса исследования: законы Ньютона не позволяют судить о том, что любил и что ненавидел Ньютон. Тогда как, например, парящие над городом влюбленные Марка Шагала говорят о его ностальгии по молодости, Родине, которую он вынужден был оставить, о его светлом, радужном восприятии мира в целом.

¹¹ Бэкон Ф. Сочинения. Т.1. М., 1971. С. 170.

Такая отстраненная позиция исследователя будет в XX веке подвергнута резкой критике. Возникнет и специальное направление в философии науки – релятивизм (от латинского *relativus* – соотносительный), где будет утверждаться условность, ситуативность, контекстуальность научного знания. В рамках этого направления содержание научного знания определяется *ситуацией, в которой это знание осуществляется*. Это означает, что оно (это знание) может быть объяснено в том числе и *индивидуальными особенностями исследователя*, так же как и культурно-исторической ситуацией, состоянием дел в научном коллективе, особенностями национальной научной школы и т.д. Так, полемизируя с оппонентами, американский физик и философ П.Бриджмен, представляя крайнюю форму релятивизма, писал: «Моя наука операционально отличается от вашей науки, как и моя боль отличается от вашей боли. Это ведет к признанию того, что существует столько наук, сколько индивидов»¹².

Любой реально существующий феномен для науки – *особый предмет*, функционирующий по объективным законам и подлежащий изучению. Как царь Мидас из известной древней легенды – к чему бы он ни прикасался, все превращалось в золото, так и наука: к чему бы ни прикоснулась, все для нее лишь предмет познания и преобразования. Применительно к миру людей, живущих собственной «естественной» жизнью, наука *вычленяет особый ракурс их рассмотрения как объекта познания, «вписанного» в систему объективных законов*. Под эти углом зрения наука может исследовать *любые феномены жизни человека* – любую человеческую деятельность, его психику и т.д. Вместе с тем в XX веке все больше осознается, что *этот особый угол зрения науки на жизнь людей не отвечает на главные смыс-*

¹² Цит. по: Печенкин А.А. Релятивизм // Современная философия науки. М.: Логос, 1996. С.19.

ложизненные вопросы человеческого существования и поэтому оказывается бессмысленным для человека или в худшем случае выступает способом усиления социального контроля за ним.

4.4. Практическая направленность научного знания

Научное знание – всегда практически ориентировано, нацелено на практическую полезность. Так, Декарт полагал, что знание сил природы можно использовать во всех свойственных им применениях, чтобы стать, таким образом, как бы господами и властителями природы. Знаменитый лозунг «Знание – сила», давший название популярному в СССР журналу – оттуда, из XVII века. Более того, мера истинности знания по Бэкону неразрывно слита с возможностью его практического использования: «Что в действии наиболее полезно, то и в знании наиболее истинно»¹³. Эту «заряженность» научного знания действием очень точно выразил в XX веке русский философ, культуролог В.Библер: «В науке Нового времени с особой силой реализуется принцип: объяснить вещь, как она есть, чтобы знать, как действовать, чтобы изменить то, что есть»¹⁴. Вот эта нацеленность науки на преобразование мира, на овладение им, на превращение его в объект будет подвергнута резкой критике в XX веке. Неприятие «овладевающего миром знания» будет своеобразным кирпичиком в фундаменте такой духовной общественной атмосферы, при которой станет возможным институционализация во второй половине XX века альтернативного качественного подхода в социологическом исследовании.

¹³ Бэкон Ф. Сочинения. Т.1. М., 1971. С.159.

¹⁴ Библер В. От наукоучения к логике культуры. М., 1991 С.296.

4.5. *Направленность на обнаружение законов*

Научное знание всегда направлено на отыскание, обнаружение законов окружающего мира, т.е. на описание устойчивых, необходимых, повторяющихся связей универсума. Основатели механистического детерминизма как *определенного мировоззрения* Галилей. Декарт. Спиноза, Лейбниц и другие ученые полагали, что все существующее и происходящее имеет место *по какой-то причине, на каком-то основании*: идеология механицизма предполагала трактовку всего и вся как аналога перемещения массы в пространстве и времени под *воздействием какой-то силы*. Лейбниц в своей Теодицее писал: «Ничего не случается без того, чтобы было основание, почему это случается именно так, а не иначе. Каждое событие имеет свои, притом уникальные условия, свои необходимые предпосылки, что относится и к природе, и к человеку». *Научное исследование фактов (природы) означает установление их причинной зависимости от других фактов*. При этом сама причинность понималась механистически – как необходимые или достаточные условия, *предшествующие* возникновению явления, которое надо объяснить: ведь в механике физическое тело получает ускорение благодаря предшествующему воздействию силы на него.

Изучить причинные обусловленности фактов, явлений, значит, установить законы их функционирования, объяснить их. При этом законы есть отношения *сущностей* изучаемых явлений, где сущность понимается как внутренне присущая вещи природа, как существенные свойства, с необходимостью вызывающие то, что она собой представляет. Наука всегда отвечает на «что» *вопросы, изучая сущности вещей и их взаимосвязи*. В механистической картине мира вселенная представлялась гигантской машиной, все части которой, существуя отдельно, связаны между собой универсальной взаимосвязью, всеобщей законосо-

образностью и необходимостью. Человек в такой картине мира – объект среди объектов, вещь среди вещей, подчиненный единым универсальным закономерностям.

Научное познание претендует на обнаружение, открытие этих естественных *универсальных* законов. При этом сама универсальность понимается в нескольких значениях.

Прежде всего, универсальные законы – это *исчерпывающие, окончательные* объяснения в терминах сущностей вещей, не нуждающиеся в дальнейшем обосновании.¹⁵

Универсальные законы – это *законы, верные «на все времена»*, имеющие значение для всех, в любом месте, в любое время. Они объясняют вещь или события *вне культурного исторического контекста*.

Об этом очень точно сказал выдающийся русский философ Мираб Мамардашвили: «Наука появляется как универсальное измерение человечества – помимо и поверх культурных различий»¹⁶.

Универсальность законов проявляется и в том, что *гарантируется их применимость за пределами того, что действительно наблюдалось в прошлом и настоящем*. Они верны и для тех случаев, которые имели место и в отсутствие наблюдателей, и для тех, которым еще предстоит стать предметом наблюдения. Так, например, в рамках этой логики, если второй закон Кеплера верен для всех известных планет, то он будет верен и для тех, которые еще предстоит открыть. Применительно к человеческому поведению или шире – к социальному миру это означает предсказуемость, определенность, порядок. Мир, в котором действу-

¹⁵ Доктрина, полагающая, что цель науки – поиск «окончательных» объяснений в терминах сущностей вещей, называется в философии науки *эссенциализмом* (essentia с лат. – сущность). Термин этот принадлежит известному современному американскому социологу, философу Карлу Попперу, отвергающему эссенциализм.

¹⁶Мамардашвили М. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. С.72.

ют универсальные законы, это упорядоченный, раз и навсегда данный мир, в котором нет места неопределенности.

Вот эта претензия науки на поиск универсальных, всеобщих истин, *единственных и верных для всех*, в XX веке также будет подвергнута резкой критике. Науку обвинят в нормативном давлении и в том, что она производит власть, является формой власти.

4.6. Рефлексия по поводу методов достижения цели

Для научного познания характерна определенная «зацикленность» на методах как способах достижения исследовательских задач. Действительно, в повседневной жизни мы, как правило, не выделяем, не анализируем те способы, приемы, с помощью которых получаем «практическое» знание, дающее нам возможность ориентироваться, достигать повседневных практических целей. Эти способы и приемы не квалифицируются и не осознаются нами как *методы познания*, т.к. «вплетены» в наш повседневный опыт, формируются в нем. Иное дело в *научном познании*: здесь зачастую даже обнаружение объекта исследования требует использования особых приемов, в частных случаях – особой аппаратуры, *особой организации поиска*. Именно поэтому мыслители Нового времени столь большое значение уделяли технике эксперимента, методам обнаружения изучаемых физических явлений. В современной физике для обнаружения коротко живущих частиц исследователь должен сначала определить метод, с помощью которого он в эксперименте может обнаружить эту частицу¹⁷. Вне метода исследователь вообще не выделит изучаемый объект из многочисленных связей и отношений при-

¹⁷ Подробнее см.: Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.. Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995.

роды. Поэтому в науке изучение объектов, выделение их свойств *всегда сопровождаются осознанием метода*, с помощью которого этот объект исследуется. Чем «глубже» наука пытается заглянуть в мир природы и социальный мир, тем отчетливее становится необходимость в осмыслении и разработке специальных процедур – методов, путей познания тех или иных явлений. Это приводит к возникновению внутри конкретной науки своеобразного «второго этажа» – *методологии научного поиска*, этой метанауки, призванной осмысливать исследовательский процесс, формировать его стандарты и образцы для подражания.

4.7. Особый язык науки

С первых моментов своего существования наука создавала *свой особый язык*, язык теоретических понятий – терминов, по большей части принципиально отличающийся от естественного языка повседневного общения людей. Однако часто ряд научных понятий все же заимствуется из обыденного языка, метафорически «пересаживается» в научную почву: «метафора в науке умирает, скрывается в понятии, уходит с головой в стоячее болото термина и как бы залегает на его глубине, в самой толще, до которой при желании можно добраться»¹⁸. Многозначность слова, имеющая место в повседневном общении, теряется ради одного единственного смысла, который и «застывает» в термине. В самом деле, известные всем со школы физические понятия, как, например, «волна» и «ядро атома» – примеры таких «умерших» метафор.

В целом же научная терминология стремится выйти за пределы наличного опыта и выразить ненаблюдаемые сущности, и поэтому естественный язык, приспособленный для

¹⁸ Лехциер В.Л. Введение в феноменологию художественного опыта. Самара: Изд-во Самарского госуниверситета, 2000. С.165.

описания только тех объектов, с которыми сталкивается человек в повседневной жизни, – здесь плохой помощник.

Ключевые слова

Методология, метод, парадигма, позитивизм, количественный подход, сциентизм, научный тип знания, достоверность, закон.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Что означает термин «методология»?
2. Назовите две составляющие методологии социологического исследования.
3. Почему знание об обществе, предшествующее социологии, О.Конт считал донаучным?
4. Каков социально-исторический контекст возникновения классической социологии?
5. Что такое количественный подход в социологическом исследовании?
6. Что такое объективное знание?
7. Как понимается достоверность в научном познании?
8. Что такое гипотетико-дедуктивная логика получения знания?
9. В чем проявляется универсальность научных законов?

Литература для дополнительного чтения

1. Раймон Арон. Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1993.
2. Библер В. От наукоучения к логике культуры. М.: Наука, 1991.

3. *Девятко И.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996.
4. *История социологии в Западной Европе и США.* М.: Норма-Инфра, 1999.
5. *История теоретической социологии.* Т.1. М.: Наука, 1995.
6. *История философии: Запад-Россия-Восток.* Кн. 2. М.: Греко-латинский кабинет, 1996.
7. *Козлова Н.* Социально-историческая антропология. М.: Ключ, 1999.
8. *Кун Т.* Объективность, ценностные суждения и выбор теории // *Современные философские науки.* М.: Логос, 1996.
9. *Лакатос И.* Историческая наука и ее рациональные реконструкции // *Структура и развитие науки.* М.: Прогресс, 1978.
10. *Лаудан Л.* Наука и ценности // *Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Хрестоматия.* М.: Логос, 1996.
11. *Соколов В.* Европейская философия XV-XVII вв. М.: Высшая школа, 1996.
12. *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995.
13. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
14. *Ярская В.Н.* Методология науки в эволюции культуры // *Культура, власть, идентичность: новые подходы в социальных науках.* Саратов: СГТУ, 1999.
15. *Bloor D.* Knowledge end Social Imagery. The University of Chicago Press, 1991.

ТЕМА 2

**ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КОЛИЧЕСТВЕННОГО ПОДХОДА
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ**

Наше правило ... требует только одного: чтобы социолог погрузился в состояние духа, в котором находятся физики, химики, физиологи, когда они вступают в новую, еще не исследованную область своей науки. Нужно, чтобы, проникая в социальный мир, он осознавал, что находится в присутствии фактов, законы которых неизвестны так же, как неизвестны были законы жизни до создания биологии.

Э. Дюркгейм. Метод социологии

1. Фокус исследовательского интереса

Ранее, в теме 1, мы уже давали в самом общем виде определение количественному (классическому) подходу. Рассмотрим теперь подробнее его основные характеристики.

Существует известная оппозиция: *индивид – общество*, имеющая разные ипостаси в социологии: личность – роль, субъект – объект, микроподход – макроподход. Во всяком случае, в этих «частных» противопоставлениях, часто используемых в различных социологических теориях, чувствуется отголосок главного: индивид – общество. Мимо этой оппозиции не может пройти ни одна из методологических парадигм в социологии. Может быть, это происходит потому, что цепь отношений: поступки индивидов →

образцы поведения (нормы) → социальная структура общества (его организация, установленный порядок) → индивидуальные поступки – это и есть та основная социальная форма, в которой мы проживаем свою жизнь.

Вместе с тем каждая из них по-разному отвечает на вопрос о характере взаимодействия индивида и общества, направленности этого взаимодействия. В сущности, это разные ответы на один важнейший вопрос о *природе социального* (т.е. общества), о том, как *возможно социальное*.

В методологии *классического* социологического исследования основной акцент делается на том, что человек – ансамбль общественных отношений. *Фокус исследовательского интереса здесь* – общественные структуры как *надъиндивидуальное объективное образование*, детерминирующее жизнь людей. Общество здесь самовоспроизводит стабильный социальный порядок, определенные правила (нормы), поддерживаемые социальным контролем. При этом большая часть людей с удовольствием подчиняется установленным правилам, хочет подчиняться им, в этом подчинении видит смысл своего существования.

В этом плане очень интересен образ Робинзона Крузо в интерпретации современного французского писателя А. Турнье. Его Робинзон, живя на необитаемом острове, охотно сам себя наказывает, продолжая жить по правилам того общества, в котором жил раньше, хотя здесь – в отсутствие людей – никто никаких требований к нему не предъявляет.

Критики классической методологии социологического исследования охотно ссылаются на американского социолога П. Бергера, называвшего такое видение общества «жуткой тюрьмой мрачного детерминизма».

Нам кажется более удачным для описания такого фокуса анализа взять метафору парка, придуманную шведским социологом П. Монсоном. Здесь парк с его широкими

асфальтовыми аллеями – это образ общества с его социальными институтами. Люди, пришедшие в парк, воспринимают его как нечто раз и навсегда данное, объективное, как определенный порядок. Так и общество с его социальными институтами воспроизводит порядок, норму, но и содержит в самом себе возможность отклонения от нее: всегда найдутся люди, которые пойдут не по асфальтовым дорожкам, но будут выгаптывать клумбы.

В рамках классического подхода исследователя не интересует, *как конструируются правила*, по которым живут люди (кто и каким образом «разбивал парк»), *почему люди выбирают* те или иные образцы поведения (ту или иную «тропинку парка»), как осуществляются «живые» социальные коммуникации, разнообразные жизненные формы («кто и каким образом ходит по парку»). Интерес представляют сами *устойчивые, жесткие социальные структуры, «отвердевшие» формы социальных связей*: социальные институты, правила и нормы, образцы поведения, верования, обряды, язык, конституирующие стабильный социальный порядок и представляющие для человека *внешнюю объективную социальную реальность*. Эта реальность задает общие условия его жизни и детерминирует выбор конкретных «тропинок».

Знаменитое выражение Эмиля Дюркгейма, одного из отцов-основателей классического подхода в социологии, «социальные факты надо изучать как вещи» и означает этот самостоятельный *объективный статус социальной реальности*. Рассмотреть социальные явления, значит, изучать их *«сами по себе, отделяя от сознающих и представляющих их субъектов... как внешние вещи»*¹⁹. Вещи здесь – «что-то вроде скалы, на которую можно налететь,

¹⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. С. 408.

но которую нельзя ни убрать, просто пожелав свалить ее, ни преобразовать по прихоти воображения»²⁰. Эта внешняя по отношению к человеку реальность социальных фактов имеет свое *собственное существование*, которую нельзя описать или объяснить в терминах какой-то другой реальности. Реальность социальных фактов противостоит человеку, задает образцы его действий и даже формирует его ожидания.

Такое представление о социальных фактах является ключевым для классической парадигмы – первое «правило социологического метода» по Дюркгейму. Не случайно современный американский социолог Д.Ритцер в своей известной классификации парадигм в социологии назвал ее «парадигмой социальных фактов»²¹.

2. Исследовательская ориентация

Идеал нововременного знания с его верой во всевластие человеческого разума и универсальный миропорядок «диктует» и классической социологии ее основную исследовательскую ориентацию. Она состоит в том, чтобы выявить устойчивые, повторяющиеся, необходимые *сущностные* связи социального универсума, т.е. *универсальные социальные законы*.

Социальная реальность такова, что в ней содержатся закономерности, которые существуют *до познания* и в принципе могут быть раскрыты и объяснены. Открытие законов здесь, по образному выражению английского социоло-

²⁰ Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Аква-Пресс, 1996. С.88.

²¹ Немного забегаая вперед, подчеркнем, что противоположная – качественная – парадигма названа Ритцером «парадигмой социальных дефиниций».

лога М. Малкея, сходно с открытием Америки в том смысле, что и то, и другое как бы уже ожидало, чтобы его открыли²².

О. Конт на страницах «Позитивной философии» писал, что основной характер позитивной философии (являющейся, как мы помним, «философской колыбелью» количественного подхода) выражается в признании всех явлений (в том числе и социальных. – А.Г.), подчиненными *неизменным, естественным законам*, открытие и сведение числа которых до минимума и составляет цель всех наших усилий. В этом высказывании наряду с описанием основной задачи социологии подчеркнут еще один важный момент: необходимость сведения этих законов к минимуму, чтобы теории фиксировали только *инвариантные, базисные, опорные свойства* социального универсума. В идеале классическая социология ориентирована на *универсальную социальную концепцию*, охватывающую все стороны общественной жизни в единой теоретической системе.

Критики количественного подхода в социологии считают, что в социальной реальности *не может быть неизменных универсальных законов*, ибо сама природа социальной реальности очень непрочна, пластична вследствие способности человеческих существ к мышлению, саморефлексии (самосознанию) и действию. По их мнению, законы, относящиеся к неизменному миру (миру природы), в социологии не пригодны, или, по меньшей мере, действуют временно, т.к. социальный универсум постоянно переструктурируется, благодаря рефлексивным актам людей. Более того, люди могут воспользоваться теориями социальной науки (теория – это описание закона) для переструктурирования социума таким образом, чтобы устранить условия, при которых действуют подобные законы. По-

²² Mulkey M. Science and the sociology of Knowledge. London: George Allen and Union, 1989. С.21.

этому законы, по их мнению, в лучшем случае переходящи и годятся для определенного исторического периода, а в худшем – не приносят пользы, поскольку сущность, базовые черты социального универсума постоянно меняются.

Сторонники классической парадигмы полагают, что, несмотря на то, что реальные социальные системы действительно изменяются, как изменяются солнечная, биологическая, химическая системы в мире, *универсальные социальные законы все же существуют*. «Изменения, происходящие в природных системах, – пишет современный американский социолог Джонатан Тернер вполне в духе позитивизма, – не меняют соответственно законов тяготения, видообразования... или периодической таблицы элементов. Фактически изменения происходят в согласии с этими законами»²³. «Люди всегда действовали, взаимодействовали, дифференцировали и координировали свои социальные отношения, и это уже дает некоторые из инвариантных (неизменных. – А.Г.) свойств человеческой организации», – продолжает он. Как остроумно замечает Д. Тернер, современные исследователи не стали бы корпеть над трудами К. Маркса или, например, Э. Гидденса, «если бы не чуяли», что они (каждый в своей области) открыли нечто фундаментальное, общее, некие *инвариантные свойства социума*.

Следует сказать, что глобальностью макроподхода, поиском «немногих» *окончательных законов* социального универсума, конечно же, не ограничивается целевая направленность классической методологии. Многочисленная «армия» социологов, ежедневно в лабораториях, социологических центрах, академических институтах разрабатывающая анкеты для массовых опросов, рассчитывающая

²³ Тернер Д. Аналитическое теоретизирование // Теория общества. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999.

выборку, считающая коэффициенты корреляции²⁴, как правило, не претендует на предельно высокий уровень обобщения – обнаружение универсальных законов. Их усилия чаще всего направлены на поиск *закономерных связей в отдельных сферах социума* (экономической, политической, сфере образования, художественной культуры, права и т.д.), на создание так называемых «теорий среднего уровня», описывающих процессы в этих сферах, а также на классификацию и обобщение ряда эмпирически изучаемых фактов. Интеллектуалы-теоретики часто отказывают этим теориям и обобщенным построениям в статусе теории, называя их «эмпирическими обобщениями», не дотягивающими до уровня «настоящей» теории. Очевидно, что речь идет о понимании термина «теоретическое». Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, подчеркнем лишь, что классическая методология в целом ориентирована на поиск *общего, закономерного*, фиксируя это в теоретических обобщениях, хотя сами эти обобщения могут быть результатом *разного уровня* абстрагирования от изучаемой социальной реальности.

При этом классическая социология стремится к *максимальной строгости и однозначности* понятий, этих «кирпичиков» любой теории. Отклонение от этого, расплывчатость и многозначность понятий здесь рассматриваются как недостаток, как расширение неподконтрольной Разуму сферы, что противоречит идущим еще от Декарта установкам на «правильное» человеческое мышление.

²⁴ Коэффициент корреляции – инструмент математической статистики, с помощью которого в социологии доказывается наличие (или отсутствие) связи между социальными явлениями.

3. Объект исследования

Любая социологическая парадигма представляет собой целостный сплав принципов, идей, определяющих конкретное социологическое исследование. В этом целостном единстве один элемент с необходимостью определяет другой, причем именно такой другой, который только и может быть здесь. Так, акцент на анализе *обобщающих закономерностей* изучаемого явления или процесса, понятого как объективная внешняя реальность (как «вещь»), с необходимостью предполагает «схватывание» в эмпирическом исследовании *средних тенденций*, когда каждый отдельный индивид интересен *не сам по себе как уникальная, неповторимая личность, но как часть общей картины*, безымянный носитель информации об изучаемом явлении. Конкретный человек в контексте такого подхода – лишь единица изучаемой общности, представитель определенного типа. Не случайно, формируя выборочную совокупность для участия в массовом опросе, социолог использует статистический термин «единица наблюдения». Язык очень точно фиксирует это единообразие, одинаковость, единый ранжир.

Объектом исследования в классической социологии выступают *массовые явления, события, процессы*, которые изучаются через социальные группы людей – носителей изучаемого феномена. Это означает, что *в конечном счете* в качестве объекта конкретного социологического исследования всегда выступают *определенные социальные общности (группы)*, выбранные социологом в соответствии с целями и задачами исследования.

Все многообразие социальных групп, представляющих интерес для исследователя, может быть разделено на два вида: реальные (естественные) и условные.

К реальным социальным группам относятся такие социальные общности, для которых характерно реальное взаимодействие их членов. К подобного рода группам могут быть отнесены: производственная бригада, ученики определенного класса, студенческая группа, персонал фирмы и т.д.

К условным социальным группам относятся такие, члены которых не взаимодействуют друг с другом и в принципе не могут взаимодействовать. Эти группы выделяются социологом для целей анализа по различным основаниям, зависящим от целей и задач исследования. Назовем эти основания:

- социально-демографические признаки (пол, возраст, уровень образования, семейное положение и т.д.);
- характер профессии;
- тип территории (город, село);
- участие в политических партиях, движениях и т.д.

Примеры подобных групп: молодежь г.Самары, социологи России, сельские жители Кротовки, участники общественно-политического движения «Единство».

4. Логическая стратегия получения знания

Классическая методология вобрала в себя гипотетико-дедуктивную логику получения знания, разработанную, как мы показывали ранее, мыслителями Нового времени²⁵. Эта «нисходящая» стратегия получения знания (в отличие от «восходящей» в качественной парадигме)²⁶ предпо-

²⁵ Точнее следовало бы говорить о гипотетико-дедуктивно-индуктивной логике с акцентом на первые два компонента этой цепи, когда индукция присутствует в стратегии получения знания, но выполняет несущественную роль.

²⁶ Авторство в изобретении удачных, на наш взгляд, терминов «восходящая» и «нисходящая» стратегии анализа принадлежит современному российскому исследователю этой проблемы Г.Татаровой.

лагают выдвижение теоретических гипотез (высокая степень «отлета» от изучаемой социальной реальности), которые затем проверяются «внизу», – в эмпирическом изучении сознания и поведения людей. Это движение «сверху – вниз», от теории к эмпирическому изучению происходит плавно, логически, последовательно, с использованием логики выводного знания – дедукции. Вначале исследователь формулирует теоретические гипотезы, каждая из которых связывает *ненаблюдаемые сущности* – абстрактные понятия. Они называются *гипотезами – основаниями*. Именно они, подтвержденные или неподтвержденные, «работают» на цели и задачи исследования, являясь базой для формулирования выводов. Именно в этих гипотезах воплощается теоретическое видение исследователем изучаемого явления или процесса.

Четкое формулирование теоретических гипотез здесь предполагает, что, с одной стороны, исследователь хорошо знает изучаемую проблему, а с другой – в науке уже накоплено достаточное знание для их формулирования.²⁷ Яркая метафора Бернара Шатрского – «карлик, стоящий на плечах гигантов», – очень точно выражает эту ситуацию: только освоив теоретическое богатство, созданное предшественниками, изучавшими конкретное явление, исследователь формулирует гипотезу-основание.

Поскольку гипотезы-основания *принципиально непроверяемы* в эмпирическом исследовании, второй шаг «сверху – вниз» состоит в формулировании логически *выводных гипотез*, называемых *гипотезами – следствиями*. Эти гипотезы-следствия связывают уже эмпирически проверяемые переменные, т.е. *индикаторы*²⁸ тех понятий, которые при-

²⁷ Отсюда вытекает и принципиальная невозможность изучения в этой методологии нового явления, не успевшего быть теоретически осмысленным, не имеющего «свою теорию».

²⁸ Индикатор – указатель, проявитель (от англ. indicate – указывать).

сутствуют в гипотезах-основаниях.

Считается, что чем больше гипотез-следствий подтверждается (а их рекомендуется «выводить» как можно больше из каждой гипотезы-основания), тем в большей степени справедлива, обоснована теоретическая гипотеза.

Одним из вариантов использования «нисходящей» стратегии в классическом социологическом исследовании может быть *типологический анализ*, хотя здесь есть и свои особенности. Основная задача типологического анализа состоит в том, чтобы верифицировать (подтвердить) в эмпирическом исследовании теоретическую гипотезу о существовании определенных типов изучаемого явления. *Тип – это мысленная конструкция, позволяющая выделить социально значимые, внутренне однородные, качественно отличные друг от друга группы объектов.*

Исследователь, решившийся использовать эту стратегию, должен в теоретическом анализе выделить *объект типологии* и *типообразующие признаки*. Объект типологии – это свойство или совокупность свойств, «высвечивающих» типы изучаемого явления. Типообразующие признаки – это конкретные грани, стороны объекта типологии, которые исследователь определяет как самые существенные, самые значимые для выделения типов явления. Конкретное сочетание значений этих типообразующих признаков и *формирует теоретические типы* изучаемого явления²⁹.

Рассмотрим использование этой стратегии в нашем исследовании социально-экономической адаптации жителей Самарской области. На первом этапе этого исследования основная задача состояла в эмпирической проверке теоретической гипотезы о существовании определенных

²⁹ Подробно теорию типологического анализа см.: Татарова Г.Г. Методология анализа данных (Введение): Учебник для вузов. М.: Nota Bene, 1999.

типологических групп населения, различающихся по степени включенности в адаптивный процесс.

Создание теоретической типологии в этом исследовании стало возможным потому, что в российской социологии уже есть некоторое теоретическое осмысление этого процесса. Кроме того, наш собственный опыт «проживания» в этой социальной ситуации, ее «переживание» помог нам в построении теоретической типологии.

Объектом типологии в нашем исследовании выступило поведение людей в резко меняющейся социально-трудовой сфере, или точнее, деятельность по «выживанию» в ней.³⁰ Известно, что любая деятельность может быть представлена тремя своими составляющими: целью, средством, результатом. Эти компоненты нашего объекта типологии и были использованы для выделения типобразующих признаков. В нашем случае целью адаптивной деятельности являлось «выживание» в условиях, когда ряд экономических преобразований в нашей стране, помимо всего прочего, привел к резкому повышению стоимости жизни. «Выживание» как ответ на изменение среды здесь означает достижение определенного материального положения, способного обеспечить удовлетворение насущных потребностей. Средствами выступают конкретные формы поведения, поведенческие стратегии, посредством которых и происходит достижение цели. Результатом здесь является степень успешности этой деятельности, т.е. степень достижения желаемого уровня материальной обеспеченности. В соответствии с этими элементами объекта типологии – деятельности по «выживанию» и были выделены следующие типобразующие признаки:

³⁰ Подробнее это исследование представлено в статье Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология – 4М. 2000. №12.

- наличие (или отсутствие) конкретных форм адаптивного поведения:
 - 1 – поиск другой постоянной работы;
 - 2 – поиск работы по совместительству;
 - 3 – попытка открытия «своего» дела;
 - 4 – получение образования для новой профессии;
 - 5 – смена профессии;
 - 6 – повышение квалификации;
 - 7 – расширение своих служебных обязанностей
- уровень материальной обеспеченности в ее субъективной форме, т.е. отнесение себя к той или иной группе:
 - 1 – полностью обеспеченных;
 - 2 – обеспеченных почти полностью;
 - 3 – более или менее обеспеченных;
 - 4 – малообеспеченных;
 - 5 – бедствующих.

В исследовании была выдвинута гипотеза о существовании *четырёх типологических групп*, отличающихся друг от друга различным сочетанием значений типобразующих признаков:

- 1 – успешные адаптанты;
- 2 – успешные дезадаптанты;
- 3 – неуспешные адаптанты;
- 4 – неуспешные дезадаптанты.

Эмпирическая проверка этой гипотезы (т.е. проведенное исследование) показала, что население Самарской области действительно может быть представлено такими типологическими группами со следующим соотношением: успешных адаптантов – 27,3%, неуспешных адаптантов – 19,2%, успешных дезадаптантов – 29,7%, неуспешных дезадаптантов – 23,8%.

5. Основание эмпирического анализа:
измерение социальных характеристик

Ранее мы говорили, что использование математики, этой «царицы доказательств», начиная с XVII века, считается важнейшим признаком научности знания. Классическая социология как «законная дочь» сциентизма вобрала в себя эту традицию. Математика для классического социологического исследования – не просто способ иллюстрирования тех или иных теоретических выводов, но его *душа, стержень*. Математика здесь используется по меньшей мере в 4-х важнейших процедурах:

измерение социальных признаков;

обработка первичной социологической информации;

расчет и обоснование выборки социологического исследования;

моделирование социальных процессов и явлений.

Не имея возможности сколько-нибудь серьезно остановиться на всех «включениях» математики в процедуру классического социологического исследования, поговорим об *измерении* как о важнейшем *основании эмпирического анализа* в классической методологии.

Разговор об основаниях какого-либо явления – это всегда ответ на вопрос: как возможно само это явление. В этом смысле *вне квантификации*³¹, *вне измерения невозможно само производство эмпирического знания в этой парадигме*. В самом деле, только измеренные социальные признаки могут быть представлены в числовой системе, а значит, и обработаны методами математической статистики, чтобы служить доказательством выдвинутой гипотезы. На этой логике построено производство *любого научного*

³¹ «Квантификация» (от лат. *quantitas* – количество) означает процедуру представления свойств социальных объектов в количественной форме.

знания. Классическая социология на своем эмпирическом уровне – всегда «измеряющая» социология, в отличие от качественной – «неизмеряющей».

Измерение социальных признаков – программная установка *количественного подхода* в социологии. Считается, что *абсолютно все* социальные признаки, даже самые «тонкие» (любовь, дружба, преданность, патриотизм), принципиально измеряемы. Дело лишь в технике измерения, в квалификации социолога в конечном итоге. Более того, умение «мыслить» измерительными конструкциями примерно так же, как художник мыслит образами, способность мысленно «схватить» любое социологическое понятие в измерительных координатах «выдают» хорошего социолога-эмпирика.³² Не случайно среди социологов-количественников бытует шутка, ставшая своеобразным «кредо» этой группы: «Скажи мне, как ты измеряешь, и я скажу, какой ты социолог».

Современное понимание измерения исходит из развитой английским физиком Н.Кэмпбеллом в 20-е годы XX века концепции измерения как *приписывания* измеряемым объектам (их называют *эмпирическими объектами*) чисел. При этом такое приписывание возможно, потому что измеряемые объекты (точнее, их свойства) находятся в *определённом отношении* друг другу (это утверждал еще Р. Декарт). Это отношение может быть отражено на числовую ось, *воспроизводящую его*. Этот подход предполагает, что измеряемые объекты не обладают никакими числовыми свойствами: эти свойства им *приписываются, придаются в процедуре измерения*. В процессе числового измерения свойства сравниваются, упорядочиваются, сопоставляются. Следует сказать, что этой *конструктивистской позиции* практически в этот же период противостоял так назы-

³² Правда, критики количественного подхода эту «навязчивую идею» измерять «все и вся» иронично называют «квантофренией».

ваемый дескриптивный (описательный) подход, корни которого можно обнаружить еще в античной философии. Здесь измерение понималось как измерение *величин*, их описание. Считалось, что все свойства, не являющиеся величинами, не подлежат измерению.

Сегодня такой подход – уже история. Претерпел изменение и конструктивистский подход. Идея приписывания чисел трансформировалась в концепцию соответствия эмпирических объектов математическим объектам, которые представлены *не только числами, но и нечисловыми конструктами*: графами, оригинальным математическим аппаратом С.В.Чеснокова и др.³³ *Измерением сегодня* называется «процедура, с помощью которой объекты измерения, рассматриваемые как носители определенных отношений, отображаются в некую *математическую систему* с соответствующими отношениями между элементами этой системы».³⁴ Дальнейший наш разговор будет касаться тех *наиболее распространенных* сегодня измерительных конструкций, когда математической системой является *числовая система*: отношение между эмпирическими объектами сопоставляется с *числовой осью* – шкалой.

Следует сказать, что *сциентистский* посыл классической социологии – измерять социальные признаки так же, как измеряются признаки в естественных науках, все же дает сбой. В современной социологии существует понимание того, что измерение *социальных признаков* достаточно специфично, имеет свои особенности. Каковы же они?

³³ Подробнее см.: Толстова Ю.Н. Существует ли проблема социологического измерения // Социология-4М, 1995, Т. 5-6.

³⁴ Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1987. С. 142.

5.1. Особенности измерения в социологии

1. *Измерение социальных признаков в значительной степени опосредовано*, в то время как в естественных науках (исключая измерение явлений микромира) используется только *непосредственное* измерение. Конечно, в классическом социологическом исследовании также используется непосредственное измерение социальных признаков, но преобладающим является все же другое – *косвенное (опосредованное)* измерение. Что же это такое: косвенное и непосредственное измерение?

Непосредственно измерить тот или иной признак означает соотнести его с определенной шкалой, не используя при этом никаких других промежуточных звеньев – других признаков. Так непосредственно измеряется, например, температура окружающей среды – уменьшение или увеличение объема ртути в столбике термометра непосредственно фиксирует изменение температуры. То же самое возможно и при измерении отдельных социальных признаков. Так, соотнесение респондентом самооценки своего интереса к политической жизни страны со шкалой интереса в процедуре опроса представляет собой непосредственное измерение этого признака.

Косвенно (опосредованно) измерить тот или иной признак означает использовать в процедуре измерения промежуточные звенья – другие, внешне хорошо различимые социальные признаки, которые называются индикаторами. Опосредованное измерение означает редукцию (сведение) *сложной латентной (скрытой)* характеристики к одному или совокупности *простых* социальных признаков, которые могут непосредственно измеряться. Сами эти простые признаки – индикаторы чаще всего являются проявлениями (указателями) измеряемой сложной характеристики. Конечно, *содержание измеряемого свойства* принципиально не сводимо к *содержанию совокупности призна-*

ков-индикаторов, тем не менее достаточно достоверное представление о мере выраженности изучаемого свойства, измеренного таким образом, получить можно.

Главная проблема косвенного (опосредованного) измерения состоит в обеспечении его обоснованности, т.е. в его способности измерить именно то социальное свойство, которое и необходимо измерить, а не какое-нибудь другое. Дело в том, что одни и те же индикаторы могут быть проявителями разных социальных признаков, а значит, принципиально возможна ситуация, когда измеряется фактически другой признак. Например, простой признак «удовлетворенность работой» может быть одним из индикаторов нескольких сложных социальных признаков: отношения к работе, уровня адаптированности к организации, социально-психологического климата в коллективе.

С другой стороны, одни и те же социальные признаки, т.е. реально существующие социальные явления, по-разному теоретически осмысленные, должны эмпирически интерпретироваться различным образом (с помощью различных индикаторов).³⁵ Так, например, *учебно-познавательная активность студента, теоретически понятая как сверхнормативная деятельность*, может быть эмпирически интерпретирована с помощью следующих индикаторов: «оценки, получаемые студентом на сессии», «регулярность подготовки к семинарским занятиям» и т.д. При этом предполагается, что социолог знает «нормы», складывающиеся в изучаемой социальной ситуации. В то же время *учебно-познавательная активность, теоретически осмысленная как деятельность, значимая для студента не столько результатом, сколько самим процессом*, деятельность, приносящая удовлетворение сама по себе, очевидно, должна быть интерпретирована с помощью других индикаторов.

³⁵ Эта процедура эмпирической интерпретации теоретических понятий осуществляется в программе социологического исследования.

В этих индикаторах должна «схватываться» так называемая «внутренняя» мотивированность этой деятельности. Здесь индикаторами могут быть выбраны такие простые социальные признаки, как «характер поведения на семинарах, лекциях», «интерес к учебе», «время, затрачиваемое на самостоятельную работу» и т.д.

2. *Измерение социальных признаков в отличие от измерения в естественных науках содержит в самом себе возможность влияния интервьюера на получаемый результат.* Дело в том, что измерение социальных признаков происходит в процедуре опроса, представляющего собой *навязанное произвольное* (имеется в виду произвол исследователя) общение. Любая же ситуация общения, пусть даже и не полноценного, межличностного, но скорее ролевого, как в нашем случае, по сути своей «обременена» взаимовлиянием субъектов общения³⁶.

Главная проблема здесь – возникновение «эффекта интервьюера», смещение информации, а значит, получение недостоверного знания, не отображающего истинное положение дел. «Эффект интервьюера» возникает в процедуре измерения вследствие неправильных действий интервьюера. Какие же действия интервьюера мы называем неправильными?

Прежде всего, это «навязывание» респонденту в процедуре опроса своего видения, своей позиции относительно обсуждаемых вопросов, выражение своего отношения к ним, которое может осуществляться как в вербальной форме, так и в форме определенной позы, жеста, мимики.

³⁶ Мы здесь не имеем возможности рассмотреть проблему влияния респондента на интервьюера, которое тоже имеет место и сказывается на качестве получаемой информации. Подробнее см.: Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во СамГУ, 1995.

Кроме того, к неправильным действиям может быть отнесено и неумение интервьюера «сохранять дистанцию», переход им той трудноуловимой грани, когда меняется характер отношений в процедуре общения: они делаются доверительными и дружелюбными настолько, что респондент ради продления этой ситуации может «выдавать» не то, что думает на самом деле, а то, что хотят, по его мнению, от него услышать.

К неправильным действиям может быть отнесен и неверный выбор интервьюером своего имиджа, и прежде всего одежды, являющейся важнейшей составляющей имиджа. Неверный – здесь означает выбор такого стиля одежды, который позволяет легко и однозначно идентифицировать (отождествить) интервьюера с определенной социальной группой, например, высокообеспеченных или, наоборот, бедных. Дело в том, что в ситуации общения с незнакомыми мы, люди, воспринимаем друг друга стереотипически, т.е. как представителей определенной группы, не фиксируя индивидуальных особенностей незнакомца. Такое грубое «одноцветное» восприятие незнакомца облегчает нашу ориентацию в социуме, выступая способом психологической защиты от «многоцветья» социального мира. Имидж человека, и прежде всего его одежда (вкуче, конечно, с манерой поведения, речью и т.д.), выступает опознавательным знаком той или иной социальной группы.

5.2. Типы шкал, используемых в социологическом исследовании

Социолог, пытающийся разработать одномерную числовую ось (шкалу) для измерения тех или иных социальных признаков в соответствии со своими теоретическими гипотезами, должен, прежде всего, хорошо представлять, какие классы шкал вообще используются в социологии.

Крупнейший американский психолог С.Стивенс на рубеже 30-х – 40-х годов XX века для измерения социальных признаков, не имеющих единиц измерения (например, «удовлетворенность работой» или «социальное самочувствие»), предложил использовать 4 типа числовых систем (шкал). Каждая из них представляет соответствующий *уровень измерения* эмпирических объектов:

- шкала наименований (номинальная);
- шкала порядка (ординальная);
- шкала интервалов (интервальная);
- шкала отношений.

Различия в *уровне измерения* определяются двумя взаимосвязанными моментами:

1. Каждая из названных выше шкал способна отразить *определенный тип отношений* между эмпирическими объектами, зависящий как от цели нашего упорядочивания этих объектов, так и от природы тех свойств, относительно которых происходит упорядочивание.

2. Каждая из них допускает различный спектр возможных *операций с числами*, составляющих шкалу.

Какие же вообще отношения могут существовать между эмпирическими объектами?

Прежде всего, это отношение *равенства – неравенства*. Такой тип отношений «схватывается» *номинальной шкалой* (шкалой наименований), обеспечивающей *самый низкий уровень измерения*. Упорядочить эмпирические объекты с помощью такой шкалы означает *просто разделить* носителей изучаемого свойства на ряд групп (категорий). Каждая из этих групп (категорий) с одной стороны, включает в себя индивидов, обладающих *одинаковым значением* изучаемого признака.³⁷ Это означает, что *внутри каждой группы существуют отношения равенства* между индиви-

³⁷ В методологии классического социологического исследования термины «свойство», «признак», «характеристика» употребляются как

дами по этому свойству. С другой стороны, каждая из выделенных групп противостоит другим, т.е. не «равна» им: *между группами существуют отношения неравенства*. Сама классификация признака, т.е. выделение его групп (категорий), – задача содержательного, теоретического плана. Приписывание же этим группам чисел, т.е. построение числовой оси, осуществляется с учетом только одного требования: эти числа должны быть *разными (неравными)*. Каждое из таких чисел на шкале является *шкальным значением признака*. При этом каждое значение имеет *вербальную (словесную) формулировку*.

С помощью номинальной шкалы могут быть измерены такие признаки как пол, профессия, тип факультета университета, мотивы любого социально значимого поведения, жизненные планы и т.д. Например, шкала для измерения типа факультета, на котором учатся студенты Самарского государственного университета (т.е. в нашем случае объекты, которые мы хотим упорядочить) выглядит следующим образом:

- 1 – физический;
- 2 – математический;
- 3 – филологический;
- 4 – биологический;
- 5 – химический;
- 6 – социологический;
- 7 – психологический;
- 8 – юридический;
- 9 – экономики и управления.

Уже на номинальном уровне измерения возможно применение ряда статистических процедур: нахождение частоты распределения признаков; определение средней тенденции по модальной частоте; вычисление определенных

синонимы, отражая разные традиции, повлиявшие на становление социологии: философскую, статистическую.

коэффициентов корреляции (взаимосвязи) между признаками – коэффициентов Чупрова, Пирсона, Крамера.³⁸

Социолог, пытаясь упорядочить область эмпирических объектов, может установить и *отношения порядка* между ними. В этом случае он пытается «выстроить» их по мере *выраженности изучаемого свойства*. Так, можно упорядочить исследуемую совокупность студентов конкретного вуза или города по уровню их учебно-познавательной активности; или совокупность предприятий по степени социальной напряженности в них. При этом отношения порядка не только автоматически включают в себя отношения равенства-неравенства, но «идут дальше»: выделенные группы (категории) не просто *не равны* друг другу, но «выстраиваются в затылок» от максимальной выраженности изучаемого свойства до минимальной.

Шкала, которая фиксирует такие отношения, называется *шкалой порядка*. Числа такой шкалы не только фиксируют различия, но *устанавливают* отношения «больше – меньше» между собой, соответствуя такой же ранжированной упорядоченности эмпирических объектов. Классическим примером порядковой шкалы является шкала удовлетворенности (работой, учебой, жизнью в целом):

- 1 – вполне удовлетворен;
- 2 – скорее удовлетворен, чем нет;
- 3 – и да и нет;
- 4 – скорее не удовлетворен;
- 5 – совершенно не удовлетворен.

В практике классических социологических исследований используются и *сложные* разновидности порядковых шкал: шкала Лайкерта, шкала Гуттмана, получившие свои названия по именам их создателей.³⁹

³⁸ Подробнее см. Рабочая книга социолога. М: Наука, 1987. С. 172.

³⁹ Подробно описание этих шкал см.: Осипов Г.В., Андреев Э.П. Методы измерения в социологии. М: Наука, 1974.

В *порядковых* шкалах числа (шкальные значения) часто называют рангами. Следует сказать, что сами числа (ранги) могут быть заменены другими числами при условии, что между ними будет сохранена та же самая упорядоченность: числа здесь просто коды, приписываемые исследователем.

Следует отметить еще одно важное обстоятельство: в *пятичленной* порядковой шкале шкальные значения указываются и в *вербальной* (словесной) форме (приведенная нами шкала удовлетворенности это демонстрирует). В то же время, если шкала имеет *более пяти* значений: 7, 9 или 11, то *вербально* обозначаются *только крайние*. Промежуточные значения в таких шкалах обозначаются лишь числами. Примером может служить шкала, предназначенная для измерения уровня готовности членов производственного коллектива прийти на помощь друг другу. Шкала может выглядеть так:

1 _____ 2 _____ 3 _____ 4 _____ 5 _____ 6 _____ 7

На помощь
рассчитывать
не приходится

Всегда можно
рассчитывать
на помощь

Порядковая шкала допускает целый ряд *дополнительных* (относительно номинальной) *статистических процедур*: определение медианы, квартилей* для изучения центральных тенденций, расчет коэффициентов ранговой корреляции Спирмена и Кэндалла для определения тесноты связи между признаками.

* *Медиана* представляет собой такое значение признака, которое характерно для единицы наблюдения, занимающей *срединное* положение в ряду единиц статистической совокупности, упорядоченных по значениям признака. *Квартиль* (верхний или нижний) – это такое значение признака, которое характерно для одной четверти единиц статистической совокупности.

В целом порядковая шкала обеспечивает *более высокий уровень измерения*, нежели номинальная, ранжируя объекты в отношениях «*большие-меньшие*» того или иного свойства.

Вместе с тем социолога довольно часто интересует и другой вопрос: *на сколько меньше или во сколько раз меньше* того или иного свойства в исследуемой совокупности? На этот вопрос порядковая шкала ответа не дает. Здесь требуется иной, более *высокий* уровень измерения.

Он обеспечивается двумя типами шкал: *интервальной* и *шкалой отношений*. Довольно часто их объединяют вместе под одним названием «*метрические*» шкалы.

Интервальная шкала (или шкала равных интервалов) представляет собой полностью упорядоченный ряд с *равными интервалами* между пунктами, причем отсчет начинается с произвольно выбранной точки (отсутствует ноль). На шкале равных интервалов появляется единица измерения, которой не было в порядковой шкале⁴⁰ – расстояния между шкальными значениями *там не были равны*, просто упорядочены.

Главная трудность в построении таких шкал в социологии состоит в обосновании равенства или разности расстояний между шкальными значениями⁴⁰.

Шкала отношений к свойствам интервальной шкалы добавляет *экспериментально установленный ноль*, превращаясь таким образом в *идеальную метрическую шкалу*. Здесь уже можно определять *отношения* между шкальными значениями, т.е. ответить на вопрос о том, *насколько (или во сколько раз)* одно значение признака больше (или

⁴⁰ Следует сказать, что такие шкалы используются в социологии не часто. Тем не менее, примером такой шкалы может служить шкала Терстоуна, главный акцент при построении которой как раз сделан на обосновании равенства интервалов между суждениями – шкальными значениями.

меньше) другого шкального значения. Так, сравнивая продолжительность времени, затрачиваемого в неделю на различные элементы свободного времени, можно говорить, например, что на просмотр телевизионных передач (12 – 14 часов в неделю) жители России тратят в 6-7 раз больше времени, нежели на чтение художественной литературы (2 часа). Типичные примеры таких шкал: шкала времени, пространственных мер, денежных единиц. Кроме того, разработаны и метрические шкалы для измерения некоторых физиологических и психологических свойств человека, где экспериментальным путем удалось определить нулевое значение этих свойств.

Исследователь, используя метрические шкалы, приобретает большую гибкость описания, а также способен получить большой объем информации. Над числами, принадлежащими такой шкале, можно производить все *известные операции с натуральными числами*. Кроме того, наряду с процедурами, характерными для порядковых шкал, здесь возможен расчет средних значений признаков, а также мер их рассеяния (дисперсии, среднего квадратического отклонения и т.д.). В шкалах этого типа могут использоваться коэффициент парной корреляции Пирсона, а также множественный коэффициент корреляции.

5.3 Процедура построения порядковой шкалы

Процедура построения порядковой шкалы⁴¹ (как, впрочем, и метрических), несомненно, творческий процесс. Вместе с тем существует и определенный алгоритм этой

⁴¹ Порядковая шкала в литературе часто называется полностью упорядоченной шкалой. Такая шкала прогивостоит другой – частично упорядоченной, которая представляет собой промежуточный вариант между номинальной и порядковой шкалами. Мы остановились на процедуре разработки порядковой шкалы, потому что такие шкалы наиболее распространены в социологических исследованиях.

деятельности, который зависит, в свою очередь, от того, какой признак мы собираемся измерять – относительно простой или относительно сложный. Попробуем вначале определить содержание этих терминов. *Относительно простым признаком* мы называем такой, который может быть достоверно измерен непосредственно без использования промежуточных звеньев – индикаторов. *К относительно сложным* могут быть отнесены такие признаки, которые не могут быть измерены достоверно непосредственным образом и потому нуждаются в использовании индикаторов в процессе измерения (косвенное измерение).

Следует сказать, что не существует каких-либо критериев (философских или математических) для отнесения признака к категориям простых или сложных. Здесь должен, прежде всего, срабатывать профессионализм социолога, его личностный социальный опыт, здравый смысл, интуиция, наконец.

Конечно, «априори» понятно, что такие признаки, как «уровень политической культуры» или «уровень включенности в организацию», не могут достоверно измеряться непосредственно, т.е. быть относительно простыми признаками. Вместе с тем ряд социальных свойств, например, «интерес к учебе» или «отношение к материалам газеты» могут быть измерены и как простые, и как сложные признаки.

Рассмотрим процедуру *построения полностью упорядоченной шкалы (порядковой шкалы)*. Для простого признака она сводится к *одному* этапу. Здесь измеряемое свойство представляется как протяженность, как континуум (длительность), «протягивающаяся» от максимального до минимального своего значения. Наглядно эту «протяженность» можно представить в виде своеобразной «линейки», градации которой представляют собой значения измеряемого признака.

Размерность конструируемой шкалы, т.е. количество ее пунктов, определяется *степенью требуемой точности*: более дробная шкала, как правило, более точно измеряет то или иное социальное свойство. Вместе с тем, выбирая меру дробности шкалы, необходимо учитывать и уровень образования социальной группы, являющейся объектом исследования. Известно, что уровень образования самым тесным образом связан с дифференцирующей способностью человека: чем выше этот уровень, тем выше и способность человека расчленять, отделять одно от другого, словом, дифференцировать. Применительно к предмету нашего разговора это означает, что измерение с помощью очень дробной шкалы (например, семи- или девятичленной) в исследовании, где объект исследования – социальная группа с достаточно низким уровнем образования, может оказаться ненадежным: респонденты просто не в состоянии столь дробно дифференцировать измеряемый признак.

Сконструированные таким образом шкалы-линейки *переводятся в вопросную форму*, чтобы быть помещенными в опросник (помним, что измерение социальных признаков происходит в процедуре опроса). Практически перевод в вопросную форму означает разработку вопроса (естественно, с ответами на него), сохраняющего «идею» и размерность шкалы, но выраженного «на языке респондента», т.е. на языке повседневного человеческого общения той социальной группы, которая выступает объектом исследования. Такая шкала в ее вопросной форме выступает *операциональным определением*⁴² теоретического понятия, в котором отражена сущность измеряемого признака.

Рассмотрим в качестве примера процедуру построения *полностью упорядоченной шкалы* для измерения социаль-

⁴² Операционализация – это процедура связывания теоретического понятия с эмпирическими наблюдениями, где последние выступают показателями каких-то свойств, относящихся к данному понятию.

ного свойства «интерес к учебе».

Трехчленная «линейка» этого признака будет выглядеть следующим образом:

1 _____ 2 _____ 3

<i>Макс. знач-е</i>	<i>Средн. знач-е</i>	<i>Миним. знач-е</i>
<i>Высокий</i> <i>интерес</i>	<i>Средний</i> <i>интерес</i>	<i>Низкий</i> <i>интерес</i>

Пятичленная «линейка» будет выглядеть так:

1 _____ 2 _____ 3 _____ 4 _____ 5

<i>Макс.</i> <i>знач-е</i>	<i>Выше</i> <i>средн.</i>	<i>Среднее</i> <i>знач-е</i>	<i>Ниже</i> <i>ср.</i>	<i>Мин.</i> <i>знач-е</i>
<i>Очень</i> <i>высок.</i> <i>интерес</i>	<i>Высок.</i> <i>интерес</i>	<i>Средний</i> <i>интерес</i>	<i>Низкий</i> <i>интерес</i>	<i>Очень</i> <i>низкий</i> <i>интерес</i>

Вопросная форма пятичленной шкалы может быть сформулирована следующим образом: «Скажите, пожалуйста, в какой мере Вам интересна учеба в университете?»

- 1 – очень интересна;
- 2 – пожалуй, интересна;
- 3 – и интересна, и не интересна;
- 4 – скорее, не интересна;
- 5 – совершенно не интересна.

Алгоритм построения шкалы для измерения *сложных признаков* гораздо сложнее и включает в себя несколько этапов.

На первом этапе измеряемый признак, как и в случае, ранее рассмотренном, «протягивается», *представляется как протяженность. На втором этапе* осуществляется поиск индикаторов измеряемого социального свойства. Можно сказать, что социологическая наука «подсмотре-

ла» этот способ измерения у жизни: все мы, люди, для того, чтобы «вычислить» сложное, скрытое от непосредственного наблюдения явление, пытаемся по каким-то внешним его проявлениям составить себе представление о нем. Например, «истинное» отношение к себе друга (или подруги) можно определить, зная его (ее) поведение в сложных для нас ситуациях. Некоторые «штрихи» этого отношения можно представить себе, зная, что он (она) говорит о нас другим людям. Очевидно, можно найти еще немало таких ситуаций, в которых ясно *проявляется* отношение к нам.

Как подбираются эти *проявители изучаемого свойства, индикаторы* при разработке шкалы? Прежде всего, *теоретическое осмысление* изучаемой социальной характеристики является важнейшим условием подбора адекватных индикаторов.

Как правило, в науке к моменту, когда исследователь приступает к изучению того или иного социального явления, *уже существует ряд значений* того основного понятия (или понятий), с помощью которых он собирается «схватывать» изучаемое явление. Обычно эти значения «вписаны» в оригинальные исследовательские концепции, отражающие позицию автора, его методологический подход к изучаемому явлению. Довольно часто обилие подходов, значений одного и того же понятия вызывает у исследователя-новичка чувство тревоги, ощущение хаоса, беспорядка в «научном доме». Вместе с тем многообразие подходов, конкурирующих точек зрения – это нормальный единственно возможный способ существования научного знания. Исследователь в конкретном исследовании должен выбрать такой подход, а значит, и такое значение основного понятия, которое ему представляется более убедительным, более «работающим» на его исследовательские задачи.

Кроме того, для точного подбора индикаторов огромное значение имеет профессиональный и социальный опыт

исследователя, его «знание жизни». Еще раз подчеркнем: подбор обоснованных индикаторов – всегда творческое дело, т.к. никаких четких критериев для их выделения нет. Здесь хорошие помощники – и интуиция, и социологическое воображение социолога.

«Когда бы знала, из какого сора растут стихи, не ведая стыда», – писала Анна Ахматова.

Подбираемые исследователем индикаторы должны, как правило, отражать *субъективные и объективные* (здесь это – поведенческие) грани изучаемого признака, что позволяет в измерительной конструкции более адекватно «схватить» его сущность.

Надежность измерения зависит и от количества найденных исследователем индикаторов: чем их больше, тем полнее, адекватнее измеряется социальное свойство. Вместе с тем в социологических исследованиях за редким исключением их число не превышает двух-трех⁴³.

На этом этапе каждый из выделенных признаков-индикаторов представляется соответствующей шкалой. Вопросные формы этих шкал непосредственно попадают в опросник. При этом необходимо убедиться, что найденные признаки-индикаторы подходят для *всех единиц наблюдения*, составляющих объект исследования, т.е. каждый человек, «входящий» в объект исследования, обладает свойством *занять определенное место* в континуумах по выдсленным индикаторам.

Рассмотрим в качестве примера процедуру построения шкалы для измерения относительно сложного признака «учебно-познавательная активность студентов». На первом этапе определяется, можно ли этот признак представить в виде континуума свойств, выделяются и фиксиру-

⁴³ Исключение составляет измерение очень сложных и смких признаков, таких, как *образ жизни, качество потребления и др.*, где число индикаторов может достичь 10-15.

ются, прежде всего, полюсы и середина этого континуума. Следует отметить, что возможно выделение ряда континуумов по *разным основаниям* для измерения одного и того же социального признака (в данном случае признака «учебно-познавательная активность»). При этом выбор конкретного основания для формирования шкалы обуславливается целями и задачами исследования, *методологическим подходом* исследователя к изучению данной проблемы. Окончательно, с учетом целей и задач исследования, шкала для измерения признака «учебно-познавательная активность» выглядит следующим образом:

1. Очень высокая.
2. Высокая.
3. Средняя.
4. Низкая.
5. Очень низкая.

На втором этапе происходит поиск эмпирических индикаторов учебно-познавательной активности. Для этого свойства могут быть выделены следующие индикаторы⁴⁴:

1. Характер поведения на семинарах.

2. Количество времени, затрачиваемого на самостоятельную работу.

3. Интерес к учебе.

В свою очередь шкалы индикаторов могут быть представлены так:

Индикатор 1. «Характер поведения на семинарах».

Вопросная форма шкалы выглядит следующим образом:

1. В большинстве случаев добровольно, по собственному желанию выступаю на семинарах.

2. В большинстве случаев выступаю лишь по вызову преподавателя.

⁴⁴ Здесь учебно-познавательная активность понимается как характеристика такой деятельности, при которой первостепенное значение имеет не столько результат деятельности, сколько ее процесс.

3. Как правило, отказываюсь выступать на семинарах.

Индикатор 2. «Количество времени, затрачиваемого на самостоятельную работу в неделю». Вопросная форма шкалы выглядит так:

1. Затрачиваю на самостоятельную работу 10 и более часов в неделю.

2. Затрачиваю на самостоятельную работу от 2 до 9 часов в неделю.

3. Затрачиваю на самостоятельную работу менее 2 часов в неделю.

Индикатор 3. «Интерес к учебе». Вопросная форма шкалы выглядит так:

1. Занятия в университете в основном интересны.

2. Занятия в университете представляют некоторый интерес.

3. Занятия в университете в основном мало интересны.

Очень часто при измерении *сложных* признаков (косвенное измерение) социологи используют различные логические и математические процедуры для перехода *от отдельных индикаторов к измеряемому свойству*. Сами эти процедуры перехода называются *индексами*. Следует сказать, что в классическом социологическом исследовании для самых различных целей используется большой спектр индексов: логических и аналитических.⁴⁵

Применительно к теме нашего разговора наиболее распространенным является использование индекса как *логической процедуры*, где логически обосновывается переход от отдельных индикаторов к измеряемому признаку. Собственно говоря, такой переход выступает своеобразным третьим этапом построения шкалы для измерения сложного признака.

Для нашего признака **этот** индекс может выглядеть

⁴⁵ Подробнее см.: Рабочая книга социолога. М: Наука, 1987; Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии. М: Изд. Дом «Стратегия», 1998.

следующим образом (два из трех выделенных индикаторов взяты для простоты и понятности изложения):

Таблица 1

Индикаторы		Измеряемый признак
Характер поведения на семинарах	Интерес к учебе	Учебно-познавательная активность студентов
Пункты шкалы	Пункты шкалы	Пункты шкалы
1	1	1
1	2	2
1	3	3
2	1	2
2	2	3
2	3	4
3	1	3
3	2	4
3	3	5

Следует подчеркнуть, что в случае разработки шкалы для измерения *относительно сложного признака* в опросник попадают лишь шкалы-индикаторы. Собственно же шкала измеряемого признака, как и таблица логического перехода к ней (если социолог вообще разрабатывает такой индекс), существуют только в программе социологического исследования.

6. Выборочный метод

6.1. Основные понятия и идея выборочного метода

Неотъемлемая черта классического социологического исследования – использование выборочного метода⁴⁶ с его специфическими для этой методологии техниками отбо-

⁴⁶ Методология качественного исследования не всегда предполагает использование выборки, да и виды отбора там принципиально другие.

ра. В самом деле, объектом исследования в классической парадигме в конечном счете всегда выступают *большие социальные группы* как носители массовых социальных явлений и процессов. При изучении таких социальных групп *опросными методами* (они в силу своей универсальности самые популярные) возникает проблема отбора тех конкретных людей, которые будут *непосредственно* участвовать в опросе. Почему вообще возникает эта проблема?

Прежде всего из прагматичных соображений: проводить *сплошные* опросы, т.е. опрашивать всю социальную группу (или группы), составляющую объект исследования, не рационально, не выгодно. Это требует значительных финансовых, временных и трудовых затрат. Не случайно такой сплошной опрос, как перепись населения, например, проводится в нашей стране один раз в десять лет.

Кроме того, известно, что, начиная с определенной величины объема опрашиваемых, фактически не происходит прироста *новой* информации.⁴⁷ Это означает, что реальное количество людей, которых надо опрашивать, может быть в десятки, сотни раз меньше по сравнению с величиной социальной группы, выступающей объектом исследования. Этот практический вывод оказался очень удобным для социологов, как правило, всегда находящихся в «тисках» времени, трудозатрат, да и финансовых возможностей.

Есть еще одна причина, точно подмеченная российским исследователем И. Девятко. Она «идет» от здравого смысла, из нашей с вами повседневной жизни: интуитивно нам кажется, что именно *случайный*, непредумышленный отбор единиц наблюдения в наибольшей степени соответствует условиям получения *объективного непредвзятого* суждения. Напомним, что именно на получение такого

⁴⁷ Немецкий исследователь Э. Нозль опытным путем установила, что этот объем равен 1000–1200 человек.

знания и ориентирована методология классического социологического исследования.

В тоже время, хотя строгая математико-статистическая теория случайной выборки появилась в конце XVIII – XIX вв., ее использование в массовых опросах началось практически спустя век – в начале XX века. Такое «запаздывание» объяснялось умонастроением исследователей, социологов и статистиков. Они считали, что в основе отбора должна лежать не «игра случая» (вероятность), но типичность наблюдений.

Выборочный метод описывается с помощью ряда основных понятий:

- *Генеральная совокупность* – это совокупность единиц объекта исследования, относительно которой делаются выводы в исследовании.

- *Выборочная совокупность* – это часть генеральной совокупности, отобранная определенным образом и выступающая *непосредственным* объектом изучения.

- *Репрезентативность* – свойство выборочной совокупности быть *моделью генеральной совокупности*, т.е. воспроизводить ее структуру по значимым для исследования признакам.

Основная идея выборочного метода заключается в том, чтобы закономерности, полученные при изучении *относительно небольшой* группы людей (выборочной совокупности), распространить *на весь объект* исследования (генеральную совокупность). Строго говоря, только используя *репрезентативные* выборки, т.е. выборки-модели, можно говорить о точном соответствии выводов, полученных при изучении выборочной совокупности, тем тенденциям, которые характерны для генеральной.⁴⁸

⁴⁸ Выборка-модель лишена всяких смещений. ошибка репрезентативности, которая всегда возникает, когда из большого объема случайным образом отбирается малый объем, не существенна.

Существует только один класс (тип) отбора, обеспечивающий репрезентативность. Это класс *строго вероятностных способов отбора*. Другой класс (тип) – не строго вероятностных способов отбора репрезентативность не обеспечивает, хотя под «давлением обстоятельств»^{*} достаточно широко используется в социологической практике. Нерепрезентативные способы отбора (например, *квотный отбор* как самый популярный из них) обременены ошибкой, дают определенное смещение, снижая возможность получения «истинной», «как есть на самом деле», информации. Остановимся подробнее лишь на классе строго вероятностных способов отбора как на типе, где методологические посылки классической парадигмы выражены наиболее выпукло.

6.2. Класс строго вероятностных способов отбора

Этот класс объединяет такие конкретные техники отбора, для которых характерен общий принцип: каждый элемент генеральной совокупности должен иметь *равный шанс (равную вероятность)* попасть в выборку. Лишь такое *равенство шансов* попадания в выборку, *отбор «наугад»* являются гарантией от намеренных или ненамеренных искажений, гарантией создания выборок-моделей, репрезентативных выборок. Каждый из конкретных способов отбора *технически по-разному, но обязательно реализует* этот принцип.

* Мы имеем в виду несколько факторов: определенную «криминализацию» нашей жизни, вследствие чего попадание интервьюеров в квартиры незнакомых людей, вероятностным способом попавших в выборку, затрудняется; отсутствие необходимой информационной базы, позволяющей технически просто и корректно осуществить случайный отбор.

К этому классу относятся такие конкретные способы отбора:

- *простой случайный*;
- *механический (систематический)*;
- *гнездовой (кластерный)*.

Технически *простой случайный отбор* реализуется с помощью *таблицы случайных чисел* или «генератора случайных чисел», который имеется в большинстве статистических компьютерных программ. Для этого необходимо:

1. Определить объем выборки.

2. Иметь *основу выборки*, т.е. списки всех людей, входящих в генеральную совокупность (как правило, это могут быть списки избирателей, домовые книги, карточки паспортных столов милиции, отделов кадров предприятия и т.д.).

После этого необходимо каждому элементу основы выборки присвоить двузначный или трехзначный номер. Затем по таблице случайных чисел, следуя в каком-то порядке (по строке или столбцу), отбирается необходимое (соответствующее объему) количество «случайных» чисел. Эти числа идентифицируются с номерами в основе выборки, после чего выписываются фамилии тех людей из основы выборки, кто маркировался этими номерами.

Механический (систематический) отбор производится другим способом. Прежде всего определяется *шаг выборки*, который рассчитывается по простой формуле:

$$\text{Шаг выборки } n = \frac{N}{V}, \quad \text{где}$$

N – объем генеральной совокупности;

V – объем выборочной совокупности.

Таким образом, исследователь «шагает» по основе выборки и с систематичностью, равной шагу выборки (например, каждый пятый или каждый сотый), выписывает фамилии людей, из которых будет состоять выбороч-

ная совокупность. В рамках этого способа отбора *требования к основе выборки* имеют принципиальный *методологический* характер.⁴⁹ *Важнейшим* из них является *отсутствие порядка*, хаос. Это означает, что перечень фамилий людей, составляющих основу выборки, *не должен быть упорядочен* по социальным параметрам: уровню дохода, возрасту, социальному положению, стажу работы и т.д.⁵⁰ *Только хаотичное, неупорядоченное множество* фамилий при таком способе отбора способно дать каждому элементу (каждой фамилии) равный шанс попасть в выборку, быть основанием для создания *выборки-модели*.

Гнездовой или кластерный отбор предполагает *вероятностный отбор «гнезд»* (кластеров). В качестве таковых выступают естественные объединения, из которых *в ряде случаев* состоит генеральная совокупность. Так, например, генеральная совокупность учеников конкретной школы представлена «гнездами» классов, генеральная совокупность семей города – «гнездами» квартир, а генеральная совокупность сельского населения России – «гнездами» сел. Отобранные вероятностным способом (одним из тех, что мы описывали ранее) «гнезда» (кластеры) *опрашиваются полностью*. Корректное применение «гнездового» отбора основано на обязательном соблюдении ряда условий:

1. Гнезда (кластеры) должны быть однозначно и явно заданы: каждый член генеральной совокупности должен принадлежать к одному (и только одному) гнезду.

2. Число членов генеральной совокупности, входящих в каждое гнездо (кластер), должно быть известно или поддаваться оценке с приемлемой степенью точности.

⁴⁹ Подробно о требованиях к основе выборки см.: Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1987.

⁵⁰ Упорядочение фамилий по алфавиту не имеет социального смысла, поэтому вполне допустимо.

3. Гнезда (кластеры) должны быть не слишком велики и географически компактны, иначе такой отбор теряет всякий финансовый смысл.

Конечно, в реальной практике классического социологического исследования используется и *целый ряд других*, не вписывающихся ни в какие классы, способов отбора: *типологический, стратифицированный*. Более того, реальные выборки, как правило, *многоступенчатые*, где на каждой ступени *меняются единицы отбора* и могут использоваться его различные техники. Тем не менее, только класс строго вероятностных способов способен обеспечить *максимальное соответствие результатов*, полученных при изучении *выборочной совокупности* тех явлений или процессов, которые характерны для *всего объекта исследования*, т.е. обеспечить тем самым *необходимое качество социологического исследования*.

7. Оценка качества исследования

7.1. Что такое качество социологического исследования

Качество исследования, его «хорошесть» здесь понимается как мера соответствия полученного знания истинному положению дел, т.е. тем реальным устойчивым связям изучаемого явления или процесса (закона), которые социолог должен обнаружить, «открыть» в социальной действительности. В идеале получаемое в процессе исследования знание должно быть слепком изучаемого явления, лишенным каких бы то ни было искажений. Так понимаемое качество результатов социологического исследования описывается с помощью термина «*достоверность*». Следует добавить также, что качество *первичной информации* (т.е. той, которая еще не обработана статистически, а лишь

присутствует в массивах анкет, интервью, карточек наблюдения) описывается термином «надежность». Мы говорим: «Достоверность выводов», но применительно к средствам сбора информации следует говорить «Надежность измерительных процедур» или «Надежность инструмента».

Установка на получение *достоверного знания* принципиальна для количественного подхода. В то же время оценить меру достоверности результата социологического исследования *по самому результату* практически невозможно. Всем нам знакома ситуация, когда в разгар предвыборной компании на телеэкране мелькают столбики-рейтинги кандидатов на любые выборные должности, разительно отличающиеся друг от друга: опрашивая одни и те же социальные группы в один и тот же временной период, фирмы, изучающие общественное мнение, порой умудряются «выдавать» различные результаты.

В самом деле, оценить качество большинства продуктов человеческой деятельности можно, только имея базу для сравнения, норму, отклонение от которой и будет свидетельствовать об их качестве. Эта норма может существовать либо в виде определенных параметров продукта, четко зафиксированных в соответствующих документах (какой, например, толщиной, высотой и шириной должна обладать вытачиваемая механическая деталь), либо в форме представлений, существующих в сознании тех или иных социальных групп (например, качество современного романа может быть оценено критикой с позиции современных требований к этому литературному жанру).

Для оценки достоверности результата *социологического исследования* не существует нормативной базы: никто не знает истинного распределения тех или иных социальных признаков или их связей в изучаемой социальной общности *до самого исследования*.

7.2. Как оценить достоверность результатов исследования

Вместе с тем *опосредованно оценить достоверность результатов можно*. Дело в том, что социологическое исследование представляет собой *специфический вид познавательной деятельности*. Из психологии известно, что процессуально любая деятельность может быть представлена тремя своими составляющими, как элементами цепочки: *целью, средством и результатом*. При таком рассмотрении становится ясно, что качество результата (его достоверность) целиком и полностью определяется качеством цели и главное – *качеством средств*, используемых социологом при производстве знания, их надежностью, а также степенью соответствия целей и средств (что немаловажно). Причем термин «средства» используется здесь в самом широком смысле, как *все познавательные конструкции и организационные процедуры*, необходимые для производства социологического знания. Это и методы сбора социологической информации, и теоретическая концепция, лежащая в основе эмпирического изучения и, прежде всего, теоретическая гипотеза; это и организация сбора информации, используемые методы анализа данных, обоснование выборки исследования; это и интерпретация выводов и т.д.

Собственно говоря, умение создавать надежный инструмент исследования, организовывать сбор первичной информации так, чтобы минимизировать ее искажение, выбирать в каждой конкретной исследовательской ситуации оптимальный способ отбора выборочной совокупности, обосновывать это расчетом, подбирать методы статистической обработки социологической информации с учетом не только целей и задач исследования, но и природы социальных признаков – это и многое другое есть основа профессионализма социолога, его ремесла.

Это означает также, что для оценки достоверности результатов проведенного исследования необходимо, по меньшей мере, провести экспертизу инструмента сбора информации (опросника, карточки наблюдения, классификатора контент-анализа). Кроме того, необходимо оценить правильность расчета и обоснования выборки исследования, соответствие методов статистической обработки данных исследовательским задачам. Эти средства социологического исследования имеют нормативную базу: целый ряд требований к их конструированию и использованию существует в «метасоциологии» – специальной социологической науке под названием «Методология и методы социологического исследования». Отсюда вытекает и принципиальная возможность их оценки с точки зрения надежности.

Проблема здесь состоит в том, что *оценить саму эту надежность средств исследования* (в конечном итоге – достоверность результатов) *могут только социологи-профессионалы* в рамках экспертизы, в то время как в достоверном социологическом знании нуждаются как конкретные заказчики (это характерно для прикладных исследований), так и общество в целом (при осуществлении фундаментальных исследований). Механизм же *обязательной профессиональной экспертизы инструмента* сегодня отсутствует, да и вряд ли может существовать вообще.

7.3. «Асимметрия приписывания» в социологическом исследовании

Достоверность получаемой по итогам социологического исследования информации самым тесным образом связана и с *качеством интерпретации результатов*, понимаемой здесь как процесс восхождения от полученных эмпирических данных к теоретическим понятиям (индук-

тивная ветвь гипотетико-дедуктивно-индуктивной логики классического социологического исследования). Здесь, на этом этапе – немало проблем, учет которых исследователем, несомненно, способствует повышению качества исследования, достоверности его результатов.

Одна из них – относительно новая, обнаруженная английским социологом Фарром в конце 80-х годов, получила название «асимметрия приписывания». Явление «асимметрии приписывания» – это свойство человеческой натуры, склонность представлять себя в более выгодном свете, приписывать своим поступкам более благородные мотивы. Причем, являясь во многом средством психологической защиты человека, асимметрия приписывания происходит бессознательно, что делает невозможным ее предотвращение в процедуре опроса. Вместе с тем понятно, что сам факт ее существования значительно «смещает» информацию, делая ее менее достоверной. Где и каким образом проявляется это явление?

Прежде всего, асимметрия приписывания заметна при оценке ситуации респондентом с позиции актора или наблюдателя. При этом эти позиции задаются исследователем – разработчиком опросника с помощью формулировки вопроса. Так, спрашивая: «Скажите, пожалуйста, чем Вы руководствовались, выбирая этот институт?», исследователь помещает респондента в позицию *актора*, деятеля (от англ. to act – действовать). Здесь респондент оценивает себя, мотивы собственного поведения. Если же вопрос сформулировать другим образом: «Скажите, пожалуйста, чем руководствовались Ваши друзья, выбирая этот институт?», то респондент оказывается в позиции *наблюдателя*, со стороны оценивающего мотивы поведения других. Выявлено, что, находясь в позиции наблюдателя, люди гораздо более критичны, приписывают другим, как правило, менее «благородные» мотивы. Эту «повышенную кри-

тичность» следует учитывать, интерпретируя, например, данные *экспертного опроса*, где эксперты – знатоки, компетентные люди чаще всего находятся в позиции наблюдателя, оценивая мнения, мотивы и возможные варианты поведения тех или иных социальных групп населения.

Российский исследователь этого явления В.Б.Моин установил, что асимметрия приписывания проявляется при оценке *престижности* профессий: свои профессии респонденты склонны оценивать как более престижные (позиция актора), профессии других – как менее престижные (позиция наблюдателя). При этом, чем объективно менее квалифицирован труд в рамках собственной профессии, тем выше оценка ее престижа: вступает в действие компенсаторный механизм самозащиты, дающий человеку уверенность в себе, определенный психологический комфорт.

Проявляется асимметрия приписывания и при оценке *причин полярных явлений, связанных с одобряемыми или неодобряемыми нормами*: успех – неуспех, удовлетворенность – неудовлетворенность. При этом успех чаще всего приписывается себе, личностным качествам, неуспех – обстоятельствам. То же самое происходит и с удовлетворенностью работой: удовлетворенность объясняется содержанием собственного труда, неудовлетворенность – внешними обстоятельствами: условиями труда, его организацией и др. Фарр, выявивший этот феномен, считает, что известные структуры удовлетворенности и неудовлетворенности работой, выявленные Херцбергом, – всего лишь асимметрия приписывания.

Не существует никаких «поправочных» коэффициентов, способных повысить достоверность информации в случае асимметрии приписывания. Речь может идти только о корректности интерпретации результатов социологического исследования, о *повышении их достоверности за счет использования других методов*.

8. Характер получаемого знания. Позиция исследователя в исследовательском процессе

В методологии классического социологического исследования *исследователь-наблюдатель находится вне изучаемого процесса или явления*: социальная реальность как объективная вещь отделена от исследователя, противопоставлена ему, выступает не сценой его действия, а объектом изучения, размышления. Здесь социолог – отстраненный наблюдатель социальных явлений, выдающий «на гора» объективное знание – точный слепок изучаемого фрагмента социальной реальности. Такое представление о позиции социолога заключено в известном утверждении великого немецкого социолога М.Вебера о социологии как знании, «свободном от ценностей». Конечно, это не означает, что социолог как гражданин, как человек свободен от ценностных ориентиров. Это означает только, что, находясь в профессиональной роли, согласно «правилам игры» количественного подхода, он должен *максимально контролировать* свои эмоции, убеждения, стереотипы, чтобы их влияние на результат социологического исследования максимально исключить.

Свобода от ценностей здесь фактически означает и свободу от ответственности за использование результатов такого исследования. Социолог должен дать достоверный результат, объективное знание. При этом, как, в каких целях, во имя чего полученное знание будет использоваться – его как профессионала мало заботит. Эта сциентистская позиция сегодня выступает объектом мощной критики: потрясения, которые пришлось пережить людям в XX веке, не в последнюю очередь были вызваны отстраненностью ученых от проблемы использования их знания.

Кроме того, результат познания здесь, как уже говорилось, – *некая теория или система идеализированных*

объектов (понятий), выстроенная по законам «правильно рассуждающего ума». Такая теория не может быть создана на уровне массового сознания участников социального процесса. Она принципиально не ориентирована на здравый смысл, обыденное, повседневное знание людей, ее язык кардинально отличается от языка повседневного общения. В этой методологии исследователь выступает от лица безличного разума, *разума вообще*: не случайно научные статьи до сих пор пишутся в безличной грамматической форме. Здесь исследователь, «очищенный» от всего индивидуального, смутного, неподконтрольного, от дурного настроения и головной боли, от вдохновения и корня квадратного из 1 – одинокий субъект, говорящий только монологами и не знающий диалога». ⁵¹

Такое сочетание позиции абсолютно отстраненного наблюдателя, изучающего социальный мир примерно так, как биолог изучает под микроскопом мир бактерий, с обязательной ориентацией на теорию, выстроенную по законам математической логики, и на познание универсальных истин делает знание, получаемое в этой парадигме, не только объективным, но и *нормативным, непреложным, фактически истиной для всех*

Критики классической методологии полагают, что в такой ситуации исследователь автоматически возносится *над массовым сознанием*, превращается «во всезнающего рассказчика, наблюдающего за происходящим на сцене из царской ложи» ⁵², становится *вещателем единственно верной истины*. Он здесь оказывается, по мнению Пите-

⁵¹ Лехциер В.Л. Путь к опыту // Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях.

⁵² Козлова Н.Н. Как работать с советским архивом // Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Самара, 2000.

ра Бергера, «самозванным сверхчеловеком, отгородившимся от теплой витальности обыденного существования, ищущим удовлетворение в том, чтобы судить о жизни других людей, тщательно раскладывая их по полочкам, из-за чего он выпускает из виду реальную значимость того, что наблюдает».

Такое знание *монологично* по определению, потому что производится просвещенными людьми (учеными) *с позиции абсолютного превосходства над непросвещенными*. Оно устанавливает закон, норму и потому его можно назвать *Законодательным Разумом*. Критики полагают, что такое знание автоматически производит власть, если под властью понимать не «вездесущие шупальца государства», но «*всю совокупность тактик, стратегий, технологий, детерминирующих, регламентирующих и дисциплинирующих жизнь человека*»⁵³.

Ключевые слова

Фокус анализа, социальный институт, объективная социальная реальность, социальный факт, универсальный закон, тип, массовые явления, социальная группа, нисходящая стратегия, измерение, номинальная шкала, индикатор, качество исследования, достоверность, надежность, асимметрия приписывания, позиция исследователя, монологичное знание.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каков фокус исследовательского интереса в классическом социологическом исследовании?
2. Почему классическую парадигму называют «парадигмой социальных фактов»?

⁵³ М. Фуко. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

3. Какова основная исследовательская ориентация количественного исследования?
4. Кто выступает объектом в количественном исследовании?
5. Назовите виды социальных групп.
6. Что такое «нисходящая» стратегия получения знания, чем она отличается от «восходящей»?
7. Что такое гипотезы-основания и гипотезы-следствия?
8. Укажите сферы использования математики в классическом социологическом исследовании.
9. Каковы особенности измерения в социологии?
10. Опишите этапы построения порядковых шкал для измерения простых и сложных социальных признаков.
11. Как можно оценить качество социологического исследования?
12. Что такое «асимметрия приписывания» и как ее учитывать в социологическом исследовании?
13. Какова позиция социолога в классическом социологическом исследовании?

Литература для дополнительного чтения

1. Асп Э. Введение в социологию. СПб.: Алетея, 1998.
2. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.
3. Бауман З. Мыслить социологически. М.: Аспект-Пресс, 1996.
4. Бергер И. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996.
5. Бутенко И.А. Прикладная социология: наука и искусство. М.: Анкил, 1999.
6. Громов И., Мацкевич А., Владимир Семенов В. Западная теоретическая социология. СПб., 1996.

7. *Девятко И.Ф.* Диагностическая процедура в социологии. М.: Наука, 1993.
8. *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования: Учебное пособие для вузов. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского университета, 1998.
9. *Докторов Б.З.* Надежность измерения в социологическом исследовании. М.: Наука, 1979.
10. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
11. *Коллинз Р.* Социология: наука или антинаука? // Теория общества. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999.
12. *Моин В.Б.* Асимметрия приписывания в социологических исследованиях // Социс. 1991. №5.
13. *Монсон П.* Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М.: Весь Мир, 1995.
14. *Осипов Г.В., Андреев Э.П.* Методы измерения в социологии. М.: Наука, 1977.
15. *Паниотто В.И.* Качество социологической информации. Киев: Наукова Думка, 1986.
16. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
17. *Судаков В.И.* Социологическое познание: современные тенденции и стимулы развития. Днепропетровск: Видавництво, 1995.
18. *Татарова Г.Г.* Методы анализа данных. М.: Издательский дом Стратегия, 1999.
19. *Тёрнер Д.* Аналитическое теоретизирование // Теория общества. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999.
20. *Толстова Н.* Измерение в социологии. М.: Инфра-М, 1998.
21. *Ядов В.А.* Социологическое исследование: Программа, методы. М.: Наука, 1999.

ТЕМА 3

**КАЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОД В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ
ИССЛЕДОВАНИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ИСТОРИЯ
СТАНОВЛЕНИЯ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ**

Tempora mutantur, et nos mutamur in illis
/Времена меняются, и мы меняемся с ними/.

Латинская поговорка

*1. Что такое качественный подход
в социологическом исследовании*

Термин «качество» уже употреблялся нами в предыдущей теме в значении меры «хорошести», определенных достоинств предмета. В этом смысле мы говорим: «качественная вещь», «высокое качество образования», «низкое качество социологического исследования» и т.д. Есть и другое значение этого термина, используемое, как правило, в философии. Здесь «качество» означает специфические свойства предмета, его «особость» и противопоставит термину «количество», выражающего меру представленности этих свойств. Идея противостояния заключена и в словосочетаниях «качественный подход», «качественная социология», выступающих принципиальной противоположностью традиционному, классическому, количественному. Мы – не количественники, количественники – не мы. При этом сами эти термины «качественный подход», «качественная социология», столь часто сегодня используемые, – скорее метафоры, чем строгие научные понятия.

В самом общем виде *качественный подход* представляет собой такую методологию социологического исследования и соответственно такие исследовательские практики, целью которых является изучение социальных явлений и процессов прежде всего *с точки зрения действующего индивида* как начала любой социальности, интерпретирующего мир вместе с другими людьми, действующего в нем в соответствии со своими интерпретациями. Социолог-исследователь здесь должен непременно «погрузиться» в мир личностных смыслов изучаемых людей, понять мотивы и цели их поступков, их объяснения происходящего, чтобы потом конструировать понятия, призванные «вобрать» в себя этот субъективный опыт.

2. Из истории становления

Традиционно считается, что качественная социология родилась в знаменитой Чикагской социологической школе в 20 – 30-е годы XX столетия.* Ее рождение связывают с уникальным пятитомным исследованием У.Томаса и Ф.Знанецки «Польский крестьянин в Европе и Америке», где впервые использовались включенное наблюдение и качественный анализ текстов, которые впоследствии будут отнесены к «мягким» качественным методам. Это верно и неверно одновременно. Действительно, замечательные американские социологи, изучая процесс адаптации польских крестьян-эмигрантов к другой культурной среде и стремясь выявить типологию социальных характеров,

* Чикагской социологической школой называется деятельность преподавателей и студентов отделения социологии Чикагского университета, оставивших чрезвычайно яркий след в истории американской социологии.

способствующих (или не способствующих) этому процессу, анализировали их личные дневники и письма. В то же время сами исследователи не осознавали своей методологической «инаковости», своей «другости». Здесь, в Чикаго, в эти годы вообще *рождалась эмпирическая социология, еще не осознающая методологических различий внутри себя.* Здесь под руководством Р.Парка, одного из выдающихся американских социологов, работали вместе знаменитый Р.Богардус, разработчик шкалы для измерения социальной дистанции, дошедшей до нас под названием «шкала Богардуса», и У.Томас, использующий неизмерительные исследовательские процедуры. Более того, эта «неизмеряющая» социология во многом считала себя незрелой, неумелой, стремясь дорасти до «нормальной» науки. Да, здесь были великие теоретические прорывы, идущие вразрез с классической традицией. У.Томас, ратуя за необходимость опоры в исследованиях на субъективный опыт индивидов, писал, обращаясь к коллегам-социологам: «Мы должны поставить себя в положение субъекта, пытающегося найти дорогу в этом мире, и мы должны помнить, что среда, которая на него влияет и к которой он адаптируется, это – его мир, а не объективный мир науки». В то же время У.Томас вполне в духе классического научного знания говорил о необходимости социологом сохранять полную нейтральность по отношению к исследуемым явлениям и процессам. В предисловии к своему «Польскому крестьянину» он вместе с Ф.Знанецки как истинный представитель классической науки, претендующей на «овладение миром», писал: «Наш успех в контроле над природой убеждает, что со временем мы будем способны в такой же мере контролировать и мир социума». Подлинное рождение качественного подхода в социологическом исследовании следовало бы связывать с манифестом молодых английских социологов Д.Силвермена, А. Сикурелла и др.,

которые в своей работе «Новые направления в социологической теории» впервые теоретически обстоятельно и страстно осмыслили иную, альтернативную социологию. Тогда, в 70-е годы западный мир раскололся на два противостоящих лагеря: «бунтовщиков-качественников», яростно нападающих на противников, и «количественников», занявших «круговую оборону» и защищающих себя не менее яростно.

3. Предпосылки становления

По нашему мнению, следует выделять *две группы причин*, способствующих возникновению альтернативного подхода в социологическом исследовании: *глобального характера*, связанного со сменой теоретических парадигм в XX веке, и *локального, внутреннего* – со стороны социологов-эмпириков, неудовлетворенных «познавательным горизонтом» классического подхода.

К первой группе причин глобального характера следует отнести *резкое падение престижа науки в ее нововременной форме в XX веке*. И дело не только в том, что с наукой во многом связываются глобальные катастрофы человечества. Подвергается критике сама интенция науки овладеть миром. Великий критик научного знания, выдающийся немецкий философ Мартин Хайдеггер, остроумно обыгрывая известный термин «картина мира», который используется для описания той или иной исторической эпохи, говорит о том, что применительно к Новому времени *картина мира – это не изображение мира, но мир, понятый как картина*. Именно в Новое время мир, представленный человеку как картина, мир, *предметно противопоставленный ему*, переходит в сферу его компетенции и распоряжения. Здесь мир превращается в объект, резко про-

тивостоя человеку - познающему субъекту Практически об этом же говорил и Николай Бердяев, выдающийся русский философ, в своей работе «Смысл творчества». Он сравнивал науку с оккультизмом, с «черной магией», видя в последней «колыбель» науки: корыстную жажду овладения природой и добытия из нее всего, что дает силу человеку, наука получила от них. Вся психология науки, по Бердяеву, родственна «черной магии», ибо и та, и другая жаждут власти над природой. Критике подвергается сама позиция научного знания, в том числе и гуманитарного, рассматривать мир *только как объект познания и освоения, «по ту сторону»* от важнейших экзистенциальных (смысложизненных) вопросов, значимых для каждого человека. «Все, чем мы непосредственно озабочены в нашей жизни, избегает строгих характеристик науки. Жизненная реальность – вне пределов науки», – говорит современный шотландский философ С.Пирст⁵⁴.

В научном знании возводится в абсолют познавательная ситуация, как будто все, что было и есть, всегда существовало только для того, чтобы попасть в лабораторию, как точно сказал М.Мерло-Понти. Здесь мир истолковывается лишь как познавательный объект, т. е. рассматривается как бы лишенный собственной значительности и не могущий быть без специальной санкции познающего субъекта. «Познавать и осваивать. Идти дальше. Чувствовать себя хозяином в мастерской сущего»⁵⁵ – вот главная интенция научного знания.

Применительно к классической социологии как одного из вариантов такого типа научности острое критики направлено на превращение ею человека в объект жест-

⁵⁴ Пирст Стивен. Теории сознания. М.: Идея Пресс, 2000. С.6.

⁵⁵ Лехшиер В.Л. Путь к опыту // Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологическом исследовании. Самара, 2000.

ких социальных технологий, в объект манипулирования. Социология, по образному выражению современного английского исследователя Зигмунта Баумана, «перепутала истину с пользой, информацию с контролем, знание с властью». Она восприняла призыв власть имущих доказать обоснованность социологического знания практическими выгодами, которые она может дать для управления общественным порядком тем, кто следит за порядком и управляет им. Тем самым социология, воспринявшая перспективу управления, стала рассматривать общество «сверху» как материал, обладающий способностью к сопротивлению, как объект манипуляции, внутренние свойства которого нужно лучше узнать, чтобы он стал податливее и восприимчивее к той форме, какую ему захотят придать. В этом своем аспекте классическая социология стала рассматриваться как *усиливающая контроль* над теми, кого *уже* контролируют, как *меняющая ситуацию* в пользу тех, кто *уже* наслаждается лучшим положением. Социологию стали обвинять в том, что она способствует неравенству и социальной несправедливости.

В XX веке резкой критике подвергается Нововременной Познающий Разум в социогуманитарных науках, изучающий человека даже не просто отдельно, но *в бесконечном удалении от исследователя*, «вне положено по отношению к исследующему остраниченному уму» – как точно сказал В.Библер. Сегодня этому подходу противостоит идея того, «что *чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как вещи, как объекты – с ними можно только диалогически общаться*»⁵⁶.

Главная задача социогуманитарного знания *сциентистского типа* – описать, объяснить человека, как он есть сам по себе, «очищенный» от исследовательского субъек-

⁵⁶ Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М., 1986. С.82.

тивизма, любых проявлений его личности. Здесь исследователь – анонимен, ибо выступает от лица Познающего Разума, абстрактного Субъекта познания, действующего в соответствии с универсальными законами дедуктивной логики. В XX веке начинает четко осознаваться, что такое знание, выстроенное по «лекалам» классической рациональности, не является подлинно гуманитарным, хотя объектом его и выступают человек или социальная группа, как в социологии. Стало понятным, что истинная гуманитарность предполагает «возвращение» исследователя как личности в изучаемый процесс, когда знание представляет собой его *личностную интерпретацию* в акте диалога внутреннего мира другого человека, интерпретацию социального контекста бытия, «инкорпорированной» истории.

В XX веке «лично-нейтральное» знание, произведенное от лица «всеобщего» разума, подвергается критике еще и по другой причине. Это знание, вырабатывающее универсальные законы, рассматривается как *производящее норму*, как принудительное, предписывающее для всех и потому являющееся «скрытыми стратегиями власти»⁵⁷, власти интеллектуалов над людьми, не принадлежащими к этой группе. В самом деле, интеллектуалы (прежде всего, ученые), создавая те или иные понятия, категории мышления, идеологии, мировоззренческие системы, *производят норму*, которой пользуются все. Видимо, Н.Козлова права, говоря, что «все мы, прошедшие школу образования, пользуемся оппозициями: теоретическое – практическое, научное – обыденное, элитарное – массовое, прогрессивное – отсталое, внешнее – истинное и т.д.»⁵⁸.

⁵⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

⁵⁸ Козлова Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ, 1999. С.140.

Вместе с тем эти оппозиции – плоды деятельности интеллектуалов, которые потом через систему образования «навязываются» всем остальным. Проблема здесь в том, что мы (т.е. все остальные) принимаем их за объективные свойства мира.

Понятно, что, живя в мире, невозможно избежать его категоризации, властных категориальных рамок, которые нам услужливо предоставляют интеллектуалы. Проблема эта достаточно сложна. Вместе с тем рассмотрение нововременной формы научного знания как производителя скрытых стратегий власти – одна из глобальных к нему претензий.

Существует еще одна причина, очень точно уловленная Юргеном Хабермасом: *стала явной неудача универсальных наук об обществе, не сумевших выполнить свои теоретические и практические обещания: по его мнению, известная кейнсианская экономическая теория оказалась не в состоянии предложить действенные мероприятия в политике и экономике; в психологии провалились притязания теории обучения на универсальность, а всеобъемлющая теория Т.Парсонса никак не согласовывалась с социологическими исследованиями. Все это открывало путь для альтернативных начинаний.*

Следует выделить и причину *онтологического плана*, входящую в круг глобальных, – это *кардинальное изменение характера самой социальной жизни*, который так или иначе осмысливается социальным исследователем, когда он разрабатывает понятия или более сложные познавательные конструкции – теории. В этом смысле вступление западного общества в индустриальную современность в конце XIX века «потребовало» теорий, оправдывающих *экономическую целерациональность вместо исследования конкретных разнообразных жизненных форм*. Эти теории создавались в рамках методологии классической науки об-

разца XVII–XVIII вв. с их верой в безграничность человеческого разума, стремлением преобразовать природу и человека в соответствии с идеальным Проектом. Цивилизация Модерна, как многие сегодня называют эту эпоху, – это эпоха Проекта.

В середине XX века на Западе, а сейчас и у нас в России – иная социальная ситуация. Переходность западного и российского общества (хотя это совершенно разные переходности), усиление плюрализма, политические решения, в которых изначально закодирована множественность интерпретаций, смена духовных ориентиров в российском обществе, множественность оценок исторического прошлого, настоящего и будущего страны, – все это создает атмосферу стихийного постмодернизма общественной жизни с ее нестабильностью, непредсказуемостью, риском обратимости. Очевидно, что такая *«лоскутная» социальная реальность нуждается в иных познавательных средствах*, способных «схватить» это многообразие, эту изменчивость и переходность.

Причины *внутреннего порядка* в нашей классификации – это те стороны познавательного процесса в рамках классического подхода в социологическом исследовании, которые подвергались критике изнутри: со стороны социологов-эмпириков, накопивших к этому времени немалый опыт таких исследований. Более всего социологи были не удовлетворены *опытом использования математики: методами многомерной статистики, математического моделирования* для описания и объяснения социальных явлений.

В самом деле, статистическая традиция, которую вобрала в себя классическая социология, предполагает, что изучаемые объекты существуют *независимо друг от друга*, отдельные их свойства *хорошо вычленяются и также независимы друг от друга или связаны простейшими зависимостями*. Она также предполагает, что *выявление харак-*

теристик, описывающих целостность объектов из их элементарных первичных свойств, не представляет сложности. Вместе с тем на Западе в 70-е годы, а в России значительно позже – в 90-е годы приходит осознание того, что для социальных объектов – это *слишком большие упрощения*: формально-логический аппарат математики не в состоянии достаточно достоверно описать и объяснить всю сложность социального объекта, для которого характерны *неавтономность его отдельных свойств, нелинейная их зависимость, «вписанность»* в более широкий социальный контекст, *временная изменчивость* и т.д. В социологическом сообществе все больше утверждается мысль о том, что «стыковка» математики и социологии – невероятно сложная проблема, несмотря на значительные усилия математиков и социологов по «привязыванию» новейших математических моделей и оригинальных математических аппаратов к потребностям социологической науки.

Еще одна принципиальная «внутренняя» претензия состояла в *невозможности в рамках классического подхода описать реальную целостность социального объекта*, это сочетание порой несочетаемого, противоречивого. Действительно, сама установка количественного подхода на представление социальной характеристики, как правило, латентной (скрытой, внутренней) через ряд заместителей-индикаторов, которые потом, логически соединенные исследователем, будут характеризовать меру выраженности ее сущности, начинает казаться сомнительной.

А как быть со сложными социальными характеристиками, такими реальными целостностями, как тип сознания, стиль жизни, качество потребления? Даже представление каждой из них «вселенной» показателей (что практически невозможно осуществить в реальном социологическом исследовании) все-таки не дает возможность выявить реальную целостность этих социальных характеристик.

К недостаткам классической социологии можно отнести и *невозможность изучить социальный объект в его временной изменчивости*, обусловленной как генетической природой объекта (например, взрослением подростков), так и социальными процессами. Лонгитюдные исследования, пытающиеся описать поколенческие сдвиги в формах поведения, типах сознания, где на протяжении десятков лет изучаются одни и те же люди, находящиеся на разных этапах жизненного цикла, скорее экзотика, нежели реальная исследовательская практика.

В социологическом сообществе накопилась также определенная *неудовлетворенность методами классического исследования*, и, прежде всего, стандартизированным интервью, анкетным опросом как инструментами, где методологические посылки позитивистской парадигмы в социологии выражены наиболее отчетливо.

Пришло осознание того, что стандартизация вопросов и предлагаемых вариантов ответов отнюдь не гарантирует *однозначности их восприятия со стороны респондентов* (на этом постулате построена вся идея измерения социальных признаков). Стало ясно, что заранее предложенные формулировки вопросов и ответов оказывают внушающее воздействие на респондентов, не позволяя получить ответы, *выходящие за рамки предпосылок*, в неявном виде содержащихся в формулировках ответов и вопросов. Стало понятно, что у респондентов существует значительная разница в мотивации ответов на предлагаемые вопросы, да и значимость их для них разная и т.д.

Кроме того, возникло убеждение, что количественные данные, полученные в результате опросов, вовсе не являются объективными – это просто сумма ответов на стандартизированные вопросы. Ответов, которые, по мнению современного французского социолога Д.Берто, являются полностью субъективными сами по себе и остаются та-

ковыми, «даже если вы закодируете их цифрами, перемешаете и создадите средние статистические показатели». ⁵⁹ «Каким бы способом вы не готовили кошек, или даже репрезентативную выборку кошек, они от этого не превратятся в кроликов», – остроумно замечает он.

В целом, подводя некоторый итог, можно сказать, что на таком фоне глобальных и внутренних причин, несомненно, взаимообуславливающих друг друга, и произошло конституирование качественной парадигмы в социологии.

4. Теоретические истоки

Качественный подход в социологическом исследовании уходит корнями в целую гамму концепций, теоретических направлений, сложившихся в европейской и американской социальной философии в конце XIX – начале XX вв. Созданные выдающимися социальными мыслителями В.Дильтеем, М.Вебером, Г.Зиммелем, А.Шюцем, У.Джеймсом, Дж.Дьюи, во многом различающиеся друг от друга, они, тем не менее, в методологическом плане противостоят позитивизму, натурализму, являя собой другой альтернативный способ познания общества.

Эта идеология антипозитивизма, антинатурализма позже была «подхвачена» философами, во многом определившими облик социального знания в XX веке: Г.Мидом, Г.Блумером, Г.Гарфинкелем, П.Бергером, Т.Лукманом, И.Гофманом и др. Созданные ими концепции и направления символического интеракционизма, этнометодологии, социального конструирования реальности, феноме-

⁵⁹ Берто Д. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. СПб., 1997. С.17.

нологической социологии, драматургической социологии каждая по-своему определила черты качественной социологии. Конечно, объемы этой книги не дают возможности подробно остановиться на этих и других социальных теориях и направлениях, ставших философской колыбелью качественного подхода. Тем более, понятно, что невозможно это сделать и применительно к творчеству создателей этих теорий в целом, представить их в живом сплетении присущих им парадоксов. Нас, прежде всего, будет интересовать *методологический аспект их творчества*, вопросы познания, как они понимались и рассматривались ими.

4.1. Концепция понимания в работах В.Дильтея и Г.Зиммеля

Немецкий социолог Вильгельм Дильтей (1833 – 1911 гг.)

вошел в историю социологии прежде всего своим резким противопоставлением наук о природе наукам о духе (позитивизм, как мы помним, наоборот, уравнивал их). «Природу мы объясняем, а духовную жизнь понимаем» – главный тезис Дильтея. Он полагал, что данные гуманитарных наук (наук о духе) в отличие от изучения физических явлений в естествознании берутся из *внутреннего опыта*, из непосредственного наблюдения человека над самим собой и над другими людьми и отношениями между ними. «Социальные факты понятны изнутри. Понимая их, мы оживляем это воспроизведение исторического мира любовью и ненавистью, всей игрой наших аффектов. Природа же нема для нас. Она для нас есть нечто внешнее, не внутреннее. Общество же – это наш мир»⁶⁰.

⁶⁰ Цит. по: Филиппова А.В. Обоснование теоретической социологии: введение в концепцию Г.Зиммеля // Зиммель Г. Избранное. Т.2. М.: Юрист, 1996.

Для В. Дильтея, а позже и для Г. Зиммеля, М. Вебера понимание – это всегда *понимание по аналогии*. Человек осознает свое существование в мире через непосредственное внутреннее переживание. Сходство душевного мира разных людей, сходство психических структур дают возможность сопереживания, сочувствия. На основе переживания и *понимания себя самого*, в постоянном взаимодействии того и другого образуется понимание чужих «жизненных выражений и личностей». Понимание всегда направлено на единичное и состоит в том, чтобы постигнуть это единичное в его жизненной связи. Постигая чужое, понимающий опирается на свой внутренний опыт, поскольку он изначально находится в некоей связи Я и Ты. Дильтей увидел непосредственную связь *между пониманием другого и самопознанием*: человек может познать себя, если отнесется к себе как к другому; с другой стороны, он может понять другого, только уподобляя себя, свое состояние духовному состоянию другого. В то же время Дильтей подчеркивал, что понимание другого – всегда *истолкование, интерпретация* чужого жизненного опыта⁶¹.

Поскольку непосредственное переживание, на котором основывается понимание, всегда индивидуально, то, по Дильтею, неправомерно и невозможно существование социологии как науки, претендующей на глобальные обобщения. (Мы помним, что на поиск глобальных закономерностей как раз и ориентирована классическая социология).

Немецкий социолог Г. Зиммель (1858 – 1918 гг.) рассматривал теорию понимания, прежде всего исторического

⁶¹ В. Дильтей известен тем, что расширил значение термина «герменевтика», понимаемого еще со времен античности как искусство интерпретации, толкования текста, до теории познания гуманитарных наук.

понимания, также вслед за Дильтеем как *специфическую методологию социального познания*. «Только жизнь в состоянии понять жизнь, – писал он, поэтому всякая объективность, предмет познания должны быть обращены в жизнь». ⁶² Он писал, что использование только общенаучных методов (отстраненных от исследователя), таких как индукция, типологизирование и др., не позволяет *понять смысл* социально-исторических явлений. Необходимо включить в познавательный процесс самого исследователя. Г.Зиммель выделял 2 ступени процесса понимания. *На первой ступени происходит понимание действия, а не действующего лица*. Тип деятельности можно считать понятным, если психические процессы, на основании которых сложилось определенное осознанное социальное действие, вызывает в интерпретаторе ту же самую реакцию, что и в самом действующем индивиде. *Вторая ступень – понимание мотивов и чувств самого действующего индивида*. По мнению Г.Зиммеля, пониманию доступны лишь такие *сочетания переживаний* (представлений и эмоций), которые являются не только моментальными явлениями душевной жизни субъекта – деятеля, но прежде всего *типическими*, имеют общеобязательность типического. Здесь типическое понимается как общее, присущее многим: именно потому, что переживания типичны, а значит присущи и самому исследователю, он может понять переживания изучаемого субъекта.

Вместе с тем Г.Зиммель идет дальше психологизма В.Дильтея, делающего главный акцент в процедуре понимания на «вчувствовании», эмпатии⁶³. Георг Зиммель ставит проблему *обоснованности понимания*, связывая ее с двумя моментами: рациональным логическим осмысле-

⁶² Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Избранное. Т.1. М.: Юрист, 1996.

⁶³ Эмпатия – термин, обозначающий сопереживание.

нием результата (речь идет о представлении его в форме понятий или некой концепции), вписыванием результата в «систему общепринятых ценностей». Здесь это означает сознательный отбор исследователем того фокуса научно-го интереса, который общезначим, представляется важным для социального знания в данный исторический момент⁶⁴.

Итогом понимания здесь выступает не обнаружение причинно-следственных связей (а это, как мы помним, – главная ориентация количественного подхода), а открытие *смысла действия*, заключающегося в связи этого действия с представлениями, потребностями, интересами изучаемых людей. Зиммелевская теория понимания включала исследователя в изучаемый процесс, с одной стороны, как заинтересованного наблюдателя, «включенного» в изучаемое разворачивающееся социально-историческое явление, а с другой – как контролирующего через рациональные механизмы обоснованность выводов.

4.2. Проблема понимания и категория «социальное действие» в трудах М. Вебера

Важнейший антипозитивистский пафос социологии М. Вебера заключается в том, что в отличие от Э. Дюркгейма он рассматривал социальные образования (под ними он понимал государство, разного рода учреждения) не как *самостоятельную социальную реальность*, но прежде всего как *производную* от социальных действий индивидов. Он не исключает необходимости использования в социологии таких обобщающих понятий, как класс, нация, семья и т.д. Но полагает, что эти формы коллективности не являются

⁶⁴ Эта идея позже будет подхвачена М. Вебером в его положении об «отнесении к ценностям».

реальными субъектами действия и потому им в строго научном плане нельзя приписывать ни волю, ни мышление: говорить о коллективной воле или коллективном мышлении можно только исключительно метафорично.

М.Вебер утверждал, что общественные институты – право, религия, политика – должны изучаться социологией с точки зрения их значимости для отдельных индивидов, с позиции ориентированности индивидов на них в своем поведении. В оппозиции индивид – общество он предпочитал делать акцент на индивиде как «клеточке», «простейшем единстве», атоме социума. Предмет социологии по Веберу – социальное поведение индивида.

При этом социология, по мнению М.Вебера, должна изучать поведение индивидов в той мере, в какой индивид вкладывает в него определенный смысл⁶⁵. «Действием, – пишет он, – называется человеческое поведение ... в том случае и постольку, если и поскольку действующий индивид или действующие индивиды связывают с ним субъективный смысл». ⁶⁶ Здесь под термином «субъективный смысл» понимается тот смысл, который вкладывает в свое действие сам индивид. «Социальным же действием» следует, по Веберу, называть такое, которое по своему смыслу отнесено к поведению других, ориентировано на них. Таким образом, веберовское социальное действие включает в себя два момента: субъективный смысл (мотивацию), без которого вообще нельзя говорить о действии, и ориентацию на других, без которой действие не может считаться социальным. Следует сказать, что введение в предмет социологической науки принципа «ориентации на других» было принципиальным, ибо только таким образом, изучая индивидуальное действие (или поведение), можно было

⁶⁵ Для психологии, тоже изучающей поведение индивида, этот момент не является определяющим.

⁶⁶ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

«выйти» на социальное, всеобщее, не придавая в то же время социальному (и прежде всего социальным институтам) самостоятельного статуса: мы помним, что самостоятельный статус социального означает существование социальной реальности *отдельно от индивидов, вне всякой связи с ними*, как вещи, противопоставленной индивидам. Именно так рассматривал социальную реальность Э.Дюркгейм, как мы уже говорили.

Здесь опять социальное, всеобщее, в терминологии М.Вебера, существует лишь в той мере и настолько, насколько оно признается индивидами, ориентирует их поведение. Для М.Вебера любые социальные образования – *только процессы и связи определенных действий отдельных людей*, потому что только люди являются *понятными* для исследователя носителями действий, имеющих смысл.

Категория «понимание», столь тщательно исследуемая В.Дильтеем и Г.Зиммелем, у Вебера рассматривается принципиально по-другому. *Психологическое понимание чужих душевных состояний по Веберу является лишь подсобным*. К нему можно прибегнуть, если действие не может быть понято по его смыслу, при объяснении *иррациональных моментов действия*⁶⁷. Вместе с тем *непосредственно понятным по смыслу является целерациональное действие* индивида. Что такое целерациональное действие? По Веберу, это действие, ориентированное на четко осознаваемую индивидом цель с адекватными, по его мнению, для этой цели (субъективно адекватными) средствами. Для объяснения целерационального действия нет необходимости прибегать к психологии, потому что понять цель индивида, исходя из анализа его душевной жизни, невозможно. Понимание, которое осуществляет социология, – это по-

⁶⁷ Реальное поведение индивидов всегда включает в себя иррациональные моменты, поэтому психологическое понимание индивида всегда присутствует.

нимание действия как целерационального. Означает ли это, что в реальности все наши действия действительно строго осмыслены, целерациональны? По Веберу, конечно, не означает. Реальные наши поступки могут быть очень далеки от «сухой» рациональности. Целерациональное действие выступает у него *«идеальным типом»*, т.е. некой мысленной конструкцией, с позиции которой реальное действие индивида может быть понято. Здесь «идеальный тип» – инструмент, методологический принцип, позволяющий исследователю понять «живую жизнь».

4.3. Прагматизм У.Джеймса и Дж.Дьюи

Прагматизм как важнейшее направление американской социальной философии начала XX века был тем источником теоретических понятий и подходов, которые потом, воспринятые Г.Мидом, И.Гофманом, А.Шюцем, У.Томасом, послужат основанием символического интеракционизма, драматургической и феноменологической социологии, этих теоретических «китов» качественного подхода в социологии.

Прагматизм первым в социальной философии стал рассматривать центральную проблему любой философии – *проблему истины и ее критериев* не в «узком коридоре» гносеологии, по определению ограниченном познающим субъектом и познаваемым объектом, *но в плоскости повседневной жизни индивидов.*

Для философов-прагматиков Ч.Пирса, У.Джеймса, Дж.Дьюи истина не гносеологическое понятие, связывающее результат познания с тем, что познается.⁶⁸ Для праг-

⁶⁸ Мы помним, что в классической науке истинное знание – это знание, соответствующее реальному положению дел, точный слепок изучаемого явления.

матиков истина – прежде всего *спектр практических действий индивидов в повседневной жизни*, ведущих к определенному результату. Антипозитивистский пафос прагматизма состоял в том, что он ввел мир повседневности в предметное поле социальной философии. Точная фраза одного из американских исследователей о Джоне Дьюи «Он обвенчал философию с жизнью» может быть отнесена к прагматизму в целом. Место человека наблюдательного и любопытного, «гносеологического человека», рассматривающего мир *только как объект познания*, здесь занял человек, *живущий в этом мире, действующий в нем, заинтересованный в эффективности своих действий*.

Прагматизм расходился с позитивизмом и трактовкой отношений между индивидом и обществом. Настрой прагматизма – сугубо активистский: человека принципиально следует рассматривать как *действующего субъекта, обладающего волей*, а не как объекта, пассивно подчиняющегося законам природы, способного лишь созерцать и научно познавать независимые от человеческой воли «объективные» процессы в природной и социальной среде. Социальная среда здесь включает в себя другие активные организмы, и человек становится человеком в процессе взаимодействия с этой активной средой. Общество можно понять через анализ взаимодействия и взаимовлияния индивидов. Термин «коммуникация», который станет потом знаковым и будет использован как базовый в символическом интеракционизме и драматургической социологии И.Гофмана, впервые появился здесь, в прагматизме. Фактически само существование общества сводилось в прагматизме к *совокупности процессов коммуникации*, формирующих необходимую для совместной деятельности «общую собственность» (по выражению Дьюи) всех людей на более или менее одинаково понимаемые цели, взгляды, ожидания. Вместо контовско-дюркгеймовского понимания

общества как мощного образования, созданного прошлым, исходным здесь стал образ общества как *чего-то создаваемого по ходу дела, ситуативно*.

Именно здесь, в прагматизме, лежат истоки «конструктивистского» подхода к социальной реальности, который потом станет важнейшей чертой феноменологической социологии: социальная реальность здесь – *непрерывно творимый продукт повседневных взаимодействий, интерпретаций и реинтерпретаций*. Эту текучесть, коллективную «делаемость», конструируемость социальной среды прагматисты выражали в понятии «ситуации». Джон Дьюи, вводя это понятие, утверждал, что поведение человека есть ответ не на какой-либо единичный объект, стимул, событие, но всегда *на оценку ситуации* в целом, опирающуюся на весь контекст накопленного и текущего жизненного опыта. Уильям Томас, а вслед за ним и И.Гофман удачно используют позже этот термин, вводя новый – «определение ситуации». Всякая конкретная человеческая деятельность, по Томасу, оказывается развязкой какой-то конкретной ситуации, и своим термином «определение ситуации» он подчеркивал, что, выбирая сознательно свои линии поведения, действующие субъекты соучаствуют *в создании общих его правил на данный случай*, а не просто следуют неким универсальным, безликим и обязательным нормам. Определение ситуации, по Томасу, это «более или менее ясная концепция условий и осознание индивидом установок»⁶⁹ (своих собственных и других участников. – А.Г.), *ибо установки и ценности других участников – обязательная часть ситуации*. Люди в повседневной жизни принимают решения (т.е. выбирают определенную линию поведения), руководствуясь не научными выкладками, но предположительными умозаключениями об установках других

⁶⁹ Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.354.

участников, и поэтому воображаемые, предположительные значения, приписываемые индивидом словам и делам этих участников, могут иметь самые реальные последствия. Эта мысль очень точно выражена в знаменитой теореме Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям».

4.4 . Символический интеракционизм

Дж.Герберта Мида и Г.Блумера

Теорема Томаса, о которой мы говорили, имеет самое прямое отношение к проблеме *символизма в социальном взаимодействии (интеракции)*, наиболее авторитетно разработанной американскими социологами Джорджем Гербертом Мидом (1863 – 1931 гг.) и его учеником Гербертом Блумером (1900–1987 гг.). Термин «символический интеракционизм», который сам автор его, Г.Блумер, считал «варварским словообразованием», тем не менее очень точно схватывает новаторские идеи, разработанные впервые в рамках этого теоретического направления, Символический интеракционизм, по Блумеру, в конечном счете, основывается на трех теоретических предпосылках.

Первая состоит в том, что люди действуют в отношении «вещей» *на основании значений, которыми для них обладают «вещи»*. Под «вещами» здесь понимается все то, что человек воспринимает в окружающем мире: физические предметы (стулья, деревья, здания); социальные предметы, в том числе и социальные институты (правительство, школа и т.д.); абстрактные предметы (нравственные принципы, идеи и т.д.).

Вторая предпосылка заключается в том, что значения вещей *создаются или возникают во взаимодействии с социальным окружением*.

Третья состоит в том, что эти значения *используются и изменяются* в процессе интерпретации человеком окружающих вещей.

Рассмотрим теперь, как «работают» эти предпосылки, чуть подробнее. Первая говорит о том, что для символического интеракционизма не существует так называемых «миров в себе», для него есть лишь такие «миры», которые *люди конструируют для себя и других*. Эти «миры» состоят из «объектов» или «вещей», относительно которых можно иметь какое-то отношение, наделять их каким-то значением. Само значение этих объектов для разных людей *может быть различным*. «Собака, – пишет Г.Мид, – это возможный товарищ в игре, возможный враг, собственность того или иного лица»⁷⁰. Ключевая мысль Г.Мида состоит в том, что человек осваивает мир через *символические значения*. Человек обобщает конкретную ситуацию до определенного содержащегося в ней смысла: если некто грозит нам кулаком, то тем самым он выражает *определенную мысль*. Значение здесь *не заложено в объектах самих по себе, но в их определениях, которые действующие люди всегда демонстрируют друг другу*.

Как создаются эти символические значения? Здесь мы переходим к одному из главных понятий этой концепции – *интеракции*. Мысль о том, что современная жизнь людей в социальных группах с необходимостью предполагает интеракцию (взаимодействие) между ними, – не нова и присутствует практически во всех социальных теориях. Между тем только в символическом интеракционизме интеракция является тем *главным процессом, который формирует поведение каждого индивида*. Каков механизм этого формирования? По Миду, каждый человек интерпре-

⁷⁰ Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.219.

тирует жест другого (жест у Миды – это и поведение) с позиции своего социального опыта, «ухватывая» тем самым смысл жеста, по-своему *определяя его*. Как же возможна коммуникация, если у каждого участника взаимодействия существует *свое определение* жеста, ситуации в целом?

По Миду, коммуникация возможна за счет создания людьми *общих значимых символов*. «Значимыми символами называются знаки и символические жесты, *вызывающие у индивида то же самое представление о присущих им значениях, что и у первого, и поэтому вызывающие одинаковую реакцию*»⁷¹. Язык представляет собой систему таких значимых символов. Благодаря одинаковым символам языка мы способны *поставить себя на место другого*.

В социальной коммуникации символы выступают знаками, служащими для интерпретации ситуации и обозначения намерения действующего лица. *Если значение их одинаково* для всех участников коммуникации, то в качестве значимых символов они вызывают у Ego (Я) и Alter (Другого) не случайные, а *вполне определенные реакции*. Это означает, что, пользуясь одинаковыми символами (например, языком), Другой может предвосхитить реакцию Я, перенять его позицию, рассмотреть ситуацию с позиции другого человека или, как говорил Мид, «принять роль другого». Благодаря *взаимному принятию ролей* становится возможным *коммуникативное понимание перспектив действия и ролей участников, взаимодействие вообще*.

Антипозитивистский пафос символического интеракционизма в этом ключе как раз и состоит в том, что здесь роли – не раз и навсегда закрепленные образцы, которые индивид должен осваивать в процессе социализации, но ситуативно конструируемые, «схватываемые» в ситуации

⁷¹ Мид Дж. От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.229.

взаимодействия. Здесь действующие лица не просто обладают статусами с четко установленными правилами и ролевыми ожиданиями (как, например, в структурном функционализме), но ставят *смысл и значение каждой роли в зависимость от личной оценки ситуации*, специфических возможностей проявления роли в этой ситуации и от того, как все участники ситуации определяют ее.

Парадокс состоит в том, что индивид *осознает свою собственную идентичность опосредованно*: лишь в том случае, если *смотрит на себя глазами другого*. В самом деле, все, что индивид говорит другому, он говорит и самому себе: в своей основе коммуникация направлена не только на других, но и на самого себя. «Для возникновения идентичности необходимо, чтобы личность реагировала на саму себя»⁷². Самосознание – это процесс, в котором индивид делает *себя объектом собственного восприятия*. Но это возможно лишь в коммуникации: здесь индивид следит за собой, наблюдает себя *глазами другого* и судит о себе по реакции других людей. Рассматривая себя с точки зрения других людей, индивид приобретает *критерии оценки* самого себя.

Принципиальное отличие символического интеракционизма от других социальных теорий, «работающих» в классической парадигме, не только в том, что здесь идентичность – не неизменная сущность, *но всегда процесс, становление*, что очень важно. Дело в другом: во многих теориях человек потому считается социальным существом, что реагирует на социальные условия или ведет себя так, как его научили в группе. Блумер же считает человека «социальным» в более *глубоком смысле*: в качестве существа, который находится в *социальной интеракции с самим собой*, и только потому находится в этом положении, что в

⁷² Мид Дж. Интернализированные другие и самость//Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994. С.224.

его сознании всегда присутствуют воображаемые другие, с позиции которых он и рассматривает себя. Человек социален здесь потому, что *определяет себя* относительно объектов окружающего мира, интерпретирует их, придавая им значения и организуя свои действия в соответствии с этой интерпретацией.

«*Интерпретирующий*» активный человек символического интеракционизма противостоит «*нормативному*» человеку классической социальной методологии, в которой человеческое общество представляет собой *жесткий распорядок жизни с его совокупностью правил, норм, ценностей и санкций*, точно предписывающих людям, как они должны действовать в различных ситуациях. Он постоянно сталкивается с изменчивостью социальных ситуаций, в каждой из которых он вынужден действовать, *интерпретируя и определяя условия своего действия*. Более того, в этой концепции именно такое активное, определяющее поведение индивидов, *взаимное переплетение социальных действий*, когда одни действия вызывают другие и в то же время сами являются реакцией на другие, условием для последующих действий, *создают правила совместной жизни*, а не наоборот: не правила сами по себе создают и поддерживают совместную жизнь людей.

4.5 Драматургическая социология Ирвинга Гофмана

Крупнейший американский социолог *Ирвинг Гофман* (1922 – 1982 гг.), который к тому же был прекрасным писателем (его даже называли Кафкой нашего времени), был последовательным мидовцем. Это означает, что его драматургическая социология «выросла» из символического интеракционизма, вобрав в себя основные его положения:

- социальное поведение людей, решающих очередные проблемы в очередных ситуациях, определяя и переопре-

деляя их, создает социальные правила, социальную жизнь в целом;

все явления, которыми занимается социолог, должны объясняться в координатах социального взаимодействия, где *оно не есть средство*, проводящее какие-то «извне воздействия» на человека, но *сам процесс социальной жизни*, обуславливающий любое социальное явление;

подавляющая часть человеческих взаимодействий носит символический характер в том смысле, что большинство реакций индивидов на других опосредовано фазой интерпретации, на которой происходит наделение значениями предмета взаимодействия.

Гофман использовал эти принципы для микроанализа *особой реальности*, возникающей в ситуации «лицом к лицу», ситуации, где участники находятся в физическом присутствии друг друга и имеют возможность *непосредственно реагировать на действия других*. Для Гофмана – это самостоятельная и полноправная область исследований, не претендующая на «подъем» в «большую социологию». Сосредоточенность на проблемах участников микровзаимодействия, происходящих, как правило, в *обособленных социальных пространствах*, в относительно закрытых микросистемах (организациях, учреждениях), дает основание исследователям Гофмана утверждать, что «опыт Гофмана подрывает надежду на исполнение заветной мечты теоретиков социологии – построить мост между наблюдениями и обобщениями на уровне повседневных житейских ситуаций и обобщениями макросоциологии... Кажется, из чтения Гофмана надо сделать вывод, что лучше эти разные миры исследовать по отдельности».⁷³

⁷³ Ковалев А. Книга Ирвинга Гофмана «Представление себя другим в повседневной жизни» // Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.

Гофман принял концепцию множественности социальных личностей, имеющуюся в прагматизме (У. Джеймс), в качестве отправной точки в своем анализе микросистем взаимодействия. Человек, согласно этой концепции, участвует во множестве разных групп, и поэтому он имеет столько же *разных социальных Я*, сколько существует групп, состоящих из лиц, чьим мнением он дорожит. Каждой из этих групп человек показывает *разные стороны своей личности*. Таким образом, взаимодействие происходит не столько между индивидами как неделимыми личностями, сколько между *разными социальными ликами индивидов*, как бы *между изображаемыми ими персонажами*. Гофман изучает эти маски, личины социальных актеров (или актеров – и то и другое верно), которые в конце концов прирастают к лицу и становятся более подлинными Я, чего то воображаемое Я, каким хотят быть эти люди. *Драматургический подход* Гофмана – это изучение социальных микробразований, в которых осуществляется определенно-го рода деятельность с точки зрения *управления создаваемыми там впечатлениями и определения ситуации*. Это описание приемов управления впечатлениями, затруднений в этом деле, главных его исполнителей и исполнительских команд, организующихся на этой почве. По его мнению, драматургический подход должен дополнить традиционные, имеющиеся в арсенале социологии, для изучения социальных образований: *технический* (с точки зрения организации деятельности); *политический* (с точки зрения властных отношений); *структурный* (проясняющий совокупность горизонтальных и вертикальных отношений); *культурологический* (направленный на изучение культурных норм) и т.д.

По Гофману, люди в ситуации непосредственного взаимодействия действуют так, чтобы намеренно и ненамеренно *самовыразиться*, в то время как другие должны по-

лучить *впечатления* о них. Способность индивида к самовыражению (т.е. к созданию впечатлений о себе), по Гофману, имеет две составляющие: *произвольное самовыражение*, когда он *дает* информацию о себе, и *непроизвольное*, которым он *выдает* себя. Первая включает в себя вербальные символы, используемые общепризнанно, чтобы передавать информацию (например, речь). Это и есть *коммуникация в традиционном и узком смысле*. Для Гофмана важна вторая составляющая – *непреднамеренная, невербальная и более театральная*. При использовании двух этих видов коммуникации действуют объективные ограничения непосредственного взаимодействия между людьми. Эти ограничения влияют на участников и преобразуют *объективные проявления их деятельности в театрализованные представления*. При этом вместо простого исполнения рабочей задачи и свободного проявления чувств люди начинают усиленно *изображать процесс своей деятельности* и передавать свои чувства окружающим в нарочитой, но приемлемой для других форме. У Гофмана для обозначения такого рода поведения используется язык театрального представления. «декорации» и «передний план», разделение сценического пространства житейских игр на *заднюю (закулисную) зону*, где готовится исполнение повседневных, рутинных действий, и *переднюю зону*, где это исполнение представляется другим. Гофман вводит даже и аналог театральной труппы – понятие *команды исполнителей* для участников взаимодействия.

Акцент на сценических аналогиях, использование языка театра для И.Гофмана не самоцель, но тактический маневр, своего рода уловка. На самом деле его главная исследовательская задача – это *«выявление той структуры социальных контактов, непосредственных взаимодействий между людьми, той структуры явлений общественной жизни, которая возникает каждый раз, когда люди*

физически соприсутствуют в замкнутом социальном пространстве». ⁷⁴ Его интересует, как в социальных ситуациях люди преподносят и воспринимают себя, как они координируют свои действия. Очень точно о нем сказал немецкий исследователь Х.Абельс: «Он прослыл таким социологом, который в точных выражениях рассказывает, что особенного и даже немного тревожного на самом деле творится с нами». ⁷⁵

4.6. Феноменологическая социология

Именно этому направлению, становление которого происходило в первой половине XX века, социология обязана тем, что предметом научного теоретизирования стала повседневная жизнь людей. До этого времени миру повседневности в истории общественной мысли, если и уделялось внимание, то в контексте противопоставления чему-то другому, более истинному, более достойному. Философия с самого начала своего существования искала истину не в изменчивой повседневности, но в другом мире, в частности, в мире познания. В классической методологии *жизнь и познание* оказывались в *непересекающихся плоскостях*: Нововременной Познющий Разум всегда ориентирован на реальность, максимально «очищенную» от жизненных переживаний субъекта познания, на мир, который только можно познавать и осваивать, но в котором невозможно жить.

Предтечей этого направления социологической мысли можно считать *феноменологическую философию* и, преж-

⁷⁴ Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон Пресс-4, 2000. С.302.

⁷⁵ Абельс Х. Интеракция, идентификация, презентация. СПб.: Алетея, 1999. С.188.

де всего, выдающегося немецкого философа Эдмунда Гуссерля. Именно Гуссерль, обозначив проблему кризиса европейской науки, обосновал необходимость для социальных наук обращения к повседневной жизни человека, разработав ключевое для феноменологической социологии понятие «жизненного мира».

Предметом феноменологии, по Гуссерлю, является тот мир, с которым человек *вступает в отношение в своем познании*. Опыт человека в мире есть часть его опыта жизни в мире *совместно с другими людьми*. Мир, который кажется нам несомненным, основан на доверии к нему. Этот само собой разумеющийся мир непосредственно переживаемого опыта Гуссерль называет *жизненным миром*. Он является миром вещей, *каким мы его воспринимаем до и вне всякой науки*. Этот мир просто существует, он сам себя утверждает и не требует никаких дополнительных обоснований. По отношению к нему мы обладаем естественной установкой, которая *всегда непроблематична*. Естественная установка является нерелексируемой (т.е. неосознаваемой) и постоянно подтверждает себя через рутину повседневного повторения одного и того же. Жизненный мир есть *несомненная реальность*, т.е. не подлежащая сомнению основа естественного мировоззрения. Американский социолог Альфред Шюц, основатель феноменологической социологии, будучи последователем Гуссерля, главной своей задачей считал *прояснение самой природы исследования в общественных науках*. Как возникают понятия в общественных науках и как они относятся к миру и человеку? Ответить на эти методологические вопросы, по Шюцу, невозможно без анализа процесса приобретения человеком социального опыта как *дорелексируемой, непосредственно переживаемой реальности*, и того, как этот опыт определяет общение с миром. Одним словом, без исследования *конституирования мира сознанием и конструирования че-*

ловеком своего мира. Только таким образом, изучая предельные основания социальности, отвечая на вопрос «как возможно общество?», можно, по Шюцу, построить новую методологию социальной науки, участвуя, тем самым, в разрешении кризиса нововременной формы науки, обозначенного еще Гуссерлем.

В построении новой методологии социальных наук Альфред Шюц отправлялся от гуссерлевского «жизненного мира» и от веберовского понимания социального действия как такого действия, «которое по предполагаемому действующим лицом смыслу соотносится с действиями других людей и ориентируется на него»⁷⁶.

Первая главная его книга «Смысловое строение социального мира» посвящена описанию структур социального мира *с точки зрения действующего субъекта*, прослеживанию перехода от непосредственного личного опыта к социальному как объективному. Фактически – это систематическое описание познания социального мира: Шюц последовательно прослеживает процесс социального познания от субъективно подразумеваемого смысла индивида до понятий социальной науки, претендующих на объективность. Его новая социология – это фактически *социология познания*, где четко устанавливается связь между повседневным миром человека и теоретическими понятиями науки. При этом мир повседневности – это *верховная, первичная реальность*, по отношению к которой наука (как, впрочем, и другие «конечные области значений», в терминах Шюца – мир игры, мир фантазий) выступает лишь *квазиреальностью (псевдореальностью)*. Не случайно главную задачу социальных наук он формулирует так: «науки об истолковании и объяснении человеческого действия и мышления должны начать описания базовых структур

⁷⁶ Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М., 1990. С.602-603.

донаучного знания, которое является само собой разумеющейся реальностью для людей с естественной установкой. Эта реальность представляет собой «повседневный жизненный мир»⁷⁷. Жизненный мир, по Шюцу, – это, *во-первых*, область реальности, где только и возможно взаимодействие с соплеменниками, «строительство» общей среды коммуникации, особая реальность, свойственная лишь человеку; *во-вторых*, область реальности, которая свойственна в качестве *простой данности* нормальному бодрствующему взрослому человеку в здравом рассудке. Простая данность значит здесь переживание действительности как само собой *разумеющейся*, как *непроблематичной*, как *несомненной*; *в-третьих*, это интересубъективный мир, который изначально воспринимается как мир, *общий с другими людьми*, мир, в котором люди взаимно воспринимают друг друга и *имеют значение* друг для друга; *в-четвертых*, это и мир действий, поступков. Это действительность, которую люди изменяют, и *которая изменяет их*.

Можно сказать, что наша естественная установка в отношении мира повседневной жизни определяется нашим *прагматическим мотивом*. Мы действуем в нашем жизненном мире, который сам по себе дает рамки нашему мышлению и действию.

Каким же образом происходит конституирование социального мира? Прежде всего, Шюц делает акцент на несовместимости индивидуальных позиций Я и другого. Каждая индивидуальная позиция определяется биографической ситуацией: обстоятельствами рождения, взросления, воспитания. Для каждого индивида она уникальна и потому превращает «мир вообще» в «мой собственный мир» каждого конкретного человека. Биографическая ситуация создает *перспективу* видения, где индивид оказы-

⁷⁷ Цит. по: Абельс Хайнц. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. М.: Алетейя, 1999. С.87.

вается как бы центром мира, откуда он его интерпретирует. Здесь термин «перспектива» означает не проект будущего, но *особый индивидуальный способ интерпретации*. Вместе с тем биографические ситуации имеют и *много общего*: в процессе воспитания и образования создается знание, которое одновременно является и *общим знанием*, разделяемым многими. Это накопленное индивидом знание, представляющее собой сплав личного непосредственного прошлого опыта переживаний и опыта других людей, переданного родителями, учителями, выступает основой для *определения каждой новой ситуации*, действия в ней, *нового опыта*. Здесь накопленный опыт (запас знаний) есть *типичное знание*, с которым сравнивается новая ситуация, требующая решения.

Типизация начинается тогда, когда *имеющийся* прошлый опыт можно поставить в смысловую связь с решением новой проблемы, *с новым переживаемым опытом*. Смысл возникает тогда, когда все наше рефлексивное «Я» используется в текущих новых переживаниях. Смысл здесь не что иное, как *«самоистолкование переживания о новом переживании»*, по яркому выражению А.Шюца⁷⁸. Если типичное знание оказывается адекватным новой ситуации, т.е. оказывается эффективным, то оно переходит в разряд *привычного знания*, использование которого происходит «автоматически» в повседневных, рутинных операциях. Так каждый человек упорядочивает мир, так формируется его непротиворечивая повседневная «теория», содержание здравого рассудка, которое расставляет все на свои «правильные» места, оберегая нас от сомнений.

Важнейшая методологическая проблема, рассматриваемая в феноменологической социологии, – это *процесс формирования понятий и теории* в общественных науках,

⁷⁸ Здесь значение слова «смысл» не совпадает с обыденным его значением в качестве чего-то разумного, логичного.

его принципиальное отличие от естественных наук. Еще раз повторим: в повседневной жизни люди руководствуются обыденным знанием различных сфер социального мира, в котором они живут. Этого знания, которое, по Шюцу, часто непоследовательно и «представляет все степени ясности и отчетливости, начиная с глубокого понимания ... и кончая слепой верой»⁷⁹, тем не менее, достаточно, чтобы наладить взаимоотношения с людьми, культурными объектами, социальными институтами. Обыденное знание, по Шюцу, так же, как и любое другое знание о мире – научное, например, включает в себя мыслительные конструкции, синтез, обобщение, формализацию, идеализацию, специфичные для соответствующего уровня организации мысли. Естественные науки, строя свои теории в строгом соответствии с принципами формирования понятий в науке, абстрагируются от обыденного знания, поскольку мир природы в том виде, в каком он исследуется естествоиспытателями, ничего «не значит» для молекул, атомов, электронов. Но сфера изучения обществоведа – «социальная реальность – имеет *специфическое значение* и конкретную структуру для людей, живущих, действующих и думающих в ее пределах»⁸⁰. С помощью конструктов обыденного сознания люди интерпретируют этот мир, который они воспринимают как реальность их повседневной жизни. Поэтому, по Шюцу, идеальные объекты, сконструированные обществоведом для познания этой реальности (понятия), *должны извлекаться из идеальных объектов, сконструированных обыденным сознанием, т.е. быть конструктами второго порядка, конструктами конструктов*. Вместе с тем понятно, что конструкты первого порядка (обыденное зна-

⁷⁹ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.487

⁸⁰ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994. С.490.

ние) *всегда субъективны*, т.к. представляют собой личностную интерпретацию индивидом мира, в котором он живет, его определение ситуации. Это означает, что социальные науки, создавая свои конструкты второго порядка – понятия и теории, должны включать в себя ссылку на субъективно значащее действие, т.е. на *значение, которое действие имеет для действующего индивида*: ведь именно оттуда берет свое начало социальная реальность.

В то же время общественные науки, как и все эмпирические науки, должны, по Шюцу, *быть объективными* в том смысле, что подлежат контролируемой проверке и не должны ссылаться на личный неконтролируемый опыт исследователя. Главная проблема здесь в том, как примирить противоречивые принципы, как сформировать *объективные понятия и объективно проверяемую теорию субъективно значащих структур*. Выход из этой проблемной ситуации Шюц видит в том, чтобы понятия научной теории, «эти гомунклусы, которыми обществовед заселяет свою модель социального мира повседневной жизни»⁸¹, строились, во-первых, в соответствии с требованиями логической последовательности (непротиворечивости), что гарантирует их объективность, во-вторых, в соответствии с требованиями адекватности. Здесь адекватность понимается как их совместимость с конструктами повседневного сознания. Признаком такой совместимости, по Шюцу, является *понятность* научных конструктов действующим субъектам.

4.7. Этнометодология Гарольда Гарфшкеля

Авторство в изобретении термина «этнометодология» принадлежит основателю этого направления американскому социологу Г.Гарфшкелю (род. в 1917 г.). В каждой

⁸¹ Шюц А. Формирование понятий и теории в общественных науках // Американская социологическая мысль. С.495.

из частей этого сложного слова фиксируется определенная грань *целевой задачи* данной концепции. «Этно» по аналогии с этнонаукой здесь означает акцент прежде всего на *донаучных представлениях*, вплетенных в ткань повседневной жизни, конституирующих ее: этнография в своем классическом варианте, занимаясь примитивными обществами, изучала такого рода представления, составляющие специфику той или иной культуры. В другой части слова «методология» слышится заявка на познание методов.

В целом этнометодология нацелена на описание и анализ *методов организации практической повседневной жизни*, свойственных той или иной культуре.

Этнометодология является развитием феноменологической социологии, вбирая в себя все ее основные постулаты и двигаясь дальше. Мы уже говорили о том, что А. Шюц констатировал *наличие типизаций*, этих неосознаваемых конструкторов обыденной рациональности, выступающих базой для определения человеком каждой новой ситуации. Этнометодология, принимая эти типизации за данность (Гарфинкель назвал их *фоновыми ожиданиями*), стала *эмпирически* изучать и теоретически описывать *их функционирование*. В знаменитых гарфинкелевских «*кризисных экспериментах*», когда сознательно нарушалось привычное взаимодействие участников, выявлялись те конкретные имплицитные, не осознаваемые правила (методы), с помощью которых обеспечивались коммуникация и взаимопонимание участников, их действия в повседневной жизни.

Г. Гарфинкель выделяет *несколько таких методов* или, по его выражению, «*практических теорий*» в мире повседневности.

Основным является *документальный метод интерпретации*. С помощью этого понятия американский социолог обозначает *поиск образца*, для которого феномен является

типичным. А. Шюц доказал, что мы обладаем способностью к обобщению типичного опыта, т.е. к созданию типичных представлений – фоновых ожиданий по Гарфинкелю. Поиск образца предполагает, что мы сравниваем *новое явление* с прошлым опытом (образцом), с фоновыми, т.е. не рефлекслируемыми ожиданиями, упорядочиваем новое в старом. Именно потому, что мы помещаем новое в рамки нашего *типичного опыта*, повседневная жизнь кажется нам логичной, разумной, непроблематичной. Можно сказать, что мы *ретроспективно истолковываем* каждую новую ситуацию. Вместе с тем это всегда и *перспективное истолкование* – мы ожидаем действие, которое обязательно наступит согласно логике наличных условий.

Поиск образца – всегда *способ упорядочивания нового опыта*. Само стремление к упорядочиванию, поиску смысла является неотъемлемой чертой нашего конструирования реальности. В своих экспериментах Гарфинкель это убедительно доказал. В одном из них он попросил студентов рассказать психотерапевту, находящемуся в другом помещении, о своих проблемах и задать ему ряд вопросов, на которые можно получить ответы «да» или «нет». Вместе с тем по условиям эксперимента ответы были заранее определены, и их последовательность была одинаковой. Студенты же пытались разыскать некий скрытый смысл в заведомо противоречивых ответах. По мысли экспериментатора, поведение студентов, вынужденно ориентированное на *бессмысленную среду*, обнаруживало свойство смущения, неуверенности, внутреннего конфликта, острой и непонятной тревоги. Этот эксперимент убедительно показал, что «мы не можем терпеть неупорядоченности окружающего мира». ⁸²

⁸² Абельс Хайнц. Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. М.: Алетея, 1999. С.159.

Еще один метод (прием), который мы, не рефлексировав, используем согласно Гарфинкелю, – *структурная неопределенность и эллиптический характер высказываний*.⁸³ Именно за счет такой *незавершенности, недоговоренности, смысловой открытости* и возможно понимание, коммуникация в повседневной жизни. Использование такого приема тесно связано с *проблемой индексности*, которой «пропитаны» все наши повседневные коммуникации. *Индексность* (термин Гарфинкеля) означает апелляцию наших коммуникативных высказываний, а также жестов и мимики к *определенному контексту, указание* на него. Феноменологическая социология показала, что обращение к образцу, о котором мы говорили ранее, предполагает «сверку» нового не только с общими типизациями (фоновыми ожиданиями), свойственными той или иной культуре, но и с индивидуальными типизациями, которые в то же время являются общими для узкого круга людей. Это означает, что значительная часть коммуникативных высказываний *понятна только* в специфическом контексте, в котором она используется.

В самом деле смысл восторженного сообщения моей аспирантки «Мы получили регистрационный номер для журнала» *никто не поймет*, кроме узкого круга людей, делающих с недавних пор электронный журнал «Новолжский социальный вестник». Только эти люди знают, что регистрация электронного СМИ – очень хлопотное дело, потребовавшее от нас год переписки с Министерством по делам печати РФ, кучу бумаг и «выбивание» денег за эту процедуру в администрации университета. Поэтому получение регистрационного номера – это наша победа, награда за терпение и труд.

⁸³ Здесь эллиптическое высказывание – это сокращенное высказывание, в котором опущены некоторые звенья.

Индексные выражения всегда направлены на другого человека таким образом, чтобы *подтвердить контекст*, который задан говорящим, т.е. достичь согласия по поводу смысла, который *он сконструировал*. Мы используем индексные выражения неосознанно, создавая совместно общие смыслы. Вместе с тем индексные выражения не только удобны для участников ситуации, но и порой вызывают раздражение других людей, не имеющих общих (контекстных) условий. Именно поэтому в повседневной жизни часто производится *деиндексация*, т.е. попытка произвести некий *общий смысл, понятный всем и каждому*. В то же время чаще всего, как замечает Абельс, «не требуется переводить индексные понятия в объективные *до такой степени*, чтобы любой другой мог бы их понять. Нам достаточно, чтобы это мог сделать *конкретный другой*».

Вместе с тем *знание контекста* у говорящих *все-таки разное*, и поэтому *неопределенность*, сдержанность, некоторая неточность языка выступают *приемом, обеспечивающим понимание*. Отсутствие единого «точного смысла» слов облегчает коммуникацию, давая возможность каждому «вписаться» в творящуюся «здесь и сейчас» социальную реальность.

Еще один прием, который используется нами в повседневной жизни, как показала этнометодология, состоит в том, что действующие люди пытаются представить свои действия таким образом, чтобы они оказались *понятными и приемлемыми* с точки зрения интерсубъективных фоновых ожиданий (типизаций). Это так называемые *практические объяснения*. Когда возникает потребность в таких объяснениях? Прежде всего, когда *действие прерывается*, когда оно не является само собой разумеющимся, непроблематичным, когда оно не удается. По сути такие практические объяснения *сами являются социальными действиями*, направленными на восстановление нарушенного вза-

и взаимодействия или ликвидацию угрозы такого нарушения. Важно подчеркнуть, что практические объяснения не являются *истинными объяснениями* причин действия (или его срыва), но всегда лишь *видимость объяснения*: для восстановления взаимодействия или в случае потенциальной угрозы его прерывания важно, чтобы эти объяснения принимались, считались нормальными, убедительными.

В целом заслуга этнометодологии состоит в том, что, разрушая в своих экспериментах привычный непроблематичный мир повседневных взаимодействий, она обнаружила, выявила те способы, с помощью которых мы конструируем «здесь и сейчас» социальную реальность нашей каждодневной жизни.

Ключевые слова

Овладение миром, стратегия власти, внушающее воздействие, математические методы, понимание, внутреннее переживание, смысл социального действия, прагматизм, действующий субъект, коммуникация, определение ситуации, символический интеракционизм, принятие роли другого, драматургический подход, феноменологическая социология, жизненный мир, типизация, конструктор конструкторов, требование адекватности, документальный метод интерпретации, этнометодология, практические объяснения.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Когда возник качественный подход?
2. Назовите глобальные предпосылки его возникновения.
3. По каким причинам резко упал престиж науки в XX веке?
4. Почему методология классической науки может рассматриваться как производящая скрытые стратегии власти?

5. Укажите «внутренние» предпосылки возникновения качественного подхода.

6. В чем проявляется неудовлетворенность социологов использованием математики в социологии?

7. Каковы претензии к использованию «жестких» формализованных методов в социологическом исследовании?

8. Каково основное содержание концепции понимания у В.Дильтея и Г.Зиммеля? В чем заключается различие подходов к пониманию у этих мыслителей?

9. Что понимал М.Вебер под «социальным действием»?

10. Опишите подход М.Вебера к категории «понимание».

11. Что означает категория М.Вебера «идеальный тип»?

12. Что такое «интеракция» и каким образом с помощью этого процесса символический интеракционизм объясняет поведение людей?

13. Что такое «определение ситуации» в концепциях Д.Мида и Г.Блумера?

14. В чем заключается особенность драматургического подхода И.Гофмана к анализу социального взаимодействия людей?

15. Опишите основные черты жизненного мира по Шюцу.

16. Каким образом феноменологическая социология объясняет упорядочивание мира человеком?

17. Какие требования выдвигает А.Шюц к конструированию научных понятий и теорий?

18. Какова основная цель этнометодологического анализа?

19. Каковы основные методы, с помощью которых человек конституирует реальность мира повседневности?

Литература для дополнительного чтения

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентификация, презентация. Введение в интерпретативную социологию. СПб.: Алетейя, 1999.
2. *Барзгова Е.С.* Американская социология: Традиции и современность (курс лекций). Екатеринбург: Деловая книга, 1997.
3. *Бауман З.* На что указывает постсовременность // Социологический журнал. 1994. №1.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
5. *Бергер Питер, Лукман Томас.* Социальное конструирование реальности. М.: Медум, 1995.
6. *Библер В.С.* От наукоучения к логике культуры. М.: Наука, 1991.
7. *Гофман Ирвинг.* Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон Пресс-Ц, 2000.
8. *Зиммель Георг.* Конфликт современной культуры // Избранное. М.: Юрист, 1996.
9. *История социологии в Западной Европе и США.* М.: Норма-Информ, 1999.
10. *История теоретической социологии.* Т.3. М.: Канон, 1998.
11. *Йонин Л.Г.* Понимающая социология. М.: Наука, 1979.
12. *Козлова Н., Смирнова Н.* Кризис классических методологий и современная познавательная ситуация // Социс. 1995.
13. *Лиотар Ж.Л.* Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.
14. *Маньковская Н.* Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
15. *Мид Д.* От жеста к символу // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.
16. *Мид Д.* Интернализированные другие и самость // Там же.
17. *Новые направления в социологической теории.* М.: Прогресс, 1978.
18. *Розин В.М.* Контекстное полифоническое мышление – перспектива XXI века // Общественные науки и современность. 1996. №5.

19. *Саганенко Г.* Структура эмпирического результата в социологии и проблема его надежности // Социология – 4М. 1993-1994. Т.3, 4.

20. *Смирнова Н.* Классическая парадигма социологического знания и опыт феноменологической перспективы // Общественные науки и современность. 1995. №1.

21. Современная американская социология. М.: Изд-во МГУ, 1994.

22. *Томас У., Знанецки Ф.* Методологические заметки // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.

23. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

24. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.

25. *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993.

26. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в общественных науках. // Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.

27. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социс. 1998. №2.

28. *Schutz A.* The fenomenology of social world. L., 1972.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ КАЧЕСТВЕННОГО ПОДХОДА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Для социологии особенно важен совет не замыкаться на не знающем юмора сцентизме, ибо он нем и глух к буффонаде социального театра. Если социология не последует этому совету, то может стать, что обретение «непрошибаемой» методологии обернется утратой самого мира явлений, который она изначально собиралась изучать.

Питер Бергер. Приглашение в социологию

1. Фокус исследовательского интереса

Ранее мы уже говорили, что термином «фокус исследовательского интереса» мы фиксируем *своеобычность*, *специфический* угол рассмотрения главной оппозиции: «индивид – общество». Классическая социология, как мы уже говорили, делает своим предметом изучение социальных структур, социальных институтов как особой социальной реальности, противостоящей человеку и потому «принуждающей» его поступать определенным образом.

Качественная социология в оппозиции «индивид – общество» в отличие от классической делает акцент на *индивиде как источнике*, «*первоначале*» любой социальности. Здесь общество, его структура – всегда результат *индивидуальных действий* и взаимодействий людей. Конечно, объяснение процесса происхождения социального из индивидуальных действий индивидов в тех социально-фило-

софских концепциях, которые так или иначе определяют облик качественной социологии, – различное, порой даже исключаящее друг друга. Не случайно Г.С. Батыгин в своей известной статье «Миф о качественной социологии» называет эту парадигму «эпистемологической кучей».

**1.1. *Оппозиция «индивид – общество»
в экзистенциализме***

С позиции *экзистенциализма* индивид рассматривается как творец общественной жизни, ставящий перед собой цели, которые и придают жизни определенный смысл. Отправная точка здесь – человек, обладающий свободой воли и ответственностью за свою (и чужую) жизнь. В то же время индивидуальные жизненные проекты (цели, средства) переплетаются с жизненными проектами других людей, соотносятся с ними. В ситуации, когда достаточно много людей создают одинаковые или сходные жизненные проекты, возникают социальные институты. Собственно эти социальные институты, будучи тоже чьими-то проектами (например, семья или спорт), задают цели, а значит, и смысл жизни каждого отдельного индивида.

Пьер Монсон, удачно, как мы видели ранее, использовавший образ парка для описания фокуса анализа классической социологии, придумал и другой – довольно точный – образ «корабля в море» для описания такого (экзистенциального) подхода. В самом деле, в море, где нет видимых ограничений, а есть только безмерное свободное пространство, каждое судно само определяет направление своего движения. В то же время взгляд, обращенный на море, всегда увидит не один корабль, а множество различных кораблей: от огромных океанских лайнеров до маленьких суденышков рыбаков. Более того, при внимательном рассмотрении окажется, что корабли эти движутся по незаметным фарватерам, оставляя на поверхности моря

вполне определенные, меняющиеся узоры. Конечно, эти узоры – результат движения кораблей, их следы. В то же время понятно, что эти «следы» зависят от скрытых отметей и впадин, существующих в море: они создают возможности для возникновения конкретной картины морских узоров. Так и некоторое количество «социоматериальных» факторов, окружающих нас в повседневной жизни, с одной стороны, ограничивают нашу теоретическую свободу, а с другой – создают возможности для реализации наших намерений. Общество здесь – зеркальная гладь моря с плывущими по ней различными кораблями. Социальные структуры в рамках такого подхода (особая картина морской поверхности) создаются из человеческих стремлений к своим горизонтам как своего рода результат поисков своего места в бытии.

Фокус исследовательского интереса здесь – не поиск универсальных причин, побудивших людей поступать определенным образом (куда и откуда плывет корабль), но анализ *самых человеческих экзистенций, конкретных жизненных форм*, а также общей картины оставленных ими напластований, следов.

1.2. *Оппозиция «индивид – общество» в феноменологической социологии*

В рамках другого социально-философского направления – феноменологической социологии – социальное есть результат коллективного *истолкования (определения) повседневной жизни*: предметы внешнего мира существуют *не сами по себе*, а имеют тот смысл, который вкладывает в них общество и тот, который в дальнейшем придают им люди.⁸⁴ Реальность, в которой мы живем, реальность на-

⁸⁴ Вместе с тем сама возможность и даже потребность *по-своему* определять смысл предметов внешнего мира, и это очень хорошо показали

шего конкретного общества – это «человеческий продукт, или точнее *непрерывное человеческое производство*. И в своем генезисе (социальный порядок как *результат прошлой человеческой деятельности*), и в своем настоящем (социальный порядок существует только, поскольку человек продолжает его создавать в своей деятельности) – это человеческий продукт».⁸⁵ С этой позиции социальные институты хотя и воспринимаются людьми как объективные (как дюркгеймовские факты), в действительности же это «*созданная человеком, сконструированная объективность*». Истоки такого порядка – в типизации совершаемых действий как наших собственных, так и других людей (ранее в теме 3 мы подробно останавливались на процессе типизации). При возникновении коллективного знания о «взаимных типизациях поведения» можно говорить о *социальных ролях*. Играя роли, индивиды становятся участниками социального мира: *общество входит в нас через роли и тем самым обосновывает свою реальность для нас*. Здесь при таком подходе социальная реальность не существует сама по себе, она может быть представлена как *конкретная реальность индивидов, живущих в конкретном обществе*.

1.3. Индивидуальное и типическое

Фокус исследовательского интереса в качественном подходе – *микрпроцессы, практика повседневной жизни* как единственная социальная реальность. Отсюда акцент на изучение социального *с точки зрения индивида, действующего*

ученики А.Шюца, известные американские социологи П.Бергер и Т.Лукман, *довольно ограничена*: причина здесь не только в социализации, но и в *рутине повседневных действий, в привычных способах мышления, в habituализации (опривычивании)*.

⁸⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995. С.88-89.

щего на жизненной сцене: определяющего ситуацию и тем самым конструирующего совместно с другими социальные роли и играющего их. Определение ситуации – здесь означает наделение элементов этой ситуации – людей, событий, явлений *индивидуальными смыслами*, в соответствии с которыми индивиды одновременно действуют в рамках той или иной роли и конструируют ее правила и нормы заново. Именно поэтому в фокусе интереса качественной социологии всегда находится индивидуальное: индивидуальное сознание во всей его противоречивости и немыслимом сочетании смыслов и индивидуальное поведение во всей сложности его поворотов и изгибов.

Вместе с тем такой угол зрения не отменяет главной целевой *направленности социологии*, ее сверхзадачи: изучение социальных связей и отношений, *не данных непосредственно*, рассмотрение конкретных человеческих действий как элементов более широких структур. то есть *познание типического в социальном мире*. Акцент на типическом принципиален для социологии. Здесь человек берется не сам по себе, но всегда как член социальной группы, общества в целом.

Любой индивидуальный опыт всегда фрагментарен и по большей части односторонен. Он всегда ограничен миром изучаемого человека и тем узким кругом людей, с которым он общается. Ориентация на типическое знание предполагает *расширение горизонтов*, преодоление *неизбежной неполноты индивидуального опыта*, возможность понять социальный контекст.

В качественной парадигме типическое – *это типика смыслов, значений*, которыми действующие субъекты наделяют жизненно важные вещи, конструируя в коммуникации друг с другом свой повседневный мир. Индивидуальное здесь только потому и представляет интерес, что в нем «отлита», «встроена» социальность. Именно поэтому

индивидуальное здесь – своеобразная призма, сквозь которую социолог пытается «прозреть» общее, типическое.

1.4. Естественный способ получения данных

Акцент на изучение индивидуального в качественной парадигме «законно» сочетается с *естественным способом получения данных* об этом индивидуальном. Это означает, что социологу нужно *так строить процесс исследования*, чтобы не нарушать привычного для акторов уклада жизнедеятельности. Качественное исследование принципиально отвергает исследовательские процедуры, использующие респондентов в качестве «подопытных кроликов», например, такую как эксперимент. Метод опроса, который, конечно, как любой исследовательский инструмент, всегда искусственен, тем не менее здесь трансформируется, стремясь к *наибольшей естественности*. В этом ключе качественные исследования всегда *натуралистичны*: социологи-качественники «предпочитают исследовать людей, вещи и события в естественном окружении»⁸⁶.

2. Исследовательская ориентация

2.1. Понимание как специфический способ познания

Рассмотрение в качественной социологии социальной реальности как принципиально другой, отличной от мира природы, как реальности, в которой люди наделяют любые явления индивидуальными смыслами и значениями, в соответствии с которыми действуют, как совместной *реальности, постоянно творимой вместе с другими людьми*, –

⁸⁶ Punch K. F. Introduction to Social Research. Qualitative and Quantitative Approaches. Sage Publications, London, Thousand Oaks, New Delhi, 1997. P.148-149.

такое видение социальной реальности порождает и другой, нежели в классической социологии, *способ ее познания*. Этот способ называется *пониманием*. В самом деле, ранее мы уже говорили, что социальная реальность классической социологии – это социальный универсум, где властвует *детерминизм*, – вечные и неизменные причинно-следственные связи (законы), обеспечивающие обществу устойчивость и порядок. Познать такую социальную реальность, *значит, объяснить ее*, т.е. *обнаружить, открыть эти причинно-следственные связи*.

Качественная социология принципиально «исповедует» *индетерминизм*, так как полагает, что в социальное действие, являющееся здесь *началом любой социальности*, входят ситуационное толкование, субъективность, рефлексивность, внезапное появление нового, непредсказуемость. Социальная реальность здесь всегда *процесс*, всегда *становление*, всегда *незаконченность, незавершенность*. Она подвижна и конвенциональна⁸⁷ и является продуктом взаимосогласования значений между тесно взаимосвязанными совокупностями действующих лиц. Это значит, что в *так понимаемой социальной реальности* не могут существовать вечные и неизменные законы, которые надо только суметь открыть. *Значащий* социальный мир, в котором все явления что-нибудь *значат* для индивида, находятся в *определенном отношении к нему*, *наделяются им смыслом*, то есть интерпретируются и переинтерпретируются, – такой мир нельзя объяснить,⁸⁸ его *можно только понять*. Понимание здесь еще со времен В.Дильтея и Г.Зиммеля, как мы видели, рассматривается как *специфическая мето-*

⁸⁷ Термин «конвенциональный» означает: полученный путем соглашения.

⁸⁸ Здесь термин «объяснить» употребляется в одном из возможных своих значений, как *научное объяснение*.

дология социальных наук, как только социальным наукам присущий способ познания.

Понимание – это всегда *понимание единичного*, конкретного субъекта действия. По Веберу, нельзя понять действия класса, ибо класс – это не реально действующий субъект, но – понятие, некоторая обобщающая категория.

2.2. Почему исследователь может понять информанта

Понять смысл действия значит *установить связь между действием и намерениями, мотивами, потребностями индивида*. Это удастся сделать исследователю с той или иной степенью успешности благодаря двум обстоятельствам: *во-первых*, при всей уникальности действующего индивида большая часть его индивидуальных смыслов *типична*, то есть обладает общностью с другими людьми и *прежде всего с самим исследователем*: смыслы и нормы социального действия, которые социолог пытается понять, по своей сути *интерсубъективны*, они изначально ориентированы на возможности понимания, коммуникации и неотделимы от языка, которым пользуется индивид. Эта *«общеобязательность типичного»* объясняется общим социальным контекстом индивида и исследователя, процессами социализации, их совместным участием в конструировании правил «социальной игры». В этом плане, чем ближе реальные жизненные условия, в которых протекает жизнь исследователя, к жизненному контексту изучаемых людей, тем больше возможности понимания другого жизненного мира.

В то же время *преувеличение общего или сходного жизненного контекста* для исследователя и исследуемого приводит к существованию неверной, на наш взгляд, среди социологов-качественников точки зрения, согласно которой инвалида лучше поймет инвалид, профессионального

спортсмена – профессиональный спортсмен, проститутку – проститутка. Такая позиция не только фактически отменяет профессию социолога, но и сводит результат качественного исследования к простой репрезентации опыта информанта. На наш взгляд, описать свое понимание проблем информанта, конечно, может человек с совпадающим жизненным контекстом, но «подняться» от «сырых» данных к обобщениям он наверняка не способен.

Все же относительно высокая значимость сходного жизненного контекста не означает, что исследователь с принципиально другим социальным опытом или принадлежащий к другой культуре, нежели у исследуемого индивида, фатально обречен на непонимание чужого жизненного мира, чужой для него культуры или субкультуры. Исследования антропологов доказывают обратное: исследователь *может «понять туземца»*, может понять. «что они о себе думают», хотя никто лучше них самих, конечно, этого не знает.⁸⁹ Дело здесь не в сверхъестественных способностях исследователя, этаким чуде эмпатии и терпения, *думать, чувствовать и воспринимать подобно туземцу*, не в какой-то уникальной *психологической близости* с теми, кого изучают, хотя определенная восприимчивость исследователю, работающему в поле, необходима.

Понять чужую культуру можно, по мнению К.Гиртца, путем поиска и *анализа символических форм* – слов, образов, институтов, поступков, посредством которых люди в рассматриваемых обстоятельствах реально представляют себя самим и другим людям. Задача исследователя здесь – проанализировать, прежде всего, *понятия, «близкие к опыту»* (выражение Гиртца), которые люди часто использу-

⁸⁹ Гиртц К. С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии // Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996. С.93

ют спонтанно, неосознанно, как есть. В них – *реальность жизненного мира, которую хочет понять исследователь*. И для этого совсем не нужно «воображать себя сборщиком риса или племенным шейхом», как он остроумно замечает. Применительно к социологии это означает, что социолог, изучая субкультуры, далекие от его жизненного контекста, например субкультуры беженцев, инвалидов или религиозных сект, должен не столько эмпатийно «вживаться» в их мир, хотя человеческое сочувствие здесь «не вредит делу», сколько пытаться через мир их «близкой к опыту» реальности – мир слов, поступков, представлений себя – понять жизненный мир носителей изучаемой субкультуры.

Во-вторых, понять действие другого человека возможно, рассматривая его с позиции целерационального действия, то есть понимая действие как целерациональное. Поскольку все действия психически здорового индивида в той или иной мере целерациональны, то исследователь может понять действующего субъекта. При этом, чем ближе изучаемое конкретное действие к целерациональному (или, по Веберу, «правильно рациональному»), тем больше возможностей у исследователя понять его.⁹⁰ Что же такое «правильно рациональное» действие? По Веберу, это такое действие, когда средства, выбранные *субъективно* адекватными для достижения конкретной цели, являются и наиболее *объективно* адекватными, то есть это действие, при котором *индивид* выбирает такие средства для достижения (субъективная адекватность), *на самом деле* являющиеся *наилучшими* (объективная адекватность). Разум, который мы используем для соизмерения целей и средств, выбираемых для достижения целей, присущ всем человеческим существам. Поэтому исследователь может извлечь

⁹⁰ Мы говорили о том, что «целерациональные действия», по Веберу, – это не конкретные действия, но идеальный тип.

смысл из наблюдаемого действия не путем догадок относительно того, что происходит в головах действующих, не столько путем «вживания» в чужой исследуемый мир, сколько подбирая к действию мотив, имеющий смысл, и тем самым делающий действие осмысленным для любого исследователя. Рациональное сознание всегда может узнать себя в другом рациональном сознании, т.е. объяснить смысл наблюдаемого действия, *понять его*.

Конечно, эти *принципиальные возможности понимания Другого* не отменяют в принципе эмпатического сопереживания изучаемым людям, психологического «вживания» исследователя в чужую субъектность. Эти психологические приемы не только облегчают понимание чужого жизненного мира, но порой выступают единственным условием, когда жизненная история вообще поверяется социологу. Так, в ходе нашего изучения социальных перемещений бывшей партийной номенклатуры *в период кардинального реформирования* (исследование проводилось в 2001 г.) встречались ситуации, когда нарративное интервью тут же прерывалось или «сворачивалось», если информант чувствовал, что интервьюер не сочувствует «ему», не хочет или не может поставить себя на его место. Вместе с тем следует подчеркнуть, что роль и значение психологического «вживания» все же второстепенна, и в действительности скорее выступает *приемом, техникой* исследователя.

3. Характер получаемой информации

3.1 Понятие интерпретации

Ранее мы уже говорили, что *классический подход*, ориентированный на познание социального мира как вещи, как внешней отделенной от человека реальности, *претендует на производство объективного знания*. Объективность

здесь означает, что знание это должно быть в максимальной степени лишено каких-то бы то ни было личностных черт исследователя, «очищено» от его субъективности. Только таким образом, используя одинаковые для всех, верные на все времена логические средства (в том числе математику как реальное воплощение формальной логики), можно «познать» противостоящую человеку социальную реальность, ее вечные и неизменные с этой точки зрения законы.

Напротив, знание, производимое в качественной парадигме, носит *интерпретативный характер*. Понимание в отличие от *научного объяснения* – всегда интерпретативно, ибо представляет собой *приписывание конкретным исследователем значения (смысла) наблюдаемому поведению или анализируемому тексту, всегда определение его*. Именно поэтому Д.Ритцер назвал ее *парадигмой социальных дефиниций*.

В этом смысле исследовательская интерпретация – это его *субъективная версия* изучаемого явления, которая представляет явление, но одновременно является и *репрезентацией самого исследователя*, его ценностных ориентаций и стереотипов, мироощущения в целом. Интерпретация исследователем того или иного явления в качественной парадигме – всегда *вторичный процесс, всегда конструктор конструкторов* (см. тема 3 этой части). В самом деле, в рамках этого подхода реальный жизненный мир изучаемых людей – это всегда *взаимоинтерпретация*, всегда совокупность конструкторов I порядка, если воспользоваться терминологией А.Шюца. Эти конструкторы представляют собой общие смыслы, значения тех или иных действий, благодаря которым и делается возможной повседневная жизнь человека. Социолог-качественник, обращаясь к транскриптам интервью, текстам писем и дневников, наблюдая за правилами и формами общения людей, всегда имеет дело

с конструктами людей, с их интерпретацией событий. Его исследовательская версия – это всегда конструкт II порядка, всегда интерпретация интерпретаций. Такой способ познания стал образно называться «двойной герменевтикой» или, как называет его современный английский исследователь Т.Шанин, методологией двойной рефлексивности, где «двойная рефлексивность – это отношения внутри “методологического треугольника”»⁹¹. По Шанину, это отношения между: 1) тем, что наблюдается исследователем, 2) интерпретациями исследователя, 3) субъективностью изучаемых людей, выражающейся главным образом в том, как они определяют и объясняют свои поступки, то есть как они их интерпретируют.

Об этом же говорит и Юрген Хабермас, рассуждая о языковых коммуникативных практиках как необходимом условии понимания Другого. В классической методологии, на его взгляд, существует лишь одно фундаментальное отношение: между высказыванием и тем, о чем это высказывание (языком и реальностью). В понимающих же науках таких отношений три: выражая свое мнение (свою версию), говорящий налаживает отношение с другим членом языковой общности (исследователем) и говорит ему о чем-то, имеющем место в мире (о реальности)

Следует сказать, что само сочетание этих интерпретаций в готовом продукте исследования, так сказать, «мера их вклада», могут быть принципиально различными, определяя облик конкретного направления качественных исследований. Сегодня, на наш взгляд, в самом общем виде можно говорить о нескольких таких направлениях. Прежде всего, это научное или тяготеющее к научному направление, хотя

⁹¹ Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

речь идет, конечно, не о нововременной форме научного знания. В исследованиях такого рода интерпретации изучаемых людей и исследовательская версия *принципиально сочетаются на равных*. Можно выделить и *собственно гуманистическое направление*, где «голосам» изучаемых людей, ранее не слышимым, уделяется первостепенное внимание иногда за счет практически полного вытеснения голоса исследователя из готового продукта. Можно обозначить и *собственно постмодернистское направление*, когда в готовом продукте исследования властвует *исключительно исследовательская версия*, фактически оторванная от реального опыта информантов и представляющая прежде всего самого исследователя, его «видение» реальности. Результат такого исследования – не реконструкция изучаемого фрагмента реальности, но *всегда творение новой реальности*. Термин «постмодернизм» здесь употребляется нами в одном из своих значений, в котором он используется в современном гуманитарном знании (философии, литературоведении, истории) и связан с именами современных французских философов Р.Бартом, Ж.Деррида, Ж.Делезом, М.Фуко, Ф.Лиотаром и др. В самом общем виде термин «постмодернизм» понимается как «характеристика... специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире»^{*}.

Одна из граней такого мироощущения – сомнение в возможности рационального постижения мира с помощью *устоявшихся категорий языка – понятий*. Постмодернистская философия говорит о кризисе «именования» в XX веке: познающий субъект уже не может пользоваться единой, устойчивой категориальной системой, *доминирующей над*

^{*} Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов. М.: INTADA, 2001. С.206.

мыслью и навязывающей стереотипы понимания. Для того чтобы уловить ускользающее Бытие, требуется постоянное *пере – именованье*, постоянный поиск новых имен и понятийных схем. С этой позиции только художественное, поэтическое мышление (по ту сторону логического) с его любовью к парадоксу, интуиции, гротеску, ассоциациям представляет собой современный стиль философствования, теоретизирования вообще.

Принципиальная невыразимость реальности («конечного означаемого» на языке философии) с этой позиции побуждает постмодернистское литературоведение, например, не ставить своей целью анализ содержания художественного произведения, т.е. овладение им и фактически производство литературной нормы. Литературно-критическая работа здесь сама является художественным произведением, не «выражением, но творением»^{*} нового текста, выступающего *продолжением* анализируемого. Такой текст демонстрирует интеллектуальную, эстетическую игру автора – критика, выступает способом его самовыражения. Применительно к социологии задача такого исследования – не познание реальности, но *стимулирование опыта других людей – читателей*, побуждение их к какому-то отношению: смеху, получению удовольствия, ощущению «прелести процесса означивания» (интерпретации текста)^{**}.

Еще раз подчеркнем, что у исследователя-качественника нет *прямого доступа к опыту других людей*. Он всегда имеет дело с различными *репрезентациями опыта*.

* Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический проект, 2000. С.14.

** Gubrium Gaber F., Holstein Games A.. The new language of Qualitative Method. New York, Oxford, Oxford University Press, 1997. P.76

3.2. Уровни репрезентации опыта

Английская исследовательница К.Риссман рассмотрела этот процесс более детально, «протягивая» его от реального социального явления до чтения результатов, выводов исследования. Поставив себя в позицию информанта-рассказчика (она рассказывала о поездке в Индию), исследовательница выделила *5 уровней репрезентации (представления)* опыта в качественном исследовании.

На I уровне в потоке сознания *выделяются конкретные* черты наблюдаемого. Прогуливаясь по пляжу, К.Риссман выделила: звуки, издаваемые поющими рыбаками; мужчин, тянувших огромные сети, продающих рыбу женщинам в ярких сари; женщин, водрузивших на головы ведра с рыбой, покидающих рынок, и т.д. На этом уровне определенные феномены делаются значимыми, другие – человек не замечает вовсе.

II уровень *репрезентации* – это конструирование рассказа, нарратива о своих впечатлениях на индийском пляже *совместно со слушателями*. Здесь рассказчик описывает место, персонажей, свои впечатления, связывая рассказ воедино так, чтобы *интерпретация событий стала понятна* коллегам-слушателям. Они, задавая вопросы, реагируя на повествование, тоже активно участвуют в создании *интерпретации события*. В процессе рассказывания появляется *невидимый разрыв* между опытом, который переживала исследовательница, и любой передачей этого опыта: будучи пойманной в «тюрьму языка», по словам Ницше, добраться до идей, которые выражаются этими словами, практически невозможно. С другой стороны, без слов, звуков, движений и образов опыта на пляже не существует. Язык делает его реальным – «наша лингвистическая способность позволяет нам погружаться в царство нашего первичного и эмоционального опыта, находить там действительность, восприимчивую к вербальному пониманию,

... производить далее значимую интерпретацию данного первичного уровня». ⁹² Говоря об опыте, рассказчик также *создает себя*, как он хочет, чтобы слушатели знали его. Личный нарратив неизбежно является и *самопрезентацией* рассказчика.

III уровень репрезентации происходит в процессе транскрибирования устного рассказа, когда производится фиксация действия в письменной речи. Транскрибирование так же, как и первые два уровня, всегда *неполно, частично и избирательно*. Исследователь-качественник, приступая к переводу устной речи в письменную, задает вопрос, каким должен быть транскрипт. Вдумчивый исследователь уже не полагается на «очевидность» языка, а старается передать и знаки присутствия слушателя, все эти «хм», паузы, ударения, «знаете, да», которые были *реальными элементами структуры устного рассказа*. Вместе с тем транскрибирование – это всегда *интерпретативная практика*, в которой устный рассказ всегда преломляется через видение исследователя. ⁹³

IV уровень репрезентации – это анализ транскрипта. Исследователь сидит над страницами печатного текста, «редактирует живую речь, чтобы разместить её между обложками книги, и старается создать смысл и драматическое напряжение. Нужно принимать умный ряд решений относительно формы, упорядочения, стиля передачи, а также того, как размещать полученные в процессе интервьюирования *жизненные фрагменты*» ⁹⁴. В итоге аналитик создает метаисторию или мини-историю, свою соб-

⁹² Riessman Catherine Kohler. Narrative analysis qualitative research methods series. SAGE Publications: Newbury Park. London. New Delhi, 1993. P.11.

⁹³ К.Рисман сравнивает транскрибирование с фотографией, где художник «направляет взгляд зрителя своими линзами и концентрацией образов».

⁹⁴ Riessman K. Ibid. P.13.

ственную версию изучаемого явления: «история о пляже, как и другие подобные ей, рождается снова, но уже на чужом языке».

V *заключительный уровень репрезентации* вступает в силу, когда читатель знакомится с написанным отчетом. Сотрудничество здесь неизбежно, так как *читатель – всегда агент текста, всегда соавтор*, интерпретирующий текст, наделяющий его своими смыслами. Значение текста всегда есть *значение для кого-то*. Следует подчеркнуть, что все формы репрезентации опыта являются *ограниченными портретами реальности*: они частично, избирательно и несовершенно воспроизводят реальность. Значения всегда *неоднозначны*, потому что рождаются в процессе взаимодействия между людьми: между самим собой, рассказчиком, слушателем и записывающим, аналитиком и читателем.

3.3. Задачи интерпретации

Еще один значимый вопрос: каковы возможные задачи интерпретации или что можно интерпретировать? Д.Силвермен выделяет 2 подхода, имеющих место в качественном исследовании:⁹⁵

- реалистический,
- повествовательный (нарративный).

В рамках *реалистического* подхода главная цель состоит в *описании реальности человеческих судеб*. Жизненные истории собираются и представляются читателям как новые «факты» о людях.

Использование *нарративного* подхода предполагает акцент на *способах, методах*, с помощью которых информанты во взаимодействии с интервьюерами производят

⁹⁵ Silverman D. Doing qualitative research. London – Thousand OAKS New Delhi 2000. P.124.

мнения, оценки. Д.Силвермен в качестве примера двух возможных задач интерпретации приводит исследование Д.Миллера и В.Гласнера, проведенное в 1997 г., где анализируются данные глубинных интервью с девушками, попавшими в молодежную шайку бандитов. В рамках *реалистического подхода* основными задачами могут быть описание причин, побудивших девушек уйти из дома. Миллер здесь выделил главные: неподдержка семьи (отсутствие там любви, уважения); психологический комфорт в банде. Кроме того, здесь можно изучать особенности жизненных судеб этих девушек, приведших их в банду: школа, друзья, секс-история и т.д. Реалистический подход имеет высокую степень правдоподобия: *здесь сквозь субъективные смыслы интерпретируется мир социума в терминах внешних социальных структур.*

Этот подход был использован и в руководимом Т.Шаниным уникальном многолетнем британско-российском исследовании российских сел (1990 – 1996 гг.).⁹⁶ Главный смысл исследования состоял в том, чтобы через «голоса снизу» – устные истории жителей сел и наблюдения полевых исследователей, которые по 8 месяцев проживали в каждом из сел, – пробиться в «зоны молчания», недостаточно изученные периоды в политической и экономической истории российского села от начала 20-х до середины 90-х годов. *Нарративный подход* предполагает иное: анализ того, как, каким образом информанты конструируют свои истории (повествования). Ранее мы уже говорили, что этот процесс конструирования (рассказывания) всегда ориентирован на слушателя: история рассказывается так, чтобы быть *понятной, объяснимой.* Этого можно достичь, только апеллируя к *социо-культурным нормам* – «большим нарративам», сложившимся в обществе относительно

⁹⁶ Подробно см.: Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.

изучаемого явления. Поэтому истории, рассказываемые информантами, всегда *культурно обусловлены*, всегда так или иначе соотносятся с этими «большими нарративами» как с нормами, существующими «здесь и сейчас» в общественном сознании. Нарративный подход осуществляется через описание *природы и источников решетки объяснений* (frame of explanations), использованной информантом.

Вот как анализируется Миллером и Гласснером транскрипт фрагмента интервью: *«действительно, это была совершенно нормальная жизнь, одно отличие было – у нас часто были общие сходки: мы играли в карты, курили сигареты, играли в домино, смотрели “видео” Все, что мы делали, было игрой. Вы могли быть удивлены»*. Здесь, отмечают авторы, явная апелляция к тому, что информанты знают, какие представления о молодежи наиболее распространены в обществе, апелляция к стереотипам культуры, историям о шайках. Здесь вместо принятия распространеного определения их поведения как девиантного, асоциального девушка пытается создать представление о нормальности их активности, сопротивляется культурным нарративам о таких группах, существующих в обществе.

Точно так же интерпретацию фрагмента текста интервью одной из девушек *«я использую марихуану, потому что это делают мои друзья»*, можно произвести двояким способом. С точки зрения *реалистического подхода* мы имеем свидетельство того, что курение марихуаны – это часть общения подростков. С точки зрения *нарративного подхода* главный акцент делается на объяснение девушкой поведения – «это делают мои друзья». Это апелляция к конформизму как культурной норме, широко представленной в обществе.

Д.Силвермен приводит еще один пример использования нарративного подхода в исследовании, проведенном американским социологом Саксом. Задача этого исследо-

вания состояла в том, чтобы понять, *какие категории* использовали военные летчики, воевавшие во Вьетнаме, чтобы объяснить свое поведение. Здесь анализируемые тексты рассматривались прежде всего как *репрезентации информантов*. Эту разновидность нарративного подхода Сакс назвал: «Кто они такие? (What they are?)». Вот фрагмент текста: *Интервьюер: «Как Вы себя чувствуете, зная, что даже при всей осторожности вы призваны только для военных целей и, возможно, будете убиты под бомбами?»*

Ответ информанта: «Мне, конечно, не нравится мысль, что я могу быть убит. Но я после этого не потерял сон... Я оказался в Северном Вьетнаме и думал: «Я военный человек и могу стрелять так же, как и другой военный человек». Сакс показывает, что пилот присоединяется к системе моральных норм, которые разделяют и исследователь, и, возможно, читатель. (В противном случае он должен был бы сказать: «Почему Вы об этом спрашиваете?», что было бы проявлением его неподдержки этих норм). Вместе с тем он строит свой ответ, чтобы показать себя в лучшем свете. Категория «военный человек» работает, чтобы защитить его. Эта категория напоминает нам, кто они такие, что военные пилоты делают. Результат этого, по мнению Сакса, усиление идентификации со своим противником, который – «другой военный человек, как я». Таким образом, пишет Сакс, пилот производит категориальную пару «военный человек» и «военный человек» с узнаваемыми обоюдными характеристиками (бомбардировка, стрельба в другого). Отталкиваясь от существующей в обществе нормы относительно убийства людей, пилот, используя категорию «военный человек», тем самым подчеркивает, что никто не должен рассматривать его как убивающего людей: это просто игра со своими правилами.

Точно так же может быть проанализирован текст «наивного ручного» письма Е.Киселевой, который приводят

российские исследователи Н.Козлова и И.Сандомирская. Здесь автор, «выбивая» квартиру для внука в 1987 г., пишет: *«Нет товарищи у нас эсе не Капиталистическая страна, у нас должны быть сознательные люди можить надо делать какие исхождения, коль выставите такой вопрос самовольно. Он Комсомолец да еще допризывник. У меня лопается терпения. Я не гений и не борец за власть советов, а простая женщина которых воспитала двух сыновей и в током гори тем более ыновей, а теперь у них сыновя уже 5 Мущин, которые нужны стране защищать наши рубежы»*.*

Если использовать нарративный подход к интерпретации приведенного текста, то аргументы, которые приводит Е.Киселева, обращаясь к властям, дают возможность понять, какие «большие нарративы» были в ходу в советском обществе. Так, фрагмент *«Нет товарищи у нас эсе не Капиталистическая страна»* говорит об идеологеме заботы о каждом труженике, каждом «простом» человеке, которая циркулировала тогда в СССР. Очень интересны и те доводы, которые она приводит, чтобы убедить «начальников»: *«Он Комсомолец да еще допризывник»* и далее продолжает: *«У них сыновя уже 5 Мущин которые нужны стране защищать наши рубежи»*. Здесь явная демонстрация, с одной стороны, лояльности к советскому государству – *«он Комсомолец»*, которая свидетельствует о норме: благами государства должны прежде всего пользоваться «проверенные», верные коммунистическим идеалам люди. С другой стороны, здесь апелляция и к другой норме: защита советского государства – святое дело для каждого настоящего мужчины.

* Козлова Н., Сандомирская И. «Наивное письмо» и производители нормы // Вопросы социологии. 1996. Вып.7. С.177. В данном отрывке сохранены пунктуация и орфография автора.

4. Языки результата качественного исследования

4.1. Образы результата исследования

Язык результата классического социологического исследования (прежде всего фундаментального) – это язык теоретических понятий и математики, где математика, являясь способом доказательства выдвинутой теоретической гипотезы, «участвует» и в представлении результатов исследования, по крайней мере, на уровне «проверки» гипотезы-следствия.

Язык результата *качественного исследования не однозначен*. Это происходит потому, что в сообществе социологов-качественников существуют *различные представления* о том, что считать итогом такого исследования, разные его образы. Не случайно английская исследовательница К.Панч, подчеркивая огромное разнообразие исследовательских тактик, представлений о результатах, конкретных методах сбора и анализа данных, называет понятие «качественное исследование» «зонтичным» термином, «покрывающим» достаточно разнообразную область исследовательских практик.

Сегодня считается, что итогом исследования могут быть и теоретическая концепция, и комментарий к «сырым» данным, и плотное «пасыщенное» описание, максимально приближенное к языку информанта, и даже сам текст интервью, дневника, полевых заметок в своем первоначальном виде.

Различие в образах результата достаточно принципиально, так как определяет существенные моменты любого исследования: способы обработки первичных данных (или решение о том, делать ли вообще обработку); язык и жанр готового продукта, и, наконец, подходы к оценке его качества.

Здесь, на наш взгляд, можно выделить 4 позиции:

1. Ориентация на производство *теоретического знания*. Сторонники такого подхода в социологии, ведущей свое начало еще от Макса Вебера (Д.Силвермен, З.Бауман, А.Страусс Д.Берто и другие), рассматривают качественную социологию скорее как *определенную (не нововременную) форму научного знания*. Это как раз то научное или стремящееся к научности направление, о котором мы говорили ранее.

2. Ориентация на обобщение первичных данных в *форме комментариев*. Итогом здесь является не теория, но «история», по выражению В.Дильтея, т.е. интерпретативная версия исследователя, не «дотягивающая» до уровня целостной теории.

3. Ориентация на глубокое погружение в естественную сеть событий с целью «засвидетельствовать» изучаемые жизненные меры людей. Такая ориентация характерна для *собственно гуманистического направления*, о котором мы говорили ранее. Главная задача здесь – накапливать «знание из первых рук». Готовым продуктом здесь выступает *простое тонкое (thin) описание* и «плотное», насыщенное (*thick*). По мнению Н.Дензина, современного американского социолога, простое «тонкое» описание есть просто перечисление фактов, событий. Насыщенное же «плотное» описание – это всегда *полное и всестороннее описание изучаемого социального явления*. Оно включает в себя помимо описания фактов еще и описание ряда других элементов:

- социального контекста;
- намерений субъекта;
- развития явления.

Важно подчеркнуть, что «плотное» описание максимально представляет позицию информанта (интерпретация исследователя здесь присутствует в минимальной степени). Кроме того, часто это – укрупнение простого описания, текста, его «свертывание».

4. Ориентация на представление изучаемого явления с помощью языка художественного произведения (собственно постмодернистское направление). Итогом такого типа исследования может быть метафорическое эссе, по языку и стилю приближающееся к жанрам литературного творчества: художественный роман, притча и т.д.

4.2. Язык результата научно ориентированного исследования

Большинство социологов сегодня полагает, что *итогом* качественного социологического исследования должно быть *теоретическое знание*, представляющее собой *определенную взаимосвязь понятий, «далеких от опыта»*, по выражению К.Гиртца. Опи-то и составляют собственно язык науки, язык, на котором говорят специалисты. Конечно, это не универсальные теоретические обобщения, описывающие или объясняющие социальный универсум: качественная социология, как мы уже говорили, не претендует на глобальные обобщения. Ее перспектива – микропроцессы, взаимодействия, происходящие в повседневной жизни. Отсюда и *нацеленность* качественного исследования на *эмпирические обобщения* или *малые-теории* как его результат. Здесь первая часть слова «мини» указывает на масштаб обобщений, значительно меньший, чем в классическом социологическом исследовании. Вместе с тем такой подход содержит в себе серьезную проблему: теоретическое знание, полученное по итогам качественного исследования, с одной стороны, *неизбежно обременено «здравым смыслом»*, с другой стороны, как научное должно быть отделено от него.

Действительно, сам фокус исследования в рамках качественного подхода, акцент на изучении повседневного опыта, который социолог *разделяет вместе с изучаемыми людьми*, создают проблему *специфики тех теоретических*

понятий, которые используются для представления результатов исследования. В самом деле, явления, которые наблюдают и обобщают физики и астрономы, открываются им «в невинном первозданном виде, не обработанными, свободными от ярлыков и готовых определений».⁹⁷ Они ждут, пока физик или астроном не даст им название, не определит их место среди других явлений, *не придаст им значение*. Но изучаемые социологами человеческие действия и взаимодействия *уже были названы и обдуманы*, пусть недостаточно связно и внятно, самими действующими лицами еще до того, как социолог приступил к их изучению, *уже были наделены ими смыслами и значениями*. Поэтому социологи, которым всегда суждено находиться *по обе стороны того опыта*, который они стремятся понять, то есть быть вне его и внутри одновременно, описывая те же самые объекты, могут пользоваться одним и тем же языком. «Какое бы социологическое понятие мы не взяли, – полагает З.Бауман – оно всегда будет отягощено значениями (смыслами), данными ему обыденным знанием и здравым смыслом простых людей».

Более того, ориентируясь на изучение социального явления *с точки зрения действующего лица*, качественная социология обречена на использование понятий, «нагруженных» здравым смыслом, чего нельзя сказать о классической социологии, как правило, «не впускающей» обыденное знание в свои «владения», – она считает его ложным, «неправильным», содержащим ошибки.

Вместе с тем ориентация на *научный идеал*, хотя и в другой его форме, на производство *упорядоченной совокупности знания*, требует размежевания со здравым смыслом как *донаучным, повседневным знанием*.

⁹⁷ Бауман Зигмунт. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С.16.

Язык результата такого научно ориентированного качественного исследования – это язык теоретических понятий, «сцепленных» в единую цельную мини-концепцию. Сами термины эти большей частью берутся «взаимы» из числа уже имеющихся в арсенале социологии, что вполне оправдано: они понимаемы и приняты в научном сообществе. Последнее очень важно, потому что новое теоретическое знание, полученное в ходе качественного исследования, рассчитано прежде всего на специалистов, на их восприятие и оценку. В то же время понятия могут быть и принципиально новыми, впервые вводимыми в научный оборот, правда, им предстоит, как правило, довольно трудный путь легитимации (признания «законными») в языке науки.⁹⁸

В целом реальное существование этого принципиального подхода достаточно сложно: с одной стороны, возникает справедливое опасение, что социолог опять окажется «в плену удушающих абстракций, оторванных от реального опыта информантов».⁹⁹ Да и сами эти теоретические конструкты так нагружены различными, порою противоположными смыслами, сформировавшимися за годы существования науки, что их использование не только облегчает понимание специалистами конкретного «случая», в котором «отлита» социальность, сколько его затрудняет.

С другой стороны, понятно, что элементарное простое описание бесконечно рассеяно. Оно запутывается в переплетениях тысяч и тысяч противоречивых обстоятельств и связей. Понятно так же, что «выйти» за границы конк-

⁹⁸ Следует подчеркнуть все-таки определенную относительность четкого разделения терминов (теоретических понятий) и метафор, используемых в повседневной речи: мы уже говорили, что термины часто представляют собой «застывшие», «умершие» метафоры, хотя, как правило, специалисты, использующие их, и не осознают этого.

⁹⁹ Гирц К. Указ. соч. С.92.

ретного текста, «вписать отдельный случай» в сложную многогранную социальную реальность, «схватить» «типическое» в индивидуальном можно прежде всего на *теоретическом языке*.

4.3. Язык исследовательского комментария

Язык исследования, претендующего на комментарий исследователя, принципиально ориентирован на *понимание изучаемой группой и потому приближен к повседневной речи*: в комментариях широко используются метафоры, аналогии, образы, существующие в других областях знания. Здесь в готовый продукт исследования гораздо в большей степени «впускаются» жизненные миры изучаемых людей: широко используются фрагменты интервью анализируемых документов, дневников наблюдения. Это делает текст ярче, полнокровнее, убедительнее, создает иллюзию включенности читателя в изучаемое явление, рождает чувство непосредственного знания. Целевая аудитория таких исследовательских текстов – не столько профессиональное сообщество, сколько общественность, и прежде всего – сами изучаемые люди.

4.4. Язык простого или плотного описания

Язык исследования, ориентированного на простое или плотное описание, максимально приближен к языку информанта.

Такой подход обусловлен как сознательной *антинаучной позицией*, принципиальным нежеланием создавать теоретические конструкции, так и *гуманистическими соображениями* исследователя, характерными для постмодернизма в целом: специалистам, научной элите следует потесниться, дабы дать высказаться изучаемым людям, чьи «голоса из хора» ранее никогда не были слышны. Особен-

но эта позиция сильна в феминистских исследованиях, представляющих собой *особую ветвь качественных*.¹⁰⁰ Феминистски ориентированные социологи часто стремятся «дать женщинам голос» или «вытащить их из невидимости» (to take women from their invisibility), порой стараются просто озвучить их эмпирический опыт.¹⁰¹ Такой подход исследователя определяет и его выбор в пользу языка информанта и потому нередки случаи, когда в реальном продукте качественного исследования «властвует» текст, даже сколько-нибудь серьезно не прокомментированный автором. В рамках такого подхода эмпирический опыт информантов, тип их «мироощущения» приобретают самостоятельную ценность, равную или даже превышающую ценность теоретического обобщения или исследовательского комментария.

5. Логическая стратегия получения знания

5.1. Общая характеристика

Ранее, в теме 2, мы говорили, что для *классического социологического исследования* характерна «нисходящая» дедуктивная логика производства знания: из сформулированных исследователем *теоретических* гипотез логически «выводятся» другие, так называемые гипотезы-следствия, которые и проверяются непосредственно в реальном эмпирическом исследовании. Средством доказательности подтверждения (или неподтверждения) гипотезы-следствия в полном соответствии с методологией классической науки выступает аппарат математической статис-

¹⁰⁰ В наибольшей степени она была распространена в феминистских исследованиях начала 80-х годов, отражая определенный этап в развитии гендерной социологии.

¹⁰¹ Подробно см.: Roberts. Doing feminist research. London, 1991.

тики: группировка (простая или перекрестная), корреляционный анализ.

Все этапы этой стратегии четко отделены друг от друга *не только логически, но и организационно* во времени: сначала выдвижение гипотез (и теоретических и «выводных»), конструирование инструмента с их учетом, затем сбор первичной социологической информации, и наконец, её обработка, анализ и интерпретация, позволяющие сделать исследователю вывод о том, подтвердилась или не подтвердилась выдвинутая в самом начале исследовательского поиска гипотеза.

Для качественного социологического исследования характерна *принципиально другая логическая стратегия*. Она предполагает:

- *индуктивное «восхождение»* от эмпирических данных «наверх» к теории (или эмпирическим обобщениям), и потому эта стратегия называется «восходящей». ¹⁰²

- *взаимное переплетение, одновременность процессов сбора информации и её анализа*, выдвижение гипотез и их проверка. Остановимся на этом подробнее.

В самом общем виде качественные данные – это данные, которые выражаются *нечисловым способом*. Их носителями могут быть рисунки, фотографии, видеоматериалы, различного рода символы и знаки. *Чаще всего* они представлены в виде *вербальной информации*: текста или речи. Важнейшими характеристиками качественных данных являются их *многозначность* и *контекстуальность*. *Многозначность* означает, что одни и те же слова (символы) могут иметь *разный смысл* для людей, их употребляющих, означать разное отношение к явлениям, стоящим за ними. *Контекстуальность* качественных данных означает, что

¹⁰² Понятно, что речь не идет об исследованиях, ориентированных на простое описание, то есть просто воспроизводящих эмпирический опыт информантов.

смысл фраз, фрагментов можно понять, лишь зная контекст их употребления, то есть общую ситуацию «здесь и теперь», в которой они произносились: одни и те же слова, употребленные в разных контекстах, могут иметь различный смысл.

Индуктивное «восхождение» от эмпирических данных к обобщениям означает прежде всего *отсутствие уже готовых, а priori*, гипотез, которые надо только подтвердить эмпирическими данными. Это означает *открытый* характер качественного исследования, его принципиальную *ориентированность на новое* знание, которое «рождается» «здесь и сейчас» в анализе эмпирических данных¹⁰³.

Вместе с тем в этой установке *на новое* существует одна проблема. Среди некоторых социологов-качественников (особенно это характерно для тех из них, кто работает в этнографической традиции) бытует убеждение, что для того, чтобы эффективно работать в качественной парадигме, социолог должен выходить «в поле», не отягощенный знанием «всех тех богатств», которые до него выработала социология или смежные области знания. «Незашоренность» сознания исследователя старыми теоретическими конструкциями выступает с этой позиции важнейшим условием обнаружения нового.

Вместе с тем *понять* в изучаемом явлении, а это, как мы помним, *главная методологическая установка качественного исследования*, можно лишь то, что так или иначе *уже* понято, что *уже* содержится в опыте исследователя. Такова неизбежная плодотворная тавтология процессов понимания. Понимание, как писал М.Мамардашвили, напоминает процесс амплификации, увеличения, как бы фотопроявку того, что *уже* лежит на дне «упсчатлившей-

¹⁰³ В классической практике в эмпирическом исследовании нельзя открыть новое, здесь лишь проверяется теоретическая гипотеза.

ся души»¹⁰⁴. Это означает, что социолог, взявшийся за исследование, должен иметь некоторое *предзнание или предпонимание* о предмете и объекте своего анализа.

Откуда берется это предзнание, если само явление, как правило, мало изучено?

Очевидно, что пальма первенства принадлежит здесь самому исследователю, его социальному опыту, его способности к осмыслению собственных практик и практик других людей, для того, чтобы поставить исследовательские вопросы, определить хотя и смутные, но все же очертания будущей концепции. Весомый вклад в формирование такого предзнания может внести и классическое социологическое исследование, проведенное «до того»: оно, хотя и грубо в самом общем виде (на уровне средних тенденций), но все же «схватывает» изучаемое явление или процесс.

Практически это предзнание или предпонимание должно быть артикулировано *в программе исследования*. Конечно, программа качественного исследования *не должна быть столь жестко структурирована и подробна*, как программа классического социологического исследования. Вместе с тем нельзя забывать, что качественное исследование, как и классическое, – это *познавательный, прежде всего, процесс*, имеющий свои цели и задачи, а также объект изучения. Поэтому в программе качественного исследования должны быть обязательно поставлены *задачи* или *исследовательские вопросы*, направляющие весь процесс поиска, определен *объект изучения*, «прописаны» те или иные (если это возможно) первоначальные *базовые гипотезы*.

В целом логическая структура получения знания в качественной парадигме названа Л. Ньюманом *«логикой*

¹⁰⁴ Мамардашвили М.К. Картезианское рассуждение. М., 1993. С.216.

на практике» в отличие от «реконструированной логики» классического социологического исследования, где реальная логика исследования представлена в системе логически последовательных правил, которые должны всегда соблюдаться. Реконструированная логика – это «вычищенная» модель того, как должно происходить «хорошее» (классическое) исследование. Она представлена в учебниках и является нормой, образцом.

Использование термина «логика на практике» для описания *процедуры производства знаний в качественном исследовании* подчеркивает, с одной стороны, «не отлитый ещё в бронзу», то есть не представленный в виде единой нормы этот процесс. С другой стороны, это характеристика *принципиального отсутствия единого стандарта, указание на «сбивчивость», гибкость, большую долю неопределенности, привязанности этой процедуры к конкретному специфическому случаю*. Методология качественной социологии предполагает, что на процесс исследования могут влиять самые разнообразные неожиданности, случайности, непредвиденные обстоятельства, предусмотреть которые заранее невозможно. Именно поэтому у каждого исследования есть *своя*, во многих отношениях *уникальная* логика. Исследователь должен быть готов к этим случайностям, потому что он приходит в поле для того, чтобы *узнать новое, неожиданное* наравне с ожидаемым. Случайности в этой методологии не носят деструктивного для исследования характера. Напротив, они направляют его в новое русло, способствуют развитию, обогащению исследования.

Здесь гораздо меньшее число правил, да и сами правила разнообразны, так как основаны на суждениях и нормах, разделяемых группой исследователей. Как пишет Ньюман, «здесь многое зависит от их неформальной мудрости, когда они собираются вместе на ланч, чашку кофе

или пива и обсуждают этот процесс»¹⁰⁵.

Вместе с тем, несмотря на гибкий, всегда уникальный характер производства знаний из эмпирических данных, на разнообразие методов и техник перехода к обобщениям, можно выделить ряд правил, характерных для этой логики получения знания.

5.2. Основные правила «логики на практике»

1. Конкретные способы получения знания всегда строятся так, чтобы обобщения или мини-теории *не теряли связь с первичным текстом*, с конкретным изучаемым эмпирическим опытом. По-английски эта потерянная связь обозначается как «ideas off the ground», «Приземление» обобщений, их «укоренение» в первичных данных и отсюда – *бережное отношение к полевым заметкам, текстам, внимание к эмпирическому опыту*, в них представленному – важнейшее правило производства знания в качественном исследовании.

2. В качественном исследовании анализ данных с целью их концептуализации (т.е. создания теории) начинается с *самых ранних фаз* сбора информации. Он здесь не является отчетливой заключительной частью исследования, а «покрывает» весь его процесс. Наиболее ярко эта связь между концептуализацией и сбором данных проявляется в некоторых качественных исследовательских практиках, и прежде всего, в «grounded theory» («обоснованной теории»). Здесь сбор данных не только «позволяет» выдвигать или отвергать гипотезы, но и сам «отталкивается» от выдвинутой гипотезы, ею направляется.*

¹⁰⁵ Neuman L. W. Social research methods : qualitative and quantitative approaches. Boston: Allyn and Bacon, 1994. P.114.

* Подробнее об этом см.: часть 2, тема 2.

3. Производство теоретических обобщений – всегда *циклический процесс*, это перепрыгивание через ступени, иногда путь назад и в сторону, нечто напоминающее спираль, медленное продвижение вперед: гипотеза, которая выдвигается уже в процессе анализа самих первичных данных, то есть в начале исследовательского пути, может быть отброшена после получения других данных; в то же время могут возникнуть другие побочные гипотезы, которые, подтверждаясь новыми данными, могут лечь в основание мини-теории или также быть отброшены в случае не подтверждения.

С точки зрения прямолинейного движения (как в классической социологии) циклический путь кажется неэффективным и сбивчивым. Однако несправедливо считать его хаотическим. Циклический путь весьма эффективен для «схватывания» *целого*, а также оттенков значения. для объединения разношерстной информации в единую непротиворечивую картину. Здесь есть своя дисциплина и строгость.

4. Анализ качественных данных с целью создания теории предполагает *кодирование* как первый шаг, первую ступень индуктивного восхождения к обобщениям. В количественном исследовании кодировка – чисто рутинная техническая процедура. В качественном исследовании кодирование имеет принципиально другой смысл: *это способ организации «сырых» данных*, их уплотнение, «укрупнение», категоризация. Как замечают американские исследователи М.Майлс и А.Хьюберман, «код представляет собой аббревиатуру или символ, прилагаемый к сегменту слов, чтобы классифицировать эти слова... Коды происходят из исследовательских вопросов, ключевых концепций или важных тем. Они являются организующими способами, позволяющими аналитику быстро замечать, выхватывать и размещать в кластеры все сегменты, отно-

сящиеся к определенным вопросам, гипотезам, концепциям или темам».¹⁰⁶

б. Проблема истины

в качественном исследовании

б.1. Объективная истина и истина опыта

Ранее в теме 2 мы говорили, что классическая парадигма с ее нацеленностью на *познание законов объективной*, противостоящей человеку социальной реальности ориентирована на производство *истинного* знания, т.н. *объективной истины*. Не случайно потому и качество классического социологического исследования, его «хорошесть» измеряется *достоверностью* его выводов, т.е. мерой их соответствия истинному положению дел, тому, что «есть на самом деле».

В качественной парадигме – совсем другая картина. Вот как говорит об этом К.Рисман: «Когда люди рассказывают о своих жизнях, они иногда лгут, многое забывают, преувеличивают, путаются и неправильно понимают вещи. Тем не менее, они открывают истины. Данные истины не отражают прошлое таким, каким оно есть на самом деле, стремясь придерживаться стандартов объективности. Вместо этого они открывают нам истины нашего опыта. В отличие от истины в идеале научности истины личных нарративов и других документов, которые изучает социолог, не только закрыты для доказательства, но и не являются самоочевидными. Мы приходим к их пониманию только через интерпретацию, обращая пристальное внимание на контексты, которые люди придают своему тво-

¹⁰⁶ Подробно см.: Miles M.B., Huberman A.M. (1984) *Qualitative data analysis*. Beverly Hills. C.A. Sage.

рению, и на мировоззрения, которые питают их». ¹⁰⁷ Истина опыта – это прежде всего *темпоральный конструкт*, а не раз и навсегда данное знание, которое должно соответствовать действительности. Именно поэтому она не нуждается в математической доказательности, а значит, и в измерении. Качественная социология – *принципиально не измеряющее знание*. Методологи качественного исследования полагают, что измерение вообще, а числовые операции в частности *чужды социальному миру*: «обыденные значения повседневной жизни, по существу, не обладают свойством измеримости. Их основное свойство – осмысленность» ¹⁰⁸. Отвергая измерение, а вместе с ним и весь математический аппарат доказательства истин «на все времена», качественная парадигма производит исследовательские версии.

Они – всегда *частичные*, всегда *альтернативные* истины. Они не претендуют на «истину в последней инстанции, на единственно верное знание, выступающее нормой, – норма производится в тот момент, когда исследователь выступает от лица “всеобщего”, в том числе “рациональности вообще» ¹⁰⁹. Здесь же, в качественном исследовании, знание производится конкретным исследователем со всеми его предпочтениями, пристрастиями, прошлым опытом, способностью к рефлексии и эмпатии одновременно. Более того, выработка множества интерпретаций и даже конфликт между ними *являются не недостатком или поро-*

¹⁰⁷ Riessman K. Narrative analysis, *Qualitative Research Methods Series*, 30. A sage University Paper. P.21.

¹⁰⁸ Новые направления в социологической теории. М.: Прогресс, 1978. С.176.

¹⁰⁹ Мы уже говорили ранее, что такое нормативное знание, получающее свое «подтверждение» с помощью Разума вообще, всеобщих универсальных законов рационального мышления, производит классическая социология.

ком, а достоинством понимания, образующего суть интерпретации»¹¹⁰. Как же соотносятся между собой возможные интерпретации одного и того же изучаемого явления? Следует ли искать «сухой остаток» в разнообразных исследовательских версиях в надежде найти объективное в изучаемом явлении или описание каждой из версий имеет самостоятельное значение, и потребитель исследовательской продукции (читатель, заказчик, специалист) волен выбрать любую, ему понравившуюся? Должен ли быть исследователь озабочен доказательностью своих выводов или вполне приемлем свободный полет фантазии, воображения, не отягощенный бременем доказательств? Сегодня на все эти вопросы однозначного ответа нет.

6.2. Качество качественного исследования

Наиболее распространенной является позиция, вводящая так называемый *постулат адекватности* как методологический принцип. Согласно ей «хорошее» качественное исследование должно *адекватно воспроизводить смыслы изучаемых людей, их жизненные миры*. Л.Ньюман даже вводит для этого критерий – *«глубина понимания»*. Здесь глубина понимается как *мера приближения* результата исследования (то есть исследовательской версии) к тем смыслам, которые присутствуют в анализируемых документах, *то есть к первичным интерпретациям* изучаемых людей, к их *определениям ситуации*. Если исследовательскую версию представить как перевод текста первичного документа (дневника, транскрипта интервью и т.д.) на другой язык – теории или исследовательского комментария, то здесь речь идет о верности перевода, о его соответствии оригиналу. Фактически речь идет не только о соответствии смыслов и исследовательской версии, но и о соответствии *самой*

¹¹⁰ Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997. С.156.

реальности и ее исследовательской версии: в качественной парадигме значения событий и само это событие слиты воедино. По сути это означает, что качественное исследование в рамках такой позиции практически также ориентировано на достоверное «схватывание» реальности, как и классическое.¹¹¹ Эмпирически оценить глубину понимания в конкретном исследовании практически невозможно. В то же время сегодня уже есть ряд «рецептов», предлагаемых социологами-качественниками, для повышения «хорошести» исследований. Сами эти рецепты во многом зависят от того, в какой форме исследователь собирается представить результаты, каким видится язык итогового документа.

6.3. Как повысить обоснованность результатов исследования

В исследованиях, ориентированных на *комментарий исследователя*, где, как мы помним, чаще всего используется язык, близкий к повседневной речи, таким «полезным рецептом» выступает оценка результатов *самими информантами*: если исследовательская версия понятна им, принципиально ими «схватываема», переводима ими в действие, тогда определенное понимание достигнуто, а выводы исследования обоснованы.

В сущности, при таком обращении к информантам как к главным экспертам речь идет о правдоподобии результатов исследования. «Правдоподобное может не соответ-

¹¹¹ Эта «тоска по объективности» свойственна не всем направлениям внутри качественной социологии. Мы уже говорили о так называемом постмодернистском крыле, с позиции которого качественное исследование в принципе не может представить социальный мир истинным образом: оно не может ничего, кроме описания собственного опыта исследователя.

ствовать действительности, но оно всегда отвечает *обыденным представлениям о социально возможном*.¹¹²

Представители *научного подхода*, ориентированные на результат в форме *мини-теории*, предлагают и *другие способы* повышения качества исследования.

Прежде всего, это соблюдение тех норм и правил, которые характерны для *научного исследования вообще*. З.Бауман назвал их *«правилами ответственных высказываний»*. Эти правила требуют, чтобы «кухня» исследователя, то есть вся совокупность процедур, приведших к завершающим выводам и выступающих гарантом их достоверности, *была широко открыта для неограниченного общественного обозрения*; приглашение повторить испытание, может быть, опровергнуть выводы должно быть обращено к каждому желающему. Ответственные высказывания *должны соотноситься с другими суждениями по данной теме*: они не могут просто отвергнуть другие, уже высказанные точки зрения или умолчать о них, как бы эти точки зрения ни противоречили им, сколь бы неудобными они не были.

Еще одним способом, «работающим» на адекватность «схватывания» реальности, повышение обоснованности исследовательской версии является *триангуляция*.

В самом этом термине, введенном в 1970 году в научный оборот английским социологом Н.Дензиным, «умерла» (воплотилась) метафора треугольника как геометрической фигуры, в которой все углы и стороны *всегда соотносятся друг с другом*: буквально triangle (англ.) – треугольник. В самом общем виде триангуляция означает *исследовательскую процедуру соотношения* данных исследо-

¹¹² Качанов Юрий. Начало социологии. СПб.: Алетейя, 2000. С.136. Ориентация на правдоподобие в некоторых направлениях качественной социологии дала основание Ю.Качанову назвать ее «массовой социологией», нацеленной на «массовую аудиторию» вслед за журналистикой или астрологией.

вания с результатами других исследований. В сущности триангуляция является примером *переопределения, приспособления* известного в науке критерия «хорошего» исследования – *«воспроизводимость данных»* к реальности качественного исследования. Н. Дензин выделяет следующие ее виды:

1 – *триангуляция данных*. Этот вид подразделяется на:

- *временную триангуляцию*, связанную с повторным исследовательским проектом;
- *пространственную триангуляцию*, реализующуюся в сравнительных исследованиях.

2 – *исследовательская триангуляция*, при которой сходные ситуации или одна и та же ситуация рассматриваются несколькими специалистами.

3 – *методологическая триангуляция*, в которой выделяются две составляющие:

- *триангуляция теорий*, т.е. использование данных, полученных в *различных теоретических перспективах* в изучении одного и того же комплекса объектов;
- *триангуляция методов*: использование различных методов или различных техник внутри одного метода для изучения одного и того же объекта.

Использование триангуляции особенно в той ее разновидности, когда согласовываются данные, полученные разными участниками исследования – например, понятия ими смыслы одного и того же действия, – неизбежно придает полученному *знанию конвенциональный* (согласительный) характер: «побеждает» та исследовательская версия, которая имеет большее количество сторонников, она убедительна для большинства исследователей.

В целом социологи-качественники, ориентированные на *научный* подход, полагают, что производство качественного исследования *не должно быть защищено от строгости научных стандартов и норм*: полученное знание долж-

но соответствовать законам формальной логики (А. Шюц называл это требование *постулатом логической последовательности*). Хотя обыденное мышление, из которого берут свое начало теоретические конструкции качественной социологии, не всегда отвечает этому условию, *логическая непротиворечивость знания является здесь обязательным требованием*.

Д.Силвермен, продолжая эту линию, полагает, что для того, чтобы оценить, хорошо ли сделано качественное исследование или нет, надо поставить ряд вопросов:

1. Являются ли методы исследования соответствующими природе исследовательских задач?

2. Понятна ли связь между понятиями внутри полученного знания (теории)?

3. Ясны ли критерии, используемые для отбора случаев, сбора данных и их анализа?

4. Осуществлялся ли сбор данных систематически?

5. Существует ли соответствие между характером данных и процедурами их анализа?

6. Насколько систематически был этот анализ?

7. Было ли соответствующее обсуждение того, как темы, категории были извлечены из первичных данных?

8. Было ли соответствующее обсуждение “за” или “против” аргументов исследования?

9. Существует ли ясное различие между первичными данными и их интерпретацией?

Утвердительные ответы на эти вопросы, по мнению английского социолога, являются гарантом обоснованности результатов исследования, их адекватности изучаемой реальности¹¹³.

¹¹³ Silverman D. Ibid. P.177.

7. Позиция исследователя

Ранее в теме 2 мы уже говорили, что в *классическом социологическом исследовании* исследователь-наблюдатель находится *вне изучаемого процесса*, производя знание, максимально очищенное от его субъективности, так называемое объективное знание. В этой методологии, выступая от лица *разума вообще*, он производит знание – норму, знание – истину, непреложную для всех. В этом смысле позиция исследователя здесь – всегда *над массовым сознанием*. Эта позиция вещателя единственно верной истины, которая производится для непросвещенных масс и, естественно, без них. Именно поэтому Бахтин называл такое знание монологичным, а М.Фуко – знанием – властью: социолог здесь теоретически *определяет социальную реальность*, скрытно участвуя тем самым в производстве власти.

В *методологии качественного исследования* – принципиально другая ситуация. Занимая позицию *вне эмпирического опыта* (а это обязательная позиция исследователя в любой парадигме), качественный исследователь одновременно и погружается в этот опыт, *находится внутри него*, будь то наблюдение ситуации изнутри (включенное наблюдение) или чтение «документов жизни»: личных дневников, мемуаров.

Погружение в жизненные миры изучаемых людей, производство знания как исследовательской интерпретации их повседневных интерпретаций принципиально меняет облик этого знания: оно становится *диалогичным*. «Простой» человек, в чей опыт переживания, проживания жизни погружается исследователь, становится ровень с ним, на равных участвуя в исследовании. В этой ситуации взаимного общения, актуального или виртуального (если исследователь общается не «лицом к лицу» с информантом), невозможно а priori решить, как остроумно замечает Юр-

ген Хабермас, «кому у кого следует поучиться»^{*}. Голос социолога оказывается *не единственным и не главным*. «Открывая двери» здравому смыслу, повседневному донаучному практическому знанию, этому голосу масс, ориентируясь на него, качественный исследователь «сходит с пьедестала», теряет свою позицию «всезнающего рассказчика», говорящего от имени Разума. Он один из масс, такой же, как те, кого он изучает. «Мы не говорим за других или от их имени. Мы – это они», – очень точно эту позицию выразила Н.Козлова^{**}.

Выводы, сделанные качественным исследователем, хотя и «схватывают» реальность, тем не менее не претендуют на всеобщность. Они частны и локальны и потому не могут быть нормой, непреложной истиной, «обязательным блюдом» для всех. Именно в этом смысле такая позиция – эта позиция *принципиального неучастия во власти*, в однозначном и тотальном определении социальной реальности.

Возможны ли отклонения от этого принципа? Возможны, если социолог-качественник сознательно выбирает *позицию определения социальной реальности*, выступая как эксперт: в большей степени это, видимо, может происходить в постмодернистски ориентированных качественных исследованиях, где «властвует» практически только исследовательское видение явления.

Ключевые слова

Микропроцессы, повседневность, с точки зрения действующего, становление, незавершенность, смысл, понима-

^{*} Хабермас Юрген. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С.43.

^{**} Козлова Н. Как работать с советским архивом // Методологический потенциал качественной социологии. Самара: Изд-во СамГУ, 2000. С.91.

ние, интерпретация, нарративный подход, язык результата исследования, “восходящая” стратегия анализа, качественные данные, проблема истины, позиция исследователя, глубина понимания.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каков фокус исследовательского интереса в качественном исследовании?
2. Опишите образ социальной реальности в качественной парадигме.
3. Что означает понятие социальное явление?
4. Почему мы можем понять Другого?
5. Каков характер знания, получаемого в качественной парадигме?
6. Каковы возможные сочетания повседневных интерпретаций изучаемых людей и исследовательской интерпретации?
7. Опишите уровни репрезентации опыта.
8. Что такое реалистический и повествовательный (нарративный) подход в качественном исследовании?
9. Какие направления внутри качественной социологии сегодня складываются?
10. Опишите язык и форму представления результата в каждом из этих направлений.
11. Какова логическая структура получения знания в качественном исследовании?
12. Как оценивается качество качественного исследования или опишите проблему истины здесь.
13. Что такое триангуляция и зачем она используется в некоторых направлениях качественной социологии?
14. Какова позиция исследователя в качественном исследовании?

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. *Абельс Х.* Романтика, феноменологическая социология и качественное социологическое исследование // Журнал социологии и социологической антропологии. 1998. №1.
2. *Бауман З.* Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1994. №4.
3. *Бергер П.Л.* Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.: Аспект Пресс, 1996.
4. *Бергер П.Л., Лукман Томас.* Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
5. *Гиртц К.* С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии // Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСАН, 1996.
6. *Готтлиб А.С.* Качественная социология: предпосылки, контуры, проблемы // Сборник научных трудов ученых и аспирантов социологического факультета. Самара: Изд-во Самарского госуниверситета, 2001.
7. *Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е.* Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999.
8. *Клименкова Т.* Значение методологии: три основных подхода // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. Материалы семинаров. М.: МЦГИ, 1997.
9. *Маслова О.М.* Качественная и количественная социология: методология и методы // Социология – 4М. 1995. Т.5–6.
10. *Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях.* Самара: Изд-во самарского ун-та, 2000.
11. *Монсон Пер.* Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М.: Весь Мир, 1995.
12. *Пигров К.С.* Социальная философия. Самара: Изд-во самарского ун-та, 1996.
13. *Руус И.П.* Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. СПб., 1996.

14. *Семенова В.В.* Качественные методы: введение в гуманитаристическую социологию. М.: Добросвет, 1998.
15. *Якубович В.Б.* Качественные методы или качество результатов//Социология – 4М. 1995. Т.5, 6.
16. *Gubrium J., Holstein J.* The new language of Qualitative Method. New York – Oxford. Oxford University Press, 1997.
17. *Neuman L.W.* Social research Methods. Qualitative and Quantitative Approaches. Allyn and Bacon, 1994.
18. *Punch K.F.* Introduction to Social Research. Qualitative and Quantitative Approaches. Sage Publications. London Thousand Oaks, New Delhi, 1998.
19. *Riessman C.K.* Narrative Analysis. London, New Delhi. 1993.
20. *Roberts.* Doing feminist research. London, 1991

**ФУНКЦИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ
И КАЧЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМАХ**

Социальная практика имеет... право требовать от социальной теории по крайней мере того, чтобы хоть некоторые из ее результатов могли быть применены, и чтобы число и значимость этих результатов постоянно возрастали.

У.Томас, Ф.Знаецки. Методологические заметки

Наилучшая служба, которую социология может сослужить людям в их повседневной жизни и сосуществовании, – это стимулирование взаимного понимания и терпимости как постоянных условий общей свободы.

Зигмунт Бауман. Мыслить социологически

Термин «функция», насквозь научный, имеет много значений. Самое распространенное из них, идущее от биологии, – задача части по отношению к целому. Применительно к нашей теме это означает, что предмет нашего разговора – это задачи, решение которых общество возлагает на социологию. Что общество ждет от социологии и что она может дать обществу?

Сама постановка этих вопросов достаточно традиционна и возникает в фокусе классической социологической методологии с ее ориентацией на производство знания как научного в соответствии со всеми канонами этого типа

знания, выработанными еще великими мыслителями Нового времени.

Качественная социология, принципиально отвергающая *такое* научное знание, тем не менее в целом не отвергает такой постановки вопроса, хотя и по-другому отвечает на него. Кроме того, качественная парадигма в некоторых своих направлениях *меняет угол зрения* и по-другому вообще ставит этот вопрос: вместо безликого общества на *авансцену выходят конкретные люди*, конкретные действующие субъекты, нуждающиеся в социологическом знании. При этом к конкретным людям в равной мере относятся и изучаемые, и сам исследователь. Еще раз вспомним: «Мы – это они».

1. Функции классического социологического исследования: общая характеристика

В целом производство социологического знания в классической парадигме ориентировано на выполнение следующих четырех задач:

описание общественных явлений и процессов (описательная функция);

объяснение их (аналитическая функция);

использование в управлении социальными процессами и явлениями (управленческая функция);

использование для целей прогнозирования (прогнозная функция).

В сущности, все эти функции характерны для *любого* научного знания. Первые две – описание и объяснение – собственно *познавательные* задачи: цель любого научного познавательного процесса – описать и объяснить изучаемый фрагмент реальности.

Две другие – *прикладные задачи*: полученное знание

«прикладывается», «приспосабливается» к конкретной ситуации, изменяя ее.

Познавательные и прикладные функции тесно связаны друг с другом. В философии науки, осмысливающей *этот* тип знания, даже существует специальное направление – инструментализм. Сторонники его полагают, что объяснение и описание в науке, т.е. теории, нужны лишь для того, чтобы были достигнуты главные цели – предсказание и изменение изучаемого фрагмента реальности, «спасение явления». Здесь собственно познавательные задачи выступают лишь *средством, инструментом* достижения практических целей¹¹⁴. Один из крупнейших философов XX века Л.Витгенштейн в этом ключе писал в своих «Лекциях по эстетике»: «Одна из наиболее важных особенностей объяснения состоит в том, что оно *обязано снабжать нас предсказанием*. Физика связана с инженерией. Мост не должен рушиться».

1.1. Описание в методологии

классического социологического исследования

Описание в методологии классического социологического исследования предполагает определение *меры выраженности* изучаемого свойства в объекте исследования, *меры представленности его* в различных социальных группах объекта. Так, например, можно описать уровень социального самочувствия населения России, сравнить его в различных социально-демографических группах жителей страны или описать протестный потенциал, меру его

¹¹⁴ В философии науки, впрочем, присутствует и позиция «научного реализма», полагающая, что главная цель научного предприятия – *истинное описание и объяснение явления*. – Подробнее см.: Лаудан Л. Наука и ценности // Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада. Хрестоматия. М.: Логос, 1996.

выраженности в группах работников предприятий различных отраслей промышленности.

Описать социальное явление или процесс как целостность здесь означает описать его структуру, меру представленности *отдельных структурных элементов* изучаемого целого. Так, исследуя явление социальной напряженности, сопровождающей процесс приватизации промышленных предприятий в 1990-е годы, украинский социолог Е.И.Суйменко теоретически выделил такие структурные составляющие:

1. «Вертикальная» конфликтность (отношения взаимного противодействия между наемными работниками и работодателями).

2. «Горизонтальная» конфликтность (отношения конкуренции внутри группы).

3. «Протестные» установки людей.

Кроме того, социальная напряженность у него представлена и 3 уровнями:

государственным;

- региональным;

уровнем отдельного предприятия.

Представляя каждый из выделенных элементов в виде *меры его выраженности* (уровень «вертикальной» и «горизонтальной» конфликтности), наличие «протестных» установок и т.д.), исследователь реализовал функцию *описания* в своем исследовании.¹¹⁵

Достаточно часто описание включает в себя выделение типологических групп изучаемого объекта, определение уровня их представленности.

Описание социального явления предполагает выделение 2 аспектов его изучения: *синхронического* (сегодняш-

¹¹⁵ Суйменко Е.И. Социальная напряженность в приватизационном процессе // Социс. 1999. № 10..

няя ситуация) и *диахронического* (сравнение его изменений во времени).

В исследовании социальной напряженности, о которой мы говорили ранее, наряду с описанием ситуации в конце 90-х, учитывался и *диахронический* аспект: изменение протестных установок в период с 1994 по 1998 гг.

Описание социального явления или процесса происходит на языке классической социологии – языке научных понятий и математической статистики в ее «простых формах»: простые распределения признаков, расчет индексов, «средних» значений признаков, характеристик их рассеяния, описание обобщенных факторов (факторный анализ).

Следует помнить, что сами по себе статистические данные социологии не делают. Они становятся социологией, когда получают социологическую интерпретацию, т.е. соотносятся с социологической теорией. Математические данные здесь лишь исходный материал для социологического описания изучаемого процесса: цифры имеют смысл только в контексте широких *теоретических* обобщений. Как весьма остроумно выразился П.Бергер, «социология столь же сводима к статистике, сколь филология сводима к спряжению неправильных глаголов или химия – к производству в колбе дурных запахов».

Описание является необходимой составной частью *любого социологического анализа* той или иной социальной проблемы; нельзя выдвигать гипотезы о связях изучаемого явления с другими, предварительно не описав его.

Вместе с тем *описательные исследования* имеют и *самостоятельную* ценность, особенно при исследовании относительно новой или малоизученной проблемы.

Наиболее распространенная форма описательного исследования – это массовый опрос населения, социологическая «фотография» мнений, оценок, форм вербального (словесного) поведения и т.д.

1.2. Объяснение в методологии

классического социологического исследования

Задача объяснения (анализа) социальных явлений и процессов предполагает выявление факторов (причин), их порождающих, а также взаимосвязей между элементами этих явлений и процессов.

Объяснить социальное явление или процесс в рамках классической социологии, значит, не просто «скользить по поверхности», схватывая лишь его внешние формы, но выявить его *глубинные, устойчивые, сущностные черты*, т.е. причинно-следственные связи, обуславливающие его функционирование и развитие. Фактически именно в этой функции реализуется *главная исследовательская ориентация классической парадигмы социологического исследования*: познание в конечном итоге закономерностей в отдельных сферах социума.

«Если мы хотим достичь *научных объяснений*, мы должны помнить, что наши факты должны быть определены таким образом, чтобы можно было подвести их под общие законы», – писали У.Томас и Ф.Знанецки в введении к своему «Польскому крестьянину в Европе и Америке».

Ставя задачу *объяснить* (проанализировать) то или иное явление, социолог отвечает на вопросы: как, каким образом, за счет чего *возможны становление, функционирование и развитие этого явления*, т.е. *фактически изучает его механизм*. Для этого социолог теоретически выделяет весь спектр возможных факторов, обуславливающих то или иное социальное явление (по крайней мере, стремится это сделать), – от макроуровня до конкретной социальной ситуации, а затем уже непосредственно изучает влияние наиболее значимых из них на исследуемое явление.¹¹⁶ До-

¹¹⁶ Процедура выделения всей совокупности факторов, определяющих изучаемое явление, называется *комплексным анализом объекта исследования*

казательством существования выделенных явлений в качестве факторов выступает определенная (статистически значимая) мера связи между явлениями-факторами и изучаемым социальным явлением. При этом, чем больше величина этой связи (на языке статистики это «теснота» связи), тем в большей степени в социальной действительности данный конкретный фактор влияет на изучаемое явление, определяет, порождает его.

В полном соответствии с «законами жанра» средством доказательства здесь так же, как и в описательных исследованиях, выступает аппарат математической статистики, только в более «сложных» своих вариантах (корреляционный, регрессионный анализы).

Математика здесь позволяет получить так называемое «объективное» знание, т.е., говоря словами В. Библера, «обнаружить в вещах то, что они есть... «сами по себе», «в себе», «от-лично» от меня и других вещей, очищенные от всех посторонних влияний и искажений».

Так, например, социолог хочет *объяснить* разный уровень учебно-познавательной активности студентов первых курсов и выпускных или студентов технических и гуманитарных вузов. Для этого он должен определить *тесноту* связи между учебно-познавательной активностью и рядом других социальных явлений, выделенных в теоретическом анализе в качестве значимых факторов (причин) – качеством преподавания, уровнем довузовской подготовки студентов, их направленностью на профессию, характером норм, сложившихся в учебной группе, и т.д.

По конкретной величине этой тесноты связи (значение соответствующих коэффициентов) можно судить о «вкладе» этих факторов в учебно-познавательную активность,

и осуществляется в рамках подготовки программы. – Подробно см.: Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Самара: Изд-во Самарского университета, 1995.

т.е. объяснить, что в действительности порождает обнаруженные и описанные социологом различия.

Такой тип объяснения – с опорой на формально-логический аппарат – называется *научным объяснением*. Научное объяснение предполагает получение «истинного» знания, т.е. знания о причинах того или иного явления, существующих в реальности, «на самом деле».

Есть сегодня одна проблема, связанная с практикой социологических исследований. В массовых опросах, как правило, преимущественно изучаются *мнения людей о причинах*, порождающих то или иное явление. Понятно, что изучение восприятия людьми той или иной ситуации дает бесценную информацию для социолога. Вместе с тем *классический подход* предполагает, что личный опыт каждого человека достаточно ограничен, а его *субъективное* рационально-осмысленное *восприятие* (зафиксированное в опросниках) может содержать ошибки, заблуждения, *не точно в принципе*. Отсюда в этой парадигме, ориентированной на получение *достоверного объективного знания*, недопустимо подменять это самое объективное знание о причинах изучаемого явления (доказательством которого является, как мы говорили, математика) *субъективными оценками* этих причин. Вместе с тем на практике это, к сожалению, нередко делается: мнения изучаемых людей о причинах того или иного явления выдаются социологом за «истинные» причины, имеющие место быть в объективной реальности. С точки зрения классической парадигмы социологического исследования, такая информация не достоверна, не соответствует «истинному положению дел».

Конечно, социолог прибегает к субъективным оценкам причин зачастую не «от хорошей жизни»: целый ряд явлений, выступающих причинами другого изучаемого явления, трудно операционализировать, надежно измерить. Вместе с тем эта ситуация, тем не менее, не дает основа-

ний для замены *математически доказанных связей их восприятием*. Социолог, получивший такую субъективную информацию, должен осознавать ее ограниченность, понимать, что она характеризует только *восприятие людьми ситуации*, их видение причин, не более того¹¹⁷.

2. Описание и объяснение в качественной парадигме

2.1. Описание: широкое и узкое значение

Термин «описание» используется в *качественной парадигме* в двух смыслах: широком и узком. В *широком смысле* – это описание исследователем своего понимания, это – вербализация понимания. В этом смысле *любой продукт качественного исследования* – всегда описание.

В то же время в зависимости от *установки* качественного исследования на результат, от *специфики образа результата* можно выделить два его вида:

*простое описание или «плотное», насыщенное;
аналитическое описание.*

Эти два вида описания отличаются друг от друга прежде всего задачами и соответственно языком. Мы уже говорили, что при *простом описании* задача состоит в том, чтобы максимально представить жизненный мир информанта, его интерпретацию событий. Фактически продукт такого исследования – «сырые» данные, «не обработанные» исследователем.

Аналитическое описание нацелено на получение такого продукта исследования, в котором информанты и ис-

¹¹⁷ Далее мы увидим, что такое объяснение – с точки зрения действующего лица – называется семантическим объяснением. Этот тип объяснения не претендует на получение достоверного знания, у него совсем другие задачи.

следователь «участвуют» на равных. Как правило, продуктом аналитического описания выступает мини-теория (концепция) или исследовательский комментарий.

В узком смысле описание противопоставляется объяснению. Результат качественного исследования, который не содержит отсылок к причинам, мотивам тех или иных действий, реализует задачу описания социального явления. Соответственно, если в продукте исследования они представлены, мы имеем дело с объяснением изучаемого явления. Различия, таким образом, между описанием и объяснением в узком смысле состоят в том, что именно содержится в готовом продукте качественного исследования.

2.2. Объяснение: семантическое и научное

Здесь в этой методологии мы сталкиваемся не только с научным объяснением, имеющим место в классической парадигме, но и с так называемым «семантическим» объяснением.¹¹⁸ Этот вид объяснения фактически означает *растолкование*; подобное мы встречаем в лингвистике, когда для объяснения неизвестного слова толковый словарь дает слово со сходным значением. При таком объяснении события и постулки могут растолковываться другому человеку с помощью уточнений, аналогий, указаний на предысторию и смысловой контекст происходящего, приблизительно так в повседневной жизни мы объясняем другу те или иные события. При этом мы стараемся «перевести» это событие на понятный нашему собеседнику язык, исходя из его предполагаемого опыта, нормативных представлений. Семантическое объяснение всегда преследует практическую цель – *добиться понимания* слушателем, оно всегда – *процесс коммуникации*, ориентированный на конкретного слушателя. Такое объяснение может быть успешным,

¹¹⁸ Термин этот принадлежит известному американскому специалисту по логике и философии социальных наук А.Каплану.

если его принял тот, кому оно адресовано, вне зависимости от того, соответствовало ли оно критериям логичности, согласованности отдельных частей, с помощью которых оценивается научное объяснение.

Семантическое объяснение – всегда *понятное конкретному слушателю*, в отличие от научного – «истинного», соответствующего объективным стандартам логики.

Семантическое объяснение в качественной парадигме – это *объяснение смысла событий*, своих поступков изучаемыми людьми, их интерпретация реальности.

А теперь попробуем разобраться, как сочетаются научное и семантическое объяснение в качественном исследовании.

Ранее мы уже говорили, что существует собственно гуманистическое направление в качественной социологии, которое главной своей задачей считает предоставление слова тем «голосам из хора», которые раньше никогда не были слышны. В исследованиях подобного рода, где «властвует» текст в первоизданном своем виде, не «тропнутый» исследователем, присутствует только *семантическое объяснение* реальности – объяснение с точки зрения действующего субъекта»¹¹⁹.

В *научно ориентированных качественных исследованиях*, так сказать исследованиях «объективистского» характера, присутствуют и *семантическое объяснение* ситуации изучаемыми людьми, и *научное объяснение* социолога, которое, как мы говорили ранее, должно быть построено по всем логическим канонам научного доказательства, а также происходить на языке специальных терминов. Результаты такого рода исследований – мини-теория – есть всегда *сплав, «равновесное» сочетание этих двух видов объяснений социальной реальности.*

¹¹⁹ Понятно, что этот текст, чтобы быть объяснением, должен содержать мотивы, причины, обоснования тех или иных событий.

Применительно к исследованиям *постмодернистского направления*, где в продукте исследования слышен преимущественно *только голос социолога*, его интерпретативная версия, «потерявшая» связь с «сырыми» данными, вообще не приходится говорить ни о семантическом, ни о научном объяснении: исследования подобного рода сознательно делаются *вопреки научным канонам*, а их выводы, сделанные в стиле «*fantazy*», не столько *объясняют реальность*, сколько репрезентируют прежде всего самого исследователя, *его взгляд на вещи*».

3. Использование социологической информации в прикладных целях

3.1. Управленческая функция классического социологического исследования

Ранее в теме 1 мы говорили, что *любое научное знание* принципиально ориентировано на его применение в практических целях. Классическое социологическое исследование, производя такой тип знания, в полном соответствии с «законами жанра» нацелено на его использование в управленческих целях: для изменения социальной ситуации и контроля за ней.

Многие полагают, что именно этот практический пафос социологии оправдывает как возникновение, так и существование социологии и социологов.¹²⁰ Социолог здесь играет роль врача, ставящего «диагноз» социальной ситуации и выписывающего определенные «рецепты» для ее «оздоровления» – изменения к лучшему. «Рецепты» –

¹²⁰ Такая позиция социолога предъявляет высокие требования к его ответственности за предлагаемые решения, за участие, в конечном итоге, в изменении социальной реальности.

это определенные направления или конкретные управленческие решения, пригодные для использования «здесь и сейчас», в конкретной социальной ситуации.

Понятно, что исследования на *уровне описания*, когда «схватываются» лишь внешние, «случайные черты», мало что дают управлению. На управление могут «работать» лишь *аналитические (прежде всего фундаментальные) исследования*, основная задача которых – *объяснить социальное явление*, т.е. показать его *в реальной взаимосвязи* с другими, обуславливающими его социальными явлениями (факторами).

Чем достовернее в социологическом знании представлена эта сложная картина взаимосвязи, тем оно полезнее управлению. При этом наблюдается довольно парадоксальный, на первый взгляд, факт: чем фундаментальнее социологическое знание, т.е. чем менее оно «привязано» к конкретной социальной ситуации, тем эффективнее может быть его использование, в том числе и для решения конкретных прикладных управленческих задач.

Парадоксальность эта – мнимая. Объясняя изучаемое явление, социолог выявляет типичные причины, его порождающие, действующие *«повсюду и всегда»* (в отличие от «здесь и сейчас»). Знание причин позволяет определить наиболее существенные *направления изменения социальной ситуации*, а конкретные «рецепты» – управленческие решения – могут разрабатываться в рамках выделенных направлений.

Ярким примером такого «управленческого» использования серьезного аналитического исследования в отечественной социологии была разработка и внедрение на ВАЗе системы профессионального продвижения рабочих в 1970-е годы. Эта уникальная социальная технология была создана социологами ВАЗа совместно с социологами Самарского государственного университета как спо-

соб повышения удовлетворенности работой. Разработка этой системы основывалась на выводах социологического исследования, ставшего классическим, «Человек и его работа», проведенного ленинградскими социологами под руководством В.А.Ядова и А.Г.Здравомыслова в 60-е годы.

Изучая влияние широкого спектра факторов производственной ситуации на удовлетворенность-неудовлетворенность рабочих своей работой, исследователи выявили три из них, наиболее значимые, так называемое мотивационное ядро. Это – содержание труда, возможность повышения квалификации и заработной платы.

Не имея возможности существенно повысить содержание труда работников главного конвейера ВАЗа (а любое конвейерное производство, расчленяя технологический процесс на простейшие операции и закрепляя за ними людей, с необходимостью обедняет содержание их труда, делая его монотонным и малоквалифицированным), социологи пошли другим путем. Система профессионального продвижения, ориентированная на значимость выявленного в исследовании «неба над головой» – перспектив повышения квалификации, – гарантировала продвижение каждому желающему этого рабочему. Правда, при этом требовалось соблюдение определенных условий: добросовестный труд на конвейере в течение трех лет, отсутствие нарушений трудовой дисциплины, рекомендация бригады и т.д.

Внедрение этой системы в сборочных цехах завода помогло снизить потенциальную (готовящуюся) и реальную текучесть рабочих с главного конвейера ВАЗа (а в 70-е годы эта проблема была очень серьезной для завода), повысить их удовлетворенность работой.

Сегодня *главная проблема* в реализации управленческой функции социологической наукой состоит в *достаточно низкой востребованности* социологического знания *управленцами*. Социология не раз доказывала, что она мо-

жет помочь управленцам принимать не интуитивные, но обоснованные решения. Вместе с тем управленцы разных уровней управления в значительном своем большинстве и сегодня не готовы использовать социологические «рецепты», не видят пользы в социологических выводах, не доверяют социологическим исследованиям.¹²¹ Конечно, это не означает, что сегодня в России – тотальная невосприимчивость социологического знания. Эффективное использование результатов социологических исследований в отдельных сферах общественной жизни (например, в политике, маркетинге) не отменяет этой тенденции в целом. Только повышение управленческой культуры руководителей, появление на «российской сцене» управленцев-профессионалов способно, видимо, изменить эту ситуацию.

3.2. Классическое социологическое исследование для нужд прогнозирования

Функция прогноза предполагает использование социологического знания в *прогнозных* целях, т.е. для научного предвидения характера изменения той или иной социальной ситуации в будущем.

Область социального прогнозирования довольно широка: от глобальных прогнозов, касающихся перспектив

¹²¹ Проблема низкой востребованности социологического знания *на всех уровнях управления* «в полный рост» стояла и в Советской России. Однако тогда были и другие причины этого явления: с одной стороны, тоталитарная власть, принципиально «разговаривающая монологом», не нуждалась в достоверной информации снизу; с другой стороны, в рамках централизованной плановой экономики руководители предприятий реально не были заинтересованы в повышении эффективности производства, а значит, и в социологических рекомендациях, направленных на ее повышение.

развития человечества в целом, до конкретных прогнозов ожидаемых состояний крупных и малых социальных объектов: российского общества, российской экономики, политической жизни определенного города, конкретной организации и т.д.

Социальное прогнозирование включает в себя целый ряд направлений. *Это и оценка социальных последствий научно-технического прогресса.* Как скажется внедрение технических новшеств на социальной структуре общества в целом и той организации, где они внедряются? Как изменятся в связи с этим содержание и характер труда работников, условия их работы, требования к образованию и т.д.? *Это и оценка возможных социальных последствий, принимаемых управленческих решений:* как, например, скажется модернизация системы среднего образования на качестве образования? Как изменится социальное самочувствие работников конкретной организации, если будет изменена система заработной платы или принимается решение о реконструировании организации и т.д.?

Социальное прогнозирование включает в себя и *предвидение социального поведения людей.* Чаще всего это поведение в экономической области: какие профессии будут востребованы на рынке труда в ближайшем будущем? Как будет развиваться малый бизнес в России? Каковы будут конкретные формы сотрудничества работодателей и наемных работников? Велика роль прогнозирования и в политической сфере: кому отдадут свои голоса избиратели в различного рода выборных компаниях? Как будет развиваться социальная напряженность в городе, поселке? Какие качества политических лидеров будут востребованы?

Основным методом получения информации о будущих состояниях изучаемого социального объекта является *экстраполяция*, представляющая собой перенесение основ-

ных выявленных сегодня тенденций на ситуацию в будущем¹²².

Понятно, что качество прогноза, осуществляемого таким образом, тесно связано с достоверностью социологической информации о сегодняшнем состоянии изучаемого социального объекта: чем в большей степени в социологическом знании представлено «истинное положение дел», тем точнее прогноз. Можно с уверенностью сказать, что чем лучше мы знаем наше сегодня, тем точнее мы будем знать наше завтра.

Сегодня в России в области использования социологического знания для прогнозирования существует ряд проблем. Некоторые из них носят *ситуативный* характер и могут исчезнуть вместе с изменением *ситуации*, их порождающей, другие имеют *устойчивый* или *принципиальный* характер и, видимо, не решаемы вообще.

Ситуативна сегодня проблема построения ненадежных прогнозов на основе некачественной информации, вызванной нехваткой специалистов. Причина здесь в определенном дисбалансе между потребностью в социологической информации, которая в определенные периоды особенно возрастает (например, во время тех или иных избирательных компаний), и количеством специалистов-социологов на рынке труда. Явная нехватка социологов-профессионалов сегодня зачастую восполняется случайными людьми, готовыми проводить социологические исследования, не владея в должной мере искусством и ремеслом производства социологической информации. Ранее мы уже говорили, что в классической парадигме качество социологической информации практически невозможно оценить по *результату*: отсутствуют нормативы для сравнения.

¹²² Спектр методов социального прогнозирования достаточно широк, здесь же мы говорим о самом распространенном из них.

Именно поэтому и возможно производство сомнительных прогнозов на основе не вполне качественной социологической информации. По всей видимости, у этой проблемы – недолгий век, каких-нибудь 3-5 лет. По мере насыщения российского рынка труда квалифицированными специалистами, а также по мере становления пользующихся репутацией социологических фирм, занимающихся маркетинговыми и социологическими исследованиями, эта проблема исчезнет.

Вторая проблема более основательна, устойчива и вряд ли может быстро исчезнуть с российского «горизонта». Речь идет о возможности получения некачественной социологической информации, а значит, и некачественного прогноза вследствие «политической ангажированности» социолога или его «сервиллизма» – работы по принципу «чего изволите». Требуемая классической социологией в качестве ее важнейшего постулата позиция *независимого исследователя*, производящего *объективное* знание, здесь сознательно нарушается или «во имя идеи», или в обмен на разнообразные блага: деньги, карьеру, поездки за границу и т.д. Фактически это проблема нравственного выбора исследователя, во многом обусловленного его системой ценностных предпочтений.

Другие проблемы принципиального характера связаны с возможностями самой классической социологии, не очень-то «пригодной» для прогнозирования, а также с практикой организации социологических исследований.

Во-первых, это известный каждому человеку «из жизни», а также зафиксированный в науке факт *разрыва*, несоответствия *между вербальным*, т.е. словесным (*verbus* с латинского – слово), и *реальным поведением*. При этом вербальное поведение здесь понимается как словесно выраженная *готовность поступить определенным образом в конкретной ситуации*. Ответ респондента в анкете «Если

бы завтра состоялись президентские выборы, я бы проголосовал за N», и есть пример *такой социальной установки* (готовности). На языке диспозиционной структуры личности (одной из самых интересных теорий, объясняющих механизм социального поведения личности,¹²³) эта готовность называется базовой социальной установкой.

Происхождение этого разрыва между «словом» и «делом» обусловлено тем, что реальное поведение человека, как правило, обуславливается *целостной структурой личности*, представляющей собой трехуровневое иерархически организованное образование. В этом «здании» есть не только «верхний этаж» *фиксированных* социальных установок, но и «средний этаж» *базовых* социальных установок, а также «нижний» – наиболее устойчивых, глубинных установок, называемых *ценностными ориентациями* личности.

Именно они, ценностные ориентации личности, в значительной степени «ответственны», как показывают социологические исследования, *за поведение человека «по жизни»*, за тот или иной выбор конкретных жизненных стратегий. Вместе с тем определенная структура ценностных ориентаций личности во многом влияет и на поведение в конкретной ситуации, пронизывая и обуславливая все другие «этажи» личностной структуры.

Практика показывает, что в социологических исследованиях, в особенности в массовых опросах, чаще всего изучаются базовые социальные установки, как наиболее «легкие» с точки зрения техники их выявления. Понятно, что прогнозы, построенные на *такой* информации, могут быть весьма и весьма неточными.

Во-вторых, социологическая наука, как правило, работает в сфере рационального, осознаваемого. Она изуча-

¹²³ Подробнее см.: Ядов В.А. Прогнозирование социального поведения личности. М.: Наука, 1989.

ет мнения, оценки, суждения людей как результат восприятия и осмысления ими той или иной социальной ситуации. Вместе с тем известно, что поведение человека (а прогнозируется, как правило, поведение) детерминируется во многом и *иррациональными моментами*, т.е. неосознаваемыми или лишь частично осознаваемыми. Отсюда понятно, что прогноз, основанный на учете *части* факторов (пусть даже и большей), заведомо в определенной степени обречен на неточность.

Кроме того, возможность получения в ходе массовых опросов информации, не соответствующей «истинному положению дел», существует и за счет «непредвиденных» причин, неожиданно проявляющих себя в исследовании. Вспомним хотя бы казус, связанный с ситуацией выборов в Государственную Думу в 1993 г. Тогда массовые опросы, проводившиеся в разгаре предвыборной кампании, показывали, что только около 3% людей, собирающихся голосовать, готовы отдать свои голоса за ЛДПР, возглавляемую Вл. Жириновским.¹²⁴ Победу прочили совсем другим партиям: “Выбору России” и “Яблоку”, за которых собирались голосовать в 7-10 раз больше людей, чем за ЛДПР. В то же время *реальные выборы* показали совсем другой «расклад»: по удельному весу людей, *отдавших свои голоса*, ЛДПР оказалась на 1 месте (за нее проголосовало 23,9% избирателей). Разрыв между прогнозируемыми результатами выборов и реальным голосованием был столь высок, что общественность страны начала всерьез обсуждать проблему полезности социологической науки, ее эффективности. “Московские новости” писали тогда: “Результаты декабрьских выборов подорвали доверие общества к прогнозам социологов. Конечно, даже такой авто-

¹²⁴ Шляпентох В.Э. Предвыборные опросы 1993 года в России (критический анализ) // Социс. 1995. С.15.

ритетный центр, как служба Гэллапа, делает ошибки. Но как стало возможным, что все опросные центры сделали одни и те же ошибки”.¹²⁵ Социологи, сами заинтригованные такой ситуацией, как бы в ответ на критику *post factum* решили изучить это явление, назвав его «эффектом Жириновского». В итоге был обнаружен довольно редкий феномен, от которого ни одна наука, имеющая дело с человеком как объектом исследования, не застрахована. В частности, было выявлено расхождение между тем, что опрошенные *говорили интервьюеру*, и тем, что *они думали на самом деле*. Говорили они то, что было, как они полагали, наиболее распространенным, общепризнанным, не желая быть «белой вороной», отличаться от всех, даже в скоротечной процедуре интервью. А общепризнанным, довлеющей нормой общественного сознания, как они полагали, было скорее отрицательное отношение к ЛДПР и ее лидеру. В то же время *их действительное отношение* к этой партии было другим, что потом и было доказано их поведением на избирательных участках.

Критически анализируя эту ситуацию, известный советский, а ныне американский социолог В.Шляпентох объяснил этот феномен *массовой неискренности* респондентов *фактором стыда*. По его мнению, огромное число россиян, ранее поддерживающих демократов, к 1993 году стали поддерживать оппозицию, но при этом стыдились признать радикальное изменение своих взглядов, “прячась” за общепризнанные, социально-желательные нормы.

Все это говорит, видимо, о том, что прогнозирование социальных процессов и явлений – достаточно тяжелая ноша для социологической науки.

Мы говорили о функциях управления и прогнозирования применительно к классической парадигме социоло-

¹²⁵ “Московские новости”. 1993. 19 декабря.

гического исследования, что для научного знания в его нововременной форме, каким является классическая социология, вполне «законно». Правомерно ли говорить о «работе» на управление и прогнозирование *в качественной парадигме с ее антинаучным, а значит, и антивластным пафосом, с ее гуманистической идеологией, принципиально отвергающей участие социологии в контроле над людьми?* Однозначного ответа на этот вопрос сегодня нет.

3.3. Качественное исследование и управление

Принципиально качественная социология, провозглашая *индетерминизм*, рассматривая социальную реальность как гибкую, ситуативно определяемую ее участниками, как некий «кубик-рубик», каждый раз новый, противопоставляет жесткости социального порядка, а значит, и управлению, направленному на его поддержание. В то же время практика показывает, что результаты качественных исследований, прежде всего *научно ориентированных*, претендующих на обоснованное научное понимание социальных явлений и процессов, *могут использоваться в практических целях* для изменения социальной ситуации в соответствии с нашими потребностями и намерениями. Это блестяще доказала знаменитая Чикагская социологическая школа, с первых своих исследований направленная на практическую полезность, помощь в управлении социальными процессами. Исследования Р.Парка, Э.Берджесса, У.Томаса, Н.Андерсена, Е.Фрайзера и других ученых были принципиально прикладными, ориентированными на решение многочисленных социальных проблем Чикаго, этого «безумного города», где концентрация их была особенно высока. Показательно название крупнейшего исследовательского проекта, осуществленного в Чикагском университете в 30-е годы: «Город как социальная лаборатория», где

город рассматривался как соответствующий полигон для изучения и социальных экспериментов, для реформирования социальной среды в целом. Чикагские социологи, тесно контактируя с муниципальными властями, политическими партиями, общественными организациями города, пытались найти средства этого реформирования с целью повысить интеграцию, солидарность жителей города, «разорванных» этническими, религиозными, в целом социокультурными конфликтами, укрепить социальный порядок в нем. Качественная социология, таким образом, помогая власти принимать обоснованные управленческие решения, способствовала укреплению социального порядка, социальной интеграции.

Сегодня в современном обществе (по крайней мере в западном), по мнению современного французского социолога Д.Берто, появляется и новый *социальный актер*, который может превратить социологическое знание в силу, преобразующую общество. «Любопытный актер, не имеющий устойчивого социального статуса, как будто бы даже иногда исчезающий надолго»¹²⁶. Это – *гражданское общество*. По мнению французского социолога, государственная власть, правящий класс сегодня больше делают ставку на экономику и политологию, ибо «парадигма современного мира – это парадигма Рынка и Государства». В то время как власть окружает себя многими слоями секретности и лжи, по его мнению, именно гражданское общество нуждается и стремится к полной прозрачности социальных отношений. Качественная социология, пытаясь проникнуть *за социальную завесу*, изучая микромиры со-

¹²⁶ Берто Даниэль. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы международного семинара. Санкт-Петербург, 14–17 ноября, 1996. СПб., 1997.

циального целого, могла бы «работать» на гражданское общество: помочь социальным общностям (например, экологическим, гендерным и т.д.) в их борьбе за реформы в той или иной сфере общественной жизни, за признание прав определенных категорий людей. Таким образом, социология участвовала бы в преобразовании общества, одновременно повышая и свой статус в нем.

3.4. Качественное социологическое исследование – в помощь конкретному человеку

Известно, что изменение социальной ситуации «сверху» всегда оборачивается усилением социального контроля за участниками ситуации, уменьшением их реальной свободы. В то же время гуманистический пафос качественной социологии направлен на помощь каждому отдельному человеку, который, обретя социологическое понимание, сможет заглянуть за горизонты собственного опыта, по-новому интерпретировать, казалось бы, знакомые стороны жизни, увидеть их в новом свете. Социология может подтолкнуть обычного человека к критическому осмыслению тех верований, которые до сих пор были вне всякой критики, привить вкус к самоанализу, подтолкнуть к переоценке своего опыта, обнаружив еще много способов его интерпретации. В частности, рассказывание интервьюеру своей истории жизни (а это распространенная исследовательская практика), ее «проговаривание здесь и сейчас» в коммуникации со слушателем может быть и *поиском себя*, решением своих экзистенциальных (смысложизненных) трудностей.

В конечном счете, социологическое понимание «ведет к увеличению объема и практической эффективности нашей с вами свободы: индивидом, освоившим социологическое понимание, уже нельзя просто манипулировать,

он сопротивляется насилию и регулированию извне тем силам, с которыми, считалось, бесполезно бороться».¹²⁷ На этом увеличении индивидуальной свободы делают акцент и социологи феминистского направления, помогая женщинам, с их позиции угнетенным, осознать свое положение в «мужском» мире. В конце концов, «если социологи не помогают своим современникам лучше понять мир, в котором они живут, и который они конструируют каждый день, то кто это будет делать вместо них? Будет ли это задачей кабинетных интеллектуалов или, еще хуже, журналистов и политиков?»¹²⁸.

Здесь, в этом странном сплаве ориентации на власть, на усиление социального контроля за людьми и гуманистической ориентации на увеличение, в конечном итоге, индивидуальной свободы «человека с улицы», видится внутренняя противоречивость качественной социологии. Эта двойственность, по мнению З.Баумана, есть отражение двойственной природы рациональности вообще, «равнение» на которую есть неотъемлемая черта современного общества.

С одной стороны, рациональность, рациональный расчет (а это прежде всего знание способов достижения цели, понимание, в конечном итоге, социального явления) может сделать *любое действие индивида более эффективным*, т.е. увеличить степень его свободы.

С другой стороны, рациональность, обращенная к *организации общества в целом*, к его структурам, ограничивает индивидуальный выбор, тем самым урезая индивидуальную свободу. С этой двойственностью социологии «придется жить», видимо, всегда.

¹²⁷ Бауман Зигмунт. Мыслить социологически. М.: Аспект Пресс, 1996. С.224.

¹²⁸ Берто Д. Указ. соч. С.15.

4. Мотивы обращения социолога к качественному исследованию

Следует обратить внимание еще на одну грань нашего разговора – об экзистенциальных (смысложизненных) мотивах обращения социолога к качественному исследованию. Сама постановка вопроса таким образом *свойственна только этой парадигме социологического исследования*: в рамках классического подхода социолог, не включенный как личность в исследовательский процесс, движем только собственно познавательным или прикладным интересом.

В качественном исследовании, особенно в рамках качественного интервью, *конструируя совместно с информантом социальную реальность «здесь и сейчас»*, вглядываясь в себя глазами Другого, социолог формирует и свою идентичность, начинает осознавать себя. В ряде случаев, когда исследовательская версия есть *прежде всего выражение себя*, а не социума, как мы уже говорили, это характерно для постмодернистского направления, исследование может стать событием его экзистенции, способом его бытия в мире.¹²⁹

В целом качественная социология может многое дать социологу, как, впрочем, и обычному человеку : больше понимать людей, их пристрастия, мечты, опасения; уважать их право делать то, что они считают нужным и важным, – право на собственный образ жизни. В самом общем виде качественная социология может помочь понять социологу *другие формы жизни*, проникнуть в их логику и смысл, понять *всю относительность границ* между «нами» и «ими», привить «терпимость» и в конечном итоге увеличить степень свободы каждого.

¹²⁹ Лехциер В.Л. Путь к опыту // Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2000.

Ключевые слова

Функция, простое описание, аналитическое описание, научное объяснение, семантическое объяснение, социальное управление, прогнозирование, прикладные задачи, изменение социальной ситуации, индивидуальная свобода, индивидуальное самосознание.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Каковы познавательные функции классического социологического исследования?
2. Назовите его прикладные функции.
3. Опишите проблемы, связанные с реализацией прогнозной функции классического исследования.
4. Что такое описание в качественной парадигме?
5. Объясните разницу между терминами «научное объяснение» и «семантическое объяснение».
6. Может ли качественное исследование «работать» на управление социальными процессами?
7. Опишите и объясните внутреннюю противоречивость целей качественного исследования.
8. Какие кардинально новые цели могут преследовать качественные исследования?
9. Что может дать качественная социология самому исследователю?

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. Аутвейт Ч. Законы и объяснения в социологии//Девятко И. Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996.
2. Бестужев-Лада И.В. Прогнозное обоснование социологических нововведений. М.: Наука, 1993.

3. *Бестужев-Лада И.В.* Социальное прогнозирование // Социология в России. М.: ИСАН, 1996.
4. *Девятко И.* Модели объяснения и логика социологического исследования. М., 1996.
5. *Козловский В.В.* Утраты и обретения социологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1.
6. *Лехциер В.Л.* Путь к опыту // Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Самара: Изд-во самарского ун-та, 2000.
7. *Рорти Р.* Метод, общественные науки и общественные надежды // Девятко И. Модели объяснений и логика социологического исследования. М., 1996.
8. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Отв. ред. В.А. Ядов Л.: Наука, 1979.
9. *Терборн Генрих.* Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологической науке // Теория общества. М.: Канон-Пресс-У, 1999.
10. *Тернер Джонатан* Аналитическое теоретизирование // Теория общества. М.: Канон-Пресс-У, 1999.

ЧАСТЬ II. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРАКТИКИ

ТЕМА 1

ТИПЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Обществоведы делятся не на бездумных наблюдателей и ненаблюдающих мыслителей, различия между обществоведами скорее касаются того, как они мыслят, как наблюдают и как связывают (если вообще связывают) свои мысли и наблюдения.

Ч.Р.Милс. Социологическое воображение

1. Критерии выделения типов социологического исследования

Существует целый ряд критериев, оснований выделения типов социологического исследования: методы сбора информации, нацеленность на изучение предмета в статике или динамике и т.д.

В рамках *первого критерия* можно говорить об опросном, или фокус-групповом исследовании.

Применительно ко *второму* основанию выделяются *точечное* и *повторное исследование*, а также *панельное* как разновидность повторного. *Точечное* – это исследование,

в процессе которого описывается или объясняется социальное явление *в момент его изучения*. Такое исследование представляет собой «полярный», статический его срез. Оно не может «схватить» изменения в объекте исследования.

Повторное исследование представляет собой несколько описаний одного и того же объекта, проведенных последовательно через определенные промежутки времени по единой программе и инструменту.

Панельное исследование (от англ. panel – список) осуществляется не только с помощью одного и того же инструмента исследования, но и предусматривает повторное изучение одних и тех же людей, составляющих изучаемую социальную группу.

Повторное исследование (включая и панельное) нацелено на «схватывание» динамики изучаемого явления, тенденций его изменения.

2. Цель как критерий выделения типов социологического исследования

Основной критерий, в соответствии с которым производится выделение типов *классического социологического исследования*, – это цель исследования. Традиционно в отечественной социологии по этому критерию выделяются два типа:

- теоретико-прикладные исследования;
- прикладные исследования.¹

На наш взгляд, эти два типа не покрывают всего многообразия вариантов классического социологического исследования, существующих в реальной практике. С дру-

¹ Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1998. С.69

гой стороны, и название первого из них – теоретико-прикладной тип – не совсем точно, хотя и прочно вошло в сознание социологов. Мы считаем, что здесь произошло смешение двух оснований структурирования социологического знания – цели (функции) и формы. Нам кажется убедительной позиция, согласно которой социологическое знание, взятое с точки зрения *его функций*, может быть разделено на фундаментальное и прикладное, а с точки зрения *формы его существования* – на теоретическое и эмпирическое.²

Мы полагаем, что *в зависимости от цели* следует выделить следующие типы исследований:

- фундаментальное;
- прикладное;
- квазифундаментальное, или «как будто фундаментальное»;
- разведывательное.

Каждый из этих типов отличается друг от друга не только целью, но и логикой организации, спецификой и последовательностью этапов исследования, что вполне объяснимо: цель любой деятельности (а исследование – это определенный вид познавательной деятельности) во многом определяет и *практическую логику ее достижения*.

3. Фундаментальное исследование

3.1. Что такое фундаментальное исследование

Фундаментальным называется социологическое исследование, цель которого – приращение нового знания. В исследованиях такого типа осуществляется эмпирическая проверка теоретической гипотезы, выдвинутой на первом этапе исследования.

² Молевич Е.Ф. Общая социология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. С.9-10.

Теоретическая гипотеза в полном соответствии с канонами *классического* социологического исследования разрабатывается в рамках определенной концепции (теории), выбранной исследователем в качестве «угла зрения» – *методологического подхода* к изучению того или иного социального явления и процесса.

Выступая методологией исследовательского поиска, теория здесь определяет *весь процесс эмпирической проверки гипотезы*: и выделение факторов, подлежащих эмпирическому изучению (в случае проведения аналитического исследования), и теоретическую «наполненность» основных понятий, и конструирование измерительных процедур – эмпирических «заменителей» теоретических понятий в исследовании. При этом *совершенно не обязательно*, чтобы само изучаемое явление или процесс, а также проблема, которая стоит «за ними», были крупные, значимые, весомые, имеющие «отклик» в обществе. Термин «фундаментальный» здесь берется в *одном из своих типичных для науки значений* – как нацеленный на приращение научного знания,³ в отличие от понятия «прикладной» как рассчитанный на практический результат.

На выходе такого исследования всегда получается *теоретическое знание*, которое либо подтверждает, либо не подтверждает выдвинутую исследователем гипотезу.

В фундаментальном исследовании реализуются *собственно познавательные* задачи социологической науки: описание и объяснение социальных явлений. Исследования такого типа являются, как правило, инструментом познания обществом самого себя. В самом деле, такие уже ставшие классикой отечественной социологии фундаментальные социологические проекты, как «Человек и его

³ Есть и еще одно значение этого термина – как весомый, важный, основательный. В этом контексте мы говорим: «У вас фундаментальные знания» или «Это – фундаментальная проблема».

работа» (руководители В.А.Ядов и А.Г.Здравомыслов), «Личность и ее ценностные ориентации» (руководитель В.А.Ядов), «Жизненные планы выпускников школ» (руководитель В.Н.Шубкин), «Человек после работы» (руководители Л.А.Гордон и Э.В.Клопов) и другие, выдвигая описательные или аналитические теоретические гипотезы, подтверждая (или не подтверждая) их в процедуре исследования, тем самым достаточно точно отвечали на вопрос: «Что с нами, обществом в целом или отдельными социальными группами происходит и почему?»

Акцент на собственно познавательных функциях фундаментальных исследований в то же время не означает, что их результаты нельзя использовать в прикладных целях. Скорее наоборот: достоверное знание причин, порождающих то или иное социальное явление, *знание, «верное» для широкой социальной общности* (рабочая молодежь страны, выпускники школ, население среднего города и т.д.), для предельно большого круга типичных явлений, всегда может быть использовано для выработки *направлений изменения* ситуации или даже конкретных управленческих решений на уровне организации, региона, страны в целом. Сами эти прикладные «рецепты» – рекомендации социолога в фундаментальном исследовании получаются как *логические выводы* из полученного теоретического знания, их логические продолжения.

3.2. Особенности фундаментального исследования

1. В фундаментальном исследовании всегда четко осознаются *проблема, предмет и объект* исследования.

Проблема, или проблемная ситуация, здесь всегда начало, отправной пункт исследования. Проблемами исследования такого типа обычно становятся реальные противоречия, имеющие место в обществе, в разрешении кото-

рых оно заинтересовано. Как правило, любое общество начинено такого рода противоречиями (социальными проблемами). В современном российском обществе это, например, проблемы адаптации россиян к кардинально меняющейся социальной среде, бедности значительной части населения, резкого имущественного расслоения, наркомании, правового нигилизма и т.д.

Проблема исследования – это всегда *осознанная социальная проблема*, выступающая ответом на общественную потребность, вызов общества. Само осознание той или иной социальной проблемы проявляется в виде артикуляции ее общественными деятелями, политиками, писателями, учеными в средствах массовой информации, в «толстых» и «тонких» журналах, на научных конференциях и т.д.

У фундаментального исследования нет конкретного заказчика, нуждающегося в результатах исследования. Поэтому социологу необходимо иметь «чуткое ухо», чтобы уловить общественный запрос и фундаментальным социологическим исследованием ответить на него.

Предмет фундаментального исследования – это всегда та сторона реальной социальной проблемы, которая непосредственно изучается в исследовании. Следует сказать, что, как правило, любое социальное противоречие представляет собой «сгусток», «узел» социальных связей, своеобразный многогранник, в котором «заложено» множество возможных предметов исследования.

Так, изучая проблему бедности в России, можно выделить *несколько возможных предметов исследования*, например, таких:

- механизмы государственного регулирования бедности;
- механизмы социального воспроизводства бедности;
- социальные стереотипы и ценностные ориентации бедных;

– отношение к бедности различных слоев российского населения.

Выделение определенной стороны проблемы в качестве предмета исследования зависит от целого ряда обстоятельств: значимости этих граней применительно к проблеме в целом, их «востребованности» в обществе; степени изученности, полноты и качества их теоретического осмысления в науке; познавательных интересов исследователей, традиций, складывающихся в тех или иных научных сообществах и т.д.

Объектом исследования здесь всегда выступают большие социальные группы, «носители» реального противоречия в его предметной определенности: выбор предмета социального анализа автоматически определяет и выбор социальной группы (или групп), которая будет изучаться.

2. В фундаментальном исследовании большое внимание уделяется *методологии подхода к изучаемому явлению*, а также *методам и конкретным методикам* сбора и анализа информации.

В качестве методологии исследовательского поиска здесь выступает конкретная, уже имеющаяся теория или сочетание элементов различных теорий в их авторской композиции. Выбор той или иной теории в качестве методологического подхода здесь осуществляется на основе тщательного анализа как можно большего количества точек зрения относительно теоретического содержания основных понятий, а также имеющихся теорий, в которых так или иначе осмысливается предмет исследования (еще раз вспомним метафору Б.Шартрского – «карлик, стоящий на плечах гигантов»).

Методики, т.е. конкретные сочетания исследовательских процедур, в исследованиях подобного рода также тщательно разрабатываются и обосновываются. Как правило, они оригинальны, т.е. разрабатываются исследователем

ской группой впервые. Не следует забывать, что фундаментальное исследование – *типично научное предприятие*, соответствующее нормам и стандартам научного исследования, претендующего, как известно, на достоверное описание или объяснение изучаемого явления. Отсюда и требования к тщательной «проработанности» научных понятий исследования, надежности методических средств.

3. *Организация фундаментального исследования* включает в себя 4 последовательных этапа:

- разработка программы социологического исследования;
- сбор первичной социологической информации;
- обработка собранной информации в соответствии с задачами исследования;
- анализ и интерпретация результатов исследования: подготовка отчета.

В фундаментальном исследовании первому этапу уделяется значительное внимание. *Программа исследования* представляет собой документ, содержащий концептуальный (теоретический) подход исследователя к изучаемой проблеме, а также описание способов эмпирической проверки выдвинутой в рамках концепции теории. Программа такого типа исследования, как правило, тщательно прорабатывается во всех своих структурных элементах – ее качество, особенно качество измерительных процедур, во многом определяет качество результатов исследования.

Программа фундаментального исследования, являясь его проектом, представляет собой *самостоятельный продукт творчества* исследователя (или исследовательской группы) и может оцениваться вне зависимости от того, реализован или не реализован этот проект. В целом программа такого типа исследования имеет следующую структуру:

I. Методологическая часть:

- описание проблемной ситуации;
- цели и задачи исследования;
- предмет исследования;
- объект исследования;
- теоретическая и эмпирическая интерпретация основных понятий исследования;
- стратегия исследования;
- комплексный анализ исследования;
- гипотезы исследования.

II. Методическая часть:

- обоснование и расчет выборки исследования;
- черновой вариант инструмента исследования (анкеты, бланка интервью, карточки наблюдения и т.д.);
- программа обработки информации.

Ранее мы уже говорили о проблеме, предмете и объекте фундаментального исследования. Попробуем бегло обозначить другие элементы методологической части программы.⁴

Цель любого исследования – это образ результата исследования, ответ на исследовательские вопросы.

Задачи в этом контексте – это средства, инструменты достижения цели; решая поставленные задачи, исследователь достигает и цели исследования.

В фундаментальном исследовании целью выступает определенная теория, описывающая или объясняющая социальное явление. Так, цель известного отечественного социологического исследования «Человек после работы», осуществленного под руководством Л.А.Гордона и Э.В.Клопова, состояла в том, чтобы определить закономерности повседневного поведения городских рабочих

⁴ Подробно о каждом элементе программы см.: Ядов В.А. Стратегия исследовательского поиска. М.: Добросвет, 1998. С 69-122.

в быту, их обусловленность условиями жизни⁵.

Для достижения этой цели в исследовании были поставлены задачи (или мини-цели) описания *отдельных составляющих* повседневного поведения людей: домашний труд, общение с членами семьи, межличностное внесемейное общение, участие в культурной жизни. Наряду с этим были поставлены задачи описания основных условий городского быта, выделения их комплексного показателя, а также описания особенностей образа жизни отдельных групп городских рабочих.

Теоретическая интерпретация основных понятий исследования означает указание тех их значений, которые и будут в нем использованы. Выбирая эти конкретные значения и обосновывая свой выбор, исследователь тем самым выбирает *угол зрения* – *определенный методологический подход к изучаемому явлению*.

Эмпирическая интерпретация основных понятий означает процедуру перехода от их теоретических значений к эмпирически наблюдаемым показателям. При этом в эмпирическом исследовании практически каждый показатель может быть *операционально* представлен *несколькими возможными измерительными конструкциями* (шкалами). Шкала, которая отбирается социологом из спектра возможных для измерения социального признака, называется *операциональным определением* теоретического понятия. «схватывающего» измеряемый признак на уровне теории.⁶

Например, теоретическому понятию «материальный статус» в исследовании может соответствовать показатель «уровень дохода» в семье на одного члена. В свою очередь.

⁵ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Человек после работы. Социальные проблемы быта и вне рабочего времени. М.: Наука, 1982.

⁶ Ранее мы уже говорили в общем виде о том, как конструируются шкалы, эти операциональные определения теоретических понятий исследования.

операциональными определениями этого показателя могут служить упорядоченная шкала величины среднемесячного дохода на одного члена семьи или упорядоченная шкала, характеризующая возможности потребления. Первая шкала может выглядеть так:^{*}

- менее 1120 руб.;
- 1121-1600 руб.;
- 1601-1700 руб.;
- 1701-3000 руб.;
- 3001-3500 руб.;
- 3501-4000 руб.;
- 4001-5000 руб.;
- 5001-7000 руб.;
- свыше 7000 руб.

Вторая шкала может быть представлена так:

живу от зарплаты до зарплаты, часто приходится занимать на самое необходимое;

- на ежедневные расходы хватает, но уже покупка одежды представляет трудность;

- в основном хватает денег, могу даже кое-что откладывать; но при покупке дорогих вещей длительного пользования сбережений не хватает;

покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает трудности, однако покупка автомобиля или дорогостоящий отпуск мне пока недоступен;

в настоящее время могу позволить себе дорогостоящие покупки, словом, могу себе ни в чем не отказывать.

* Данная шкала использовалась нами в исследовании "Экономическая активность населения Самарской области", проведенного в 2001-2002 гг. под руководством автора. Она была построена с учетом социальных ориентиров, характерных по данным областного комитета статистики для самарского региона на 1.01.2002 г.: средняя пенсия составляла 1184 руб.; средний прожиточный минимум – 1600 руб.; ср. зар. плата – 3188 руб.

Стратегия исследования здесь понимается как логика его организации в качестве описательного или аналитического*.

Комплексный (целостный) анализ объекта исследования предпринимается тогда, когда исследование строится по аналитическому плану. Для этой цели «набирается» вначале вся совокупность факторов, так или иначе обуславливающих данное явление, их «вселенная», чтобы вычленил те из них, которые будут изучаться в данном исследовании. Влияние этих выделенных факторов на изучаемое явление и составляет, как правило, предмет конкретного аналитического исследования.

Исследователь должен помнить, что представленная выше структура программы, последовательность ее элементов есть *конечный результат, итог первого этапа исследования*. В самом же *процессе разработки* программы эта последовательность, как правило, «сбивается». Так, собственно задачи исследования, его предмет формулируются, и мы об этом уже говорили, *только после комплексного анализа объекта исследования*. Это означает, что логика разработки программы не совпадает с логикой организации этого важнейшего для исследования документа.

Итогом фундаментального исследования выступает научный отчет или научная статья (возможно и то, и другое вместе). Язык продукта такого исследования – это язык теоретических понятий социологической науки и математики, в полной мере понятный, очевидно, только специалистам: любое научное исследование, осуществляемое в классической парадигме, всегда ориентировано прежде всего на «собратьев по цеху», рассчитано на их восприятие. Именно поэтому в отчете, подготовленном по результатам такого исследования, значительное внимание уделяется обоснованию методологических подходов к изуча-

* Подробно об этом мы говорили в теме 5.

емому явлению, методик и конкретных измерительных процедур, расчету и обоснованию выборки исследования, а также способов анализа данных: все это должно убеждать читателя-коллегу, что исследование методически выполнено «как надо», и потому полученной теории можно доверять.

4. Прикладное социологическое исследование

4.1. Что такое прикладное исследование

Прикладное социологическое исследование – это исследование, *нацеленное на практическую полезность*. Его цель состоит в выработке конкретных способов преобразования социальной ситуации. Описание и объяснение здесь – только инструмент, только средство, помогающее эффективнее достичь главной цели – изменения социальной ситуации в определенном направлении. Итогом, результатом такого типа исследования выступает не теория, верная для широкого круга явлений, но конкретные, пригодные «здесь и сейчас» управленческие решения.

4.2. Основные черты прикладного социологического исследования

1. В прикладных исследованиях, в отличие от фундаментальных, *всегда есть конкретный заказчик*. Именно заказчик, как правило, выступает инициатором исследования, чувствуя потребность в изменении ситуации – «надо что-то делать».

2. В прикладных исследованиях *всегда известен объект исследования* (конкретная организация или подразделение организации), и, как правило, не очень ясен предмет – что именно должно изучаться. Да и сама проблема может чет-

ко не артикулироваться заказчиком: задача социолога здесь состоит в том, чтобы в процедуре общения с заказчиком четко обозначить саму проблему, выявить контуры предмета исследования.⁷

3. В прикладных исследованиях *чаще всего не разрабатывается собственный оригинальный инструментарий*, а используются уже готовые социологические методики, пригодные для решения аналогичных исследовательских задач. Эти методики лишь адаптируются к конкретной изучаемой социальной ситуации. Это происходит, потому что прикладные исследования, как правило, проводятся в *часто встречающихся, типичных* ситуациях, хотя понятно, что типичность эта относительна: в противном случае не было бы нужды адаптировать готовую методику к конкретной ситуации.

Очевидно, что эффективность прикладных исследований самым тесным образом «завязана» на «банк» этих методик, их реальное разнообразие и качество. Сегодня создание банка социологических методик, куда каждый исследователь мог бы в случае необходимости обратиться, достаточно серьезная проблема, хотя отдельные социологические методики на рынке информационных услуг все-таки присутствуют.

4. Итогом прикладного исследования является отчет, где *главный акцент должен быть сделан на конкретных управленческих решениях*, ради которых и затевалось исследование. Методология и методики, используемые для описания и объяснения изучаемой ситуации, выработки конкретных путей ее изменения, описываются бегло, т.к. они здесь играют *подсобную, вспомогательную роль*. Язык такого отчета, как правило, не должен изобиловать «тяжелыми» научными терминами. Он ориентирован прежде

⁷ Для этой цели может использоваться и «разведка» как определенный этап исследования, подробнее о которой будет рассказано дальше.

всего на заказчика-управленца, должен быть им понят и воспринят.

5. *Программа прикладного исследования принципиально отличается от программы фундаментального: все элементы в ней должны быть нацелены на управленческие решения. Программа включает в себя следующие компоненты:*

– формулировку задач с указанием того, *как эта задача связана с практическим результатом*, для чего она нужна в исследовании;

– краткое концептуальное обоснование. Здесь описывается проблема исследования, уточняются основные понятия: дается теоретическое описание и способ их эмпирического изучения. Обосновывается объект: конкретные социальные группы или подразделения организации, которые будут изучаться;

– методическую часть, включающую в себя обоснование и расчет выборки исследования, краткое описание методов сбора и обработки информации;

– рабочий план исследования. В нем фиксируются этапы проведения исследования, сроки, ответственные исполнители.

6. Логика организации исследовательского поиска в прикладном исследовании также подчинена главной цели – *выработке управленческих решений* для изменения ситуации в нужном направлении. Следует особо подчеркнуть, что в этом типе исследования сами эти пути преобразования проблемной ситуации получаются *не как логические выводы-продолжения теоретического объяснения*, но как *результат специального, особым образом организованного, исследовательского процесса*

Модели такого процесса представлены в работах известных российских социологов В.Герчикова⁸ и Г.Баты-

⁸ Герчиков В.И. Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1984. С.172-176.

гина.* Незначительно отличаясь друг от друга, эти модели сходны в одном: в них в качестве завершающих элементов *логики исследования* включены социальное экспериментирование по опытному внедрению предложенных нововведений, освоение (внедрение) нововведения в целом. На наш взгляд, это неверно. Любое научное исследование, по нашему мнению, есть специально организованная *познавательная деятельность*, результатом которой всегда выступает *знание*, которое в классическом варианте может быть либо определенной теорией, либо некоторой совокупностью эмпирических обобщений, либо набором конкретных путей изменения изучаемой ситуации (нововведений). Освоение же этих нововведений как пробное, экспериментальное, так и основное, тотальное есть *практическая преобразовательная деятельность*, которая называется социоинженерной или проектировочной деятельностью социолога. Социолог может принимать в ней участие наряду с управленцами, подготавливая определенные нормативные документы, регламентирующие нововведение, разрабатывая конкретные социальные технологии его внедрения, производя оценку его эффективности, но это, как говорится, *«уже совсем другая песня»*. В этой деятельности *«после исследования»* социолог выступает не как исследователь, а как социоинженер. Мы считаем правильным привести здесь модель логики прикладного исследования, предложенную Г.Батыгиным, но без «внедренческих» элементов, т.е. ее «усеченный» вариант (рис. 1).

В этой схеме *«нормативная модель»* изучаемой ситуации означает *должное ее состояние*, к которому необходимо стремиться, чтобы обеспечить нормальное функционирование организации.

* Батыгин Г.С. Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986. С.228.

Рис. 1. Логика прикладного исследования

«Прогнозируемая модель» означает возможное состояние ситуации (его прогнозирует социолог) в случае, если никакие меры по ее изменению не будут приняты.

«Дерево» возможных решений здесь – вся «вселенная» типичных решений, которые когда-либо уже использовались или могли быть использованы в аналогичных ситуациях. Главный поставщик этих решений – литература, «чужой» опыт решения сходных проблем. Большую услугу здесь могут оказать эксперты *внешние и внутренние*, т.е. эксперты со стороны и специалисты, работающие в самой

организации, знающие проблемную ситуацию изнутри. Немаловажное значение имеет и личный опыт исследователя, его знание жизни.

«Дерево» принятых решений – это совокупность конкретных решений, пригодных и эффективных «здесь и сейчас», в данной проблемной ситуации. Сами эти решения отбираются из всего спектра возможных самыми различными способами: экспертным опросом, игровыми методами, с помощью фокус-групп^{*} с потенциальными субъектами предлагаемых нововведений и т.д.

Следует сказать, что *логическая последовательность* этапов прикладного исследования, представленная в модели, *может не совпадать с логикой его организации*, временной последовательностью *организационных этапов* исследования. Реальная практика организации такого типа исследования предусматривает возможность «свертывания» ряда его логических элементов в один организационный этап. Так, в рамках описания проблемной ситуации (как правило, это опрос участников ситуации) можно одновременно получить информацию и о пригодности предлагаемых нововведений: оценить их восприятие, возможные социальные последствия и т.д. Могут быть совмещены во времени, например в рамках фокус-группы, разработка спектра возможных решений и нахождение наиболее приемлемых из них, т.е. «принятых» решений.

Попробуем разобраться, как в действительности протекает прикладное исследование, на примере из нашей исследовательской практики.

Исследование это было осуществлено в 1990 году под руководством автора. Объектом исследования выступал транспортный цех одного из крупных новокуйбышевс-

* Фокус-группа – сокращенное название метода фокусированного группового интервью, о котором подробно рассказывается в теме 3, часть 2.

ких нефтехимических предприятий. Проблема состояла в затянувшемся межличностном конфликте между руководителями подразделения: начальником цеха и его заместителем. Заказчиком исследования выступала администрация предприятия, заинтересованная в нормальном функционировании этого подразделения. Нам предстояло выяснить «силу» и «масштаб» этого конфликта. Интуитивно мы предполагали, что конфликтная ситуация «захватила» в свои «сети» и рядовых рабочих, «бросив» их в противостоящие друг другу, «воюющие» лагеря.

Описание ситуации здесь означало прежде всего оценку рабочими социальной напряженности в цехе: конфликтной ситуации, ее характера, причин, ее порождающих, деятельности руководителя и его заместителя. Основными теоретическими понятиями, которые операционализировались, были: «социальное самочувствие», «удовлетворенность работой», «факторы производственной ситуации», «потенциальная текучесть», «личностные и деловые качества руководителя». Основным методом сбора этой информации мы выбрали анкетный опрос с помощью опросника⁹, содержащего закрытые и открытые вопросы. Параллельно с подготовкой программы исследования и опросника мы «набирали» спектр возможных решений конфликта с помощью неформализованного интервью с экспертами: юристами и управленцами, а также с рядовыми работниками этого цеха.

Анализ документов в изучаемой организации, решений судебных органов, протоколов проверок целого ряда вышестоящих инстанций показал нам, что ряд возможных решений, которые *уже принимались* для разрешения конфликта, оказались неэффективными. не смогли изменить ситуацию. Так, предпринятое начальником цеха увольнение своего заместителя было отменено судом, и он был восстановлен на работе. В действительности и у руководителя цеха, и у его заместителя были серьезные неполадки в работе: захваченные конфликтом, прак-

⁹ Закрытый вопрос анкеты – это вопрос, содержащий готовые формулировки ответов; открытый вопрос – это вопрос без таких «готовых» ответов: респондент сам, своими словами отвечает на вопрос.

тически оба руководителя перестали в должной мере заниматься своей главной деятельностью. Вместе с тем увольнение по статье КЗоТ за несоответствие занимаемой должности предполагает сравнение реальной деятельности человека в той или иной должности с нормативной, т.е. с тем, чем он должен, обязан заниматься, с его должностными обязанностями. В подразделении, где была эта проблемная ситуация, такие нормативные документы (должностные инструкции начальника цеха и заместителя) отсутствовали, что и дало возможность заместителю начальника цеха оспорить (в том числе и в судебном порядке) любые претензии к нему руководителя по поводу его «плохой работы».

Отбрасывая один за другим возможные управленческие решения как непригодные по разным причинам в данной ситуации («увольнение по собственному желанию любого из участников конфликта», «перемещение между враждующими сторонами», «перевод одного из участников конфликта на другое место работы в рамках организации»), мы вышли на наиболее приемлемый вариант решения – организовать выборы руководителя цеха: действующий тогда Закон о госпредприятии давал возможность это сделать. Правда, правомочность этой процедуры в Законе обосновывалась лишь двумя ситуациями: в случае реальной вакансии на место руководителя или значительной неудовлетворенности коллектива деятельностью руководителя. Таким образом, для обоснования нашего решения необходима была информация об уровне удовлетворенности рабочих своей работой, а также деятельностью руководства цеха. Кроме того, правильность найденного решения, его пригодность для устранения конфликтной ситуации самым непосредственным образом зависела от целого ряда обстоятельств:

- отношения рабочих к выборам руководителя вообще;
- готовности участвовать в выборах собственного руководителя;
- отношения к конкретным претендентам на этот пост;
- отношения к руководителю цеха и его заместителю.

Говоря проще, было понятно, что предлагаемое решение может «снять» конфликт, если мы будем уверены,

что выборы состоятся, и ни один из участников конфликта не будет выбран на эту должность. Следовательно, для выдвижения этого управленческого решения в качестве пригодного в нашей ситуации нам необходима была информация, подтверждающая это. Анкетный опрос, который мы в организационном плане провели *после выдвижения «дерева» возможных решений и отбора наиболее приемлемого*, включал в себя как задачи описания проблемной ситуации, так и обоснования приемлемого решения «организация выборов руководителя». Обработка данных анкетного опроса рабочих показала, что это решение, будучи реально осуществленным, сможет действительно устранить конфликтную ситуацию: абсолютное большинство рабочих положительно отнеслись к самой идее выборов руководителя, были готовы принять участие в них, а также намерены голосовать не за бывшего руководителя. Проведенные через несколько дней после сдачи отчета по результатам исследования реальные выборы показали правильность этого решения.

5. Квазифундаментальное исследование

5.1. Что такое квазифундаментальное исследование

Квазифундаментальное, или «как будто фундаментальное», это исследование промежуточного типа, совмещающее в себе черты фундаментального и прикладного. Исследования этого типа осуществляются по логике *фундаментального исследования*, проходя последовательно все 4 этапа организации, характерные для него. В то же время квазифундаментальное исследование изначально ориентировано на *практический результат*, на получение выводов и рекомендаций, направленных на преобразование изучаемой социальной ситуации. Здесь описание и объяснение социального явления или процесса – только средство, инструмент, позволяющий выработать эффективные «здесь и сейчас» управленческие решения.

5.2. Характерные черты квазифундаментального исследования

1. Итогом исследования такого типа всегда выступают эмпирические обобщения, описывающие или объясняющие социальное явление в терминах, «не дотягивающих» до теоретического уровня. В этом смысле здесь не происходит приращения нового знания, имеющего статус теории, как в фундаментальном исследовании.

2. Практические рекомендации здесь производятся так же, как и в фундаментальном исследовании, – как *логические продолжения* полученных эмпирических обобщений.

Например, в нашем исследовании отношения жителей города к одной из новокуйбышевских газет (1999 г.) был сделан вывод о том, что *молодые жители города* предпочитают другие городские газеты, не находя в ней тех тем, которые им интересны. Кроме того, молодежь не устраивает прокоммунистическая направленность издания, ее политизированность. В то же время более «взрослые» слои городского населения, особенно пенсионеры, в значительном большинстве считают ее «своей» газетой, предпочитают узнавать городские новости именно из нее. Какие практические выводы могут быть сделаны из этой информации?

В самом общем виде могут быть сделаны 2 вывода.

1. Газета продолжает сохранять свое лицо, ориентируясь на запросы немолодых читателей определенной политической ориентации. Правда, здесь возникают проблемы финансового плана: экономически «выживать», имея в качестве целевой аудитории социальную группу с низким уровнем дохода, очень трудно. Собственно говоря, именно эта проблема и лежала в основании исследования: как повысить тираж газеты, как сделать ее «продаваемой», экономически рентабельной?

2. Газета может существенно изменить политическую направленность издания, ее содержательную наполненность, ориентируясь на запросы большинства молодых жителей города. Такое переориентирование целей и, соответственно, материалов газеты смогло бы расширить

целевую аудиторию издания за счет более обеспеченных молодых людей.

3. *Квазифундаментальное исследование*, как и прикладное, ориентировано на решение конкретных практических задач, пригодных для локальных общностей, которые изучались в исследовании. Как правило, выводы такого исследования носят узко специфический характер, описывают ситуацию «здесь и сейчас», не претендуя на крупные обобщения.

4. Квазифундаментальное исследование, как и прикладное, имеет своего заказчика, заинтересованного прежде всего в рекомендациях и выводах исследования, дающих возможность изменить ситуацию или прогнозировать ее развитие.

5. В квазифундаментальном исследовании, как и в прикладном, могут использоваться «готовые» методики, уже использовавшиеся ранее для подобных исследовательских задач. Впрочем, исследователь может разрабатывать инструмент и самостоятельно: подготовка такого инструмента, предназначенного для описания конкретной социальной ситуации, не представляет большой сложности. Описание ситуации здесь так же, как и в прикладном исследовании, только средство для выработки практических рекомендаций, ее изменения в том или ином направлении.

6. Язык отчета по результатам квазифундаментального исследования так же, как и в прикладном исследовании, не должен изобиловать научными понятиями: такой отчет пишется прежде всего для заказчика, не специалиста в области социологии, и потому должен быть ему понятен.

Практика показывает, что квазифундаментальные исследования – наиболее распространенный тип в практике социологических исследований. Так называемая «заводская социология» – отрасль социологической практики, весьма популярная в Советской России, – прежде всего иссле-

дования этого типа. Они проводились как заводскими социологами, так и социологами хозрасчетных социологических лабораторий, в которых наряду с академическими институтами институционализировалась отечественная социология в этот период¹⁰.

Сегодня этот тип исследования представлен в большей степени в сфере маркетинга,¹¹ в изучении социальных процессов в организациях, в области социологии политики, в сфере изучения общественного мнения (массовые опросы) и т.д.

б. Разведывательное исследование

В самом термине «разведывательный» уже слышится «езда в неизвестное», говоря словами поэта.

Главная особенность этого типа исследования и состоит в «прощупывании» изучаемого явления, когда оно мало изучено и практически не представлено в литературе. *Основная цель такого исследования – перевод интуитивных, смутных очертаний образа явления или процесса, которые у социолога, как правило, складываются «по жизни», в нечто гораздо более определенное: проблему исследования, его возможный (или возможные) предмет и объект исследования.* Для того чтобы этот перевод все-таки состоялся, исследователь использует по обыкновению самые разные способы: он может «погрузиться» в социологическую литературу, где представлен опыт изучения близких

¹⁰ Подробнее см.: Кравченко А.И. Социология труда и производства // Социология в России. М.: Изд-во «На Воробьевых», 1996.

¹¹ Маркетинговые исследования – это процесс систематического целенаправленного производства информации для нужд маркетинговой деятельности. На втором своем этапе – этапе получения и анализа первичной информации – маркетинговое исследование практически совпадает с социологическим.

проблем, сходных явлений или отдельных его граней; он может ознакомиться с литературой в рамках «родственных» дисциплин: психологии, экономики, философии, где эти явления так или иначе изучались; социолог может пойти «в поле», т.е. беседовать с людьми, которых как-то касается изучаемое явление; наконец, он может беседовать (брать интервью) с экспертами – знатоками в той области общественной жизни, куда предположительно «входит» явление, которое ему предстоит изучить. При этом круг экспертов должен быть, по возможности, более широким, чтобы «охватить» разные его грани. Определенную помощь социологу здесь могут оказать и средства массовой информации: печать, телевидение, радио, которые, как правило, крупно (в общих чертах) «схватывают» то или иное социальное явление. Если социолог собирается изучать явление, локально очерченное, т.е. существующее, например, в границах организации, то ему необходимо изучить материалы ее периодического издания, например заводской многотиражной газеты.

Разведывательное исследование чаще всего осуществляется не как самостоятельное научное предприятие, но как *необходимый этап* социологического исследования в ситуации *непроясненности, неясности, нечеткости артикуляции* социологом основных узловых точек, от которых «отталкивается» классическое исследование: проблемы, предмета, объекта.

Существует мнение, что разведывательное исследование – это качественное исследование, потому что процедура допускает использование «мягких» методов: свободного интервью, качественного анализа текстов и т.д. На самом деле, это не совсем так. Полноценное социологическое исследование, осуществленное в качественной парадигме, своим результатом имеет определенное правдоподобное или не стремящееся к этому *описание социально-*

го явления или его объяснение.¹² Во всяком случае, изучаемый фрагмент социальной реальности так или иначе присутствует в готовом продукте такого исследования. *Результат же разведывательного исследования сам по себе не имеет никакого самостоятельного статуса: он – только начало, только точка отсчета, только преддверие будущего полноценного социологического исследования, произведенного по всем научным канонам.*

Ключевые слова

Панельное исследование, фундаментальное исследование, прикладное исследование, квазифундаментальное исследование, проблема, объект, предмет, «дерево» возможных решений, «дерево» принятых решений.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. В чем состоит специфика панельного исследования?
2. Каково главное отличие фундаментального типа социологического исследования от прикладного?
3. Назовите основные черты фундаментального исследования.
4. Назовите основные характеристики прикладного исследования.
5. Опишите логику организации прикладного исследования.
6. Совпадает ли логика организации и временная последовательность этапов прикладного исследования?
7. Назовите основные элементы программы фундаментального исследования.

¹² Здесь мы исключаем собственно постмодернистское направление.

8. Чем отличается программа фундаментального исследования от программы прикладного?

9. Назовите особенности квазифундаментального исследования.

10. В каких областях социологии чаще всего используются квазифундаментальные исследования?

11. Какова цель разведывательного исследования?

12. Какие методы используются в разведывательном исследовании?

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. *Андреенков В.Г., Кабыща А.В.* Структура и процесс социологического исследования // Социология. Основы общей теории. М., 1996.

2. *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии. Новосибирск: Наука, 1996.

3. *Бутенко И.А.* Прикладная социология: наука и искусство. М.: Анкия, 1999.

4. *Герчиков В.И.* Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-е 1984.

5. Логика социологического исследования. М.: Наука, 1986.

6. *Молевич Е.Ф.* Общая социология. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997.

7. Практикум по социологии. М.: Изд-во Московского университета, 1992.

8. Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1997.

9. Социальная инженерия: В 2 ч. Ч. 1. Теоретико-методологические проблемы: Курс лекций / Под ред. Ю.М.Резника и В.В.Щербины М.: Союз, 1994.

10. Социология в России. М: Изд-во "На Воробьевых", 1996.

11. *Щербина В.В.* Средства социологической диагностики в системе управления. М.: Изд-во МГУ, 1993.

12. *Ядов В.А.* Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1998.

ТИПЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КАЧЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЕ

Как охватить повседневность – этот видимый, но не замечаемый мир привычек и ограничений, совстов и одобрений, иллюзий и разочарований, рутины и банальности? Если, однако, говорить серьезно, повседневность – одно из пространственно-временных измерений развертывания истории, форма протекания человеческой жизни, область, где возникает надежда на новацию – банальности, перетекая друг в друга, образуют новые миры.

*Н.Н.Козлова. Горизонты повседневности
советской эпохи (голоса из хора)*

1. Характер исследовательской практики как критерий выделения типов

В рамках *качественной парадигмы* критерием структурирования выступает *характер исследовательской практики как интегрированной целостной деятельности исследователя*, включающей в себя и определенную «практическую логику» исследования, и конкретные методы сбора информации, и тот или иной образ результата, его язык и форму представления. Ранее мы уже говорили, что качественное исследование – это всегда творческий процесс,

достаточно гибкий и ситуативный. Тем не менее, все разнообразие конкретных качественных исследовательских практик все же может быть представлено несколькими типами:¹³

- этнографическим;
- «кейс-стади» (case-study);
- «обоснованной теорией» (grounded theory);
- «устной историей» (oral history);
- «историей жизни» (life story).

Еще раз подчеркнем, что само выделение этих типов достаточно относительно и предположительно: с одной стороны, качественная социология – еще «ребенок в коротких штанишках», только начинающий осмысливать себя; а с другой ее «зонтичный», мозаичный характер создает значительные трудности для структурирования, четкого «раскладывания по полочкам» всего реального богатства конкретных исследовательских практик. Не случайно не умолкают споры о соотношении этнографического типа социологического исследования и исследования типа «кейс-стади»: ряд авторов говорят об этнографическом типе «кейс-стади», другие – о «кейс-стади» как разновидности этнографического. В любом случае, мы полагаем, что попытка упорядочивания реального разнообразия этих исследований, стремление выделить основные элементы, создающие специфичность, «особость» той или иной разновидности качественного исследования, всегда полезны и плодотворны.

¹³ Ряд авторов (Д.Берто, В.Семенова) выделяют еще и *историю семьи* как самостоятельную исследовательскую стратегию. На наш взгляд, этот тип очень близок к исследовательской стратегии «история жизни», хотя объект изучения в ней – не отдельный индивид, как в «истории жизни», но семейная ячейка, взятая в единстве ее внутрисемейных связей.

2. Этнографический тип

качественного социологического исследования

2.1. Что такое этнография

Термин «этнография» буквально означает описание этноса. Он удивительно многозначен: это и научная дисциплина, и метод, и жанр. Как научная дисциплина этнография «вписывается» в культурную (социальную) антропологию¹⁴ или в историю (отечественная, точнее, советская традиция). В этом своем значении этнография представляет собой науку, нацеленную на детальное описание разнообразных культурных форм, их «особости», «инаковости».

Традиционная «ранняя» этнография (XVIII-XIX вв.), связанная с именами блестящих антропологов Э.Б.Тайлора, Л.Г.Моргана, Дж.Фрезера и других, занималась изучением культур народов, «далеких» в пространственном и временном отношении от западного исследователя: изолированных племен, древних народов, принадлежащих к дописьменным культурам.¹⁵

При этом в полном соответствии с теорией культурного эволюционизма этнография «поставляла» конкретный материал об их традициях, обычаях, верованиях как свидетельствах тех стадий развития человеческого общества, которые другие народы давно преодолели.

Традиционная этнография была типичной классической наукой с ее претензиями на универсальность (мону-

¹⁴ Границы между этими антропологиями достаточно условны и зависят от традиций той или иной научной школы: американской, английской, российской и т.д.

¹⁵ Подробнее см.: Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1-2.

ментализм, как это называют Н.Дензин и И.Линкольн),¹⁶ объективное достоверное знание.

Этнография XX века, с одной стороны, расширила угол зрения, увидев «другое» удаленное в культурном смысле не только за «семью морями», но и рядом «в соседнем квартале». Объектом ее изучения стали и культуры самых различных социальных общностей: организаций, городских агломераций, отдельных социальных страт. С другой стороны, начиная с работ известных английских антропологов Б.Малиновского и А.Редклиффа-Брауна, впервые использовавших метод включенного наблюдения, этнография стала ориентироваться на «мягкие» методы, субъективный опыт исследователя и изучаемых людей.

Использование включенного наблюдения и других «мягких» методов было ответом на мощную волну критики, а точнее самокритики в адрес классической или «модернистской» этнографии. В так называемом объективном знании этнографы-критики стали видеть лишь идеологемы, начисто лишённые той непредвзятости, на которую ориентирована классическая этнография. Были выделены даже факторы, делающие любое этнографическое описание чужой культуры фактически предвзятым. Среди них были названы фактор зависимости от контекста, задаваемого самим исследователем и его социальным окружением, институциональный, т.е. причастность этнографа к институтам его общества; политический фактор, т.е. невозможность быть независимым от политической ситуации и т.д.

В последние годы этнография сделала еще один радикальный шаг: отказ со стороны этнографа от собственно исследовательской «привилегированной» позиции по отношению к объекту изучения. «Возникает необходимость

¹⁶ Denzin N., Lincoln Y. Introduction: entering the field of qualitative research/ Ed. by N.Denzin and Y.Lincoln. Thousand Oaks, Sage, 1994. P.16.

говорить об этнографии не просто как об опыте интерпретации некой заданной «другой» реальности, но и как о конструктивном переговорном процессе, в котором участвуют по меньшей мере двое... сознательных субъектов».¹⁷

Этнография как жанр характеризуется детальностью описания изучаемых явлений и в этом своем значении является *определенной формой получения и представления знания*.

В понимании этнографии как метода (этнографический метод) акцент делается на включенном наблюдении как излюбленном способе получения знания в культурной или социальной антропологии в XX веке.

2.2. Основные идеи этнографического подхода в социологии

Во второй половине XX века социология, вновь начинающая осознавать необходимость «возвращения индивида» в свое предметное поле, нашла в этнографии соответствующий познавательный инструмент. Он позволял через детальное описание единичного, конкретных повседневных практик «выйти» на традиционную для нее исследовательскую задачу – *познание типического в социальном явлении*. Так внутри социологии формировалась *особая исследовательская традиция* изучения социальных явлений, получившая свое название – *этнографический подход (или метод)*. Следует еще раз подчеркнуть, что эта традиция представляет собой особую интегрированную качественную исследовательскую практику, т.е. определенный тип качественного исследования.

Главным его лозунгом стало выражение известного английского социолога М.Хаммерсли «сделать знакомое

¹⁷ Clifford. The Predicament of culture: Twentieth Century Ethnography, Literature and Art. Cambridge, Mass; L, 1988.

неизвестным». В этом девизе содержится несколько идей. *Первая* состоит в том, что исследуется *знакомый*, рядом находящийся мир: трущоб, рынков, промышленной организации, крестьянского труда, детской преступности и т.д. *Вторая* – в том, что только взгляд на привычное как *странное, неизвестное, другое, чужое*, только *остранение* исследователя (термин известного советского культуролога В.Шкловского) помогает «*сломать*» *привычное, непроблематичное* в рутине повседневности изучаемой социальной общности, понять смыслы, которые кроются за видимым социальным и организационным порядком. Рассмотреть нечто с этнографической точки зрения, значит, *увидеть в нем другое – в отличие от своего*. Социолог здесь приобретает статус чужестранца или, если воспользоваться названием одного из американских учебников по этнографии, «*профессионального чужака*».

Эта позиция чужака означает открытость исследователя другому, иному опыту, отказу от старых теоретических схем объяснения, готовность увидеть новое, незнакомое, способность удивиться. Вместе с тем этот главный лозунг этнографического подхода нельзя понимать буквально. Иное, другое, и мы об этом уже говорили в теме 4 части I, только тогда можно понять, когда исследователь обладает некоторым предзнанием, некоторым смутным образом результата. Это означает, что знакомое должно стать неизвестным, *но до определенной степени* – в противном случае это неизвестное можно в принципе не понять.

2.3. Основные черты качественного исследования этнографического типа

Главные характеристики этой исследовательской практики, составляющие ее своеобразие, отличающие ее от других типов качественного исследования, такие:

1. Это стремление к более подробной, детальной, всесторонней репрезентации реальности. Отсюда итогом этнографического исследования довольно часто выступает не только теория или исследовательский комментарий, но и простое или насыщенное, «плотное» описание изучаемого социального феномена.

2. Это акцент прежде всего на методе включенного наблюдения, предполагающем «включение» исследователя в изучаемую ситуацию в качестве ее участника, старающегося понять других в естественных условиях.¹⁸ Здесь естественные условия понимаются как повседневная жизнь людей с их естественной установкой на восприятие окружающего мира как само собой разумеющегося, непроблематичного. Собственно говоря, метод включенного наблюдения и представляет собой способ погружения исследователя в мир естественных установок изучаемых людей, погружение, при котором не создаются определенные экспериментальные условия (как при использовании эксперимента в классической социологии), но жизненные миры «даны» исследователю естественным образом.

Акцент на методе включенного наблюдения не отменяет использования других методов в рамках этой исследовательской практики: свободного интервью, качественного анализа документов. При этом, наряду с анализом «бумажных» документов, в последнее время успешно применяется и фотоанализ как способ прочтения фотодокумента, использующий анализ невербального языка: языка жестов, мимики, тела. «Учитесь читать фотографии, как Вы могли бы читать книги», написано в одной из первых книг по так называемой «визуальной социологии».¹⁹ Фо-

¹⁸ Вместе с тем сегодня в литературе встречается употребление термина «этнографический подход» в социологии как синонима «качественного подхода» вообще.

¹⁹Plummer K. Documents of life. An Introduction to the problems and literature of a humanistic method. London, Unwin Human LTD, 1990. P.52.

тография незамедлительно выдает «детали», подробности, столь важные в рамках этого типа исследования.

Вместе с тем все эти методы являются *второстепенными*, уступая «пальму первенства» включенному наблюдению. Не случайно ряд авторов называют рассматриваемый нами этнографический тип *стратегией включенного наблюдения*, где сам этот термин понимается не узко как метод, а широко – как определенная исследовательская практика.²⁰

3. Здесь большое значение придается *фигуре самого исследователя*, его способности войти в контакт с теми, чьи жизненные миры он изучает, его открытости новому, его умению слушать и слышать, его способности находиться «вне» и «внутри» изучаемого опыта одновременно, его воображению, наконец.

Социолог-этнограф должен представлять себе, что изучаемые им люди имеют весьма приблизительное представление о социологии, и что чаще всего исследователей принимают за «рекламных агентов, налоговых инспекторов, шпионов..., правительственных служащих».²¹

М.Хаммерсли и Р.Аткинсон приводят пример бесспорного благоприятного впечатления, которое произвел исследователь Дон Халландер на жителей небольшого городка штата Джорджия, которых собирался изучать. Вместе с тем это благоприятное впечатление оказалось непреодолимым препятствием к исследованию. Жители городка решили, что социолог является представителем фирмы, изготавливающей вискозу, который должен помочь ей обосноваться у них. Все старались убедить исследователя в отличных качествах города и его обитателей. «Исследо-

²⁰ Подробнее см.: Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.

²¹ Hammersly Martin and Atkinson Paul. Ethnography Principles in practice. Second edition. London and New York. 1993. P.81.

ватель-этнограф как будто превратился в сказочную фею-крестную, и серьезная работа была невозможна». ²² Исследователь вынужден был уехать.

Социолог должен владеть искусством производить нужное впечатление (вспомним И.Гофмана). Именно это качество исследователя позволяет установить доверительные отношения с группой, вне которых он практически не получает доступа к информации.

Исследователь должен решить, какое именно впечатление он хочет произвести, и в соответствии с этим изменить свой имидж: одежду, прическу и т.д. Следует помнить, что в искусстве производить впечатление нет обобщающих правил. Существуют различные категории информантов, различные социальные контексты, и соответственно, различные имиджи. В этом смысле, полагают М.Хаммерсли и Р.Аткинсон, социолог-этнограф очень похож на актера, чья профессиональная компетентность предполагает высокую чувствительность к меняющимся ситуациям.

4. Результат этнографического исследования – *чаще всего монтаж*, попытка из мозаики собранных данных составить целостную «картинку» культуры изучаемой общности. Исследователь здесь – своеобразный монтажник (*bricoleur*), использующий различные части-источники для монтажа (*bricolage*) целого. Термин этот, введенный в оборот Г.Зиммелем, подхваченный крупнейшими современными социологами Ж.Бодрийяром и К.Леви-Строссом, призван отразить спонтанность, отсутствие жесткого плана, открытость процесса монтажа и в то же время его от начала до конца законченность, завершенность.

В самом деле, исследователь, работая в поле, используя включенное наблюдение, интервью, старается из обрывков разговоров, наблюдаемого поведения, бесед информантов между собой, жестов, выражения глаз – из всего этого разнообразия полевых данных «ухватить» смысл

происходящего, понять ценности группы, разделяемые ими нормы, культуру группы в целом.

5. Здесь большое значение имеет первоначальная *процедура поиска посредников*, способных ввести человека в группу, сообщество, а затем помочь войти в контакт с «ключевыми фигурами», хранителями знаний о традициях данного сообщества. Современный английский исследователь К.Робсон называет их «проводниками».²³ Именно от «проводников» зависят доступ к информации, необходимой исследователю, а также отношение к исследователю, готовность с ним сотрудничать.

Попробуем рассмотреть все выделенные нами черты, специфику этнографического подхода в социологии в целом на примере исследования «Рынки как культуры», осуществленного американским социологом М.Аболафия в 90-е годы применительно к деловым рынкам Уолл-Стрит.²⁴

В этом исследовании рынки рассматривались не просто как места, где совершаются сделки, акты купли-продажи как простой обмен между лицами, но и как специфические культуры.

Изучение рынков как культур означает акцент на процессе повторяющегося взаимодействия в сфере деловых операций, где устанавливается особый набор взаимных договоренностей: культура рынка здесь система социально значимых отношений, вбирающая в себя культурные нормы, правила, познавательные сценарии (cognitive scripts). Исследователь изучал три аспекта культур: основные правила и роли, локальный рационализм, движущие силы и процесс изменений.

В своих исследованиях социолог использовал 3 различных метода и, соответственно, получил 3 типа данных

²³ Robson C. Real World Research: a Resource for Social Scientists and Practitioner-Researchers. Blackwell; Oxford, 1993.

²⁴ Aborlaphia M. Creating the markets: Yoll-Street opportunism and restraint, MIT, 1998.

Изучение рынка ценных бумаг он производил с помощью анализа юридических документов из архивов судов: «Тысячи страниц изученных мною документов открыли для меня многое в таинственном мире фьючерсных торгов». Библиотеки регулирующих организаций и судебные архивы оказались настоящим сокровищем, содержащими непочатый край документальных свидетельств участников экономического процесса.

Наряду с этим исследователь проводил беседы с представителями регулирующих органов и адвокатами, участвующими в судебных разбирательствах, связанных с биржевой деятельностью на Нью-Йоркской фондовой бирже. Этот метод он использовал и для изучения рынка облигаций. Здесь он проводил беседы с брокерами в операционном зале после торгов в периоды вялой деловой активности. Менее формальное общение имело место в ресторанах и барах. Исследователь старался уловить побольше деталей будничной жизни биржевика, просил брокеров описать свой рабочий день, рассказать о карьере, припомнить какие-то ключевые эпизоды, объяснить смысл и назначение целого ряда организаций, связанных с биржевой деятельностью. «Я позволял им рассуждать на их любимые темы, но в то же время аккуратно направлял разговор к вопросам, интересовавшим меня».

Кроме того, М.Аболафия использовал метод *включенного наблюдения*: «Я стал на бирже своим или, если воспользоваться формулой одного антрополога, туземцы мне построили хижину. Постепенно мои личные наблюдения и выкладки вытеснили собеседования как основной источник информации», – пишет он. Главная проблема, с которой столкнулся социолог, реальная угроза «ассимилироваться» – принять всерьез картину мира брокеров и даже стать его частью. «Нетрудно поддаться их модели мира, – пишет исследователь, – поскольку это весьма приятательный мир. Экономическая доктрина Уолл-Стрит – ясная, четкая система, объясняющая все – от поведения отдельных брокеров до роли государства на рынке». Этнографу легко держать дистанцию, когда его «объекты» – люди неграмотные, нищие или ущербные, замечает М.Аболафия. Гораздо труднее, если они исповедуют сис-

тему воззрений, принятых твоим обществом. Поэтому, по мнению исследователя, в процессе сбора нужно регистрировать *все подряд*, но дома необходимо подвергать информацию *критическому осмыслению*.

В целом вся совокупность откликов, реакций, мнений, способов поведения биржевиков и составляла *мозаику данных*, из которых исследователю необходимо было «*смонтировать*» культуры деловых рынков Уолл-Стрит в 3 выбранных аспектах.

Существенной проблемой для исследователя стала *проблема доступа к миру биржевиков*, к основным источникам информации об этом мире. Дело в том, что этнографический анализ деловых рынков как культур достаточно непрост. По своей сути – это область, где распоряжаются корпоративные элиты. Они, как правило, наделены большей властью и высоким статусом и потому защищены от посторонних наблюдателей. Именно поэтому представители элит редко оказываются объектом этнографического анализа. «Этнография, как правило, имеет дело с теми, кто беден, лишен влияния, имеет отклонения в поведении», – пишет М.Аболафия.

Власть и деньги создают проблему для этнографа. Американский исследователь использовал личные связи, чтобы попасть на деловые рынки Нью-Йорка: как у преподавателя Школы бизнеса при Корнуэльском университете, у него было много бывших и тогдашних учеников, работавших там. Кроме того, благодаря старому знакомому, другу детства, юристу, он получил доступ к материалам Комиссии по срочной продаже при биржевой конторе в Вашингтоне. Личные связи оказались тем ключом, который открыл заветную дверь.

Кроме проблемы доступа, большое значение здесь имела и проблема *установления контактов с информантами*, создания у них *положительной мотивации по отношению к исследованию*. Огромное количество информации, имеющееся в распоряжении участников рынка, как правило, носит частный, конфиденциальный характер. Участники рынка обычно тратят много сил, чтобы ее собрать. Именно поэтому они тщательно оберегают ее, подозрительно относятся к любым официальным версиям, объясняющим интерес к этой информации. Исследователь

должен убедить участников рынка, что его *интерес бескорыстен*, т.е. носит научный, а не коммерческий характер, не связан с желанием что-либо разоблачить. Кроме того, информанты должны быть уверены, что этот исследовательский проект *достаточно важен*, чтобы тратить на него время, и что исследователь в силах *осуществить его «правильно»*.

Для повышения интереса к исследованию, придания ему значимости М.Аболафия старался поместить исследовательскую задачу в более широкий контекст, убедить потенциальных информантов в необходимости *серьезного исследования* биржевой деятельности, которая сегодня обществом недооценивается. Труднее оказалось, по признанию исследователя, убедить их в своей компетентности. Для того чтобы говорить с брокерами «на равных», ему пришлось прослушать курс лекций для желающих стать участником фьючерсных торгов, выдержать экзамен и получить национальный диплом, посещать лекции коллег по проблемам финансов, просматривать финансовые издания в поисках сюжетов и т.д. Все это позволило исследователю быть желанным гостем на бирже, завоевать доверие биржевиков.

3. «Кейс-стади» как тип качественного исследования

3.1. Общая характеристика

Термин «кейс-стади» (case study) буквально переводится с английского как *изучение случая*. Между тем в разных национальных и теоретических традициях существует целый ряд близких терминов: метод случая (case method), монографическое изучение (monographic study), монографический подход (monographic approach).

Международный словарь Вебстера дает следующее определение «кейс-стади»: *это «интенсивный анализ индивидуального случая, делающий акцент на факторах развития в отношении к окружающей среде»*. Здесь «кейс-ста-

ди» рассматривается как *общенаучная* стратегия (метод), которая может использоваться в различных областях знания.

Сегодня «кейс-стади» успешно применяется в информатике, где как «случай» изучают компьютер, в который впервые инсталлирована новая программа или новые информационные технологии, опробованные на малом количестве случаев. Используется он и в медицине, где «кейсом» выступает человек как уникальный медицинский случай.

В социологии «кейс-стади» рассматривается *преимущественно как особая целостная исследовательская стратегия* (тип качественного социологического исследования), хотя представлена и другая позиция, где кейс-стади понимается как совокупность «мягких» методов, используемых в социологическом исследовании на стадии разработки и уточнения гипотез.

Роберт Йен, известный английский исследователь «кейс-стади», дает следующее определение его как стратегии: это *«эмпирическое исследование, которое изучает определенный феномен в его реально существующем контексте, когда границы между феноменом и контекстом не отчетливы, и в котором используется множество разноплановых источников информации»*.²⁵

В этом уже ставшем классическим определении «кейс-стади» «схвачены» основные черты, составляющие своеобразие этой исследовательской практики.

Во-первых, социальный феномен, случай (case) изучается здесь в *реально существующем контексте*, т.е. в единстве всех специфических условий его бытования. Кроме того, а может быть это и самое главное, «случай» здесь изучается в его *«живом» и реальном изменении*. Не случайно эту стратегию исследования называют также и *хроно-*

²⁵ Jin R.K. Case-study Research: Design and Methods Sage Publication Inc, USA, 1989. P.50.

логической, позволяющей фиксировать изменения в объекте, происходящие в течение определенного периода времени (времени изучения).

Во-вторых, множественность источников информации означает здесь *разнообразие* используемых методов, «мягких» и «жестких», количественных. С.Робсон выделяет следующие:

наблюдение (включенное, систематическое, простое).

При этом в рамках *систематического наблюдения*²⁶ используется, как правило, стандартный инструмент наблюдения: карточка наблюдения. Простое наблюдение здесь – «пассивное ненавязчивое» (т.е. невключенное. – А.Г.) наблюдение за выражением лица, использованием языка;

интервью (свободное, фокусированное, структурированное);

использование документов и записей, включая широкий круг письменных, в том числе и статистических материалов, а также аудиозаписей.

Кроме того, в «кейс-стади» могут использоваться анкеты, стандартные тесты (например, определения интеллекта), шкалы измерения социальных установок, проективные методики (тесты на ассоциации и апперцепции), истории жизни, ролевые и имитационные игры и т.д.

Следует подчеркнуть, что «всеядность» этой стратегии с точки зрения методов сбора несколько нарушает «чистоту» этого типа как разновидности качественного исследования

В целом, если мысленно представить себе континуум, шкалу, на одном полюсе которой расположено типичное классическое социологическое исследование, а на другом полюсе – типично качественное социологическое исследо-

²⁶ Здесь термин С.Робсона «систематическое наблюдение» идентичен термину «структурированное, невключенное наблюдение», который чаще используется в социологической литературе.

вание, то исследование *типа «кейс-стади»* заняло бы на этой шкале *скорее промежуточное положение*. Характер используемых методов, а также во многом дизайн исследования «выдают» в нем количественные классические «влечения», если воспользоваться метафорой З.Баумана.

3.2. Виды «кейс-стади»

Практическое использование этой стратегии в социологическом исследовании весьма разнообразно. Сегодня можно выделить несколько классификаций внутри этого типа исследования.

Р.Йен по критерию «цель исследования» выделяет такие его виды:

- *объяснительное (causal) «кейс-стади».*

Главная цельго – *разработать теорию, объясняющую изучаемый случай*, т.е. теорию, описывающую причины (факторы), его порождающие. Исследование такого типа относится к научному или тяготеющему к научности направлению качественных исследований, о котором мы говорили в теме 4 части I. Довольно часто речь идет не столько о создании новой теории, сколько о подтверждении выдвинутой теории на первом этапе исследования²⁷;

описательное (descriptive) «кейс-стади».

Основная задача такого вида этой стратегии состоит в том, чтобы всесторонне описать изучаемый «случай». Итогом такого исследования может быть исследовательский комментарий или «плотное» насыщенное описание «случая»;

разведывательное (explanatory) «кейс-стади».

Исследовательская стратегия такого вида используется в ситуации, абсолютно неизвестной исследователю, где

²⁷ Такая логика, мы помним, характерна для классического социологического исследования.

трудно понять, что, собственно, следует изучать. В ее рамках формулируются исследовательские вопросы, определяется социальный «случай», который надо изучить.

По критерию *«характер самого “случая”»* можно выделить следующие виды «кейс-стади» с разными «кейсами» в качестве единиц анализа (объектов изучения):

индивидуальное «кейс-стади», где *кейсом выступает одна личность.*

Фокус исследования здесь состоит в анализе прошлого опыта личности, контекстуальных факторов – условий, а также установок личности, ее восприятия жизни в целом, словом, всей той гаммы факторов, которая так или иначе определяет ее поведение. Чаще всего в качестве такого «случая» исследуется паркоман, иммигрант, беженец;

исследование, где «случаем» выступает определенное *сообщество или несколько сообществ.* Здесь описываются и анализируются модели взаимосвязи внутри сообщества, главные аспекты его жизни: политика, работа, досуг, семейная жизнь и т.д.;

исследование, где «случаем» выступает *социальная группа или несколько социальных групп.* В исследованиях этого вида изучаются как реальные группы, для которых характерны непосредственные отношения между членами, например семья, так и условные (большие «рассеянные») группы, например профессиональные;

- исследование, где в качестве «случая» изучаются *организации и социальные институты.* Для этих исследований характерно множество различных фокусов исследовательского интереса: трудовые отношения, результаты управленческих и организационных мероприятий, процессы освоения нововведения, адаптации к меняющейся реальности и т.д.;

- исследования, где в качестве «случая» рассматривается определенное *событие, определенное отношение, ро-*

левое или межличностное. Здесь, например, могут изучаться отношения «врач-пациент», или события определенного преступления, стихийного бедствия, несчастного случая.

По критерию «количество изучаемых случаев» можно выделить:

- единичные «кейс-стади»;
- множественные «кейс-стади».

Единичные «кейс-стади», как правило, используются в 3 ситуациях:

1. Когда необходимо изучить «критический» случай для проверки сформулированной гипотезы. Примером может служить исследование Нила Гросса (1971 г.), о котором пишет С.Робсон.

Для исследования была выбрана школа, где имелась история удачного введения различного рода инноваций, следовательно, можно было быть уверенным, что там не было «барьеров к инновациям». В теории, сформулированной до «кейс-стади», утверждалось, что именно из-за «барьеров» и проваливались последние нововведения. Исследование Гросса показало, что это не так, потому что последние нововведения в этой школе также не удались. Следовательно, причиной этому были не барьеры, а сами процессы нововведения. Эти провалы объяснялись поведением «людей со стороны», чужих в школе.

2. Если необходимо изучить уникальное незнакомое явление или когда знакомое приобретает крайние формы;

3. Объектом выступает явление, ранее недоступное изучению, никогда прежде не изучавшееся.

В множественном «кейс-стади» одновременно изучается несколько «случаев», например, несколько школ города или несколько цехов производственной организации. Этот вид «кейс-стади» в последнее время приобретает все большую популярность, видимо, потому, что здесь в большей степени, чем в единичном «кейс-стади», удастся повысить обоснованность выводов исследования за счет воз-

возможности сравнения «случаев», получения большего объема информации.

Существует еще одна комплексная классификация видов «кейс-стади» в рамках матрицы 2×2, которую приводит Роберт Йен. Эта матрица выглядит следующим образом:

Виды исследования

	Единичное	Множественное
Холическое (holisble) целостное	Тип 1	Тип 3
Глубинное (embedded)	Тип 2	Тип 4

Здесь *тип 1* означает исследование, задача которого состоит в изучении «случая» как целостной единицы. Чаще всего в исследовании этого типа изучаются общие тенденции, характерные для «случая» в целом. Таким целостным единичным «кейсом» может быть, например, организация.

В исследовании, которое отнесено к *типу 2*, изучаются не только «случай», единица анализа, как целостность, но и его элементы, составные части, «подъединицы» анализа. Основная задача такого исследования – понять не только общие тенденции «случая», но и «схватить» глубину, сложность изучаемого феномена. Применительно к изучению организации «подъединицами» выступают ее члены. Изучение их мнений и оценок позволяет глубже проникнуть в «социальный мир» организации, лучше понять его.

Задачи исследований, которые могут быть отнесены к *типам 3 и 4*, принципиально не отличаются от задач исследований 1 и 2 типов. Различие состоит лишь в количестве изучаемых «кейсов».

3.3. Дизайн (план) «кейс-стади»

Исследовательская практика «кейс-стади» предполагает разработку плана (проекта) исследования. Этот план должен включать в себя, по С.Робсону:

- разработку концептуальной схемы;
- выделение исследовательских вопросов;
- определение выборочной стратегии;
- подбор методов сбора данных.

В отличие от классического социологического исследования, этот план чаще всего не бывает завершен к моменту сбора первичной информации: выделение исследовательских вопросов, их постоянная коррекция, а также конструирование и переконструирование концептуальной схемы, так же как и смена фокусов исследования в зависимости от полученного материала, продолжают в течение всего процесса исследования.

Сама концептуальная схема здесь, по мнению С.Робсона, включает в себя основные черты исследования: аспекты изучения, факторы, их взаимосвязи. Разработка такой схемы заставляет исследователя задуматься над тем, что он делает. Она также помогает ему быть избирательным, решить, какие же черты важны, *какие связи* скорее всего *значимы*, существенны, и, наконец, *какие данные* он намерен собирать и анализировать.

Такую схему надо попытаться разработать, даже если исследователь изучает новую, совершенно незнакомую ситуацию. Это поможет ему хотя бы определить первоначальное направление в исследовании.

Важнейший элемент разработки дизайна «кейс-стади» – определение выборочной стратегии. При этом С.Робсон понимает сам термин «выборочная стратегия» достаточно широко. «Определить выборочную стратегию исследования, значит, ответить на целый ряд существенных для исследователя вопросов: кого опрашивать, наблюдать, где,

в каких условиях будет происходить сбор информации, когда и что (какие события, действия, процессы) должны исследоваться?

Для исследования широкомасштабного явления, когда «кейсом» выступает большая социальная группа, может быть использован класс строго вероятностных способов отбора.

Наиболее распространенной сегодня для исследований типа «кейс-стади» является *целевая выборка*, т.е. выборка, соответствующая целям исследования. Выбор объектов в рамках такого отбора определяется *исследовательскими вопросами и концептуальной схемой*, тесно связанными друг с другом.

В этот процесс может «вмешаться» и реальная ситуация, в которой находится исследователь: ограниченное время, ресурсы, проблема доступа к информантам. Тем не менее, «подход “кейс-стади” достаточно гибок, чтобы отступление от намеченной выборки не оказало разрушительного влияния на исследование»²⁸.

3.4. Опыт реализации стратегии «кейс-стади»

Попробуем описать специфику этого типа исследования на примере российско-английского проекта «Перестройка управления и трудовых отношений на предприятиях России», осуществленного в 1992-1995 гг. под руководством Саймона Кларка и Питера Файбрайзера (Университет Уорвик, Великобритания).²⁹ Этот проект базировался на стратегии множественных case-study на предприятиях Москвы, Кемерово, Самары и Сыктывкара.

²⁸ Robson C. Ibid. P.141.

²⁹ Козина И.М. Особенности применения стратегии «исследование случая» (case study) при изучении производственных отношений на промышленном предприятии // Социология – 4 М. 1995. №5-6.

Исследовательский проект включал в себя 2 этапа – разведывательный и основной. Цель *разведывательного этапа* состояла, с одной стороны, в изучении *контекста проблем*, связанных с перестройкой управления, выявлением «болевых» точек, а с другой – в выборе тех конкретных предприятий, которые могли бы быть интересны с точки зрения задач исследования. В рамках *разведывательного «кейс-стади»* для сбора информации использовался комплекс методов:

- традиционный (качественный) анализ публикаций в местной прессе о конфликтных проявлениях в сфере производственных отношений;

- свободные беседы с авторами этих публикаций, а также с лидерами забастовок, работниками, вовлеченными в конфликт;

- неформализованные беседы со знакомыми, работающими на различных предприятиях города, и со знакомыми знакомых;

- неформализованные беседы с официальными лицами: представителями администрации промышленных предприятий, городской администрации, депутатами горсовета, лидерами «официальных» профсоюзов и т.д.

По результатам анализа собранного материала были выделены *темы фокуса исследования*, в которых наиболее ярко проявляются конфликты:

- управленческие стратегии администрации предприятий в новых условиях;

- занятость, развитие ситуации на местном рынке труда;

- приватизация промышленных предприятий;

- определение заработков на местных предприятиях;

- существующие в городе социальные институты защиты прав рабочих.

На этом же этапе были определены конкретные промышленные предприятия, «случаи», где, с одной стороны, изменения наблюдались особенно явно, с другой – имелась возможность доступа к информации.

Второй этап представлял собой *объяснительное «кейс-стади»*, состоящее в углубленном изучении сначала деятельности всего предприятия, включая анализ экономического и финансового положения, управленческой структуры, кадровой политики, взаимоотношений с вне-

шними организациями, и далее – в подробном исследовании отдельных производственных подразделений.

На этом этапе уточнялись проблемы, на которых и было сфокусировано исследовательское внимание. Для сбора информации здесь использовались преимущественно «мягкие» методы: свободное интервью, групповая беседа, неструктурированное наблюдение. Кроме того, использовался и метод анализа документов: статистических материалов, должностных инструкций и т.д.

Аналитическая работа, как в любом качественном исследовании, шла одновременно со сбором информации. При этом наиболее эффективным методом анализа оказались еженедельные групповые обсуждения полученных материалов всем составом исследовательской группы: обсуждались исследовательские гипотезы, предварительные мини-объяснительные теории. На каждом обсуждении ставились вопросы: что появилось нового, что изменилось, каковы общие моменты в жизни всех предприятий, что является уникальным?

Для повышения обоснованности выводов на этом этапе использовалась исследовательская триангуляция: полевая работа была организована таким образом, что каждую ситуацию, каждый факт описывало несколько исследователей. Общие семинары для российских участников проекта, которые проводились каждые 3 месяца, также позволили за счет сравнения «случаев», выявления общих и специфических черт повысить обоснованность результатов.

4. «Grounded theory» (обоснованная теория) как тип качественного исследования

4.1. Основные идеи стратегии

Рождение «grounded theory» обычно связывают с совместным трудом известных американских социологов Ансельма Страусса и Барни Глейзера «Открытие обоснованной теории» («The Discovery of Grounded Theory»), вышедшим в 1967 г. Вслед за первой работой вышли еще 3

книги, развивающие идеи этого стиля исследования, по выражению А.Страусса. Это книга Б.Глейзера «Теоретическая сензитивность» («Theoretical Sensitivity»); работа А.Страусса «Качественный анализ для социальных исследователей» («Qualitative Analysis for social scientists») и работа А.Страусса совместно с Д.Корбин «Основы качественного исследования» («Basics of Qualitative Research»).

Основная идея качественного исследования этого типа состоит в том, чтобы *за счет использования определенных процедур индуктивным путем* (от «сырых» данных – «наверх») *вывести теорию изучаемого явления*. Эта теория должна быть укоренена в первичных данных, не терять с ними связи. «Grounded theory» на русский язык переведена как обоснованная теория, хотя, на наш взгляд, правильнее было бы перевести «укорененная теория», т.е. теория, *корнями уходящая в первичные данные*, «вырастающая» из них.

Первичными данными здесь считается информация свободного интервью или наблюдения, выступающих в этой исследовательской стратегии методами сбора информации.

«Обоснованная теория» – целостный исследовательский подход, где *каждый этап влияет на последующий*. Это означает, что анализ данных начинается по мере проведения *первых интервью или наблюдений*, так что каждый последующий сбор данных (содержание интервью) зависит от гипотез, выдвинутых на этапе обработки информации предыдущих интервью и наблюдений. Таким образом, этот тип исследования предполагает *постоянное движение от сбора данных к концептуализации* и обратно: *от концептуализации к сбору данных*. На каждом этапе исследования проверяются и корректируются гипотезы, каждый этап задает направление последующим.

При этом теория *не только рождается* в этом процессе, но и *верифицируется* (подтверждается) другими данными

ми, получаемыми исследователями на других этапах исследования, что повышает ее обоснованность, степень адекватности изучаемому социальному явлению.

Этот тип исследования принадлежит к *научному или тяготеющему к научности направлению* внутри качественных исследований. Может быть, это *самый научный тип из всех возможных в качественной социологии*, хотя, конечно, это иная, нежели повременная форма научности.

Это означает, что процедуры его разработаны таким образом, чтобы *соответствовать канонам «хорошей» науки*, хотя и несколько подправленным, модифицированным применительно к качественному исследованию, а также к сложности изучаемых социальных феноменов.

А.Страусс и Д.Корбин выделяют 4 таких критерия, по которым можно отличить «хорошую» обоснованную теорию: она должна *соответствовать изучаемому фрагменту реальности*, а также быть:

«понимающей»;

обобщающей;

*контролируемой.*³⁰

Остановимся на этих критериях подробнее.

1. «Обоснованная теория» как тип исследования направлена на *как можно более адекватную репрезентацию изучаемого явления*. Вместе с тем на каждом новом уровне абстракции процесс интерпретации в определенной степени попадает под влияние представлений исследователя, его ценностей и предпочтений. Для повышения обоснованности выводимой теории (вспомним о веберовской ценностной нейтральности) здесь *качественный анализ (обработка данных интервью, наблюдений) проводится группой*. Исследователи обсуждают свои идеи, *которые путем со-*

³⁰ Страусс Ансельм, Корбин Джульет. Основы качественного исследования. М.: УРСС, 2000. С.21.

вместного анализа интерсубъективно верифицируются (подтверждаются). Эти совместные поиски смыслов представляют собой *исследовательскую триангуляцию*, способ повышения обоснованности результатов качественного исследования, о котором мы говорили ранее, в теме 4 части I.

В то же время А.Страусс подчеркивает, что *в групповом обсуждении* содержится и *важнейшая аналитическая предпосылка* – создание разнообразия, которое учитывало бы разнообразие социальной жизни. Горизонт смыслов исследуется с помощью так называемого «мысленного эксперимента».³¹ В процессе дальнейшего анализа это «поле» смыслов изучается, т.е. соотносится с последующими полевыми данными, с возникающими теоретическими гипотезами до тех пор, пока не появится возможность формулировки *«самой значимой и близкой к реальности интерпретации»*.³² Эту принципиальную для «обоснованной теории» характеристику – создание разнообразия смыслов А.Страусс называет *«комплексностью»*.

2. *«Понимающий» характер теории* означает, что в ней верно «схвачено» понимание исследователями изучаемой ситуации. Важнейшим условием такой адекватности является *понятность* полученной теории для тех, кто изучается, и тех, кто будет использовать полученное знание (управленцами). На наш взгляд, требование понятности, выделенное американскими социологами в качестве важного критерия «хорошести», *в определенной мере расходится с другим требованием: теория должна быть сформулирована в понятиях, а не в общепотребительных словах*³³ (прочь от здравого смысла). Видимо, это *принципиальное*

³¹ Термин «мысленный эксперимент» здесь означает систему мысленных процедур, проводимых над идеализированными объектами.

³² Strauss Anselm L. *Analytical analysis for social scientists*. Cambridge University Press, 1989. P.6.

³³ Страусс Ансельм, Корбин Джульет. Указ. соч. С.211.

противоречие качественного исследования, которое стремится быть научным (а значит, и «говорить» на языке теоретических понятий), и в то же время, не имея возможности использовать математические средства доказательства своих выводов, вынуждено апеллировать в поисках правдоподобия к людям, которых изучает. К людям, которые, как правило, не понимают теоретического языка.

3. *«Обоснованная теория» претендует на создание обобщающей теории. Это означает, что «условия, которые объясняют» изучаемый социальный феномен, не должны быть «микроскопическими», т.е. только непосредственно «прилегающими» к этому феномену. Скорее наоборот: изучаемое социальное явление должно «вписываться» в широкий социальный контекст. Это означает, что теория, получающаяся как результат такого типа исследования, должна включать в себя в качестве элементов объяснения и макроскопические явления: экономические условия, социальные движения, тенденции, культурные ценности и т.д. По мнению А.Страусса, любая обоснованная теория, упускающая эти более широкие условия, теряет в своем качестве. В этом смысле быть обобщающей теорией, значит, объяснить социальное явление в широкой перспективе и, по возможности, в разных контекстах его существования.*

4. *Контролируемый характер* теории как результата такого типа исследования означает здесь, что теория *должна контролироваться «сырыми»* данными, которые являются базисом анализа. К ним нужно постоянно обращаться в процессе создания теории независимо от того, на каком уровне анализа находятся исследователи.

4.2. Логика исследовательского поиска

В самом общем виде логическую последовательность исследования типа «обоснованная теория» можно предста-

вить следующим образом: на основе «сырых» данных, которые в идеале не включают интерпретации исследователя, *выделяются коды* (понятия), представляющие собой *первый уровень интерпретации*. Как правило, на этом уровне обобщается *один из аспектов* данных о конкретном явлении. От кодов, поднимаясь по лестнице абстракции, генерируются *категории, центральные категории и, наконец, теория*: исследователь, двигаясь от кодов «вверх», устанавливает *взаимосвязи* между ними, обобщает их в более абстрактные понятия (категории), категории «уплотняются» в еще более абстрактные понятия (центральные категории) и в конце концов оформляются в теорию как общее описание конкретного социального феномена (см. рис.2).

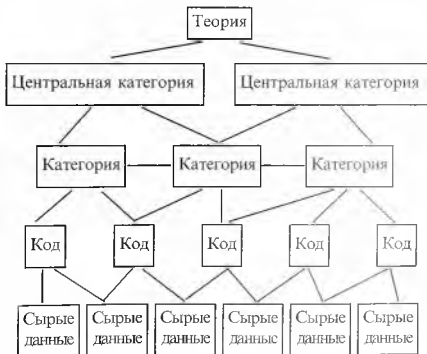

Рис.2. Логика производства теории

Более подробно логика исследовательского поиска в этом типе качественного исследования может быть представлена, как полагает А.Страусс, следующими элементами:

- концептуально-индикаторная модель кодирования;
- сбор данных;
- кодирование;
- центральная категория;
- теоретическая выборка;
- сравнение;
- теоретическое насыщение;
- интеграция теории;
- аналитические мемос;
- теоретическая классификация.³⁴

В целом, и мы уже говорили об этом, логика этого типа исследования направлена на создание *«комплексной, сотканной из понятий целостной теории»*, которая формулируется в тесной связи с напряженным анализом данных. В то же время логическая последовательность процедур в исследовании такого типа, как и в любом качественном исследовании, не может быть *«жесткой»*, строго фиксированной. Каждое такое исследование в своем роде уникально.

Тем не менее, А.Страусс выделяет некоторые *«правила большого пальца»* (общие правила) в качестве методических директив. Так, по мере получения самых первых данных *начинается процесс их кодирования и продолжается в течение всего исследования*. Результаты кодирования служат основой для формирования *теоретической выборки*. Принцип теоретической выборки заключается в следующем: *последующий сбор данных зависит от теоретического осмысления феномена, от результатов аналитических построений исследователя на предыдущем этапе*.

Продолжается такое выборочное исследование данных до тех пор, пока не достигается *теоретическое насыщение*,

³⁴ Strauss A. Ibid. P.23.

т.е. пока полученные данные не перестают нести новых теоретических элементов, лишь подтверждая то, что *уже* было обнаружено ранее. Как только выявляется *центральная категория* или категории, исследователь начинает искать связь между ними, постепенно насыщая теорию.

Параллельно с кодированием идет написание *аналитических мемос* (письменных комментариев исследователя в виде небольших эссе) относительно исследования, чувств исследователя, его идей, кодов, осмысления теоретической литературы.

Исследователь постоянно должен задавать «генерирующие» (*термин А. Страусса. – А Г.*) вопросы:

Что происходит в поле, чем отличается данный случай от другого (таким образом производится *сравнение*)?

Что означает данное слово или предложение или действие в «нормальном» понимании?

Что оно еще может означать?

Где еще можно обнаружить подобные явления?

Генерирующие вопросы играют значимую роль в этом типе исследования: с их помощью выдвигаются гипотезы, проводятся сравнения, формируется теоретическая выборка и т.д.

По мере развития исследования решается вопрос о том, какие категории становятся самими значимыми, центральными, достигается *интеграция всего процесса*. Первые, предварительные попытки интеграции начинаются на начальных стадиях исследования за счет поиска связей между кодами и категориями. По мере продолжения исследования *процесс интегрирования* занимает все больший удельный вес в комплексе действий исследователя.

Это касается и работы с мемосами. По мере развития исследования ученые приходят к необходимости *сортировки (классификации) мемос*, что делает их концептуально более «плотными», насыщенными. При этом первые мемос являются в гораздо меньшей степени интегрированными (т.е. содержат меньше обобщенной информации).

На последних же стадиях значимость сортировки возрастает: здесь мемосы должны суммировать предыдущие, быть более обобщенными и абстрактными одновременно.

Взаимосвязь трех важнейших элементов логики исследовательского поиска – сбора данных, кодирования и написания мемос не может быть однозначной. Кодирование только что собранных данных может подвигнуть исследователя как к написанию мемос, так и сбору новых данных. Сбор данных и кодирование, с другой стороны, могут привести к дополнительному кодированию *уже собранных* (и, возможно, уже проанализированных) данных. Рисунок 3 дает представление о взаимосвязи этих этапов

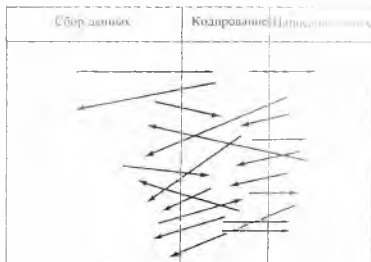

Рис.3. Вариации последовательности этапов сбора данных, кодирования и написания мемос³⁵

³⁵ Strauss A. Ibid. P.23.

Попробуем теперь вернуться в начало исследовательского поиска: к *концептуально-индикаторной модели*, направляющей кодирование данных. Здесь данные – поведенческие акты, события, наблюдаемые или полученные из интервью – выступают *индикаторами* концепта (понятия), которые аналитик выводит из них. В основе такой модели – постоянное *сравнение* индикаторов-данных между собой. Затем аналитик обозначает их как *индикаторы определенного класса событий или поведенческих актов*, т.е. кодирует их. Давая классу индикаторов название, он тем самым обозначает их как *категорию*, поднимает на более высокую ступень абстракции. После того как получена категория, индикаторы-данные *сравниваются* уже с возникающим концептом. Проводя сравнение между дополнительными индикаторами-данными и кодами, категориями, последние оттачиваются, чтобы в наибольшей степени соответствовать данным.

В целом, как мы уже говорили, в каждом исследовательском проекте, осуществляемом в рамках «обоснованной теории», будет *особая, своя собственная последовательность* шагов, которая зависит от:

- того, какие типы данных имеются в наличии, к каким можно получить доступ, и какие необходимы;

- от характера интерпретаций, которым их подвергнет исследователь;

- опыта исследователя или исследователей;

- множества различных случайностей, которые влияют на исследователя;

- характера целевой аудитории, которой адресуются публикации;

- широты охвата и уровня обобщения, достигаемых в теории и требуемых исследователями.³⁶

³⁶ Strauss.A. Ibid. P.24.

4.3. Важнейшие операции «обоснованной теории»

Важнейшей процедурой такого типа исследования является *кодирование данных*. Основу этой процедуры составляет так называемая *парадигма кодирования*, представляющая собой *спектр аспектов жизненных практик изучаемых людей*, которые исследователь должен учитывать при кодировании. Это – своего рода *напоминание*, «подсказка» исследователю, *что важного, значимого следует «искать» в данных, каким образом их структурировать*. Парадигма кодирования, согласно А.Страуссу, включает в себя:

- условия;
- взаимодействия между акторами (деятелями);
- стратегии и тактики;
- последствия.

Найти *условия* чаще всего бывает достаточно легко, иногда даже сами интервьюируемые на них указывают, нужно искать намеки в использовании таких слов, как «потому что», «так как», «как», «из-за». Сходным образом *последствия действий* могут быть выделены фразами типа: «в результате», «из-за этого», «результатом было», «впоследствии оказалось». *Стратегии и более детальные тактики*, связанные со стратегиями, обычно не представляют трудностей даже для неопытного аналитика.

Взаимодействия также легко находить, они представляют собой те взаимодействия, которые происходят между и среди информанта и других людей. А.Страусс полагает, что при игнорировании элементов парадигмы кодирования проводимый процесс обобщения данных назвать кодированием в строгом смысле нельзя.

В целом, *процедура кодирования* в исследованиях этого типа представлена 3 своими составляющими:

- открытое кодирование;
- осевое кодирование;
- селективное (выборочное) кодирование.

Открытое – это самый *первый тип кодирования* данных, которое производит исследователь. В самом названии его заключена и основная организационная цель – *начать, приоткрыть исследование*. Открытое кодирование производится в процессе *детального тщательного анализа* полевой заметки, интервью или другого документа – *строка за строкой* (line by line), *слово за словом*. Такое подробное скрупулезное кодирование здесь – база, основа, «заземление» будущей обобщающей теории.

Можно проводить кодирование по предложениям или параграфам, или даже по всему документу наблюдения или интервью. Правда, такое кодирование лучше проводить тогда, когда уже есть несколько категорий и необходимо кодировать «окрестности».

Интерпретации, полученные в процедуре открытого кодирования (коды), всегда пробные, предварительные. Поэтому часть из них может быть признана ошибочной и отброшена на дальнейших этапах исследования.

Содержательная цель – *производство концептов* (понятий), которые кажутся адекватными собранным ранее. Концепты здесь – *называние, «наклеивание ярлыков»* слову, фразе, фрагменту текста. Несмотря на то, что эти концепты являются предварительными, они все же являются *толчками к выделению других элементов парадигмы кодирования*, дальнейшему структурированию данных. А.Страусс подчеркивает, что неопытные аналитики «вместо того, чтобы заниматься *выведением концептов*, делают простые пометки на полях, которые не слишком отличаются от высказываний самих акторов».³⁷ Он приводит следующий пример: «Медсестра говорит исследователю: «Когда пациент начал кричать, я, чтобы сохранить самообладание, покинула комнату». Данная фраза *аналитическим путем*

³⁷ Strauss A. Ibid. P.30.

может быть преобразована в *«профессиональное самообладание»* с добавлением примечаний и указанием *структурных условий*, угрожающих ее спокойствию, а также *тактик*, которые она использует для поддержания самообладания. Это может привести исследователя к написанию мемос, в которых немедленно поднимаются вопросы о *других* имеющих место условиях и тактиках, а также о *ситуациях*, когда тактика медсестры не приводит к успеху, или когда нет возможности воспользоваться этой тактикой.

«Правила большого пальца» здесь следующие:

ищите «априорные» коды (*in vivo codes*), т.е. те, которые используют сами информанты. «Пыталась сохранить самообладание» – прекрасный пример априорного кода:

- дайте названия каждому коду (априорному) или сконструированному. Вначале не заикливайтесь слишком на вопросе, подходящий ли это термин – просто назовите код как-нибудь;

- при построчном анализе (*line by line*) задавайте как можно больше конкретных вопросов о словах, фразах, предложениях, действиях.

Процедура осевого кодирования предполагает *тщательный анализ*, проводимый *вокруг одной категории* (а не нескольких одновременно), и поиск элементов парадигмы кодирования. Термин «осевой» здесь означает *«вращение вокруг оси» одной категории*. Проводя такую операцию, исследователь начинает выстраивать плотную «ткань» из взаимосвязей вокруг «оси абсцисс» категории, которая является объектом его внимания. При этом аналитик должен прилагать все усилия, чтобы двигаться только к поставленной цели и не позволять «соблазнам» в виде различных кодов вмешиваться в данный процесс в высшей степени целенаправленного кодирования. В результате у исследователя происходит накопление знания о взаимосвязи между «осевой» категорией и другими.

Осевое кодирование начинается в период открытого кодирования, который обычно затягивается (хотя и не с первых интервью), и сохраняет значимость вплоть до того момента, когда аналитик сосредотачивается на центральных категориях и переходит к селективному (выборочно-му) кодированию.

Селективное (выборочное) кодирование есть *систематическое кодирование* в рамках *центральной категории*. Кодировать селективно означает, что аналитик сводит процесс кодирования *только к тем кодам*, которые связаны достаточно существенными связями с центральными категориями. Именно *центральная категория* теперь направляет дальнейший сбор данных в соответствии с теоретической выборкой. Селективное кодирование, как правило, происходит после того, как исследователь определил, какая категория или категории являются центральными в исследовании, т.е. после открытого и осевого кодирования.

Процедура написания мемос предполагает, что *первичные ориентировочные мемос*:

- должны носить организационный характер (сбором каких данных следует заниматься, где это делать и т.д.);

- или выступать в качестве напоминаний (не забыть сделать это...);

- или представлять из себя некоторую совокупность разрозненных идей;

- или содержать какие-то размышления с целью стимулирования воображения.

Процедура написания *дальнейших аналитических мемос* сводится к объединению результатов открытого или осевого кодирования, фиксации взаимосвязи между крупными категориями, суммированию и интегрированию предыдущих мемос.

Известный английский социолог Томас Флет рекомендует организовывать мемос следующим образом:

указывать на каждом из них дату написания;

- писать отдельное мемо для каждой идеи или темы;

озаглавливать их заголовками, которые бы помогали отнести мемо к разным уровням обобщения: код, категория.³⁸

Он предлагает также разделить структуру мемо на 3 уровня: сначала ответить на вопросы «Где источник кода?» и «Почему код возник в данном месте?» Затем найди смыслы кода. И наконец, указать, какой из многообразных смыслов кода можно выбрать для анализа. Для этого лист необходимо разделить на 2 колонки, в первой написать, что код может означать, во второй – на что может указывать.

Процедура выделения центральной категории сводится к поиску аналитиком такой категории, которая была бы связана с большинством других и соотносилась бы со всеми кодами (в идеале). Именно ей принадлежит основная роль в процессе интегрирования теории. Для этого аналитику нужно постоянно искать «основную тему», которая связана с главной проблемой изучаемой группы людей: «Что здесь происходит?» Таким образом, исследователь быстро учится «чувствовать» центральную категорию.

В исследованиях типа «обоснованная теория» большое внимание уделяется процедуре построения *интегрирующих диаграмм*. Эти диаграммы используются на самом трудном, итоговом этапе процесса исследования, когда необходимо «собрать все в кучу», интегрировать результаты работы группы. Назначение таких диаграмм в следующем:

- они дают представление о том, куда зашло исследование по итогам сбора данных, кодирования и написания мемов;

³⁸ Floeth Thomas. Analytative Analysis for field Research. Manuscript. 1996. P.31.

- они способствуют росту психологической уверенности исследователей в значимости своих результатов;

они помогают наглядно прояснить связи между кодами, а значит, обладают и аналитической пользой.

Интегрирующие диаграммы, как правило, изменяются в процессе развития исследования. Исследователи должны время от времени обращаться к такой диаграмме, чтобы задаться вопросом: «Что еще я не включил в нее?» По мере накопления знаний в процедуре исследования переделывается и диаграмма как определенный итог исследования.

Рассмотрим самую первую базовую процедуру этого типа исследования- процедуру открытого кодирования на примере нашего исследования процесса социально-экономической адаптации жителей Самарской области, проведенного в 1999-2000 гг.³⁹ Задача второго этапа исследования заключалась в создании мини-теории факторов успешности-неуспешности этого процесса. Основной метод исследования – нарративное интервью, а способ обработки – «обоснованная теория».⁴⁰ Объектом этого этапа исследования выступали *успешные адаптанты*, т.е. те люди, которые предпринимали попытки «вписаться» в новую социально-экономическую реальность и оценивают уровень своей материальной обеспеченности достаточно высоко, и *неуспешные дезадаптанты*, т.е. те, кто не предпринимал никаких адаптивных действий и относит себя к малообеспеченным и бедствующим.

Покажем, как осуществлялся нашей исследовательской группой аналитиков процесс открытого кодирования

³⁹ Мы уже рассказывали о *первом* этапе этого исследования в теме 2 части I.

⁴⁰ Стратегия «обоснованной теории» может использоваться и для обработки уже собранных интервью, когда коды, полученные из данных *первых* интервью, потом сравниваются с данными *последующих* интервью.

транскрипта интервью с Тamarой Н. (51 год), которая относилась к типологической группе «неуспешных дезадаптантов» (см. Приложение). Выделяя коды, мы пытались учесть все разнообразие их смыслов, создавая тем самым основательную базу «заземления» будущей теории. Мы использовали версию открытого кодирования “line by line”, т.е. кодировали по каждой строке, слово за словом.

Одним из первых *априорных кодов*, выделенных нами в транскрипте интервью, был код «тогда». Мемо выглядело следующим образом:

Что код может означать

1. «Тогда» – просто в прошлом
2. «Тогда» как противопоставление «сейчас»

На что указывает код

Информант просто говорит о прошедших событиях в соответствии с заданным нарративным импульсом (ее просят рассказывать об этом)

Имеет место уже противопоставление двух модусов существования: прошлого и настоящего, а не просто описание прошедших событий

Мы решили, что вторая версия, второй смысл – более подходящий: в тексте нарратива наиболее часты отсылки к прошлому, когда говорится о негативных сторонах сегодняшней реальности: дороговизне жизни, «сложности» ее и т.д. Из этих соображений *априорный код «тогда»* нами был преобразован в код «тогда и сейчас».

Другой *априорный код*, выделенный нами, «все». В процессе обсуждения были выделены следующие его смыслы:

Что код может означать

1. «Все» – это люди одной социальной возрастной группы

На что указывает код

Идентификация с людьми своего возраста, что вполне обычно для любого человека

2. «Все» – это я и все другие, «мы» как единство

Невыделение себя из толпы, стремление быть такой же, как все остальные, проявление конформизма как почти полного подчинения нормам референтной группы, с которой себя идентифицирует.

3. «Все» – это все люди, жившие тогда

Речь может идти о противопоставлении двух «полярных» типов людей: «наших», советских, и «других», постсоветских, что свидетельствует о размытости референтной группы, о приобретении ею достаточно широких границ – все советские люди

В результате обсуждения мы решили, что скорее всего код «все», а также близкий априорный код «мы» употребляется во втором и третьем значениях, чтобы подчеркнуть спаянность информанта с основной массой людей его времени, а также чтобы противопоставить себя как человека другой эпохи «иному» типу людей. Априорный код «все» преобразуется в код «мы – другие».

Следующий важный априорный код – «нормально». Этот код встречался в интервью очень часто: «нормальное детство было», «нормальная человеческая жизнь», «семья у меня нормальная», «нормальный коллектив», «нормальная работа», «нормально, в общем-то» и т.д. В процессе группового обсуждения были выделены смыслы:

Что код может означать

На что указывает код

1. «Нормально» означает «так себе», «сойдет»

Этот аспект жизнедеятельности для информанта – вполне сносный, терпимый

2. «Нормально» – это все, как у людей моего возраста и положения, это то, как принято между ними, то, что является обычным

3. «Нормально» – лучше, чем у некоторых других

4. «Нормально» может означать, что многие стороны жизни воспринимаются как норма. Информант не видит для себя другой жизни.

Это может свидетельствовать о невыделении себя из общности, автор стремится показать идентичность с людьми своего возраста и социального положения

Придание тому или иному аспекту статуса нормальности может осуществляться на основе сравнения с людьми своего круга, у которых в семье разлад и ссоры, а дети – наркоманы. У информанта в этом смысле – лучше. Проблемы с мужем компенсируются хорошей атмосферой в семье сына.

Указывать это может на тягу к «простому», упрощенному, на низкий уровень притязаний по отношению к жизни, на вскаки освященную традицию.

В процессе анализа текста практически все, кроме первого смысла, имели свое подтверждение в смыслах *других априорных кодов*. Вместе с тем из этого априорного кода нами был все-таки выделен код «уровень притязаний», который, на наш взгляд, вбирал в себя второй, третий и четвертый смыслы. Этот код оказался очень полезным, фактически являясь *гранью, свойством* более общей категории, которая потом была выделена нами: *образ будущего*. Эта категория рассматривалась нами как *общее определение ситуации*, имеющееся в наличии у человека, которое определяет особенности его поведения, взаимоотношения с окружающими людьми, уровень притязаний.

5. «Устная история» (oral history) как тип качественного социологического исследования

5.1. Что такое «устная история»

«Устная история» (oral history) – это исследовательская стратегия, использующая метод интервью для получения «устных» свидетельств относительно событий, в недавнем прошлом-имеющих *историческую значимость*.

В самом этом термине «устная история» акцент надо делать на слове «история». Исследование этого типа направлено на получение *субъективных свидетельств о важных событиях прошлого*. Они становятся в ряд с другими, традиционными для историков документами, и прежде всего архивными, такими как письма, дневники, мемуары. Не случайно «устные историки» называют себя «устными архивистами». Устные рассказы здесь – это «свидетельства памяти» (memory claim), призванные достоверно воссоздать то или иное значимое событие в прошлом. Здесь рассказчик, по точному выражению Мартины Бургос, – «рупор *надындивидуального субъекта*, чья цель обеспечить сохранность и передачу коллективного опыта». ⁴¹

«Устная история» частично вышла из попыток использовать устные традиции, передававшиеся веками в обществах, где отсутствовала грамотность, для того, чтобы выстроить, например, историю этого общества. В этом смысле «устная история» стара, как сама история. Для историков, изучавших совсем недавнюю политическую и социальную историю своей страны, привлекательность устных свидетельств объяснялась невозможностью доступа к достаточному количеству документов.

Специалисты «oral history» полагают, что устные источники имеют определенные преимущества перед письмен-

⁴¹ Бургос Мартина. История жизни: рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. № 1-2. С.124.

ными документами. *Во-первых*, здесь не возникает сомнений относительно авторства документа, что повышает доверие к нему. *Во-вторых*, в отличие от письменного документа (мемуаров, например), устное интервью сохраняет непосредственность впечатлений и искренность, которые более свойственны разговорной речи. *В-третьих*, это возможность сохранить в записи жизненный опыт людей, которые не имеют литературного таланта или свободного времени для написания мемуаров.

Таким путем создается новый вид истории – «не история лидеров, королей и президентов, а история фермеров, рабочих, эмигрантов и других простых людей».⁴²

Означает ли этот акцент на истории явления, что «oral history» – это только историческое исследование? Нет, не означает. *Настоящее, которое призвана изучать социология, всегда «встроено» во временную перспективу.* Для социологов всегда важно иметь «базовую» описательную информацию о социальном явлении 30, 50, 70 лет назад. Это позволяет описать (или объяснить) социальные изменения в общественном целом, понять направления этих изменений. По мнению современного английского социолога Пола Томпсона, для периода, ограниченного живой памятью, это – «элементарное составление плана этноистории как базиса современной социологической работы».⁴³ С помощью «устного» интервью эта задача значительно облегчается. В качестве примера П.Томпсон ссылается на собственное исследование «Эдвардоманцы: воссоздание британского общества». Обнаружив недостаточность рукописных материалов, хранящихся в архивах об этом пе-

⁴² Хоффман Алис. Достоверность и надежность в устной истории // Биографический метод. История, методология и практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С.47.

⁴³ Томпсон Пол. История жизни и анализ социальных изменений // Вопросы социологии, 1993. №1/2. С.129.

рию начала XX века: правительственных докладов, результатов первых социологических исследований, их несоответствие исследовательским целям, автор вынужден был обратиться к жанру «устной истории», т.е. к интервью с живыми свидетелями той эпохи. Использование этой исследовательской стратегии позволило английскому социологу создать «надежную социальную историю недавнего прошлого», а также собрать богатейший материал для описательных социологических обобщений о том времени.

5.2. Немного истории

Начало этой исследовательской практики обычно связывают с созданием в Колумбийском университете (США) в 1948 г. Центра устных исследований под руководством Аллана Невинса. В рамках исследовательских проектов этого Центра записывались на магнитофон интервью с людьми, которые внесли существенный вклад в разные области общественной жизни и которые описывали процесс их становления. К 1967 году интерес к этому методу воссоздания прошлого стал настолько велик, что в США была создана Ассоциация исследователей устной истории.

Большая доля проектов «устной истории» в эти годы была медицинской. Создавая историю величайших медицинских открытий XX века, медики обнаружили, что наиболее значительные события в этой области произошли на памяти еще живущего поколения. Интервью с участниками этих событий (создание знаменитых клиник, внедрение новой медицинской техники в практику медицины и т.д.) помогли восстановить пробелы в имеющейся информации, уточнить детали, более полно их воссоздать.

В рамках Ассоциации «устных историков» в США был реализован проект «Знаменитые личности, их друзья и соратники»: каждая президентская библиотека, начиная

с Трумэна, содержащая, как правило, материалы, касающиеся президентства, включает в себя и раздел устных историй.

Объектами «oral history» в США в разное время становились истории этносов: история евреев в США, история негров, история различных племен индейцев. Особенно исследования этого типа популярны в ситуации, когда отсутствуют архивы: устные истории людей, причастных к историческому событию, становятся единственным свидетельством, позволяющим восстановить, реконструировать его.

5.3. Достоверность и надежность в исследовании типа «устная история»

Исследование типа «oral history», изначально маркируемое как «сбор свидетельских показаний» очевидцев изучаемого события, уже в силу этой своей направленности на «правду» о событии обременено проблемой *обоснованности, надежности* получаемой информации. В самом деле, чего стоят эти самые доказательства, если они не соответствуют действительности?

Под надежность в исследовании этого типа понимается *«постоянство (неизменность) в изложении индивидом истории одного и того же события на протяжении различных ситуаций интервьюирования»*⁴⁴ (это может быть интервьюирование одного и того же информанта через какой-то промежуток времени). В этом смысле можно говорить о «надежных» и «ненадежных» информантах. Так, исследователь Алис Хоффман приводит экстравагантный пример «надежного» информанта, руководителя профсоюзной организации одной из американских сталелитейных компаний: описание путей его привлечения к профсоюз-

⁴⁴ Хоффман Алис. Указ. соч. С.44.

ной деятельности и оплаты ее в интервью, данном в исследовании 1966 г., практически полностью совпало с его интервью, опубликованном в книге другого исследователя по итогам анализа сталелитейной промышленности в 1935 г. Совпадение через 30 лет – серьезный признак такой «надежности».

Достоверность информации здесь понимается как степень согласования *между изложением события информантом и самим событием*, каким оно предстает из других первичных источников: официальных документов, фотографий, дневников, мемуаров, писем и т.д. Таким образом, только соотнесение данных интервью с другими источниками (триангуляция данных), совпадение ее с другими данными делают информацию в рамках «oral history» обоснованной.

В этом смысле сегодня считается, что «oral history» – *плюралистическая исследовательская практика*, допускающая использование различных источников информации.

Есть и еще один способ повышения достоверности, используемый П. Томпсоном. В исследовании британского общества начала века, о котором мы уже говорили ранее, он использовал «квотный отбор», который применяется, как правило, *в количественных исследованиях*. 500 интервью репрезентировали британское население 1911 года по значимым, по мнению исследователя, признакам: полу, профессиональному положению и региону. Впрочем, здесь уже идет речь о *достоверности классического толка* как соответствия получаемой информации реальному, «истинному» положению дел.

В целом, исследование типа «oral history» заметно тяготеет к классическому; не случайно его методологи, а также практикующие исследователи заимствуют у классической традиции и термины (достоверность, надежность), и отдельные техники (процедуру отбора информантов).

6. «История жизни» (*life story*) как тип качественного социологического исследования

6.1. Общие положения

«История жизни» как целостная исследовательская стратегия направлена на сбор и анализ рассказов о жизни, автобиографий вне зависимости от того, какими методами эти рассказы получены. Это могут быть и интервью (нарративное, лейтмотивное, свободное), взятое социологом у рассказчика-информанта (устная традиция), и личная автобиография, написанная самим рассказчиком (письменная традиция).

В центре этого типа исследования всегда стоит индивидуальная жизненная траектория от детства до старости, индивидуальная судьба во всем конкретном сочетании ее поворотов и изгибов. Рассказчик здесь в отличие от «oral history» описывает *свою собственную историю, свои* этапы жизненного пути, соотнося себя с другими людьми, социальными группами, *отождествляя себя с ними и выделяя одновременно*. Рассказ о жизни – это всегда особая достоверная информация о такой стороне человеческого мира, которая недоступна другим средствам.

Для социолога история жизни – всегда «два реально существующих полюса человеческой жизни, индивидуальный и социальный»,⁴⁵ всегда *связь между ними*. Социология, ориентированная на *познание типического в социальном*, рассматривает течение жизни конкретного человека *в обязательном соотношении с социальной жизнью*: ее событиями, писанными и неписанными правилами, причудливой взаимосвязью ее мозаичных элементов. Задача социолога в «life story» – понять социальный контекст индивидуальной жизни, т.е. «идентифицировать основные

⁴⁵ Бургос Мартина. Указ. соч. С.125.

игры, в которые люди играют в рамках этого социального контекста, скрытые правила и ставки, внутренние механизмы и конфликтную динамику власти в этих играх».⁴⁶

Важнейшей чертой рассказов о жизни, создающей «особость» этой стратегии, является их *темпоральность, вписанность во время*. Это создает уникальную возможность рассмотрения социальных явлений во *временной перспективе, в их процессуальности*, когда происходящие в них изменения (социальная динамика) соотносятся с временными рамками. При этом масштаб этих временных рамок может быть достаточно большим, включая и время жизни целого поколения.

Еще одна важная черта – это *укрупненный взгляд на действительность*, характерный для здравого смысла и обыденного языка. Именно этим, магией жизни без литературных украшений, человеческие документы завораживают. Н.Н.Козлова, изучая «плохопись» крестьянки Киселевой, пишет о соблазнительности такого материала для исследователя: «Они порождают искушение просто плыть по течению материала, ...трудно дистанцироваться и остановиться».⁴⁷

Для исследователя здесь постоянно возникает проблема насилия через навязывание своих собственных понятий, интерпретаций. С другой стороны, и автор навязывает свою картину мира.

Встроенность индивидуального в социум в исследованиях типа «*life story*» может изучаться в *нескольких направлениях*:

⁴⁶ Берто Даниэль. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы Международного семинара, Санкт-Петербург, 14-17 ноября 1996 г. СПб., 1997. С.15.

⁴⁷ Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М.: Институт философии, 1996. С.17.

1. *Изучение социальной обусловленности жизненных путей.*

Это прежде всего исследования профессиональных биографий социо-демографических когорт. Здесь в центре внимания – *социальные механизмы регулирования жизненных траекторий*, увязывающие возрастную дифференциацию, социально-классовое расслоение с кризисами в обществе и просто крупными историческими событиями.

2. *Исследования, ориентированные на реконструкцию личного опыта людей* (понимание смыслов их поведения), а также *способов их объяснения, толкования социальной реальности.*

В исследованиях этого типа реализуется попытка «схватить» систему ожиданий и норм, предъявляемых человеку (социальному актору) конкретной социально-исторической ситуацией. Здесь «жизнь человека интерпретируется как некий ответ на вопросы, порождаемые ситуацией, в которую человек заброшен».⁴⁸

В каждой индивидуальной жизни, по мысли немецкого социолога М.Коли, осуществляется своего рода *отбор, селекция индивидуальной стратегии* из существующего спектра «типических правил». В этом ключе исследователя в «истории жизни» интересует, *при каких условиях* индивид «примеряет», перенимает типичную жизненную конструкцию, внося в нее индивидуальное своеобразие, *каким образом вообще складывается тот или иной социальный тип* (например, «советский человек», «диссидент», «мужчина»).

К исследованиям этого рода можно отнести исследование сознания рабочего класса (Д.Берто), коллективного исторического сознания (Нитхаммер), исследование советского общества, предпринятое Н.Н.Козловой.

⁴⁸ Козлова Н.Н. Указ. соч. С.18.

6.2. Из истории становления

Корни интереса к индивидуальным жизнеописаниям легко обнаружить в литературе, но также и в этнографии, психиатрии, психологии: этнографию всегда интересовало описание выдающихся личностей среди «примитивных» народов; психиатрия интенсивно изучает течение жизни одного человека, выделяя психические нарушения как собственный предмет исследования; психология в рамках психоанализа трепетно относится к жизненным воспоминаниям, пытаясь сквозь них «прорваться» к бессознательному.

Считается сегодня, что «история жизни» как *социологическая исследовательская* стратегия «вышла» из знаменитого исследования крестьян-иммигрантов в Европу и США из Польши, произведенного американскими социологами У.Томасом и Ф.Знанецки в 1920-е годы: один том из пятитомного труда «Польский крестьянин в Европе и Америке» целиком посвящен автобиографическим мемуарам, написанным по просьбе социологов польским крестьянином-иммигрантом Владеком Висневским. Заслуга исследователей состояла в том, что они подняли истории жизни до серьезнейшего социологического и психологического материала, сформулировав при этом соответствующую методологическую позицию: «Мы уверены, что личностные сообщения о жизни – полные, насколько возможно, *представляют лучший тип социологического материала*».⁴⁹

Вместе с тем в 30-е годы в США эта стратегия, как, впрочем, и вся качественная парадигма социологического исследования, не выдержала конкуренции с классической методологией и перестала существовать. Причина состояла в том, что качественная социология в этот период

⁴⁹ Цит. по: Томпсон Пол. Гуманистическая традиция и жизненные истории в Польше // Биографический метод. История, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С.57.

не была еще осознана как *методологически другая* (мы об этом говорили в теме 3 части I).

В то же время в Польше, где Ф.Знаецки в 1921 году выпустил первое собрание письменных автобиографий, «история жизни» закрепились, превратившись не только в непрерывную исследовательскую традицию (она существовала и в социалистической Польше), но и стала *культурным движением*, признанной частью национального образа жизни: начиная с Ф.Знаецки, который в 1921 году был организатором первого польского конкурса памяти, в Польше и по сей день ежегодно проводятся конкурсы дневников – жизненных историй, издаются тома таких автобиографий, вовлекая в их написание и обсуждение поставленных проблем тысячи граждан Польши.

Возрождение методологического интереса к этому типу исследования, видимо, следует связывать с работой Д.Берто «Биография и общество», вышедшей в 1981 году. Эта работа сделала «историю жизни» предметом дискуссии в мировом социологическом сообществе, поставив на обсуждение методологические проблемы этой стратегии и качественного исследования в целом.

6.3. Методологические подходы к историям жизни

Исторически (хотя это и совсем недавняя история) можно выделить несколько методологических подходов к анализу историй жизни.

В рамках *первого, близкого к классическому*, история жизни – это идеальный материал для того, чтобы выяснить, что *существует на самом деле* и что *на самом деле произошло в обществе*. Здесь рассказы о жизни – это правдивый материал о том, «что люди сделали, где, когда, с кем и в каких локальных контекстах, с какими результа-

тами и что из этого последовало». ⁵⁰ Современный французский социолог Й.П.Руус иронично называет этот подход «обретенным раем» для социолога.

Этот подход, по его мнению, был характерен для конца 70-х – начала 80-х годов. Уже с середины 80-х социологическим сообществом начинает осознаваться, что ничто в мире из того, что мы видим и описываем, *не предстает перед нами таковым, каким оно существует на самом деле*: наше восприятие всегда опосредовано через то, как мы видим мир в настоящее время. История жизни – это и репрезентация автора, его видение ситуации.

В экстремальном постмодернистском варианте это означает, что не существует фактов, есть только лишь интерпретации: «факты» уже не являются фактами, но лишь фигурами текста («означающие» слова потеряли связь с «означаемым» – реальностью). В целом, полагает Руус, пришло осознание следующих моментов:

1) текст первичен, т.е. исследователь имеет дело с текстом, а не с реальной жизнью;

2) нарративность, понимаемая как ориентация на понимание слушателем, читателем, является чрезвычайно важным фактором автобиографии;

3) между автором, его «Я» и текстом существуют напряженные отношения;

4) существует проблема идентичности «Я» рассказчика (множественность идентичностей, угол зрения и т.д.);

5) существует множественность уровней авторов и аудиторий.

Так сформировался принципиально *другой методологический подход* – интерпретативный (мы помним, что именно такой способ изучения социальных явлений и составляет методологический базис качественной социологии).

⁵⁰ Берто Даниэль. Указ. соч. С.14.

В рамках такого подхода собственная биография, рассказанная автором, это еще и *представление себя другим* (вспомним И.Гофмана), демонстрация себя, но также и *конструирование себя* в процессе рассказывания.

В рамках такого рассмотрения стали различать три типа «конкретизации субъекта» в «истории жизни»⁵¹:

- субъект в качестве реально интервьюируемого, как участник процесса взаимодействия с интервьюером, или субъект коммуникации (письменная автобиография), ориентированный на подразумеваемого читателя:

субъект – герой, персонаж рассказа;

субъект – рассказчик истории, которую он рассказывает сегодня.

При этом каждая из этих конкретизаций относится в «истории жизни» к *одному и тому же лицу*, но каждая, тем не менее, занимает *особое место* в структуре повествования.

Сегодня интерпретативный подход к историям жизни является общепризнанным. В то же время внутри него наметились два подхода.

Сторонники *первого*, назовем его вслед за Д.Силверменом *реалистическим* (см. тему 4 первой части), полагают, что через субъективные жизнеописания все-таки можно получить «если не полностью объективное описание и объяснение социальных феноменов, то, по крайней мере, их «плотные» описания». Й.П.Руус, продолжая эту линию, также полагает, что «тексты автобиографий ничего не представляют собой до тех пор, пока мы не предоставим им *кредит реальности*, чего-то существующего вовне, что эти тексты стараются описать более или менее адекватно, и что мы пытаемся понять и сделать понятным другим в коммуникации»⁵². Французский социолог считает, что

⁵¹ Бургос Мартина. Указ. соч. С.124.

⁵² Руус Й.П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ... С.7.

анализ историй жизни в этом ключе можно производить, исходя из 4 базовых понятий, тесно связанных друг с другом: *контекст*, *аутентичность*, *референциальность* (соотнесенность) и *рефлексивность*.

Контекст здесь означает конкретные условия и структуру значений автобиографии, как она явно (чаще неявно) выражена автором. Контекст – это ситуация, когда рассказ можно понять лишь в рамках данного поколения с его социально-историческим опытом. Многие нарративы можно понять лишь в контексте бедности, войны, трансформации социума, определенной субкультуры и т.д. Сами авторы могут не осознавать контекст своих повествований. *Задача социолога – создать (сконструировать) контекст, чтобы понять сказанное, придать ему значение.*

Аутентичность представляет собой попытку автора представить свою жизнь наиболее реалистическим способом. Эта характеристика предполагает, что автор знает о событиях и отношениях прошлой жизни и хочет о них рассказать. Аутентичность в конечном итоге это правдоподобность рассказа. Исследователь, анализируя текст рассказа, должен прежде всего выбрать наиболее аутентичные его части. Точно так же следует отбирать наиболее аутентичные рассказы из всех анализируемых⁵³.

Референциальность (отнесенность) означает отнесенность к определенным событиям, действиям в социальной реальности. Референциальность повышает правдоподобие рассказа.

Рефлексивность означает, что в рассказе следует выделять автора как *рассказчика истории*, который смотрит на себя со стороны, меняя угол зрения, уровень рассмот-

⁵³ Конечно, существуют приемы, делающие рассказ более аутентичным, правдоподобным, однако, как правило, в автобиографиях они практически не применяются – это делают чаще всего профессиональные писатели.

рения. Вот, например, как выражается рефлексивность в рассказе: «Я могу сказать теперь задним числом, что то-то было плохо» или «Если бы я знал тогда то, что знаю сейчас». Рефлексивность – это еще и мотивация рассказчика: почему именно он рассказывает историю так, а не иначе. В тексте она может быть выражена так: «Это важно для меня, потому что...».

В рамках этого подхода «возможны варианты»:

1. Анализируется *одна история жизни конкретного человека*, где реконструируется его личный опыт проживания, «переживания» жизни, «встроенный» в социальное время, социальный контекст.⁵⁴ В отечественной социологии примером подобного рода может служить исследование истории жизни бомжа, осуществленное В.Журавлевым. Социолог здесь сквозь жизненные перипетии бомжа Владимира Волкова пытается понять социальные условия от деятельности государства до особенностей социально-психологического климата в семье, которые так или иначе обусловили его социальное исключение.

Применительно к *истории семьи* прекрасным примером может быть известное исследование Д.Берто, посвященное *анализу социальной мобильности*: через историю одного рода на протяжении четырех поколений, записанную в одном маленьком городке в центре Франции в 1987 году, исследователь пытается понять механизмы трансляции социального статуса во французском обществе. Изучая преемственность профессиональных занятий членов этого рода, их индивидуальные жизненные траектории, этапы жизненного цикла: детство, юношество, обучение, замужество, рождение детей, французский социолог смог сделать ряд теоретических выводов. Прежде всего, это касается невозможности передачи статуса от семьи к де-

⁵⁴ Это может быть и история одной семьи.

тям; передаются лишь составляющие его элементы: экономический, образовательный, географический и т.д. Даже такой элемент статуса, как капитал, должен претерпеть метаморфозу, чтобы быть воспринятым следующим поколением. Кроме того, и это одно из самых важных теоретических положений: *прямая трансляция профессионального статуса является скорее исключением, чем правилом*. Чаще всего происходят трансляции по *принципу эквивалентности*: сын булочника, ставший торговцем зерном; сын писателя, ставший журналистом; сын токаря, ставший инженером. Во всех этих примерах «присутствуют одновременно и неразрывно консервация и трансформация». ⁵⁵

2. Анализируется *ряд историй жизни, или семейных историй, принадлежащих к одной и той же социальной среде*. По мнению социологов, в подобного рода исследованиях *за счет сравнения разных жизненных историй достигается большая обоснованность выводов*. Как правило, количество историй жизни, необходимое для этого, колеблется в пределах от 20 до 50. В отечественной социологии к исследованиям *историй жизни* такого плана можно отнести исследование маскулинности, проведенное Е. Мещеркиной в 1995 году. В центре внимания исследователя находились специфичные для мужчин жизненные пути и социальные ожидания, связанные с принадлежностью к полу. Анализ мужских биографий позволил Е. Мещеркиной выявить неоднозначность и сложность мужской идентификации, описать уровни ее формирования (локально-семейный, институциональный), описать типы мужественности, выделенные по различным критериям: «гегемонический», «демократический», «нарцисстичный».

⁵⁵ Берто Даниэль, Берто-Вьям Изабель. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // Вопросы социологии. 1992. № 1/2. С.119.

Еще один пример использования уже *семейных историй* – исследование Е.Фотеевой, посвященное анализу социальной адаптации состоятельных семей в России после революции 1917 года. Изучая все повороты и изгибы жизненных путей членов нескольких семей «бывших» так, как они представлены в семейных историях, исследователь смогла выявить адаптивные стратегии этой социальной группы, направленные на ее включение в принципиально новую социальную ситуацию, описать специфичность женских и мужских вариантов этих стратегий.

В рамках *второго подхода* – нарративного (см. часть I, тему 4) – акцент делается на том, *каким образом* рассказчик объясняет те или иные свои поступки, на *схемы объяснения*: известно, что любой рассказ ориентирован на слушателя, и потому рассказчик использует *схемы, понятные* слушателю, т.е. присутствующие в культуре и потому понятные. Отсюда по «решеткам» объяснения можно реконструировать и «большие нарративы», т.е. представления, распространенные в обществе в той или иной культурно-исторической ситуации.

Ключевые слова

Исследовательская стратегия, «кейс-стади» («case study»), «история жизни» («life story»), «устная история» («oral story»), этнографический тип, обоснованная теория («grounded theory»), множественность методов, «Я» рассказчика, проводник, осевое и селективное кодирование, мемысы.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Опишите специфику этнографического типа социологического исследования.

2. В чем состоят основные идеи этого подхода?
3. Опишите основные черты исследовательской стратегии «case study».
4. Опишите виды «case study» по критерию «цель исследования».
5. Опишите виды «case study» по критериям «характер случая» и «количество случаев».
6. Опишите комплексную классификацию «case study» и исследовательские задачи, которые решаются в рамках выделенных типов.
7. Назовите основную идею исследования типа «grounded theory».
8. Укажите критерии «хорошего» качественного исследования типа «grounded theory».
9. К какому направлению качественных исследований относится этот тип?
10. Опишите логику исследования типа «grounded theory», ее основные элементы.
11. Что такое «парадигма кодирования» в «grounded theory», из каких элементов она состоит?
12. Чем «устная история» отличается от «истории жизни»?
13. В чем состоят классический и интерпретативный подходы к историям жизни?
14. Назовите различия между реалистическим и нарративным подходом к историям жизни.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. Альмодавар Жан-Пьер. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа // Вопросы социологии. 1992. № 1/2.
2. Берто Даниэль, Берто-Вьям Изабель. Наследство и род: трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти

поколений // Вопросы социологии. 1992. № 1/2.

3. Берто Даниэль. Полезность рассказов о жизни для реалистичной и значимой социологии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы Международного семинара. Санкт-Петербург, 14-17 ноября 1996 г. СПб., 1997.

4. Биографический метод. История, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994.

5. Бургос Мартина. История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. № 1/2.

6. Журавлев В. История жизни бомжа // Судьбы людей: Россия XX век. М.: Институт социологии РАН, 1996.

7. Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос. 1999.

8. Козица И.М. Особенности применения стратегии «исследование случая» при изучении производственных отношений на промышленных предприятиях // Социология. 4 М. 1995. Т.5-6, 1995.

9. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М.: Институт философии, 1996.

10. Мещеркина Е. Введение в антологию мужской жизни // Судьбы людей: Россия XX век. М.: Институт социологии РАН, 1996.

11. Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. «Делать знакомое неизвестным»: этнографический метод в социологии // Социологический журнал. 1998. № 1/2.

12. Романов П.В. Социологические интерпретации менеджмента. Саратов: Саратовский гос. техн. университет, 2000

13. Руус Й.П. Контекст, аутентичность, референциальность, рефлексивность: назад к основам автобиографии // Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. Материалы Международного семинара. Санкт-Петербург, 14-17 ноября 1996 г. СПб., 1997.

14. Страусс Ансельм, Корбин Джульет. Основы качественного исследования. Обоснованная теория, процедуры и техники. М.: УССС, 2001.

15. Томпсон Пол. История жизни и анализ социальных из-

менений // Вопросы социологии. 1993. № 1/2.

16. Хоффман Алис. Достоверность и надежность в устной истории // Биографический метод. История, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994.

17. Фотева Е. Социальная адаптация после 1917 года: жизненный опыт состоятельных людей // Судьбы людей: Россия XX век. М.: Институт социологии РАН, 1996.

18. Этнография и смежные дисциплины. этнографические субдисциплины. Школы и направления, методы. М.: Наука, 1988.

19. Denzin N., Lincoln Y. Introduction: entering the field of qualitative research/Ed. by N.Denzin and Y.Lincoln. Thousand Oaks; Sage, 1994.

20. Robson C. Real World Research: a Resource for Social Scientists and Practitioner-Researchers. Blackwell, Oxford, 1993

21. Plummer K. Documents of life. An Introduction to the problems and literature of a humanistic method. London, Unwin Human LTD, 1990.

22. Strauss A. Analitative analysis for social scientists. Cambridge University Press, 1989.

23. Hammersly Martin and Atkinson Paul. Ethnography Principles in practice. Second bolition. London and New York, 1993.

24. Jin R.K. Case study Research: Design and Methods. Sage Publication Inc, USA, 1989.

МЕТОД ИНТЕРВЬЮ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

...На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые
Так мы спрашиваем жадно
Цельный век...

Н.А.Некрасов

1. Общая характеристика

Интервью относится к *опросным методам* социологического исследования (другой «крупный» метод в группе опросных – анкетный опрос).

Сущностная характеристика этого метода, как, впрочем, и других опросных методов, *целенаправленное, «заданное»* социально-психологическое общение интервьюера и респондента (информанта). При этом для интервью характерно *непосредственное общение* интервьюера и респондента (информанта). Эта целенаправленность, заданность ситуации общения проявляются в нескольких смыслах.

Во-первых, это общение продиктовано необходимостью сбора информации, и потому это «навязанное» общение. Инициатором его всегда выступает интервьюер, в определенном смысле *принуждающий* к общению (побуждение, создание мотивации к участию можно рассматривать как «мягкий», деликатный вариант принуждения).

В любом варианте – количественное ли оно или качественное – интервью всегда *псевдообщение*, фактически отбрасывающее общепринятые нормы житейского человеческого общения.⁵⁶ Очень точно об этом написала Элизабет Ноэль: «Интервьюер, как уличный торговец, ...отнимает время у опрашиваемого, прерывает его занятия, нарушает планы проведения свободного времени... Он, как правило, чужой человек..., начинает задавать вопросы о сугубо личных делах, о состоянии здоровья, доходах, о планах на будущее, политических взглядах, о пережитом в молодости..., всю беседу ведет по «схеме», нарушая при этом все нормы общения между культурными людьми».⁵⁷

Во-вторых, *содержательно* ситуация общения здесь задается целями и задачами исследования, «выстраивается» в соответствии с ними.

В-третьих, такое общение предполагает наличие *определенных ролей* в его процедуре, хотя их содержание может и меняться в различных видах интервью: роль коммуникатора (сообщающего информацию) и реципиента (воспринимающего информацию)

Метод интервью сегодня очень популярен в социологической практике. Это объясняется прежде всего его *универсальностью*: с его помощью можно получить информацию о прошлом, настоящем и будущем изучаемых людей, а также субъективную (о мире их сознания) и поведенческую информацию. Конечно, изучать поведение людей можно, и целенаправленно наблюдая за ними, т.е. используя

⁵⁶ Конечно, прежде всего это касается интервью, используемого в классической парадигме. Качественное интервью стремится преодолеть эту искусственность, «сгладить» ее, хотя и не может ее преодолеть в принципе.

⁵⁷ Ноэль Э. Массовые опросы. Введение в методику демоскопии. М.: Прогресс, 1978. С.50.

метод наблюдения. Вместе с тем, наблюдая, очень трудно «проникнуть» в субъективный мир человека, мир его оценок, планов, мотивов тех или иных поступков, стереотипов.⁵⁷ Только опросные методы, и прежде всего интервью, дают исследователю такой шанс.

Кроме того, в интервью, *в отличие от анкетного опроса*, в живом общении «лицом к лицу» с респондентом (информантом) интервьюер имеет возможность наблюдать его отношение к опросу, его поведение в процедуре интервью. Здесь, по мнению известного исследователя этого метода Г.А.Погосяна, «каждое интервью может одновременно стать исследовательским актом, в котором интервьюер предоставляет дополнительную информацию».⁵⁸

В частности, оценивая поведение респондента по шкале искренности, можно сделать вывод о достоверности получаемой информации, что, как мы помним, очень важно, если исследователь работает в классической парадигме. Оценивая поведение информанта в качественном интервью,⁵⁹ можно фиксировать в заметках на полях текста невербальные проявления отношения к рассказываемому, недомолвки, умолчания, эмоции.

Все эти «фигуры отношения» помогут исследователю потом при обработке текстов интервью лучше понять информанта, легче «пробиться» за завесу видимого, часто контролируемого различного рода табу, к тому, что российский исследователь В. Голофаст называет «третьим слемом повествования» – к тайной, открыто не манифестируемой стороне его жизни.

⁵⁷ Речь идет прежде всего о невключенном наблюдении.

⁵⁸ Погосян Г.А. Метод интервью и достоверность социологической информации. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1985. С.50.

⁵⁹ Термин «качественное интервью» здесь используется как обобщающий, собирательный, заменяющий собой все разнообразные виды интервью, используемые в качественном исследовании.

Не случайно одно из негласных правил социологии гласит: «Интервьюер должен слышать не только то, что опрашиваемый желает сказать, но также и то, о чем он не хочет говорить».

Конечно, метод интервью проигрывает анкетному с точки зрения затрат: финансовых, людских, временных. В этом смысле опрос одинакового количества людей с помощью интервью *дороже*, нежели с помощью анкетного опроса.⁶⁰ Вместе с тем уникальные познавательные возможности этого метода с лихвой перекрывают его ограничения.

2. Виды интервью

В социологической практике используется самый разнообразный спектр интервью, которые «укладываются» исследователями в десятки классификаций, сконструированных по самым разным основаниям. Причем довольно часто практически одни и те же виды интервью маркируются разными терминами, создавая «головоломки» для начинающих социологов. Вместе с тем сегодня можно выделить ряд «бесспорных» классификаций, созданных по следующим критериям:

а) *способ организации интервью*. Здесь выделяются *индивидуальные* интервью, где источником информации выступает *индивид*, и *групповые*, когда одновременно опрашивается *группа людей*;

б) *характер общения*. Здесь выделяются *непосредственное «очное» интервью*, и *телефонное интервью*, где общение опосредовано техникой;

⁶⁰ Речь идет об использовании интервью в классическом социологическом исследовании. В качественном исследовании, где анкетный опрос практически не используется, этой проблемы нет вообще.

в) *специфика источника информации*. Здесь можно выделить интервью с *массовым респондентом* и *интервью с экспертом*: специалистом, компетентным человеком, знатоком в определенной области знания или сфере деятельности;

г) *особенности процедуры интервью*. По этому критерию выделяется интервью *интенсивное (глубинное)* и *фокусированное*.

В *глубинном интервью* (его иногда называют глубоким, интенсивным, клиническим)⁶¹ процедура опроса построена таким образом, чтобы дойти «до конца», т.е. определить, по возможности, весь спектр оценок, смыслов, обстоятельств, связанных у респондента с изучаемым явлением. Социолог здесь задает ряд открытых вопросов, в том числе дополнительных, уточняющих, ориентированных в целом на глубокое проникновение во внутренний мир информанта.

В *самом общем виде фокусированное интервью* предполагает анализ переживаний людей по поводу тех или иных явлений, событий, *участниками которых они были*. Сами события здесь выступают своего рода стимулами. *сфокусированная реакция на которые* (значимость, оценки, восприятие в целом) и изучается в интервью. Это могут быть прочитанная публикация в газете, просмотренный заранее фильм или видеоролик рекламной продукции. Это может быть и политический митинг или телевизионное шоу, участниками которых «до того» были респонденты:

д) *степень формализации, стандартизации и структуризации интервью как комплексный критерий*.

Остановимся вначале на содержании терминов, входящих в этот критерий. В литературе встречается *синонимич-*

⁶¹ Эти термины употребляются и в психологии, однако имеют другой смысл. дойти до «глубин» психики, до сферы бессознательного.

ное употребление терминов «стандартизация», «формализация», «структурирование». ⁶² Вместе с тем, точнее было бы их разделить. «Стандартизация» представляет собой унификацию параметров интервью в рамках конкретного исследования, что обеспечивает возможность сопоставления его результатов: унифицируется перечень вопросов, который задается респондентам. Опросник – стандартный, одинаковый для всех участников исследования.

Формализация – это придание вопросам определенной формы, облика. Прежде всего, высокая степень формализации означает использование *закрытых вопросов* с готовыми ответами.

Структурирование – это установление связи между элементами интервью: вопросами, темами. Высокая степень структурирования означает *жесткую последовательность* этих элементов, *неструктурированность* означает свободу перехода, ее незапланированность.

Различное сочетание этих составляющих комплексного критерия и определяет облик конкретного вида интервью.

Все (или почти все) разнообразие видов интервью, используемых в социологическом исследовании по этому комплексному критерию, можно представить в виде континуума, шкалы, на одном полюсе которой расположено *стандартизованное (формализованное) интервью*, на другом – *свободное*. ⁶³ Эти полярные виды интервью отличаются друг от друга:

⁶² См.: Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993. С.85; Социологическое исследование: методы, методика, математика и статистика. Словарь-справочник. М.: Наука, 1991. Т.4. С.101-102.

⁶³ Идея представления различных видов интервью в качестве континуума принадлежит К.Панч. См.: Punch K. Introduction to Social Research. Qualitative and Quantitative Approaches. Sage Publication, London, Thousand Oaks, New Delhi, 1998. P.175.

степенью *формализации опросника*. Стандартизованное интервью максимально формализовано; свободное – минимально;

степенью *директивности* стратегий интервьюирования.⁶⁴ Здесь директивность понимается как *жесткая заданность структуры* интервью интервьюером, как максимальная управляемость процедурой интервью *со стороны интервьюера* (to direct в переводе с английского означает «управлять, руководить»). В этом ключе стандартизованное интервью – это директивное интервью, а свободное – недирективное;

- мерой *унификации параметров интервью внутри конкретного исследования*. Стандартизованное интервью максимально унифицировано: все бланки интервью – «близнецы-братья». Напротив, в свободном интервью фактически каждое интервью уникально: могут возникать неожиданные, незапланированные повороты и темы.

Все остальные виды интервью займут свое место на этой шкале, характеризуясь определенным сочетанием меры формализации, директивности и унификации. На наш взгляд, такая шкала могла бы выглядеть следующим образом:

Стандартизованное (формализованное) интервью	Полуформализованное интервью Фокус-групповое интервью (фокус-группа)	Свободное интервью
--	--	--------------------

⁶⁴ Термин «директивность» введен в научный обиход американским социологом В.Донахью. См.: Donaghy W.C. The interview: Skills and Applications. Dallas: Skott, Foresman and Jo, 1984.

Эта шкала может быть и более дробной, если учесть, что и полуформализованное интервью, и фокус-групповое используются в социологической практике по меньшей мере в двух форматах: директивном и недирективном.

Сегодня можно выделить еще один весьма популярный вид – *нарративное интервью*. Ему не нашлось места на этой шкале только потому, что один из компонентов комплексного критерия – мера директивности стратегии интервьюирования – здесь «не работает»: в этом виде интервью *процедурой управляет скорее не интервьюер, а информант*. В то же время этот вид интервью, так же как свободное, максимально не формализован и не унифицирован.

3. Оппозиции «мягкое»–«жесткое», «качественное»–«количественное» интервью

Сегодня в литературе часто используются термины-метафоры: «жесткие» – «мягкие» методы. Вместе с тем *однозначного толкования* этой оппозиции нет. Ряд социологов полагает, что эти понятия воспроизводят противопоставление качественного и количественного подходов на *методическом уровне*. Это означает, что термин «мягкие» методы является синонимом качественных методов, а соответственно «жесткие» методы синонимом количественных методов. На наш взгляд, такой подход является определенным упрощением реальных исследовательских ситуаций: невозможно убедительно объяснить, как могут качественные методы использоваться в классическом социологическом исследовании и наоборот. Мы полагаем, что терминологические пары «мягкие» – «жесткие» методы и «качественные» – «количественные» *следует развести*. В этом случае в основе разделения методов на *жесткие* и *мягкие* должны лежать различия в особенностях их про-

цедур: степени их директивности, формализованности и унифицированности. При таком подходе формализованное интервью – жесткий метод, а свободное, нарративное, лейтмотивное – мягкие методы. Фокусированное групповое и полуформализованное интервью могут быть отнесены к полумягким методам.

В основе деления методов на *качественные и количественные* должны лежать различия в методологических посылах двух подходов, включающие в себя не только различия в особенностях процедур, но и нечто большее: в фокусах анализа социального явления, исследовательских ориентациях, характере получаемой информации, способах ее обработки и т.д. Любые технические приемы метода можно адекватно понять лишь в контексте методологического подхода. В этом смысле *качественные методы* – это методы, *используемые в качественном исследовании*, где в рамках той или иной целостной исследовательской стратегии реализуются методологические идеи качественного подхода. В таком контексте *мягкий метод свободного интервью*, используемый в *классическом социологическом исследовании*, не является *качественным*: исследовательские задачи его использования, способы его обработки здесь совсем другие. Это же касается и полуформализованного интервью, которое используется как в классическом, так и в *качественном исследовании*. Этот полумягкий метод становится *качественным*, только будучи использованным в *качественном исследовании*. В самом деле, мягкие интервью только в *качественном исследовании* приобретают черты “качественности”: здесь неформализованность, недирективность и отсутствие унификации означает не только особенности процедуры, но еще и способ реализации других, методологически важных характеристик *качественного исследования*. В частности, это:

представленность точки зрения «действующего субъекта» на его языке;

определенный, не иерархический (или точнее, стремящийся к неиерархичности) характер отношений между интервьюером и информантом;

качественный характер получаемой информации, которую принципиально нельзя представить в количественной форме.⁶⁵

Конечно, есть мягкие методы, которые *всегда качественные*: они никогда не используются в классическом социологическом исследовании. Речь идет о нарративном, лейтмотивном или фокус-групповом интервью. Вместе с тем такая однозначность характерна не для всех мягких видов интервью.

4. Стандартизированное (формализованное) интервью

4.1. Специфика стандартизированного (формализованного) интервью

Мы уже говорили, что стандартизированное (формализованное) интервью характеризуется:

1. *Предельно высокой степенью формализации*; вопросы представлены в жесткой конструкции: в закрытой форме (т.е. с готовым набором вариантов ответов) и с *однозначной формулировкой*. Однозначность формулировки вопроса означает, что вопрос должен быть задан *только так, как сформулирован* в опроснике, и не может быть переформулирован даже для лучшего понимания респондентом. Фактически такое интервью приближается к анкетному опросу.

2. *Высокой степенью структурирования* интервью (или жесткой последовательностью вопросов, тем), что делает

⁶⁵ Здесь это означает невозможность использования контент-анализа в качественном исследовании.

стратегию интервьюирования *максимально директивной*. Это означает такой сценарий процедуры интервью, в котором в течение *всего процесса* интервьюирования интервьюеру принадлежит *ведущая* роль. Он зачитывает вопросы, четко следуя опроснику, и готовые ответы, респондент отвечает. В рамках такой стратегии любые отклонения от вопросов интервью, любые «рассуждения» респондента «вокруг да около» считаются лишними, мешающими.

Конечно, этот вид интервью представляет собой скорее веберовский «идеальный тип», т.е. определенную мысленную конструкцию, нежели *реальный* инструмент сбора информации, используемый социологами. Тем не менее, даже «вкрапление» открытых вопросов, т.е. вопросов без готовых ответов (а реальные опросники сегодня именно такие), не меняет его общей «классической» направленности.

Такой вид интервью сегодня чаще всего используется в массовых опросах общественного мнения, а также в маркетинговых исследованиях, когда нужно определить распространенность того или иного социального феномена, его представленность в социально-демографических группах: определить, например, степень доверия кандидатам на тот или иной выборный пост, меру готовности голосовать за них; или, например, определить частоту покупки конкретной марки кофе, иерархию критериев, используемых потенциальными покупателями при покупке косметики, и т.д.

4.2. Характер отношений между интервьюером и респондентом

Основной посыл методологии классического социологического исследования – изучение людей лишь как носителей некой закономерности, которую надо открыть, *на методическом уровне* применительно к интервью про-

является как *субъект-объектные* отношения между интервьюером и респондентом. Для интервьюера респондент выступает *только в качестве объекта познания, источника информации*. Именно поэтому эти отношения здесь всегда подчеркнута *иерархические, неравные*. В самом деле интервьюер с помощью опросника, в котором *уже* «закодирована» исследовательская концепция, нуждается лишь в ответах на «готовые» исследовательские вопросы: «шаг вправо», «шаг влево» недопустим. Такое интервью максимально несвободно для респондента. Его действительные представления, которые порой не вписываются в исследовательскую решетку, вынуждены корректироваться, изменяться, чтобы найти себе место на готовой шкале – вопросе.

Интервьюер здесь не включен в процедуру интервью как *личность* с его *пристрастиями, убеждениями, эмоциями*. Да и респондент здесь предстает в «усеченном» варианте, как *отвечающий на определенные вопросы* (сам термин «респондент» произошел от английского to respond – отвечать). Именно поэтому такое общение – это всегда *ролевое взаимодействие с четким «прописыванием» ролевых требований*. Более того, именно соблюдение этих определенных нормативных предписаний гарантирует высокое качество такого интервью, определяет качество социологического исследования в целом.

В чем же заключается роль интервьюера в таком интервью, каковы ее основные содержательные элементы?

Прежде всего, интервьюер должен *создать мотивацию* к участию у опрашиваемых, т.е. сформировать положительное отношение к опросу; это необходимо сделать из-за того, что потенциальные респонденты, как правило, не заинтересованы в опросе, не испытывают чаще всего потребности отвечать на вопросы, задаваемые интервьюером. Мотивация к участию создается двумя способами:

обращением к респонденту и контактными (первыми) вопросами интервью. В свою очередь, обращение, чтобы быть эффективным, должно содержать следующие элементы:

кто проводит исследование (какая организация);

цель исследования (зачем оно проводится, как будут использованы его результаты; где с ними можно ознакомиться).

«правила игры» в процедуре интервью;

гарантия анонимности для респондента.

Наряду с этими «обязательными» элементами, обращение может включать в себя и другие, ситуативные, которые интервьюер «придумает», чтобы побудить человека к участию в опросе. Не случайно даже классическое интервью при всей его заданности и жесткости – это не только техника, ремесло, но еще и искусство, хотя техники здесь и значительно больше, чем искусства.

Контактные вопросы, призванные «втянуть» респондента в общение с интервьюером, должны быть легкими, спокойными, лично незначимыми, ответить на которые респонденту не стоит никакого труда. Как правило, это вопросы, касающиеся ролевого статуса человека: профессии, должности, стажа работы, общего и в организации, места учебы, курса, факультета и т.д. Нельзя использовать в качестве контактных вопросы, касающиеся возраста, образования, семейного положения, дохода респондента: это слишком значимая для человека информация, поле показателей его достижений и промахов, может быть, несостоявшихся надежд и разочарований.

Кроме того, интервьюер не должен создавать «эффекта интервьюера», а точнее должен стремиться к его минимизации. Сама возможность смещения информации за счет «неправильных действий» интервьюера базируется на том методологическом положении классической социологии, что представления о социальной реальности у респонден-

тов существуют в *уже сформированном* виде до интервью. Они не конструируются в процессе взаимодействия, но лишь аккуратно (или не очень) «снимаются» интервьюером. Отсюда, чем сильнее влияние интервьюера на респондента, тем более *искаженной* получается информация.

Ранее, в теме 2 части 1, мы подробно рассказывали о тех «неправильных» действиях интервьюера, которые ведут к смещению информации, к так называемому «эффекту интервьюера». Здесь лишь подчеркнем, что сама «борьба» с этим явлением является выражением одной из главных методологических установок классической парадигмы – установки на *достоверность получаемой информации*, на ее соответствие «истинному положению дел». Именно поэтому главная задача интервьюера здесь заключается в том, чтобы *«не исказить», «не испортить» информацию*, которую сообщает респондент. В рамках такой методологической позиции интервьюер – только *беспристрастный регистратор услышанного*, только *посредник* между исследователем и респондентом, призванный «выдавать» истинную информацию.

Сегодня существует подтвержденная методическими исследованиями точка зрения, согласно которой достоверность информации, «эффект интервьюера» определяются не только «правильной» (или неправильной) процедурой интервью, имиджем интервьюера, но и *его социально-демографическими характеристиками*. При всем разнообразии и противоречивости результатов этих исследований некоторые общие выводы все-таки сегодня можно сделать.⁶⁶

Так, американские социологи полагают, что *наиболее эффективное общение* происходит между интервьюером и

⁶⁶ Подробно см.: Погосян Г.А. Метод интервью и достоверность социологической информации. Ереван, Издательство АН Армянской ССР, 1985.

респондентом *одинакового пола и разного возраста*, а наименее эффективное – *когда они одного возраста, но разного пола*. Польские социологи, подтверждая эту мысль, полагают, что при общении интервьюера и респондента *разных полов* происходит заметное смещение информации: респонденты стремятся «выставить» себя в лучшем свете, произвести впечатление.⁶⁷ Методические исследования американских социологов показали, что «идеальными интервьюерами» чаще всего являются женщины в возрасте 30-40 лет с высшим образованием, интраверты по своему психическому складу.

Наконец, интервьюер в процедуре интервью должен «контролировать» компетентность респондента, указывать на противоречие в его ответах, правда, в мягкой, уважительной форме. Обычно в стандартизованном интервью контроль компетентности прежде всего достигается сочетанием *основных и контрольных* вопросов опросника, а также *использованием вопросов-ловушек*. Вместе с тем и сама процедура интервью, когда интервьюер пытается указать на противоречие ответов, может «работать» на достоверность информации.

5. Нарративное интервью

5.1. Что такое нарративное интервью

Нарративное интервью – это такой вид интервью, где методологические посылки *качественной социологии* выражены наиболее полно. Термин «нарратив» (narration) переводится с английского как «повествование». Российский исследователь Е.Ярская-Смирнова дает такое определение

⁶⁷ Впрочем, в учебнике В.А.Ядова «Социологическое исследование: методология, программа, методы» указана прямо противоположная тенденция.

нарративного интервью: «Разговор, специально организованный вокруг последовательности событий». В этом определении зафиксированы два важных момента:

а) этот вид интервью так же, как и все другие, *специально организован* для реализации исследовательских задач, т.е. выступает методом исследования;

б) последовательность событий означает здесь последовательность *событий жизни* информанта. В идеале информант начинает свое повествование с детства, с того момента, как он себя помнит, а заканчивает описанием событий своего настоящего.

Немецкий социолог Фриц Шютце, открыватель этого метода, «подсмотрел» эту «страсть» к рассказам о своей жизни в повседневности: преимущественно таким образом мы общаемся друг с другом. В этом смысле рассказы о событиях жизни, о пережитом являются «элементарным институтом человеческой коммуникации, ...повседневной, привычной формой коммуникации».⁶⁸

Цель нарративного интервью – в максимальной представленности жизненного опыта информанта, в представлении *событий жизни так, как они были пережиты*. Рассказы информантов – это *не прямое отражение объективных событий*. Напротив, это всегда *конструирование мира и конструирование человеком самого себя*, когда информант выстраивает перед исследователем реальность своей жизни так, как он ее видит на данный момент.

Начиная с 1980 года, этот метод стал активно использоваться в Германии в рамках исследовательской стратегии «история жизни» или в так называемых биографических исследованиях. Здесь объектами изучения выступали безработные, бездомные, пациенты психиатрических кли-

⁶⁸ Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология-4М. 1993-1994. №3-4. С.35.

ник, участники второй мировой войны, представители тех или иных профессий и т.д.

Сегодня этот метод получил признание социологов во всем мире: *пришло осознание*, что с помощью нарративного интервью с его *максимально выраженной субъектностью* исследователь может получить глубокий доступ к субъективному миру информанта, что это – ценнейший источник информации о социальных процессах, в которые «встроена» жизнь каждого человека. Начинается его практическое освоение и в российской социологии.⁶⁹

5.2. Специфические черты

Прежде всего, нарративное интервью *максимально не формализовано*. В то же время рассказ о жизни имеет свою внутреннюю структуру и логику: каждый человек в повседневной жизни обладает *интуитивной компетентностью* относительно правил построения рассказа (неважно, касается он какого-то конкретного случая или целой жизни). Эта компетентность служит гарантом того, что повествование *будет понято* слушателем. Интуитивная компетентность здесь – имплицитные (внутренние) правила, которые Ф.Шютце называет *цуцвангами*, и в соответствии с которыми человек выстраивает свое повествование. При этом он, как правило, может и не подозревать об их существовании: любой человек стремится сделать свой рассказ доступным пониманию и воспроизводству со стороны других людей, т.к. «в осмысленности, линейности и целостном представлении человеческой жизни равно за-

⁶⁹ См.: Ярская-Смирнова Е. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997; а также «Судьбы людей»: Россия XX век. М: Ин-т социологии, 1996; Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности. М: СОЦис, 2001, № 7 и др.

интересованы как авторы автобиографических повествований, так и интервьюеры и исследователи». ⁷⁰ При этом эти правила коммуникации, эти ее внутренние требования чаще всего возникают тогда, когда рассказчик не имеет возможности *предварительно планировать и подготовить свое повествование*, т.е. если его рассказ – экспромт (отсюда вытекает и соответствующее требование к технике интервьюирования).

Само это положение об интуитивной компетентности рассказчика, о *выборе схем объяснения, понятных* слушателю, базируется на методологических постулатах символического интеракционизма, этнометодологии, феноменологической социологии, «объясняющих», как возможно понимание. Речь идет о знаменитом тезисе А.Шюца, называемом «тезисом взаимных перспектив», с помощью которых преодолеваются различия «индивидуальных перспектив». В этнометодологии, как мы уже говорили, эти имплицитные правила называются «фоновыми ожиданиями» и представляют собой *образы действий безо всякой рефлексии*, существующие в сознании и одинаковые для всех членов общности (см. тему 3 части 1).

Ф.Шютце выделяет такие имплицитные правила:

целостность и законченность. Все важные и существенные для жизненного опыта рассказчика события излагаются в их целостной взаимосвязи, каждый конкретный эпизод получает законченный вид,

сгущение. Поскольку рассказчик понимает, что в его распоряжении ограниченное количество времени, он вынужден останавливаться только на самых существенных (в его понимании) событиях своей жизни;

детализация. Детализация здесь рассматривается как частный аспект целостности: вводя новую тему или новые

⁷⁰ Голофаст В.Б. Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. №1. С.76.

имена, рассказчик чувствует необходимость уточнять, прояснить конкретные обстоятельства.

Еще раз подчеркнем, что эти нарративные правила вытекают из логики *нарративного жанра*, воспроизводящего жизненный опыт рассказчика (опыт переживания жизненных событий) и всегда рассчитанного на понимание слушателя.

Еще одна значимая черта – нарративное интервью *максимально недирективно*. Это означает, что оно кардинально снимает проблему «заданности», несвободы информанта, предоставляя ему возможность самому в процедуре опроса конструировать реальность своей жизни или ее фрагмента. Интервьюер здесь утрачивает роль ведущего, управляющего процедурой интервьюирования, *происходит реверсия (изменение) ролей*, и ведущим становится информант.

Можно сказать, что в нарративном интервью воплотилась тоска социолога по «живому слову» во всех его красках и оттенках, тоска как результат усталости от часто безуспешных попыток найти слова, на которых говорит народ.⁷¹ В нарративах сам народ заговорил «во весь голос», получив возможность, может быть, впервые в социологическом исследовании говорить на своем языке. Да, и слово «народ» здесь можно употреблять только метафорически. В тексте нарратива в полный рост встает индивидуальное во всей своей неповторимости и уникальности. В этом смысле нарративы – всегда *«голоса из хора»*, если использовать удачную метафору Н.Н.Козловой.

Можно выделить и еще одну особенность – нарративное интервью, может быть, единственный метод, где со-

⁷¹ При разработке стандартизованного опросника социологу порой долго и мучительно приходится «отрабатывать» язык опросника, чтобы он был понятен респондентам.

циолог может «схватить» процессуальность жизни, обычно ускользающую от исследователя.

Конечно, внутренние изменения в объекте, «встроенные во временные координаты», можно изучать и другими способами: используя стратегию «кейс-стади» или проводя лонгитюдные исследования⁷² как особый тип в рамках классической парадигмы.

Вместе с тем в исследовании типа «кейс-стади» временной интервал, как правило, очень узкий и редко переваливает за год. Лонгитюдное исследование, хотя и может охватывать значительные по величине «куски» жизни, само по себе не является сегодня распространенной исследовательской практикой, что, впрочем, вполне объяснимо: наша нестабильная, калейдоскопическая жизнь слишком плохо оборудована для подобного рода исследований.

Вот эта ориентированность нарративного интервью на «схватывание» процессуальности жизни особенно востребована в эпоху перемен, когда социальное время спрессовывается, уплотняется, делается более насыщенным значимыми событиями. Наш исследовательский опыт использования этого метода для изучения социально-экономической адаптации россиян как процесса поведенческого и субъективного освоения того реального социального пространства, которое сегодня формируется, подтверждает это.

В самом деле, вряд ли можно было бы *понять*, что происходит с людьми в период «резкого поворота руля» без анализа их собственных повествований об этом. Как, впрочем, едва ли можно было бы без анализа нарративов ответить на столь мучительный для судеб реформирования

⁷² «Особость» лонгитюдного исследования состоит в том, что в нем изучаются одни и те же люди на разных этапах жизненного цикла: сначала школьники, потом, когда они заканчивают вузы, наконец, через несколько лет работы, и т.д.

вопрос: «Почему одни люди успешно вписываются в меняющуюся реальность, осваивая и конструируя новые «правила игры», в то время как другие остаются за бортом этого процесса?»

5.3. Стратегия проведения

Одна из особенностей техники нарративного интервью заключается в том, что тема беседы сообщается информанту непосредственно *перед началом, а не заранее: рассказ должен быть экспромтом. До интервью в процессе переговоров* о его проведении информанту следует сказать лишь несколько общих фраз, например, что интервью будет затрагивать самые разнообразные аспекты, что ничего выходящего за рамки его компетенции не будет, а ответы формулируются в свободной форме.

Необходимость получения *рассказа-экспромта* объясняется двумя моментами:

- считается, что в таком рассказе, как правило, уменьшается вероятность появления пространных рассуждений, оценок вне связи с непосредственным жизненным опытом, с *событиями жизни*;

- считается, что содержание рассказа-экспромта *в меньшей степени* определяется особенностью ситуации взаимодействия с интервьюером: неподготовленный к рассказу информант будет меньше стараться произвести впечатление на интервьюера. В этом случае содержание рассказа будет в большей степени соответствовать жизненному опыту рассказчика. Это, конечно, не означает, что влияние контекста, т.е. ситуации общения с конкретным интервьюером, будет полностью устранено. «Я» как результат коммуникации всегда присутствует (вспомним концепцию трех «Я» рассказчика – см. тему 2 части II). Вместе с тем, считается, что значимость этого «Я» в рассказе-экспромте несколько уменьшится.

Ф.Шютце полагает, что нарративное интервью как процедура, процесс состоит из трех этапов.

Первый этап – *начало интервью и основной рассказ*, исследователь кратко формулирует просьбу или общий вопрос. Это называется «нарративным импульсом», цель которого – стимулировать информанта к рассказыванию истории своей жизни. Нарративный импульс не должен затрагивать частных или неприятных для информанта тем.

После того как начался рассказ, функция интервьюера сводится к *роли слушателя и стимулирования продолжения повествования* кивками головы и обычными для заинтересованного слушателя репликами: «Хм-хм», «Что было дальше?» и т.д. В случае, если респондент заканчивает повествование, интервьюер должен попытаться задать новый вопрос. При этом вопрос должен быть задан так, чтобы *не было необходимости рассказчику давать оценки и аргументы*. Цель такого вопроса – стимулировать рассказ о периодах жизни, которые либо были недостаточно освещены, либо вообще остались незатронутыми.

Второй этап – «фаза нарративных расспросов». Рассказчику задаются вопросы о событиях, упомянутых им ранее в своем повествовании. Опять речь идет *не об оценках и аргументации*. Интервьюер касается прерванных линий рассказа, малопонятных для него мест и предлагает информанту дополнить или прояснить их.

Третий этап – заключительная часть. Респондент получает слово как «теоретик», развивая аргументацию, давая объяснения по поводу событий своей жизни. Таким «теоретическим» резюме интервью и завершается.

Нарративное интервью, как правило, записывается на диктофон, а потом его текст транскрибируется.

5.4. Отношения “интервьюер-информант” в нарративном интервью

В отличие от методологии классического социологического исследования, устанавливающей *монологичные, субъект-объектные* отношения между исследователем и исследуемым, методология *качественного* социологического исследования декларирует установление *принципиально другого характера* этих отношений: они становятся *диалоговыми, субъект-субъектными, отношениями равноправных партнеров* исследовательского процесса.

На уровне *процедуры интервью* это означает, что в качественном интервью в целом и в нарративном (как его наиболее «ярком» виде), отношения между *интервьюером и информантом* также должны быть *субъект-субъектные*.

Однако действительно ли эти отношения являются *межличностными отношениями двух субъектов общения*, можно ли их назвать *подлинно субъект-субъектными*? На наш взгляд, методологический посыл качественной социологии в ситуации реальных взаимоотношений в процедуре интервью «дает сбой».

В самом деле, социальные психологи утверждают, что межличностные отношения в процедуре общения (а интервью – это всегда общение) только тогда могут быть действительно *субъект-субъектными*, когда предполагают *равенство партнеров* в процессе общения, когда *его участники выступают как равно активные и равно свободные* партнеры. Вместе с тем в нарративном интервью (как и в качественном вообще) интервьюер и информант все же не могут рассматриваться ни как равно активные, ни как равно свободные партнеры.

Они не равно активные партнеры в процедуре интервью в двух смыслах:

1. Прежде всего, они *по-разному вовлечены в процесс общения*, при этом разная вовлеченность «задана» *разли-*

чиями в выполняемых здесь ролях. Здесь, несомненно, *большая вовлеченность информанта*, в «свободном полете» рассказывающего историю своей жизни или ее фрагмента. Вовлеченность интервьюера здесь минимальна и сводится лишь к выражению знаков заинтересованности в рассказе. Она обусловлена самим императивным требованием его *невмешательства* в повествование информанта. Все то небольшое, что он делает в процедуре интервью, и «нарративный импульс», и всевозможные междометия «гм», «ага» и короткие фразы типа «как это интересно», «неужели все это было», служат только одной цели – максимально «раскрепостить» информанта.

2. У исследователя и информанта *совершенно разная мотивация к участию* в интервью. Для информанта *это всегда навязанная деятельность*, общение здесь в большей или меньшей степени – вынужденно. Конечно, в нарративном интервью эта вынужденность несколько сглаживается: рассказ о себе, своей жизни – это обычная повседневная практика. В процедуре интервью информанты часто оказываются увлеченными самим процессом, да и «проговаривание жизни» нередко выступает *экзистенциальной потребностью поиска ее смысла*: рассказывая свою историю жизни, человек зачастую «избавляется от неудобной жизненной ситуации, изживает неприятности». ⁷³ Поэтому навязанная «обязательность» повествования нередко уходит на второй план для информанта, хотя принципиально все-таки остается.

Интервьюер и информант – *не равно свободные субъекты общения*, если под свободой понимать отсутствие жесткой регламентации процедуры общения, ее неформальный характер. Действительно, подлинно свободное неформальное межличностное общение предполагает, что парт-

⁷³ Бургос Мартина. История жизни, рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т.1. №2. С.129.

нер *есть сам по себе* цель общения, это фактически *бескорыстное* общение. В процедуре нарративного интервью (и качественного в целом) – другая ситуация. Жизненный мир информанта интересен исследователю *прежде всего в контексте познавательной задачи*, в горизонте его пусть интуитивного, смутного, но все же некоторого содержательного образа результата. Само поведение интервьюера в процедуре интервью не есть проявление его личной заинтересованности, субъективности, но всегда лишь *имитация непринужденной беседы*, всегда *искусственный и искусный способ «разговорить»* информанта, чтобы его понять. Да и общение это достаточно «одностороннее»: сам интервьюер не «раскрывает», как правило, себя, свой внутренний мир.

Исключение составляют современные феминистски ориентированные качественные исследования, пытающиеся «вписать опыт женщин в сферу научного рассуждения» и потому вынужденные «продвигаться к созданию новых методов, пригодных для описания женских жизней и их активности, не покидая при этом границ социологии».⁷⁴ Для них характерна попытка изменить эти отношения, сделать их «более гуманными», *неиерархическими*, осуществить реальное равноправное партнерство в процедуре интервью. Такое «переделывание» типичных для качественного интервью отношений обусловлено прикладной направленностью феминистских исследований: стремлением преобразовать положение женщин, «просветить» их как группу, находящуюся в подчиненном положении в мужском мире. Фактически такие исследования – сплав *исследовательской и преобразовательной деятельности*. Не случайно К.Панч выделяет особый тип исследования – «*action*

⁷⁴ Клименкова Т. Феминистские стратегии интервьюирования и анализа данных // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. М., 1997.

research»⁷⁵ (исследование с акцентом на преобразовательную деятельность), в ходе которого исследователь целенаправленно старается одновременно производить сбор данных и изменять поведение женщин. Оба участника в таком интервью равны в том плане, что *они не только могут, но и должны активно взаимодействовать*, апеллировать к своему личному опыту и опыту других, отвечать на вопросы друг друга. Интервьюер получает полное право активно оказывать влияние на ход мыслей собеседницы путем объяснения, убеждения. Чаще всего участники такого интервью становятся друзьями, между ними устанавливаются близкие, дружеские отношения. Отношения, складывающиеся в таком интервью, это практически неформальное межличностное общение.

В качественном интервью и в нарративном как в его виде, не преследующем феминистских целей, иная ситуация: отношения «интервьюер-информант» все-таки иерархичны и в этом смысле *не подлинно субъект-субъектные*. В то же время здесь гораздо *большая степень субъектной выраженности информанта*, гораздо *меньшая степень регламентации процедуры общения* в сравнении с классическим интервью. И потому эти отношения не субъект-объектные. Очевидно, здесь имеет место *особый тип субъект-субъектных отношений*, основанных на сохранении определенной дистанции, когда четко различаются интервьюер и исследуемый субъект. Можно даже сказать, что у *исследуемого субъекта остается «объектная» сторона* – ведь он интересен интервьюеру в первую очередь не как уникальная личность с набором уникальных характеристик, но как носитель *именно тех характеристик, которые значимы с точки зрения целей и задач исследования*

⁷⁵ Punch K. Introduction to Social Research. Qualitative and Quantitative Approaches. Sage Publications, London, Thousand Oaks, New Delhi, 1998. P.143.

5.5. Проблема истины в нарративном интервью

Мы уже говорили, что рассказ информанта в нарративном интервью – это всегда *и результат коммуникации интервьюера и информанта*, их совместного «здесь и сейчас» конструирования реальности.

Реальное взаимодействие (вспомним прагматизм) – это всегда и процесс производства *самосознания субъектов общения*. Важный элемент этого взаимодействия – *ожидания и оценки Другого*, на которые каждый участник взаимодействия обязательно ориентируется. Отсюда и принципиальная драматургическая *множественность идентичностей* индивида: взаимодействие, по И.Гофману, всегда происходит не столько между индивидами как субъектами, целостными личностями, сколько между *разными социальными ликами индивидов*, как бы между изображаемыми ими персонажами.

Это означает, что нарратив как продукт сотворчества исследователя и информанта в значительной мере зависит от «лика» интервьюера, и прежде всего от того, к какой группе в результате процесса стереотипизации в процедуре интервью он отнесен информантом.

Наш исследовательский опыт показывает, что отнесение информантом интервьюера к группе «юных, не знающих жизнь» порождает повествование, которое *существенно отличается* от нарратива как результата взаимодействия между ровесниками;⁷⁶ т.е. один и тот же человек-информант может «выдавать» достаточно разные нарративы, зависящие от контекста, от того, *как он определяет*

⁷⁶ Это утверждение основывается на *методическом эксперименте*, проведенном нами в рамках уже упоминавшегося исследования социально-экономической адаптации россиян. Жизненные истории, рассказанные 50-летней женщиной интервьюеру студентке социологического факультета и через короткий промежуток времени (1,5 недели) – опытному социологу с 30-летним стажем, были фактически разные.

ситуацию общения с интервьюером. Фактически это означает появление *нарративов-черновиков*, равнозначных нарративов, *принципиально не имеющих «чистовиков»*, т.е. единственно «правильных» повествований.⁷⁷

Но что делать с этим социологу, пытающемуся сквозь индивидуальное «прозреть» типическое? Возвращаться несколько раз к одному и тому же информанту в надежде «ухватить» как можно больше его идентичностей, что сделать невероятно трудно, и рассматривать каждый такой нарратив как самостоятельный? Или оставить эту пустую затею, довольствоваться получившимся нарративом и успокаивать себя тем, что получившееся после анализа таких нарративов теоретическое знание – всего лишь исследовательская интерпретация, не претендующая на достоверное описание реальности?

Впрочем, еще один выход – триангуляция, т.е. использование дополнительных методов, повышающих «обоснованность» теоретических выводов нарративного анализа (если, конечно, социолог работает в рамках тяготеющего к научному направления качественных исследований).

6. Полуформализованное интервью

Полуформализованное интервью представляет собой *интервью с путеводителем*, в котором обозначены темы беседы, а также внутри некоторых тем присутствуют закрытые вопросы (вопросы с готовыми ответами). Такое интервью занимает *промежуточное*, как мы уже говорили, положение на шкале комплексного критерия формализации, стандартизации и структуризации; стремится к *умеренной директивности*.

⁷⁷ Лехциер В.Л. Апология черновика, или «Пролегомены ко всякой будущей...» // Новое литературное обозрение. 2000. №4.

С одной стороны, благодаря частичной формализации, данные, полученные с помощью таких интервью, сравнимы и пригодны для типологизации и математической обработки. Это делает их сопоставимыми и с количественными данными. *С другой стороны*, полуформализованное интервью достаточно гибко и восприимчиво, «чтобы уловить и зафиксировать непредвиденные, но интересные повороты темы»: ⁷⁸ оно апеллирует к *естественному* ходу мыслей респондента, давая ему возможность свободно высказываться на «своем языке». Вопросы большей частью имеют *самые общие формулировки* в надежде получить *разнообразный спектр ответов*, не «пропущенных» сквозь исследовательскую решетку, как это имеет место в формализованном интервью. Сами формулировки также не являются жесткими и могут быть переформулированы близко к тексту.

Промежуточность полуформализованного интервью проявляется и *в степени разделения ролей исследователя и интервьюера*. В формализованном интервью с его единообразием и унификацией интервьюер, как правило, только *посредник* между исследователем и респондентом, *четко следующий инструкциям исследователя*. Роли исследователя и интервьюера здесь *максимально разделены*. Интервьюеры в таком интервью – специально обученные люди, составляющие, как правило, постоянно действующую сеть: они приглашаются для работы в очередном исследовании.

В неформализованном качественном интервью (т.е. использованном в качественном исследовании), ориентированном на понимание информанта, чаще всего интервьюеры – сами исследователи.

В полуформализованном интервью интервьюерами могут быть как исследователи, так и специально обученные люди.

⁷⁸ Веселкова Н.В. Методические принципы полуформализованного интервью // Социология-4М. 1995. №5-6. С.31.

Российский исследователь этого вида интервью Н.В.Веселкова полагает, что термин «полуформализованное интервью» представляет собой название *группы* интервью, в которой можно выделить по меньшей мере два под-вида: полуформализованное интервью *мягкого* и *жесткого* формата.

Отнесение к жесткому или мягкому формату зависит от *степени директивности-недирективности* структуры интервью, а значит, и техники интервьюирования. В *жестком формате* полуформализованного интервью путеводитель содержит не просто темы, но и *упорядоченный перечень* формулировок вопросов. В *мягком формате* темы упорядочены в *логической* последовательности, что способствует плавному течению беседы. В то же время информант может «перескакивать» с одной темы на другую, самостоятельно выбирая понятную ему последовательность. Интервьюер здесь поддерживает *такой ход беседы*, соответственно делая «переориентировку на местности» – записывая ответы в соответствующий вопрос путеводителя. Такое полуформализованное интервью, по мнению Н.В.Веселковой, по *процедуре* представляет собой *оптимальный диалог*.⁷⁹ Это не фактически монологичная ситуация формализованного интервью, где властвует интервьюер, жестко структурируя процедуру общения. Это и не ситуация нарративного интервью с его «монологичностью наоборот», где властвует респондент, определяя ситуацию общения. Полуформализованное интервью – это «улица с двухсторонним движением»: интервьюер не только задает определенным образом упорядоченные вопросы, но

⁷⁹ Термин этот, на наш взгляд, достаточно условен. Мы уже говорили ранее, что в любом даже самом качественном интервью отношения между интервьюером и информантом все-таки иерархичные, неравные, но это и другая иерархичность.

может и следовать за логикой информанта, подстраиваясь под нее.

7. Фокусированное групповое интервью

7.1. Общая характеристика

Фокусированное групповое интервью – это разновидность качественного интервью, т.к. используется только в качественных исследованиях.

В его названии, как кирпичи в основании здания, положены два термина, определяющие его облик: «фокусированное» и «группа». Попробуем *подробнее* разобраться с этими понятиями.

Термин «*фокусированное интервью*», а точнее сфокусированное (focussed), впервые был введен в поле социологии известными американскими социологами Р Мертоном, М.Фиске и П.Кендаллом в 1946 году в их ставшей уже классической книге «Фокусированное интервью». С тех пор эти социологи, впервые осмыслившие специфичность, «особость» этого вида интервью, и считаются его авторами. Роберт Мертон с коллегами выделил ряд существенных характеристик фокусированного интервью:

интервьюируемые люди должны быть участниками некой определенной ситуации;

гипотетически важные элементы, а также характер, процессы и общая структура этой ситуации предварительно проанализированы социологом, на основе чего он выдвигает гипотезы;

на основе этого анализа разработан план проведения интервью, в котором очерчены области исследования и гипотезы;

интервью фокусируется на субъективных переживаниях лиц по поводу *заранее проанализированной ситуации*.

При этом американские социологи специально не анализировали индивидуальную или групповую форму фокусированного интервью, относя эти черты в равной степени к двум этим формам.

Термин «*группа*», широко используемый в социологии и психологии, здесь означает *малую группу*, т.е. малочисленную по составу совокупность людей, находящихся в непосредственном личном общении друг с другом. Здесь это – группа участников интервью, находящихся в *непосредственных личных контактах* друг с другом по поводу обсуждаемой темы и ее аспектов в течение времени интервью.

Количество участников, как правило, колеблется от 7 до 10 человек, хотя оптимальный объем группы, по данным исследований, 8-9 человек. Впрочем, некоторые авторы полагают, что самое оптимальное количество людей в группе еще меньше – 5-7 человек.⁸⁰ Требование такого небольшого количества участников обусловливается опасениями социологов, что фокус-групповое интервью в противном случае приобретает черты, снижающие качество получаемой информации:

стиль работы модератора вынужденно становится более директивным, жестким;

уменьшается возможность высказаться для каждого участника, что порождает их неудовлетворенность фокус-группой, а также снижает возможное разнообразие мнений, позиций;

в такой ситуации, когда каждый из участников выступает не часто, увеличивается вероятность «длинных речей», содержащих информацию лишнюю, не относящуюся к обсуждаемой теме;

возрастает вероятность «кулуарных» обсуждений, когда часть участников «выпадает» из общего разговора,

⁸⁰ Debus Mary. Handbook for Excellence in Focus Group Research. Academy for Educational Development, New-York, 1997. P.13.

и группа распадается на микрогруппы, имеющие свой предмет обсуждения.

Первоначально *фокусированное* интервью в группе следовало за *традиционным опросом*, преследуя цель более детального объяснения (углубления) его результатов.

Сегодня фокус-групповое интервью, переживающее с 80-х годов «эпоху ренессанса», несколько меняет свои целевые ориентиры. Это проявляется, по меньшей мере, в двух аспектах:

результаты его использования имеют *самостоятельное значение*. Они чаще всего не дополняют («углубляют») данные классического опроса, но реализуют цели и задачи *самостоятельного исследования*. Фокус-группы в таком качестве используются в социологии политики, социологии рекламы, маркетинге;

стимулом выступает не только конкретное событие, в которое участники интервью должны быть включены «до того», но и область социальной реальности, в которую они так или иначе погружены и которая становится темой обсуждения. На фокус-группе, например, может обсуждаться тема предстоящих выборов губернатора или отношения к слоганам рекламной политической кампании кандидата на ту или иную выборную должность и т.д.

Такое фокус-групповое интервью, посвященное узкой теме, стремящееся «дойти до конца» в ней, фактически *становится глубинным*.

Кроме того, современное представление о фокус-группах включает в себя понимание того, что информация, которая производится в рамках этого метода, не просто сумма индивидуальных мнений, но всегда *продукт организованной дискуссии и групповой динамики*: ответ на вопрос, «вброшенный» интервьюером (здесь он называется *модератором*) для обсуждения, стимулируется присутствием других участников, рождается и аргументируется в споре (или согласии) с другими.

По мнению английского исследователя Р.А.Крюгера, фокус-группа – это «сообщество людей, объединенных в группы по определенным критериям, в результате чего в ходе групповой дискуссии производятся данные, имеющие качественный характер».⁸¹

Такая фокус-групповая дискуссия особенно эффективна, по мнению Р.А.Крюгера, «когда необходимо понять, что люди думают и чувствуют, поступая определенным образом».⁸²

Это рассмотрение и процесса сбора данных, и их интерпретации в *контексте групповой динамики*, т.е. процессов постоянного взаимодействия и взаимовлияния участников группы, является *важнейшим методологическим принципом* фокусированного группового интервью в его сегодняшнем понимании.

Наиболее распространенная форма фокусированного группового интервью сегодня – это интервью с *путеводителем* (гайдом), в котором последовательно представлены только темы, требующие обсуждения.⁸³

Именно такое фокусированное групповое интервью занимает *средшнее место на шкале комплексного критерия*: оно, с одной стороны, предполагает *директивную стратегию* – дискуссией здесь управляет модератор, достаточно четко следующий логике гайда; с другой стороны, оно *не формализовано* – обсуждаемая тема, как правило, представлена открытыми вопросами.

⁸¹ Krueger A.Richard. Focus Groups. Apractical Guiole Applied Research. Sage Publications Newbury Park, London, New Delhi, 1988. P.27.

⁸² Krueger A.Richard. Ibid. P.14

⁸³ В практике социологических и маркетинговых исследований представлены и другие варианты: более жесткий, формализованный с закрытыми вопросами, и наоборот, недирективный, неформализованный, когда исследователь отчасти теряет управление группой: переходы от одной темы к другой производят сами участники.

7.2. Подбор участников группы

Рекрутирование в фокус-группу людей происходит в соответствии с *целями и задачами* исследования. Так, например, цель проведенного нами маркетингового исследования состояла в том, чтобы определить отношение к новому для одного из самарских банков банковскому продукту «Доверительное управление средствами клиентов». Соответственно участниками фокус-группового интервью, т.е. объектом исследования, стали потенциальные потребители этого продукта: люди с ежемесячным доходом на 1 человека не ниже 15-20 тысяч рублей.

Очень часто гипотезы, выдвигаемые исследователем в процессе фокус-группового исследования,⁸⁴ «завязаны» на социально-демографические характеристики. Тогда возникает необходимость проведения нескольких фокус-групп, участники которых различаются наиболее значимыми социально-демографическими параметрами. Так, например, гипотеза о влиянии уровня образования на отношение к лозунгам рекламной политической кампании, выдвинутая нами в исследовании, обусловила необходимость проведения *нескольких фокус-групп*, различающихся по уровню образования участников.

Сегодня существует целый ряд методических принципов, правил формирования фокус-групп:

1. Фокус-группы должны быть *гомогенными (однородными)* по своим социальным характеристикам; в гетерогенных (разнородных) группах возникает целый комплекс нежелательных социально-психологических явлений: чаще всего, это замыкание участников группы в себе, общая

⁸⁴ Фокус-групповое исследование – термин, используемый в социологии для обозначения *целостного исследовательского процесса*, основанного на использовании фокус-группового интервью и включающего в себя определенные способы обработки полученной информации и формы представления результатов.

заторможенность динамики обсуждения, возникновение атмосферы неискренности или даже конфликта. Гомогенность группы означает, что участники *не должны значительно различаться* по статусу (должности), уровню образования и возрасту. Значимость гомогенности по полу – вопрос сегодня дискуссионный. Во всяком случае допускается разнородность группы по полу (при условии *равного* количества мужчин и женщин), если тема обсуждения не специфически женская или мужская. Считается, что в этом случае особые социально-психологические отношения между мужчинами и женщинами, которые могут возникнуть в группе, не так уж существенно влияют на искренность участников, их аргументацию своих мнений.

2 – Фокус-группы должны формироваться из *рядовых участников* обсуждаемой ситуации, так называемых «людей с улицей». Именно поэтому для участия не допускаются, *с одной стороны*, «знатоки», специалисты в обсуждаемой области деятельности; *а с другой* – социологи, психологи, журналисты, специалисты в области рекламы: считается, что эта группа профессионалов обладает высоким уровнем осведомленности в различных сферах общественной жизни.

Такое неприятие экспертов, компетентных людей здесь объясняется тем, что фокус-группы, как правило, производят информацию, *необходимую для принятия управленческих решений* в маркетинге, социологии политики, рекламы. Вместе с тем сами эти решения всегда ориентированы на *массового* участника политической кампании, *рядового* потребителя рекламной продукции того или иного товара.

3 – Участники фокус-группы не должны быть знакомы друг с другом: предварительное («до того») знакомство может существенно повлиять на искренность участников, их мотивацию к участию.

В целом окончательный отбор участников производится организатором группы с помощью *анкеты-фильтра*. Эта анкета содержит критерии отбора, разработанные исследователем, в форме закрытых вопросов. Потенциальные участники, чьи социальные характеристики совпадают с необходимым значением критерия (например, соответствующий возраст или требуемый уровень среднемесячного дохода на 1 человека в семье, и т.д.), и становятся реальными участниками фокус-группы.

7.3. Процедура фокус-группового интервью

Как правило, такое интервью происходит в комфортно оборудованном помещении за «круглым столом»: участники должны видеть друг друга и модератора. Оптимальное время обсуждения 1 час – 1 час 20 минут. Вся процедура интервью записывается с помощью аудио- или лучше видеотехники. Необходимость использования этой техники диктуется как чисто *процедурными* соображениями (модератор участвует в дискуссии и потому не может записывать информацию), так и *методологическими*: камера или магнитофон фиксирует не только вербальную, но и *невербальную жестовую информацию*, показывающую отношение участников фокус-группы к обсуждаемому вопросу.

Чаще всего, особенно, если это фокусированное групповое интервью используется в маркетинговом исследовании, процедура интервью предполагает *наблюдение за ним со стороны заказчика*. Технически это может быть осуществлено из обычной соседней комнаты с помощью телевизионного приемника или из специально оборудованного помещения с полунепроницаемым стеклом. Такое наблюдение позволяет представителям заказчика «вмешиваться» в ход интервью, для того чтобы получить более

детальную информацию по «вдруг всплывшим», неожиданным, но важным для него аспектам обсуждаемой темы. Правда, это вмешательство производится опосредованно: модератору передаются записки с просьбой поподробнее остановиться на интересующем заказчика элементе обсуждения.

Социологическая этика предписывает модератору обязательно рассказать участникам о назначении используемой техники, а также о том, что ход обсуждения поставленных вопросов наблюдается представителями заказчика с определенной содержательной целью.

Ранее мы уже говорили, что организация групповой дискуссии предполагает роль *«дирижера»*, *ведущего эту дискуссию, модератора*. Термин «модератор» происходит от латинского слова «*moderato*», что означает *«умеренный, средний»*. Отсюда главная процедурная задача модератора – так руководить дискуссией, чтобы «умерять» повышенную активность одних участников, и, напротив, «вытаскивать» для обсуждения, побуждать говорить молчаливых и застенчивых.

В целом *и техника, и искусство ведения* группы модератором должны быть направлены на создание доброжелательной социально-психологической атмосферы, в которой участникам было бы *комфортно общаться*, обсуждать предложенные темы: только такая атмосфера стимулирует искренность информантов, их готовность к сотрудничеству, аргументации своих мнений, не вызывает боязни сказать «не то».

Модератор, работая в группе, может демонстрировать *различные стили*, отличающиеся *мерой директивности*, а также *характерными особенностями его техники*. Исследователи выделяют целый спектр таких стилей:⁸⁵ «расте-

⁸⁵ Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Магистр, 1996. С.155-162; Дмитриева Елена. Фокус-группы в маркетинге и психологии. М.: Центр, 1998. С.61-65.

рянный и запуганный модератор», «авторитарный модератор», «попустительствующий модератор», «слишком активный модератор», «наивный модератор», «модератор-комедиант», «соблазняющий модератор», «ведущий-психотерапевт», «модератор-писатель» и т.д. При этом выделяются конструктивные стили и деконструктивные, снижающие качество получаемой информации.

Опытный модератор может даже менять стиль ведения фокус-группы в зависимости от *социальных характеристик респондентов*, а также *целей и задач исследования*.

В любом случае следует помнить, по мнению американской исследовательницы фокус-группового интервью Мэри Дебас, ключевые моменты роли модератора⁸⁶:

модератор – не учитель;

модератор – не судья;

модератор не смотрит свысока на респондентов;

модератор соглашается или не соглашается с тем, что говорят респонденты;

модератор «не вкладывает свои слова в рты респондентов».

Кроме того, добавляет она, в фокус-группе, как, впрочем, и в любом другом интервью, не бывает правильных или неправильных ответов.

Идеальный модератор в процессе интервью «держит» две цели:

содержательную, т.е. получение информации для решения содержательных задач исследования, подтверждения или производства новых гипотез. Здесь он стремится обсудить все грани темы, представленные в гайде, и как можно детальнее. При этом он должен «уложиться» в отведенное время;

⁸⁶ Handbook for Excellence in Focus Group research Academy for Education Development. New York, 1997.

процедурную, техническую. Здесь модератор стремится руководить дискуссией с учетом всех тех процессов, которые характеризуют малую группу, «направляя» их на решение содержательных задач.

Как и в любом качественном исследовании, модератор здесь – тончайший инструмент, личностные качества и профессионализм которого определяют полноту и уникальность получаемой информации.

Ключевые слова

Стандартизованное интервью, нарративное интервью, полуформализованное интервью, фокус-группы, качественное интервью, директивная стратегия, эффект интервьюера, модератор, групповая динамика.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Дайте определение метода интервью.
2. Назовите критерии, по которым можно классифицировать виды интервью.
3. Опишите черты стандартизованного интервью как типичного метода классического социологического исследования и область его применения.
4. Что такое качественное интервью и какие конкретные виды интервью могут быть отнесены к этому типу?
5. Назовите черты нарративного интервью
6. Опишите характер отношений между интервьюером и информантом в этом виде интервью.
7. Назовите особенности полуформализованного интервью.
8. Что такое фокусированное групповое интервью в его современном звучании?

9. Назовите критерии подбора участников фокус-группы.
10. Опишите особенности процедуры фокус-группового интервью.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Магистр, 1996.
2. Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В. Фокус-группа как метод социально-психологического исследования. М.: Магистр, 1997.
3. Веселкова Н.В. Методические принципы полуструктурированного интервью // Социология-4М. 1995. Т.5-6.
4. Готлиб А.С. Познавательный потенциал нарративного интервью: попытка анализа исследовательских практик // Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Самара: Издательство Самарской гуманитарной академии, 2000.
5. Готлиб А.С., Козлова Н.И. Нарративное интервью в социологическом исследовании: проблема взаимодействия познающего и исследуемого субъектов // Современные проблемы методологии социогуманитарного познания. Самара, Издательство Самарской гуманитарной Академии, 2001.
6. Гольжак В.Д. Клиническая социология // Социс. 1994, №5.
7. Дмитриева Елена. Фокус-группа в маркетинге и социологии. М.: Центр, 1998.
8. Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология-4М. 1993-1994. Т.3-4.
9. Журавлев В.Ф. Анализ коммуникации в качественном интервью // Социология-4М. 1996. Т.7.
10. Журавлева И.В. Особенности интервью как разновидности метода опроса // Методы сбора информации в социологических исследованиях. М.: Наука, 1990.
11. Иванов Л.Г. Беседа как метод исследования // Социс 1999, №4.
12. Константинова В. Интерактивное интервьюирование: концепция Энн Оукли // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. М., 1997.

13. Маслова О.М. Познавательные возможности метода опроса // Методы сбора информации в социологических исследованиях. М.: Наука, 1990.

14. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью. М., 1990.

15. Погосян Г.А. Метод интервью и достоверность социологической информации. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1985.

16. Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М. Социальная дистанция и специфические условия полужоформализованного интервью. Практика исследования аристократии и крупной буржуазии. Социология – 4М, 1995, №5, 6.

17. Клименкова Т. Феминистские стратегии интервьюирования и анализа данных // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях (Материалы семинаров). М., 1997.

18. Константинова В. Полевое исследование в качественной парадигме // Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях.

19. Цветаева Н.Н. Биографические нарративы советской эпохи // Социологический журнал. 2000. № 1/2.

20. Ярская-Смирнова Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.

21. Debus Mary. Handbook for Excellence in Focus Group Research. Academy for Educational Development, New-York, 1997.

22. Krueger A.Richard. Focus Groups. Apractical Guide to Applied Research. Sage Publications Newbury Park, London, New Delhi, 1988.

МЕТОД НАБЛЮДЕНИЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Идите и сядьте в вестибюлях роскошных отелей и у дверей ночлежек, расположитесь на яхтах Золотого берега и в импровизированных постелях в трущобах; устройтесь в партере оперного театра и за стойкой стриптиз-бара. Короче говоря, джентльмены, идите и испачкайте зад ваших штанов в настоящем исследовании.

Роберт Парк. Из речи перед студентами-социологами Чикагского университета

1. Основные положения

Термин «наблюдение» используется в научном знании в двух смыслах: широком и узком.

В *широком смысле* наблюдение понимается как *любая полевая процедура*, связанная с получением эмпирической информации. В этом своем значении наблюдение как способ эмпирического познания противостоит методам *теоретического* косвенного «кабинетного» познания. Отголоском такого понимания в социологии является термин «*единица наблюдения*», используемый в теории выборочного метода. Напомним, что единицами наблюдения выборочной совокупности здесь выступают люди, которых предполагается *опрашивать*.

В узком смысле наблюдение – специфический метод сбора первичной информации. Наблюдение в этом своем значении представляет собой целенаправленное непосредственное восприятие определенной ситуации (события), а также регистрацию результатов этого восприятия в соответствующих документах.

В этом определении заложено несколько идей, характеризующих специфику метода.

Прежде всего, это идея целенаправленности. Целенаправленность здесь означает принципиальное отличие такого наблюдения от обыденного, имеющего место в повседневной жизни, которое всегда *непреднамеренно, непроизвольно* и потому «вплетено» в «жизненную ткань» каждого человека. Обыденное наблюдение считается каждым человеком, его использующим, *само собой разумеющимся* и потому *не выделяется* в качестве способа повседневного познания. Напротив, в европейской культуре, и прежде всего в *научном* познании в его нововременной форме, наблюдение всегда рассматривалось как *инструмент познания*: с целенаправленного эмпирического созерцания, как правило, начинается любое научное изучение выделенного объекта. Целенаправленность наблюдения предполагает четкое выделение его *целей и задач*.

Еще одна черта – *непосредственность восприятия*, которая означает одновременность, синхронность события и его наблюдения, прямую регистрацию этого события. Наблюдение позволяет увидеть или понять наблюдаемое событие в его целостности, во всех красках и оттенках, в его «живом настоящем», творящемся «здесь и сейчас» в присутствии исследователя. Правда, это «живое настоящее» *по-разному «схватывается»* в количественной и качественной парадигмах. В количественной – через *визуальную количественную фиксацию* выделенных исследователем *переменных* – элементов поведения, в качественной – через

понимание нерасчлененного целостного, перед исследователем данного поведения, в том числе и речевого. В то же время непосредственность восприятия события, творящегося на глазах наблюдателя, означает, что события и ситуации невозможно повторить, они *принципиально неповторимы*: в другое время и событие, и наблюдатель будут другими. В целом эта черта метода наблюдения *по-разному* оценивается в классической и качественной парадигмах.

В *классическом социологическом исследовании* с его нацеленностью на достоверное описание реальности, поиск закономерностей, *широкие обобщения, локальность наблюдения, его частный характер, принципиальная невозможность повторения события* считается *серьезным недостатком этого метода*. Классическая социология находит два выхода из этой ситуации, *взаимодополняющих друг друга*:

1. Для повышения достоверности информации она делает ставку на *систематичность* наблюдения, пытаясь «схватить» типическое, наблюдая событие (ситуацию) *много раз с определенной регулярностью* и, по возможности, в разных условиях: *обыденных, экстремальных и т.д.* Не случайно некоторые учебники вводят даже термин «систематическое визуальное восприятие» в теоретическое определение метода наблюдения,⁸⁷ что на самом деле неверно: модификация этого метода в классической социологии выдается за определение его сущности.

2. Кроме того, может быть, понимая определенную тщетность этих усилий, классическая социология отказывается признать наблюдение в качестве «полноценного» метода, считая его *дополнительным* к другим методам сбора первичной социологической информации или методом, способным работать только на *разведывательном этапе*.

⁸⁷ Петров Э.П. Понятие «наблюдение» в социологии // Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 2. М.: Наука, 1990. С.150.

Второе тоже означает его маркирование в качестве *неосновного*: на этой стадии, как мы уже говорили, не создается никаких обобщений, могущих быть распространенными.

Напротив, *качественный подход*, нацеленный, как мы помним, на изучение частного, частного и не претендующий на широкие обобщения, не видит в локальности выводов, полученных этим методом, ничего предвзятельного и часто делает ставку на этот метод как *основной, ведущий* (вспомним, например, этнографическую стратегию качественного исследования).

Сегодня в литературе представлено несколько классификаций этого метода по разным основаниям:

По *способу организации наблюдения* можно выделить *полевое* (наблюдение осуществляется в естественных условиях) и *лабораторное* (наблюдение в экспериментальной ситуации). Понятно, что в рамках *качественного подхода* с его стремлением изучать людей в естественных условиях лабораторное наблюдение не используется. В то же время в рамках *классического* подхода может использоваться и то, и другое.

По *степени формализованности* выделяются *структурированное* наблюдение и *бесструктурное*. Структурированное предполагает представление наблюдаемого поведения в виде *структуры, состоящей из совокупности элементов*. Сами эти выделяемые исследователем элементы являются *индикаторами более общих свойств (признаков)*, которые выделены в качестве предмета исследования. Такой вид наблюдения воплощает в себе методологию *классического социологического* исследования, т.к. предполагает *количественную фиксацию* выделенных элементов. *Бесструктурное наблюдение* не предполагает расчленения наблюдаемого поведения на элементы с их четкой фиксацией. Здесь скорее регистрируются исследователем наиболее часто встречающиеся формы поведения или, напротив,

яркие, необычные. Бесструктурное наблюдение может использоваться в классическом социологическом исследовании на разведывательном этапе, но чаще всего оно используется в качественных исследованиях.

По степени включенности наблюдателя в изучаемый процесс можно выделить резко полярные его виды: *невключенное* и *включенное* (участвующее) наблюдение. При *невключенном наблюдении* исследователь не является участником изучаемой ситуации, наблюдает ее *со стороны*. При этом *пространственно* исследователь находится рядом с людьми, чье поведение он изучает: так, можно наблюдать поведение учеников в классе, находясь в этом классе, как правило, на последних партах, или неключенно можно наблюдать производственное совещание руководителей подразделений с директором завода, находясь в кабинете директора. Позиция исследователя здесь – отсутствие совместных действий, каких бы то ни было отношений с участниками наблюдаемой ситуации. Исследователь здесь – чужой, который и не пытается стать «своим», четко обозначая свое положение другого.

При *включенном наблюдении* – принципиально другая картина. Исследователь здесь – чужой, который под разными предлогами становится своим, т.е. делается *равноправным участником* той ситуации, которую изучает. В идеальном варианте такого наблюдения изучаемые люди даже не догадываются о его исследовательской роли.

Можно выделить и *промежуточные* виды, характеризующие *разный уровень включенности исследователя* и находящиеся *между* рассмотренными выше полюсами: включенное/невключенное наблюдение. Эти промежуточные виды характеризуются соответствующими ролями наблюдателя:

наблюдение, в котором наблюдатель занимает позицию *участник-наблюдатель*. Такой вид наблюдения мож-

но было бы назвать *преимущественно включенным* (участвующим);

- наблюдение, в котором наблюдатель занимает позицию *наблюдатель-участник*. Это *преимущественно невключенное наблюдение*.

В рамках *преимущественно включенного наблюдения* наблюдатель становится участником изучаемой ситуации, но при этом открыто декларирует свой статус исследователя: другие участники ситуации (изучаемые люди) знают об истинных целях, которые его привели в бригаду, организацию, в ту или иную социальную группу в целом. Как правило, это не мешает установлению нормальных, дружественных отношений между наблюдателем и другими членами изучаемой группы.

Преимущественно невключенное наблюдение характеризуется большей отстраненностью исследователя от изучаемой ситуации, контакты с членами изучаемой группы минимальны, исследователь не скрывает своих научных целей.

По *степени контроля результатов* выделяются *контролируемое* и *неконтролируемое* наблюдение.

Контролируемым называется наблюдение, при котором осуществляется контроль за результатами. Главная идея такого контроля данных – повышение их достоверности, близости к реальности. Это достигается двумя способами: одна и та же ситуация наблюдается *несколькими наблюдателями*, после чего полученные результаты перепроверяются, или происходит *интенсификация наблюдений* за одним и тем же объектом: резко увеличивается их количество.

Перепроверка может происходить в рамках *бесструктурного наблюдения*, когда разные исследователи «сверяют» свои впечатления, свое видение наблюдаемой ситуации с целью выявить «сухой остаток», т.е. общее, присутствующее в ряде исследовательских интерпретаций. Это

может происходить как на разведывательном этапе традиционного социологического исследования, так и в качественном исследовании в том его направлении, которое тяготеет к научному и стремится глубже понять изучаемую реальность. *Чаще всего* перепроверка характерна для *структурированного наблюдения*: не случайно в учебнике В.А.Ядова «Социологическое исследование: методология, программа, методы» термины «структурированное наблюдение» и «контролируемое наблюдение» употребляются как синонимы. Здесь контроль означает «сверку» данных, полученных разными наблюдателями с помощью *расчета средних показателей для каждого наблюдаемого элемента*.⁸⁸

2. Невключенное структурированное наблюдение

Такое наблюдение является *типичным для классического социологического исследования*: оно наиболее полно воплощает основные методологические постулаты классического подхода. Остановимся подробнее на характеристиках этого вида наблюдения.

Невключенность, расположенность исследователя *«по ту сторону»* изучаемой ситуации предопределяют и единственный способ «прямой регистрации» события – *визуальное восприятие*. Исследователь здесь не вступает ни в какие контакты с изучаемыми людьми: в идеале (как в комнате с полупрозрачным стеклом) участники даже

⁸⁸ В.А.Ядов выделяет еще один вид наблюдения – так называемое *стимулирующее наблюдение*. В рамках такого метода исследователь сознательно *вносит возмущение в наблюдаемую ситуацию*, чтобы потом наблюдать следствия такой «провокации». Стимулирующее наблюдение «вписывается» в принципиально другую методологию социологического исследования – активно-преобразовательную («action research»), и потому нами подробно не описывается.

не догадываются о существовании наблюдателя. Здесь изучаемые люди – только *объект исследования*, «внеположенный» по отношению к наблюдателю. Понятно, что визуально воспринимать можно только *поведение людей*, не посягая на изучение их *внутреннего мира*, и прежде всего мотивов их поступков. Конечно, изучая поведение, мы можем *помыслить* и наиболее вероятные мотивы этого поведения, т.е. понять его смысл.⁸⁹ Но с точки зрения *классической социологии* мы, наблюдая только лишь поведение, не можем сделать *достоверных выводов* о субъективном мире человека: мнениях, оценках, мотивах. В рамках этого метода именно поведение, выбранное в соответствии с целями и задачами исследования, становится предметом наблюдения.

Выбранное в качестве предмета наблюдения *структурируется*, т.е. представляется как совокупность элементов поведения. Известно, что любое поведение можно представить в виде нескольких, не совпадающих полностью структур элементов. Поэтому в качестве предмета наблюдения выбирается *такая из возможных структур*, которая в наибольшей степени соответствует *выдвинутой гипотезе*, т.е. «работает» на ее подтверждение или не подтверждение. В полном соответствии с логикой количественного подхода наблюдаемые элементы здесь – *индикаторы*, «*проявители*» тех теоретических понятий, которые накрепко связаны в единый узел в гипотезе, «будут участвовать» в анализе полученной информации. Например, если с помощью наблюдения мы проверяем гипотезу о связи между длительностью урока и утомляемостью школьников, то для наблюдения должны быть выбраны такие элементы поведения школьников на уроке, которые

⁸⁹ Это как раз и делает качественная социология в рамках включенного наблюдения.

«говорят» о разной степени их усталости или о наличии или отсутствии таковой. Это значит, что в структуре выделенных элементов наблюдения должны присутствовать такие, например, как «выступает с дополнениями», «задает вопросы учителю», «комментирует вслух ответы», «поднимает руку, чтобы ответить на вопрос учителя», свидетельствующие об отсутствии усталости. В то же время должны быть выделены и другие элементы, «говорящие» об усталости ученика: «лежит на парте», «смотрит в окно», «преждевременно собирает вещи», «спит», «что-то постоянно ищет в портфеле», «оказывается под партой», «часто меняет позу (ерзает)» и т.д.

Для проверки *другой* гипотезы, например о связи учебно-познавательной активности школьников с педагогическим мастерством учителя,⁹⁰ исследователь должен выбрать для наблюдения другие структурные элементы поведения школьников на уроке: те, в которых наиболее ярко представлена учебно-познавательная активность, как ее понимает исследователь.

Все сказанное выше означает, что использованию не включенного наблюдения, как и любого другого метода в классической социологии, *предшествует серьезная теоретическая работа*, направленная на разработку *целей и задач* исследования, выделение *предмета исследования*, выдвижение *гипотез* и, соответственно, определение *тех структурных элементов поведения*, которые надлежит наблюдать.

Использование такого вида наблюдения предполагает разработку *программы наблюдения* как документа,

⁹⁰ Педагогическое мастерство учителя в исследовании может быть сведено к навыкам владения современными образовательными технологиями и тоже расчленено на элементы. Наличие или отсутствие определенных элементов в наблюдаемом поведении учителя может «свидетельствовать» об уровне этого мастерства.

в которой не только представлены все эти элементы, но еще тщательно обосновывается *логика выбора* тех или иных объектов и ситуаций наблюдения, *ориентированная на проверку выдвинутой гипотезы*. Так, например, для доказательства второй гипотезы эта логика заключается в выборе одного и того же класса (или нескольких классов) в качестве объекта наблюдения в *разных ситуациях*: в ситуации урока, который ведет учитель предположительно с высоким уровнем педагогического мастерства, и в противоположной ситуации – когда урок ведет учитель с низким уровнем педагогического мастерства. При этом желательно, чтобы сравниваемые ситуации отличались кардинально только этим: для этого лучше брать «близкие по духу» уроки: только гуманитарной или только естественной направленности. В программе наблюдения, кроме того, указывается регулярность наблюдения, фиксируются временные рамки этого процесса.

Методический документ этого вида наблюдения – *Карточка (протокол) наблюдения*. В строгом соответствии с методологией классического социологического исследования Карточка наблюдения предназначена для *регистрации* (фиксирования) элементов наблюдаемого поведения в *строге формализованной* форме (см. рис. 4 и 5).

В *первом варианте* Карточки наблюдения (рис. 4) в рамках каждого временного интервала фиксируется *количество людей*, для которых характерен *каждый из наблюдаемых элементов поведения*. При этом для «отдельно взятого человека» из числа наблюдаемых в «счет идет» только преимущественное поведение в этот период. Например, если ученик в течение каких-нибудь наблюдаемых 5 минут успевает задать вопрос, посмотреть в окно и полежать на парте, наблюдатель «закрепляет» за ним только один элемент, наиболее «длительный», который и учитывается

в Карточке (протоколе) наблюдения⁹¹. *Второй вариант Карточки наблюдения* (рис.5) предполагает *другой способ фиксации результатов*: здесь каждому наблюдаемому человеку приписывается *преимущественный* элемент поведения в каждый из имеющихся в Карточке временных промежутков. При этом сами *элементы наблюдения* фиксируются в закодированной форме, поэтому здесь необходим кодификатор.

Считается, что по своим психофизиологическим возможностям наблюдатель может фиксировать поведение не более 5-7 человек. Поэтому социальная группа, за которой осуществляется наблюдение, разбивается на несколько подгрупп (по 5-7 человек), за каждой из которых закрепляется наблюдатель. Например, наблюдение за поведением среднего по величине класса (20-25 человек) должны осуществлять не менее 4 человек. Если для повышения достоверности исследователь будет использовать *контролируемое наблюдение*, то количество наблюдателей должно увеличиться, как минимум, вдвое: за каждой группой из 5-6 учеников в этом случае будут наблюдать 2 участника исследовательской группы.

Карточка наблюдения является *унифицированным* инструментом, которым пользуются *все наблюдатели* в рамках конкретного исследовательского проекта. Здесь принципиально недопустимы «вольности» – в противном случае данные, собранные с помощью *разнородных карточек*, невозможно представить в обобщенной количественной форме, т.е. в конечном счете доказать или опровергнуть выдвинутую «до того» гипотезу.

⁹¹ Фиксация преобладающего элемента наблюдаемого поведения в каждый конкретный промежуток времени – необходимое условие количественной обработки данных наблюдения, а значит, и доказательства гипотезы в целом.

КАРТОЧКА НАБЛЮДЕНИЯ № _____ Шифр (тема) исследования _____
 Где проводилось (школа) _____ Класс _____ Предмет _____
 Дата _____ Время (начало и окончание) _____
 Кто проводил _____

<i>Элементы наблюдаемого поведения</i>	<i>0-5</i>	<i>6-10</i>	<i>11-15</i>	<i>16-20</i>	<i>21-25</i>	<i>26-30</i>	<i>31-35</i>	<i>36-40</i>	<i>41-45</i>
1. Слушает учителя									
2. Ведет посторонние разговоры									
3. Занимается посторонними делами									
4. Часто меняет позу									
5. Лежит на парте									
6. Преждевременно собирает вещи									
7. Заглядывает в тетрадь соседа									
8. Смотрит в окно									
9. Смотрит на часы									
10. Задает учителю вопросы									
11. Отвечает у доски									
12. Отвечает с места									
13. Поднимает руку, чтобы ответить									
14. Комментирует вслух ответы									
Примечание:									

Рис. 4. Карточка наблюдения
 в исследовании по теме «Анализ утомляемости учеников в школе»
 (вариант номер 1)

КАРТОЧКА НАБЛЮДЕНИЯ № _____ Шифр (тема) исследования _____
 Где проводилось (школа) _____ Класс _____ Предмет _____
 Дата _____ Время (начало и окончание) _____
 Кто проводил _____

Единицы наблюдения	0-5	6-10	11-15	16-20	21-25	26-30	31-35	36-40	41-45
1	а	а							
2	г	в							
3	г	в							
4	а	а							
5	б	б							

Здесь а, б, в, г – элементы наблюдаемого поведения

Рис.5. Карточка наблюдения
 в исследовании по теме «Анализ утомляемости учеников в школе»
 (вариант номер 2)

Мы помним, что «сверхзадача» любого *классического* социологического исследования – получение *достоверной информации*, отражающей «истинное положение дел». Как можно достичь этого, используя невключенное структурированное наблюдение?

Прежде всего качество информации, получаемой этим методом, зависит от качества Карточки наблюдения. В наибольшей степени это относится к *самой структуре элементов наблюдения*, которая фиксируется наблюдателями: они должны, *с одной стороны*, репрезентировать адекватно теоретические понятия исследования (мы уже об этом говорили); *с другой стороны*, они должны *однозначно интерпретироваться* разными наблюдателями, «по частям» наблюдающими ту или иную ситуацию. В противном случае нельзя гарантировать действительную реальную унифицированность такого «частичного» наблюдения ситуации, а также достоверность описания наблюдаемого поведения.

Методологическое требование однозначности интерпретации на уровне *методики* означает *неиспользование* при описании элементов наблюдаемого поведения *оценочных суждений*, в которых субъективизм наблюдателя выражен достаточно ярко. Наблюдаемые элементы должны быть представлены в Карточке наблюдения в виде «сухих» *фактологических суждений*, с помощью которых наблюдатели *одинаково* маркируют наблюдаемое поведение. Например, вместо элемента «внимательно слушает учителя», содержащего оценочный термин «внимательно», в Карточку должен быть внесен другой, более строгий вариант: «слушает учителя»; вместо «с интересом разглядывает книгу» – просто «разглядывает книгу» и т.д.

В целом для того чтобы разработать качественный инструмент наблюдения, необходима процедура *пилотирования* Карточки наблюдения до того, как она будет ис-

пользована в реальном наблюдении за изучаемой ситуацией. Пилотирование означает опробование инструмента (от англ. pilot – опробовать). Пилотаж Карточки осуществляется *на том же объекте наблюдения*, который предстоит изучать или аналогичном. В процессе пилотажа определяется *окончательная* структура элементов наблюдаемого поведения: здесь исследователь уточняет, насколько им придуманная в «тиши кабинета» совокупность наблюдаемых элементов соответствует «жизни», насколько эти элементы вообще могут быть зафиксированы в Карточке.

Кроме того, процедура пилотажа помогает определить местоположение наблюдателя, чтобы, *с одной стороны*, он мог хорошо видеть наблюдаемых и достоверно фиксировать их поведение, *а с другой стороны*, чтобы его присутствие внесло минимальные «возмущения» в наблюдаемую ситуацию.

Еще одним средством повышения достоверности получаемой информации является контроль данных (мы об этом уже говорили).

Есть еще один фактор, влияющий на качество получаемой информации: сама организация процесса невключенного структурированного наблюдения, когда *пространственно* и наблюдатель, и изучаемые люди находятся рядом. Эта ситуация «лицом к лицу» таит в себе возможность «представления себя другим», а значит, и смещения информации. Что с этим делать социологу?

Методические исследования показывают, что регулярность наблюдения, которая как раз и декларируется как существенная черта этого вида наблюдения, резко уменьшает вероятность смещения: к присутствию наблюдателей привыкают и практически перестают обращать на них внимание. Кроме того, большое значение здесь имеет и то, *как* исследователь «предъявил» наблюдаемым цель наблюдения: порой необходимо скрыть истинную цель, чтобы

уменьшить «наочитость» поведения наблюдаемых людей, его нацеленность на восприятие «чужими» наблюдателями.

Так, например, оценивая степень использования молодыми учителями современных образовательных технологий в практике урока, вряд ли следует говорить об истинной цели наблюдения. Напротив, «предъявление» другой цели – оценка утомляемости учеников на уроке – снижает возможность искажения результатов.

Обработка данных такого вида наблюдения осуществляется в три последовательных этапа:

1. Данные всех наблюдателей, каждый из которых регистрировал лишь часть объекта наблюдения, объединяются в *Итоговую Карточку наблюдения*.

2. Внутри итоговой Карточки все результаты регистрации «сворачиваются» отдельно по каждому элементу наблюдения: рассчитываются средние арифметические, характерные для процесса наблюдения в целом (они подсчитываются из данных наблюдения по выделенным временным промежуткам).⁹²

3. Происходит обработка полученных данных в соответствии с проверяемой гипотезой. Для этой цели определяется *количественная представленность* (удельный вес) *определенных элементов наблюдения*, выступающих эмпирическими индикаторами тех или иных понятий, представленных в гипотезе. Так, подсчитав общий удельный вес

⁹² Если задача исследования состоит в том, чтобы сравнить состояние той или иной социальной характеристики в *разные промежутки времени*, тогда «сворачивание» данных происходит в соответствии с этими периодами. Например, если нужно сравнить утомляемость школьников в начале, середине и конце урока, то средние арифметические по каждому наблюдаемому элементу рассчитываются отдельно для этих периодов. Для этого только нужно четко определить, какой временной промежуток считать началом урока (например, первые 10 минут), серединой (это могут быть следующие 25 минут) и концом урока (например, последние 10 минут).

элементов наблюдаемого поведения, которые «представляют» утомляемость школьников, можно судить о ее уровне: высоком или низком.

Убедительным примером, показывающим возможности невключенного структурированного интервью, может быть изучение нищих в Москве летом 1993 года.⁹³

Предметом наблюдения было «подавательное» поведение москвичей в переходах московского метро. Исследователи выделили несколько типов (имиджей) нищих, отличающихся друг от друга *способами предъявления причин*, побуждавших просить милостыню: «инвалид», «оркестр», «табличка о помощи», «женщина с детьми», «бомж», «немошная женщина или старушка» и т.д. По каждому типу нищих проводилось не менее 6 замеров, различающихся объектом, временем и местом. В качестве единицы измерения было выбрано количество подаваний в течение 10 минут. В рамках наблюдения проверялась гипотеза о связи частоты подавания с имиджем нищего, которая подтвердилась: чаще всего подают «инвалидам», затем, по степени уменьшения частоты, – «музыкантам», людям с «табличкой о помощи», «немошным», «женщинам с детьми». Замыкают этот ряд «бомжи». Наблюдение также позволило выявить различия между имиджами нищих в величине милостыни: инвалиду или подростку-музыканту могут подать и тысячерублевую купюру, но никто не даст «крупных» денег «немошному» человеку или бомжу.

В целом структурированное невключенное наблюдение вкупе с другими данными, полученными методом полуструктурированного интервью с подающими, помогло оценить состояние этого нового для постсоветской России социального явления. Наше изучение этим же методом самарских нищих, проведенное в 1997 г., позволило подтвердить еще одну гипотезу: частота подавания зави-

⁹³ Подробно см. Ильясов Ф.Н., Плотникова О.А. Нищие в Москве летом 1993 г. // Социологический журнал. 1994, №1.

сит от степени совпадения имиджа нищих и социально-демографических и психофизических характеристик подающих. Так, женщины с детьми чаще подают нищим с идентичным имиджем, пожилые люди – нищим с имиджем “старушка”, инвалиды – нищим с имиджем инвалида и т.д.

3. Включенное бесструктурное наблюдение

Этот вид наблюдения сегодня в социологии рассматривается в двух значениях: широком и узком. В *широком смысле* включенное наблюдение отождествляется либо с качественной методологией вообще,⁹⁴ либо с одной из качественных исследовательских практик – этнографическим подходом.⁹⁵ В *узком смысле* включенное наблюдение рассматривается как *метод сбора* социологической информации. Второе значение является наиболее распространенным.

Основное принципиальное отличие включенного наблюдения от невключенного состоит в том, что оно в наибольшей степени выражает методологические посылки *качественной социологии*, хотя, как мы говорили ранее, может использоваться и в классическом социологическом исследовании на разведывательном этапе. В этом случае включенное наблюдение используется как эвристическая процедура, позволяющая *уточнить проблему*,⁹⁶ сформировать теоретическую гипотезу, которая потом на основ-

⁹⁴ Девятко И.Ф. Методы социологического исследования: Учебное пособие для вузов. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 1998. С.15.

⁹⁵ Hammersly M., Atkinson P. Ethnography: Principles in Practice. L. Tavistock, 1983. P.25.

⁹⁶ «Уточнить проблему» означает, что социолог даже на этапе разведки все-таки имеет некоторое представление о проблеме, которую собирается изучать.

ном этапе исследования будет проверяться уже с помощью других «жестких» методов.

Использование включенного наблюдения в качественном исследовании означает, что социолог стремится *понять* точку зрения тех, кого исследует, реконструировать субъективный смысл, который люди вкладывают в свои поступки.

Важнейший вопрос, неизменно встающий перед исследователем, «изнутри» включенным в ситуацию, – *что наблюдать, что фиксировать из потока впечатлений, событий, слов, в который он сознательно погружается?* Мы помним, что в качественном исследовании, в отличие от классического, исследователь может не иметь четких гипотез относительно изучаемого явления: они могут возникнуть и в процессе сбора и анализа информации. Тем не менее, отсутствие гипотез «до того» не означает, что исследователь наблюдает «вслепую»: как и в любом исследовании, лучом, высвечивающим направление поиска, здесь выступают *исследовательские вопросы*. Именно в них, как правило, закладывается «образ результата» исследования, хотя и довольно смутный, неясный. Сама постановка таких вопросов предполагает, и мы уже говорили ранее, *некоторое понимание* изучаемой ситуации, или точнее, определенное предпонимание.

В помощь наблюдателю сегодня делаются попытки как-то структурировать *контекст наблюдаемой ситуации*, накрепко «спаянный» с теми смыслами, который социолог пытается уловить. Фиксация элементов этого контекста в *полевых заметках*, как правило, помогает исследователю лучше понять наблюдаемое явление. Один из вариантов такого структурирования предложен американским исследователем Спрэдли Дж.⁹⁷ По его мнению, социолог должен фиксировать:

⁹⁷ Spradley J.P. Participant observation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980. P.78.

- пространство: физическое местоположение;
- людей – участников ситуации: их социально-демографические характеристики, содержание деятельности; официальный статус в группе; неофициальное положение в группе (дружеские связи, авторитет, неформальное лидерство);

действия людей в изучаемой ситуации: их интенсивность, практические результаты;

цель действий: то, что люди стремятся достичь; одобряемые и неодобряемые цели, согласованность целей участников или их конфликт;

время: временное упорядочивание происходящего;

чувства: ощущаемые и выражаемые эмоции.

Включенное наблюдение, в отличие от невключенного, преимущественно визуального, предполагает прямую регистрацию событий с помощью *разных источников информации*. Наблюдатель «явно и неявно соучаствует в повседневной жизни людей в течение достаточно продолжительного времени, наблюдая за происходящим, прислушиваясь к сказанному, задавая вопросы. В сущности, он собирает *любые доступные данные*, которые могут пролить свет на интересующие вопросы».⁹⁸

Документом такого вида наблюдения выступает *Дневник наблюдения*, в котором в свободной форме исследователь записывает наблюдаемые события, реплики, обрывки разговоров, фрагменты интервью, а также свои впечатления, размышления, аналитические пометки.

Мы уже говорили ранее, что результат качественного исследования в большинстве своем – *всегда исследовательская интерпретация повседневных интерпретаций* изучаемых людей, всегда попытка на равных «увязать» эти два вида интерпретаций в конечном продукте исследования;

⁹⁸ Hammersly M., Atkinson P. *Ethnography: Principles in Practice*. L.: Tavistock, 1983. P.2

исключение составляют лишь собственно постмодернистское и гуманистическое направления (см. тему 4 части 1). Применительно к нашему разговору это означает, что, с одной стороны, Дневник должен сохранять *«естественный словарь»* участников, т.е. реальный ситуативно-привязанный язык, которым участники наблюдаемой ситуации пользуются: это дает возможность исследователю понять, как изучаемые люди определяют, «категоризируют» социальную реальность, какие они используют «ярлыки», классификации, конструируя ее. С другой стороны, записывая фрагменты услышанного, исследователь всегда осуществляет отбор (это может происходить и неосознанно), всегда «подправляет», «подчищает» их, т.е. так или иначе подвергает их интерпретации. Даже транскрибируя тексты, записанные на диктофон, социолог вольно или невольно неизбежно интерпретирует их.

Фактически интерпретация социолога, его конструирование наблюдаемой ситуации всегда так или иначе присутствуют в полевых заметках, фиксируемых в Дневнике. Вместе с тем глубина понимания изучаемой ситуации, видимо, может быть большей, если в Дневнике наблюдения социолог будет стремиться четче отделить первичный «естественный» текст и свои интерпретации. Для этой цели пространство Дневника должно быть так организовано, чтобы эти два вида интерпретации не накладывались друг на друга, не поглощались одна другой.

При ведении полевых заметок (Дневника наблюдения) важную роль играет фиксация невербального поведения: мимики, жестов, позы. Зачастую именно такие формы лучше говорят о намерениях участников, смыслах их поступков, чем слова. Кроме того, в Дневнике наблюдения может фиксироваться пространственное расположение как участников наблюдаемой ситуации, так и отдельных «вещественных» ее элементов: рабочих зон и зон рекреации, например, в организации пространства цеха или прием-

ной начальника; отдельных табличек, портретов, картин на стенах коридоров и кабинетов руководителей. Все эти «немые участники» ситуации порой могут рассказать больше о мотивах и предпочтениях людей, чем они сами с помощью слов и жестов.

Включенное наблюдение, может быть, единственный из социологических методов, «в полную мощь» поставивший проблему этики социолога. В самом деле, корректно ли в «чужой маске» проникать в ту или иную социальную общность, становиться в ней «своим» только для того, чтобы изучать ее? Ответ на этот вопрос не так прост. Установление дружеских отношений, порой «привязывание» к себе некоторых из участников группы только с корыстной познавательной целью, может быть, не самое благородное дело. В конце концов, как говорил Маленький Принц Антуана-де-Сент Экзюпери: «Мы в ответе за тех, кого приручили». В то же время, если полученное таким образом знание не используется *против изучаемых людей*, не способствует усилению контроля над ними, уменьшению их свободы, не ухудшает их социального самочувствия в целом, в этом случае, видимо, использование включенного наблюдения вполне оправдано.

В западной и отечественной социологии есть немало примеров использования включенного наблюдения. Это и знаменитое исследование У.Ф.Уайта, описавшего структуры взаимодействия, а также неписанные правила, организующие повседневную жизнь бедного итальянского района одного из крупных американских городов.

С конца 50-х годов в знаменитом институте демоскопии Алленсбах, который возглавляет Элизабет Нозль-Нойман, включенное наблюдение стало использоваться в маркетинговых исследованиях. Здесь социологи становились покупателями и в этой роли общались с продавцами, записывая потом свои наблюдения и ответы продавцов на вопросы.

В отечественной социологии в последние годы можно выделить крестьяноведческий проект под руководством Т.Шанина, о котором мы уже говорили. Вот как говорит об этом один из участников проекта В.Г.Виноградский: «В один прекрасный момент я заметил за собой и своими коллегами, что мы, основательно вработавшись в деревенскую повседневность, вдруг превратились в неких роботов с полностью включенными механизмами и приборами тотального наблюдения за реальностью. Мы стремились фиксировать каждый наблюдаемый нами элемент реальности на диктофон, на видеоленту, в дневник, который мы называли «бортовым журналом». Для нас не было неких незначимых или второстепенных фактов. Из этого тотального отслеживания вдруг как-то самопроизвольно начинают появляться некие обобщения».⁹⁹ Главным открытием этой исследовательской группы, более двух лет работавшей на Кубани, было обнаружение *микросхем повседневного взаимодействия* людей, которые на языке науки называются *неформальной экономикой*. Именно благодаря таким отношениям, *не отражаемым в официальной отчетности и не фиксируемым в формальных контрактах*, и осуществляется рутинная повседневная жизнь, обеспечивается «полнота органического существования».

Речь идет о межсемейной выручке (дать деньги в долг, одолжить инструмент для работы, помочь построить дом), а также о тех неформальных, но взаимовыгодных связях, когда происходят специализация семейного производства и обмен его продуктами. Исследователи установили, что внедрение рыночных отношений, элементов «расчетливой» экономики не разорвали сеть межсемейной поддержки

⁹⁹ Виноградский В.Г. Как определять и наблюдать факты неформальной экономики домохозяйств // Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Самара, 2000.

и обменов, не сузили круг общения людей, разделив их на богатых и бедных, а, наоборот, сделали ее более разветвленной: «объективно проходящая сейчас в деревне стратификация стихийно ремонтируется и нейтрализуется сетями межсемейных обменов, которые идут *сквозь стратификационную решетку*. Это инстинктивное желание людей не потерять связи, которые были прежде»¹⁰⁰.

Ключевые слова

Виды наблюдения, структурированное наблюдение, включенное наблюдение, Карточка (протокол) наблюдения, Дневник наблюдения, элементы наблюдаемого поведения, контекст изучаемой ситуации, качество структурированного наблюдения.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Дайте определение термина «наблюдение», используемого в социологии.
2. Укажите основные черты наблюдения как метода сбора социологической информации.
3. Опишите основные классификации этого метода.
4. Охарактеризуйте виды наблюдения в зависимости от степени включенности наблюдателя в изучаемую ситуацию.
5. Что такое программа структурированного наблюдения, из каких элементов она состоит?
6. Как происходит процесс выделения элементов наблюдаемого поведения в этом виде наблюдения?
7. Как повысить надежность данных наблюдения?
8. Что означает термин «включенное наблюдение» в широком и узком смыслах?

¹⁰⁰ Виноградский В.Г. Указ. соч. С.126.

9. Как правильно вести Дневник наблюдения, чтобы реализовать цели качественного исследования?

10. Как можно структурировать контекст наблюдаемой ситуации для фиксации в Дневнике?

11. Какая этическая проблема встает перед социологом, использующим включенное наблюдение?

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. Бутенко И.А. Прикладная социология: наука и искусство. М.: Анкиа, 1999.

2. Виноградский В.Г. Как определять и наблюдать факты неформальной экономики домохозяйств//Методологический потенциал качественной социологии и способы его реализации в социологических исследованиях. Самара, 2000.

3. Горяновский А. Украсть можно все (результаты включенного наблюдения) // Социс. 1990. №2.

4. Девятко И.Ф. Методы социологического исследования. Учебное пособие для вузов. Екатеринбург, Издательство Уральского университета, 1998

5. Ильясов Ф.Н., Плотникова О.А. Нищие в Москве летом 1993 года // Социологический журнал. 1994. №1.

6. Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 2 М.: Наука, 1990.

7. Практикум по социологии. М.: Издательство Московского университета, 1992.

8. Рабочая книга социолога. М.: Наука, 1987.

9. Романов П.В. Социологические интерпретации менеджмента. Саратов, 2000.

10. Hummersly M., Atkinson P. Ethnography: Principles in Practice. L.: Tavistock, 1983.

11. Spradley J.P. Participant observation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980.

12. Silverman D. Doing Qualitative Research. A Practical Handbook. Sage Publications. London. Thousand Oaks New Delhi, 2000.

МЕТОД АНАЛИЗА ДОКУМЕНТОВ В КАЧЕСТВЕННОЙ И КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ПАРАДИГМАХ

Книги – это всегда книги жизни, или книги
выживания и переживания.

Ж.Деррида. Письмо и различие

1. Понятие 'документ' в социологии

В повседневной жизни понятие «документ» фигурирует в своем узком значении – как официальная бумага. Такой документ должен обладать видимыми признаками официального статуса: печатями, штампами организации и т.д. Документами в этом смысле можно назвать паспорт, официальное письмо, историю болезни и т.д.

В социологии термин «документ» используется в предельно широком значении – как любой носитель информации о социальных явлениях и процессах. Кроме того, любой документ – всегда и репрезентация самого автора (или авторов), выраженная в содержании документа, его стиле и средствах выражения. Отсюда и определенная вторичность этого метода: здесь исследователь не имеет прямого контакта с той реальностью, которую изучает, как это имеет место при наблюдении, опросе.

Любой документ – всегда кодированная информация, вбирающая в себя цели и намерения коммуникатора, его видение, интерпретацию реальности.

Все разнообразие документов, используемых в социологическом исследовании, может быть «уложено» в классификации, построенные по различным основаниям.

По критерию *«статус документа»* могут быть выделены документы:

- официальные;
- неофициальные.

К *официальным* относятся законы, постановления, протоколы собраний, материалы статистической отчетности, архивы и т.д.

К *неофициальным* относятся личные письма, дневники, материалы вторичного анализа, сделанные исследователем, любительские видеофильмы и т.д.

По критерию *«степень персонификации документа»* можно выделить документы:

- личные;
- безличные.

К *личным* относятся *авторские* документы: очерк в газете, автобиография, дневник, письма, а также документы, *относящиеся к конкретному человеку*: читательский формуляр в библиотеке, деловая характеристика, история болезни и т.д.

Безличные документы, напротив, не имеют конкретных авторов и не относятся к тому или иному человеку: статистические материалы, протоколы собраний, законы, финансовая отчетность и т.д.

По критерию *«ситуация создания документа»* можно выделить:

- спровоцированные социологом документы;
- неспровоцированные (естественные).

К *спровоцированным* относятся такие документы, которые создаются *специально для целей исследования* по просьбе социолога. Это могут быть школьные сочинения, автобиографии, мемуары.

Неспровоцированные – это все другие виды документов, естественным образом существующие в социуме, «обслуживающие» нашу повседневную жизнь.

Широко распространена в литературе и классификация по видам материальных носителей. Здесь выделяются документы:

- письменные (все виды печатной и рукописной продукции);

- иконографические (видео-, кино-, фотодокументы, картины, гравюры и т.п.);

- фонетические (радио- и магнитофонные записи, грампластинки и т.п.).

Метод анализа документов *практически так же универсален*, как и опросные методы. С его помощью можно получить информацию *о прошлом, настоящем и будущем*: реконструировать давно ушедшие, но значимые для живущих сегодня людей социальные явления и процессы; описать образы будущего страны, поколения, отдельной социальной группы.

Кроме того, документы содержат информацию о *поведении и результатах деятельности* людей, так же как и об их сознании: оценках, мотивах, жизненных планах, ценностных ориентациях. Этот метод дает возможность не только реконструировать событие, социальное явление, но еще и понять *образ мыслей, ожидания, надежды и разочарования* тех или иных социальных общностей. С его помощью можно понять, какие *«большие нарративы»* были в ходу в стране на конкретном витке ее истории, какие нормы, «правила игры» тогда существовали, как они принимались и одновременно конструировались людьми.

В частности, анализ аттестационных характеристик рядовых инженеров-проектировщиков, осуществленный в рамках известного в отечественной социологии исследовательского проекта «Социально-психологический портрет инженера», проведенного в семидесятые годы под ру-

ководством В.А.Ядова, позволил сделать вывод о *нормах, действующих тогда в проектных организациях*: более всего здесь ценились (конечно, наряду со знанием и опытом) исполнительность и добросовестность, и менее всего оказались востребованными инициатива и творчество, умение самостоятельно мыслить.¹⁰¹

Метод анализа документов дает возможность изучить явление *не только в его статике, «точечно», но и в его динамике, изменении*. В самом деле, даже довольно поверхностный «импрессионистский»¹⁰² анализ двух официальных документов: Закона о государственном предприятии от 1987 г. и Закона о предприятии от 1991 г. дает возможность оценить судьбу производственной демократии в постсоветской России. Первый закон вводил в действие *новые демократические социальные институты в организациях*: Совет трудового коллектива (СТК) как коллегиальный орган, призванный ограничить единоличную власть руководителя; выборность руководителя. Второй закон их фактически отменял.

Еще один пример из российской ситуации. Анализируя письма «простых людей» в прессу в первые перестроечные годы (1987-1991 гг.), выстраивая их во временной последовательности, Н.Н.Козлова смогла «увидеть» крушение «революции надежд» для части россиян: проследить переход от чувства оптимизма, радости по поводу расставания с ужасами прошлого к чувству разочарования, к ощущению распада мира и одиночества.¹⁰³

¹⁰¹ Подробно см.: Социально-психологический портрет инженера. М.: Наука, 1977.

¹⁰² Термин «импрессионистский анализ» принадлежит А.Страуссу и обозначает способ анализа документальной информации, основанный на понимании текста без использования специальных процедур обработки качественной информации: кодирования, концептуализации и т.д.

¹⁰³ Подробно см.: Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора).

2. Виды анализа документов в классическом социологическом исследовании

В классическом социологическом исследовании используются преимущественно два вида анализа документальной информации:

- неформализованный (традиционный);
- формализованный.

В свою очередь, *формализованный* вид анализа может быть представлен тремя разновидностями:

- контент-анализом или анализом содержания (от англ. content – содержание);
- анализом статистической информации;
- информативно-целевым анализом текстовой информации.

Остановимся на этих видах анализа подробнее.

2.1. Неформализованный анализ документальной информации

Неформализованный анализ основывается на «понимающем» восприятии текста:¹⁰⁴ выделении блоков идей, соответствующих целям анализа. Такое понимание текста достигается за счет усилий ума: использования логических операций синтеза, анализа, сравнения, оценивания и т.д.

С позиции методологии количественного подхода этот вид анализа *недостаточно хорош*, т.к. «страдает» субъективизмом исследователя, а значит, и возможностью *смещения информации*, отклонением от «истинного положения дел». В самом деле, понимание текста зависит не только от степени владения исследователем мыслительными опе-

¹⁰⁴ Этим же видом анализа можно изучать и другие, неписьменные документы: фото-, видеоматериалы, радио- и магнитофонные записи и т.д.

рациями (а с этим у каждого человека «свои отношения»), но и от его психофизиологических особенностей: утомляемости, способности концентрировать внимание, памяти и т.д. На восприятие текста большое влияние оказывают и неосознаваемые психические феномены, в частности механизм психологической защиты, когда неприятные для исследователя моменты «сами собой» пропускаются в тексте, а, напротив, приятные сразу бросаются в глаза. Существенна здесь и роль интуиции, знания предмета изучения, а также ценностных ориентаций, мировоззрения исследователя, выступающих своеобразной базой оценки, платформой, с позиции которой и воспринимается анализируемый текст.

Следует отличать такой вид анализа документальной информации от *простого понимания тех или иных текстов*, с которыми каждый человек «имеет дело» в повседневной жизни: мы читаем и понимаем газетные статьи, книги, учебники. *Неформализованный анализ как метод исследования* предполагает восприятие текста *в контексте исследовательской задачи*. Это означает, что в соответствии со строгой логикой количественного подхода социолог выдвигает исследовательские задачи, формулирует гипотезу и только потом ищет в тексте подтверждение или опровержение выдвинутой гипотезе.

Вместе с тем в этом своем качестве неформализованный анализ документальной информации в *классическом исследовании* используется довольно редко именно в силу названных выше недостатков. В то же время на *разведывательном (формулятивном) этапе* роль его достаточно велика: вкупе с другими методами – свободным интервью, индивидуальными или групповыми формами экспертного опроса он «помогает» социологу выделить *границы проблемы*, более других нуждающиеся в изучении, определить предмет исследования, сформулировать гипотезу. Следу-

ет подчеркнуть также, что и на этом, разведывательном, этапе не отменяется главная черта неформализованного анализа документа как метода исследования: понимание, восприятие текста здесь происходят в контексте *цели исследования*, тех исследовательских вопросов (или задач), которые социолог ставит перед собой, приступая к исследованию.

2.2. Контент-анализ текстовой информации

Этот вид анализа документов в наибольшей степени соответствует количественному подходу в социологическом исследовании с его ориентацией на достоверное объективное знание: собственно говоря, из потребности *преодолеть субъективизм* неформализованного анализа он и вышел. Не случайно один из первых его исследователей, американский социолог Б.Берельсон¹⁰⁵, определил контент-анализ как «объективное, систематическое количественное описание *явного содержания коммуникации*».¹⁰⁶

Контент-анализ родился в сфере американской журналистики в конце XIX века. В этот период резко возрастают количество печатных изданий, объемы содержащейся в ней информации, да и читательская аудитория стремительно увеличивается. Начинается борьба за читателя, что в конечном счете означает экономическое выживание газет, журналов. В поисках «рецептов» процветания хозяева вынуждены были обращаться к аналитикам, которым надо было, с одной стороны, «справиться» с большими объе-

¹⁰⁵ Цит. по: Newman L.W. Social methods: Quantitative and Qualitative approaches. Allan and Bacon. 1994. P.258.

¹⁰⁶ Сегодня в рамках контент-анализа изучается не только явное *манифестное* содержание текста, но и скрытое *латентное*. Такой *подвид* контент-анализа менее надежен, хотя здесь также используются технические процедуры, свойственные в целом этому виду анализа документов. – Подробно см.: Возможности использования качественной методологии в гендерных исследованиях. М.: МУГИ, 1997.

мами информации, а с другой – описать ситуацию максимально достоверно. Так рождается потребность в *количественном анализе текстовой информации*, который был бы максимально унифицирован и объективен. Пройдет еще несколько десятилетий, прежде чем здесь же, в сфере анализа печати, американским исследователем Д. Уилли будут осмыслены и сформулированы основные базовые положения контент-анализа:

1) система категорий (здесь это группировка материала по тем или иным признакам) должна быть применима ко всем газетам общего характера, а не ориентироваться на специальные издания;

2) система категорий должна строиться таким образом, чтобы обладать универсальной сравнимостью. Это означает высокую стандартизацию категорий;

3) система категорий должна давать максимум точности и сводить элемент субъективности к минимуму.

Сегодня контент-анализом называется *строгий формализованный вид анализа документальной информации*, суть которого состоит в переводе ее в количественные показатели с последующей статистической обработкой.

Чаще всего контент-анализ используется в традиционном ключе – для анализа текстовой¹⁰⁷ информации. В то же время в последнее время область его применения становится гораздо шире и «захватывает» и другие документальные источники: фотоматериалы, радиопрограммы, инструменты повседневной деятельности, одежду и т.д.

Процедура контент-анализа включает в себя:

- выделение *смысловых единиц анализа* (категорий анализа);

- определение *единиц счета*, соответствующих выделенным смысловым единицам;

¹⁰⁷ Термин «текст» здесь используется в узком значении как совокупность буквенных символов.

определение способа количественной фиксации единиц счета.

Следует сказать, что процедура контент-анализа в полном соответствии с методологическими основаниями количественного подхода воспроизводит *дедуктивную нисходящую логику* получения знания. *Смысловые единицы* (категории анализа) здесь – это *направления анализа* текста, некие теоретические конструкты (или эмпирические обобщения), задаваемые исследовательскими задачами, гипотезами, теоретическим видением предмета в целом.

Единицы счета – это элементы текста, выступающие *«представителями»*, индикаторами той или иной смысловой единицы. Единицы счета весьма разнообразны. Это могут быть как *отдельные* слова: термины, имена исторических или политических деятелей, названия городов, так и *более сложные элементы текста*: словосочетания, отдельные суждения, целые абзацы, темы.

Существует целый ряд *способов количественной фиксации* единиц счета, которые зависят от того, какие *именно фрагменты текста* исследователь выбрал в качестве единиц счета. Это может быть и *их количество* в тексте (частота употребления), если единица счета – понятие, имя собственное или определенные словосочетания. Это может быть и *физическая протяженность*: объем площади или количество строк, столбцов, колонок, если единица счета, например, тема материала.

Как выбираются единицы счета, эти эмпирические «заменители» теоретических конструктов в тексте? Для этой цели социолог разрабатывает *классификатор* – документ, в котором смысловым единицам анализа *приводятся в соответствие* их эмпирические «аналоги» (см. табл.1).

Главная задача такого классификатора – обеспечить *максимальную полноту представленности* смысловых единиц анализа через элементы конкретного текста. Для этого

**Классификатор контент-анализа
текстов брачных объявлений**

Обобщенные группы социальных и психофизиологических характеристик: смысловые единицы анализа	Индикаторы характеристик в тексте (единицы счета)
1. Качества «жены»	«Люблю готовить», «вкусно готовлю», «заботливая», «хороший друг», «умею создавать уют», «конфликтов по пустякам стараюсь избежать», «домашний труд не в тягость», «домашним хозяйством занимаюсь с удовольствием»
2. Качества характера	«Мягкая», «спокойная», «веселая», «жизнерадостная», «ровная в общении», «доброжелательная», «скромная», «уважаю людей открытых», «добра», «общительна»
3. Увлечены в свободное время	«Люблю ходить в походы», «люблю путешествовать», «люблю шить», «предпочитаю проводить время на даче», «предпочитаю свободное время проводить дома», «люблю книги», «обожаю театр», «люблю активный отдых», «ценю поэзию», «увлекаюсь игрой на гитаре», «люблю хорошие книги по вечерам в уютной квартире»
4. Характеристики уровня материальной и жилищной обеспеченности	«Материально независима», «в жилищной области не нуждаюсь», «расчитываю на улучшение жилищных условий», «материально и жилищно обеспечена»
5. Внешние данные	«Выгляжу соответственно возрасту», «внешность приятная», «небольшого роста», «полная», «к полноте склонна», «внешность не приносит огорчений».

Примечание: здесь приведено соотнесение обобщенных групп социальных и психофизиологических характеристик женщин с их индикаторами в текстах брачных объявлений.

социолог из всего массива анализируемых текстов *случайным* (вероятностным) способом (можно использовать механический отбор) отбирает те из них, которые надлежит рассмотреть «сквозь» выделенные смысловые единицы анализа. При этом он «набирает» элементы – индикаторы из *первого текста*, затем *дополняет их* элементами из второго текста и *так до тех пор, пока не будет попадаться ни одна новая единица счета*: новые словосочетания или отдельные слова.

Считается, что получившееся таким образом «пространство» единиц счета *достаточно полно* «представляет» определенную смысловую единицу в массиве текстов, которые будут анализироваться. Именно с этим «пространством» кодировщик будет сверять каждый анализируемый текст из общего объема текстовой информации.¹⁰⁸

Возможно ли появление в нем тех единиц счета (понятий, словосочетаний, тем и т.д.), которые *не попали* в классификатор? Конечно, возможно: мы помним, что существует ошибка репрезентативности (см. тему 2 части 1). В этом случае кодировщик вместе с исследователем решает вопрос о соответствии новой единицы счета смысловой единице и *дополняет* классификатор.

В полном соответствии с идеями классического подхода доказательство выдвинутой гипотезы в контент-анализе происходит средствами математики. Для этого могут определяться:

1. *Частота употребления в тексте смысловой единицы*. В этом случае рассчитывается удельный вес (частость)

¹⁰⁸ Кодировщик – это определенная роль в рамках контент-анализа, главное содержание которой состоит в переводе текстовой информации в количественные показатели в соответствии с классификатором. Считается, что это достаточно механическая работа, не представляющая особой сложности, которую может выполнять и не исследователь. Чаще всего в роли кодировщиков выступают специально проинструктированные люди.

соответствующих выделенных единиц счета в общем объеме знаков текстовой информации.

Например, можно подсчитать удельный вес единиц счета, репрезентирующих такие смысловые единицы анализа, как основные социальные группы российского постсоветского общества: рабочие, интеллигенция, предприниматели, коммерсанты, политики и т.д.¹⁰⁹ В исследовании, посвященном анализу представленности этих групп в ведущих российских средствах массовой информации, был сделан вывод о колебаниях в престиже этих групп в последнее десятилетие, а также о «возвышении» некоторых из них в общественном сознании (политиков, предпринимателей) и «падении» других (рабочих, интеллигенции).

2. *Объем внимания, уделяемый смысловой единице в содержании текста*

Для этого могут быть рассчитаны удельный вес площади абзаца, или всего текста в общем объеме площади материала, а также количество строк, колонок, печатных знаков, минут вещания, посвященных той или иной единице анализа.

Таким способом можно сравнивать объемы внимания к *разным смысловым единицам анализа* в рамках *одного и того же* средства массовой информации или к одной и той же смысловой единице – в различных каналах информации. Например, можно сравнить объем внимания к вопросам защиты прав человека в разных городских газетах или, наоборот, соотнести масштабы правового и экологического просвещения в рамках одного ведущего издания города.

Лоуренс Ньюман вводит еще ряд понятий, характеризующих технику контент-анализа, *единица анализа* (не путать со смысловой единицей анализа – категорией анали-

¹⁰⁹ Кармадонцев Ю.А. Престиж и пафос как жизненные стратегии социоэкономической группы (анализ СМИ) // Социс. 2001. №1.

за) и «популяция». Прежде всего, эти понятия используются там и тогда, когда исследователь проводит контент-анализ с помощью *выборочного метода*. Единицей анализа здесь выступает элемент выборки: статья, газета, журнал и т.д. Популяция же включает в себя всю совокупность единиц анализа, относящихся к определенному периоду времени. Термин «популяция» созвучен понятию «генеральная совокупность» в теории выборочного метода. Из популяции выбранных единиц анализа социолог выборочным путем, используя известные технологии отбора, формирует ту совокупность материалов, которую будет непосредственно анализировать. Рассмотрим пример такого отбора, который приводит американский исследователь.¹¹⁰ Вот как автор пишет об этом:

“Например, я хочу узнать, как изображаются женщины и представители меньшинств в американских еженедельных журналах. Избранная мною единица анализа – статья. Избранная мною популяция включает все статьи, опубликованные в *Time*, *Newsweek*, *U.S. News & World Report* между 1969 и 1989 гг. Прежде всего я проверяю, издавались ли названные журналы в указанные годы, и тщательнейшим образом определяю, что понимается под «статьей». Например, являются ли статьями тексты, представляющие собой обзоры кинофильмов? Можно ли определить минимальный размер текста (например, текст, состоящий из двух предложений), позволяющий квалифицировать его как статью? Если статья состоит из нескольких частей (и печатается в нескольких номерах), следует ли рассматривать эти части как отдельные статьи или же как одну? Далее я исследую указанные три журнала и обнаруживаю, что в среднем каждый номер содержит 45 статей. В год издавалось 52 еженедельных номера. Учитывая 20 лет определенных мною временных рамок, популяция состоит из около 140000 статей

¹¹⁰ Neuman L. W. *Social methods: qualitative and quantitative approaches*, Allen and Bacon, 1994. P.260.

($3 \times 45 \times 52 \times 20 = 140400$). Рамочные параметры для выборки задаются перечнем всех этих статей. Затем я принимаю решение о размере выборки и дизайне. Учитывая размер бюджета и времени, я решаю ограничить выборку размером 1400 статей. Таким образом, пропорция выборки составляет 1%. Я также избираю дизайн выборки. Я избегаю систематизированной выборки, поскольку журнальные издания выходят в свет циклично, в соответствии с календарем (например, интервал между выходом каждого из 52 номеров на протяжении каждого года – всегда неделя). Все номера важны для исследования, поэтому я использую стратифицированную выборку. Стратификация проводится по журналам: $1400/3=467$. И так как я хочу быть уверенной, что статьи репрезентируют каждый из 20 годов, то выборка стратифицируется также и по годам. Результат – примерно 23 статьи из каждого журнала за год

Наконец, я описываю пространство случаев для выборки, используя таблицу, в которой случаи описываются по номерам, чтобы присвоить 23 номера для 23 отобранных статей из каждого журнала за каждый год”.

Известный американский социолог Р.Мертон выделил шесть типов контент-анализа в зависимости от *целей исследования и его объекта*.

Первый из них основан только на *подсчете символов* (определенных ключевых слов, словосочетаний), содержащихся в текстовой информации. Такой анализ позволяет определить объем внимания канала к той или иной проблеме, теме: ее представленность в общем объеме информации. Кроме того, таким способом можно определить и *намерение коммуникатора*, его позицию. Так, анализируя объем внимания к темам, представленным в материалах одной из новокуйбышевских газет (мы уже упоминали это исследование – тема 1 части 2), мы смогли определить, что главная целевая аудитория этой газеты – пенсионеры: проблемам, которые могли бы быть интересны для молодежи, здесь уделяется незначительное внимание.

В рамках такого анализа можно получить информацию, касающуюся не только того или иного канала массовой информации, но и *относящуюся* к социальным явлениям, процессам. Так, например, анализ брачных объявлений, классификатор которого представлен в табл. 1, позволяет получить знание о социокультурных нормах, действующих на рынке брачных услуг, оценить направленность развития брачно-семейных отношений в той или иной культуре.

Второй тип включает в себя и *анализ отношения*, позиции газеты относительно того или иного явления. Анализ здесь также основан на подсчете символов, но сами символы *выражают то или иное отношение*.

В исследованиях, как правило, фиксируется положительное, отрицательное и нейтральное отношение. Возможен и вариант так называемой *сбалансированной* позиции, когда отрицательное отношение к одним аспектам социального явления «мирно сосуществует» с положительным восприятием коммуникатором (автором или редакцией) других граней этого явления.

Следует сказать, что реальное осуществление такого вида контент-анализа – *достаточно сложная задача*: практически отсутствуют критерии, по которым можно было бы точно определить «знак» тех или иных ключевых слов. Конечно, слова, используемые в тексте, несут в себе тот или иной «знак» отношения к явлению. Например, такие слова, как «предприниматель» или «новые русские», маркируя *одну и ту же новую социальную группу*, появившуюся в постсоветском социально-экономическом пространстве, тем не менее характеризуют *разный знак* отношения к ней. Это же самое можно сказать относительно словесной пары «коммерция – спекуляция»: одно и то же явление – факт продажи продукта с выгодой для себя – здесь полярно оценивается.

Вместе с тем подлинное отношение коммуникатора, видимо, можно оценить, не столько измеряя частоту употребления «положительных» или «отрицательных» ключевых слов, сколько оценивая с этой позиции весь материал. Впрочем, сделать это также нелегко: тексты, как правило, *не так часто содержат открытые*, явно выраженные оценки, намерения автора. Чаще всего то или иное отношение присутствует в тексте в *неявной скрытой форме*, «уловить» которое с помощью контент-анализа практически невозможно. В этом случае говорят об *общем оценочном контексте*, восприятие которого исследователем как положительного, нейтрального или отрицательного производится с помощью традиционного анализа.

Социолог может количественно, т.е. через контент-анализ, определить одну из граней отношения коммуникатора к представленному в тексте явлению: *модальность сообщения*. Под модальностью здесь понимается *целевая установка* текста, его отношение к реальности. Так, отношение к реформе школьного образования может быть выражено *разной модальностью* (в тексте это – различные ключевые слова). Присутствие в тексте слов «необходима», «обязательна» говорит об одной модальности текста, «выдавая» позицию автора. Наличие в тексте других слов: «возможна», «стоит попробовать» свидетельствует о более осторожной позиции автора относительно реформы школьного образования или отдельных ее аспектов.

Спектр различных модальностей достаточно широк: это и *разрешение или запрет* («запрещено», «допустимо», «разрешено», «нельзя допускать» и т.д.), и *долженствование* («обязан», «должен», «входит в обязанность», «святой долг каждого», «не обязан» и т.д.), и *желательность* («следовало бы», «было бы хорошо», «имело бы смысл» и т.д.), и *побуждение к действию* («мы должны разобраться», «надо освоить», «давайте подумаем вместе» и т.д.).

Анализ модальности текста можно дополнить анализом *характера сообщения*: прямого или косвенного. *Прямое* сообщение предполагает текст, идущий от имени автора, либо ссылку на реальные факты. В *косвенном* – делается ссылка на источник мнения. Здесь автор как будто снимает с себя ответственность за сказанное, предоставляя читателю самому решать, прав ли автор высказывания или нет.

Например, суждение: «В последние 2-3 года наметилось некоторое оживление экономики» – пример *прямого характера* текста. При *косвенном характере* это сообщение выглядело бы так: «По мнению правительства, в последние 2-3 года наметилось некоторое оживление экономики».

Третий тип контент-анализа – это *анализ по элементам*. Элементами, как правило, выступают сцены в фильме, фотографии к статьям, песни в радиопрограмме и т.д. Здесь выделяются *главные* и *второстепенные* материалы. Так, анализ содержания фотографий, расположенных на первых и последних страницах той или иной газеты, мог бы говорить о ее предпочтениях относительно конкретных социальных групп, представители которых изображены на фотографиях. В этом плане обязательность фотографий рабочих на первых страницах наиболее *покупаемых советских газет* «Правда», «Комсомольская правда», «Известия» демонстрировала их лояльность к идеологии пролетарского государства.

Еще один тип контент-анализа – тематический анализ материалов газеты. Он предполагает определение исследователем всего «многоцветья» явных и скрытых тем, выделение *крупных классов* этих тем, подсчет частоты их представленности на страницах газеты.

Еще два типа анализа, встречающиеся достаточно редко, это структурный, направленный на анализ взаимоотношения различных тем, и такой же, ориентированный

на изучение взаимоотношений *различного рода материалов* с целью достижения единой цели. Оба этих анализа используются для анализа пропагандистских кампаний.

В целом контент-анализ рекомендуется использовать в том случае, когда исследователь имеет дело с *большим количеством информации*, которую с помощью традиционного анализа невозможно охватить. Обращение к этому виду анализа документов целесообразно и тогда, когда требуется *достаточно достоверное знание* о социальных явлениях или процессах. Не случайно результаты контент-анализа могут рассматриваться в судебном разбирательстве по тому или иному делу в качестве доказательства.

Вместе с тем сегодня к контент-анализу как «выразителю» идеологии количественного подхода есть и принципиальные претензии. В последние десятилетия все больше осознается, что текст следует рассматривать в качестве социального объекта, *взаимодействующего со своей аудиторией*. Это означает, что *вне социального контекста* отдельные высказывания или даже тексты могут иметь *неопределенное значение*, либо восприниматься как бессмыслица. Следовательно, с этих позиций для социального анализа недостаточно изучение сообщения *самого по себе без учета взаимных ориентаций участников* коммуникативного процесса и социального контекста, как это делается в контент-анализе. *Базовое допущение* этого вида анализа о существовании *однозначного объективного смысла текста*, который достаточно просто может быть восстановлен из него самого, начинает казаться сомнительным.

2.3. Анализ статистической информации

Всевозможные сборники, содержащие уже статистические обработанные данные, т.е. представленные количественно, – прекрасный источник информации в классическом социологическом исследовании. Это могут быть *офи-*

циальные документы, выпускаемые органами государственной статистики на федеральном и региональном уровнях. Это могут быть также отчеты, подготовленные крупными производственными и общественными организациями для собственных нужд, а также для нужд вышестоящих управленческих структур. Источниками статистической информации могут быть и различные справочники, биографические издания, словари и т.д.

Как правило, такого рода информация используется социологом для подтверждения выдвинутых теоретических гипотез в том случае, если в гипотезе представлены те переменные, которые содержатся в статистических данных. Вместе с тем понятно, что статистическая информация, как правило, собирается, «упаковывается» в определенные группы, классы для целей, *далеких от целей социолога*.

В таком случае социолог может использовать так называемый *вторичный анализ* статистической информации. Он представляет собой рассмотрение этой информации *под углом зрения* исследователя, в контексте его познавательных задач. Фактически это *повторный анализ* одной и той же информации, сделанный *другим* исследователем для *других* целей. Иногда такой анализ может сопровождаться *перегруппировкой* представленного материала по *другим* основаниям, также находящегося в документе, и важного для подтверждения (или неподтверждения) выдвинутой исследователем гипотезы. Искусство вторичного анализа официальных документов – довольно сложное, требующее от социолога сочетания трудно сочетаемого: изобретательности и строгости, точности.

2.4. Информативно-целевой анализ текстов

В последние годы российским исследователем Т.Дридзе был разработан еще один вид формализованного анализа, правда, только текстовой информации – *информа-*

тивно-целевой. В рамках этого подхода текст рассматривается как *целостная иерархическая содержательно-смысловая структура*, объединенная авторским замыслом (*коммуникативным намерением*). Это объединение функционально, т.е. ориентировано на достижение конкретной цели общения.¹¹¹

Основная задача этого метода состоит в том, чтобы оценить конкретный текст с точки зрения его *первичной и вторичной информативности*. Здесь *первичная информативность* характеризуется не абсолютным количеством информации в тексте, но лишь той ее частью, которая станет достоянием реципиента (т.е. человека, воспринимающего информацию). Первичная информативность описывает потенциальную способность конкретного текста *донести замысел, основное коммуникативное намерение* автора до потребителя.

Вторичная информативность понимается как потенциальная способность конкретного текста служить источником тех сведений, которые ищет читатель, не задумываясь о *целях порождения* автором этого текста. Как правило, читатели находят много полезного, интересного в тексте «поверх» или вопреки коммуникативным намерениям автора. Это означает, что первичная и вторичная информативности чаще всего не совпадают друг с другом, создавая «смысловые ножницы».

Социолог, приступая к анализу текстов, исходя из *своих исследовательских задач*, тоже рассчитывает на *вторичную информативность*: преобладающее большинство документов, циркулирующих в обществе, не создается для социолога, для целей научного анализа, у их авторов – свои собственные коммуникативные замыслы, далекие от интересов социологии.

¹¹¹ Подробно см.: Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 2. М.: Наука, 1990.

В этом случае информативно-целевой анализ *больших текстовых разноплановых массивов ориентирован на изучение содержания с целью выявления, сопоставления, систематизации и сведения в системы данных о социальных явлениях или процессах. Здесь конкретный текст признается информативным в той мере, в какой в его содержании обнаруживаются сведения, соответствующие целям исследования.*

В этом своем варианте информативно-целевой анализ соединяет в себе элементы *дедуктивного* анализа (контент-анализ), *индуктивного*, где исследователь идет от текста, и *информационного*, когда извлеченные из текста индикаторы смысловых единиц «ставятся в жесткие координаты существующих между ними семантических отношений»¹¹².

Для оценки *первичной информативности* текста исследователь анализирует *макро- и микроструктуры* текста, где *макроструктура* – это иерархия разнопорядковых смысловых блоков, а *микроструктура* – набор внутритекстовых связей между опорными смысловыми узлами текста (фактами), которые образуют *логико-фактологическую цепочку*, на основании которой рассчитывается гипотетический *коэффициент информативности*.¹¹³ По величине этого коэффициента судят об уровне первичной информативности текста: при максимальном значении его ($K=1$) текст в высшей степени информативен, т.е. воспринимается реципиентом (или, точнее, будет восприниматься) максимально адекватно цели коммуникации. В целом, чем «дальше» этот коэффициент от единицы, тем в меньшей степени он будет адекватно восприниматься.

¹¹² Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн. 2. М.: Наука, 1990. С.102.

¹¹³ Он рассчитывается как отношение синтаксем, составляющих логико-фактологическую цепочку, к общему количеству синтаксем в тексте.

Оценка первичной информативности текста помогает сделать ряд практически важных операций:

внести изменения в текст таким образом, чтобы лингвистический его план (языковые средства), логика развертывания в наибольшей степени соответствовали содержательно-смысловой структуре, т.е. коммуникативным намерениям коммуникатора;

сократить (сжать) текст, снять его избыточность без устранения смысловых узлов.

В социологии оценка первичной информативности может быть использована в *методических целях*. В частности, И.П.Киселева проводила такой анализ текстов интервью с путеводителем, которые использовала на разведывательной стадии исследования: успех взаимодействия интервьюера и респондента и на этом этапе зависит в значительной мере от того, насколько адекватны друг другу «фокусы вопросов и ответов».¹¹⁴

Информативно-целевой анализ здесь выступает средством обнаружения и устранения «смысловых ножниц» между *порождением* текста и его *восприятием респондентом*. Анализ макро- и микроструктуры восьми интервью, расчет коэффициентов информативности каждого из них позволил оценить *качество формулировок вопросов* с точки зрения их соответствия целям исследования (коммуникативного замысла исследователя). Это, в свою очередь, дало возможность определить *лучшие из них*, т.е. такие, при которых соответствие вопросов и ответов на них оказалось *максимально полным*. Понятно, что использование таких формулировок в тексте интервью сослужит наибольшую пользу исследователю.

¹¹⁴ Подробно см.: Киселева И.П. Информативно-целевой анализ текста свободного интервью // Социологический журнал. 1994. №3.

2.5. Проблема надежности документальной информации

Классическая парадигма социологического исследования с ее нацеленностью на достоверное знание всегда ставит этот важный вопрос: насколько надежна документальная информация, насколько ей можно доверять?

Прежде всего, качество получаемой таким методом информации зависит от *надежности ее источника*. Как оценить ее? Считается, что *первичные* документы, содержащие информацию «из первых рук» (дневники, тексты интервью), всегда *надежнее вторичных*, «перекраивающих», «перемалывающих» первичную информацию для целей анализа (отчеты по исследованию, материалы государственной статистики и т.д.). При использовании вторичных документов полезно знать *цель их написания*, чтобы представить себе степень их надежности. Так, отчет о деятельности организации, представленный в вышестоящие органы (речь идет о государственных организациях), как правило, не очень надежный документ, т.к. реализует установки администрации «выглядеть лучше», «не выносить сор из избы». В то же время отчет о деятельности подразделений, подготовленный для «*внутреннего использования*», для реального анализа ситуации заведомо более надежен. Исследователю, использующему вторичные документы, необходимо представлять себе *и ситуацию подготовки документа*, чтобы определить меру его надежности: кто готовил документы, откуда, из каких источников брались первичные данные; каким методом осуществлялся их сбор и т.д. *Наиболее надежными* являются документы, подготовленные независимыми экспертами: социологами, финансовыми аналитиками и т.д.

Особенное значение это требование имеет применительно к официальным личным документам: книгам, газетным статьям, мемуарам. Знание ситуации, при которой

готовился официальный документ, помогает оценить меру возможного смещения, отделить «ритуальные» пассажи, диктуемые социальным контекстом, от «истинной» информации, соответствующей мнениям автора.

Данные формализованных интервью или Карточек наблюдения считаются надежными, если они выполнены в соответствии со всеми требованиями, предъявляемыми к ним: шкалы проверены на обоснованность и устойчивость данных, а Карточки наблюдения являются результатом контролируемого (самого надежного) вида наблюдения.

Анализируя тексты личных документов (дневников, мемуаров, писем), полезно помнить, что *фактуальная информация* всегда более надежна, чем *оценочная*. Кроме того, видимо, более достоверны те детали, которые автор считает *несущественными*, неважными.

3. Анализ документов в качественной парадигме социологического исследования

3.1. Традиция изучения «человеческих документов»

В качественном социологическом исследовании могут использоваться *любые документы*. В то же время особой любовью здесь пользуются личные и особенно так называемые «человеческие документы» как особая их разновидность: письма, дневники, воспоминания, автобиографии и т.д.

К документам такого рода следует отнести такие, где человек «сам рукой водит», т.е. не пропущенные сквозь чью-либо интерпретацию, «*живые*». Транскрипт интервью, тоже личный документ, с этой позиции не может быть отнесен к «человеческим документам» по той причине, что «прошел» сквозь стадию транскрибирования, т.е. опреде-

ленной обработки и потому неизбежной интерпретации «живого» языка интервью. Мы помним, что многие связывают само возникновение качественного подхода с анализом писем польских эмигрантов, проведенного У. Томасом и Ф. Знанецки в своем знаменитом «Польском крестьянине».

Новый всплеск интереса к личным и особенно «человеческим документам» происходит в 80-е годы. В этот период начинает остро осознаваться *плюральность социальной жизни*, разнообразие ее форм, традиций, жизненных стилей, языковых игр. Новая культурная и познавательная ситуация в гуманитарном познании побуждает обратить внимание исследователей на «цветущую сложность культуры», когда рядом с вполне современными *модернистскими* формами жизни соседствуют *немодернистские, традиционные*, столь же ценные и важные и отнюдь не должны «отмирать», уступив место современным. В рамках такого умонастроения среди социологов возникает мощная потребность «восстановить» неведомую, замалчиваемую историю, «дать голос» «маленьким людям», чьи «наивные» тексты «забывались» «большими нарративами», создаваемыми учеными, политиками, интеллектуалами в целом.

Внимание к таким документам стало своего рода знаком эпохи и превратилось в *особую традицию* использования метода анализа документальной информации.

Погружение в «человеческие документы» дает возможность исследователю проникнуть в «незаметность» повседневной жизни «простого человека», в которую так или иначе «вписана» история, понять *социальный контекст* одной-единственной человеческой судьбы: события, «правила игры», идеологемы, представления и ожидания. Понять этот «социальный фон» социолог может, используя так называемые *реалистический и нарративные подходы*

(мы об этом говорили в теме 4 части I). Кроме того, очень важное значение здесь имеет и *анализ языка текста*. Язык пишущего – это выражение и производство его статуса, его «места» в социальной структуре, характеристика его символического капитала¹¹⁵.

Как правило, «документы жизни» анализируются методом традиционного (качественного) анализа, «внимательного взглядывания». Результатом такого изучения чаще всего выступает комментарий, в котором теоретические понятия «переплетены» с метафорами, аналогиями, фрагментами «живого» текста.

Сами по себе эти «документы жизни» достаточно разнородны. *Одни из них написаны* на «нелитературном языке», без точек и запятых, с орфографическими и стилистическими «ошибками». Это так называемое «ручное», «наивное» письмо. Отрывок из такой «книги жизни», написанной женщиной «из народа», крестьянкой с пятью классами образования Е.Киселевой (эту рукопись анализировала Н.Козлова), мы приводили в теме 4 первой части. Чтение таких текстов большей частью подобно переходу в «мир ипой», не похожий на мир литературного языка, субъектности и рационального мышления, в котором привык жить интеллеktуал. Это тексты, в которых ощущается присутствие живого тела и живого голоса.

В других – сплошные клише, как будто в человека заложена машинка, которая пишет «за него». Самые уникальные события своей жизни здесь описываются одинаковым официальным, «газетным» языком. В третьих текстах обе эти разновидности письма смешаны, переплавлены, дополняя и конкурируя друг с другом.

Особый интерес для социологов представляют такие «человеческие документы», которые люди ведут всю

¹¹⁵ Козлова Н., Сандомирская И. «Наивное письмо» и производители нормы // Вопросы социологии. 1996. Выпуск 7.

жизнь: меняется сам пишущий, и вместе с ним меняется и язык текста – ручное «самодельное» письмо постепенно превращается в «нормальный», литературный язык.

3.2. Аналитическая индукция и «grounded theory» (обоснованная теория) как способы обработки информации в качественном исследовании

В качественном исследовании, ориентированном на производство *теоретического знания* (мини-концепции), для обработки документальной информации могут использоваться методы «grounded theory» и «аналитической индукции». О технологии осуществления «grounded theory» мы уже говорили в теме 2 части 2. Там обоснованная теория рассматривалась прежде всего как *особый тип* качественного социологического исследования, предполагающий специфическую *организацию сбора и анализа* полученной информации.¹¹⁶ Между тем «обоснованная теория» – это и *определенный способ обработки уже готовой собранной информации*, содержащейся в документах – транскриптах интервью. Пример, приводимый в этой теме из нашего исследования, демонстрирует эту возможность «grounded theory».

Метод аналитической индукции направлен на описание «процесса разработки и верификации гипотез и определения новых понятий в качественном исследовании.»¹¹⁷ Мы уже говорили ранее, что в качественном исследовании реализуется *индуктивная логика* получения знания: *от частного* – конкретной первичной информации, содер-

¹¹⁶ Впрочем, А.Страусс рассматривает “grounded theory” в более широком значении – как *особый стиль* проведения *любого* качественного исследования.

¹¹⁷ Ключкина О.Б. Построение теории на основе качественных данных // Социс. 2000 . № 10. С. 93.

жащейся в документе, к *общему* – мини-теории, общей для некоторой совокупности случаев (в нашем случае документов). Одним из вариантов ее и является аналитическая индукция как *определенная логика получения* теоретического знания из частных случаев, «сырых данных».

Кратко эту логику можно проиллюстрировать следующим образом.

Есть некоторый набор случаев (документов транскриптов интервью), например, А, В, С, D, E, F. Берем документ А и изучаем его характеристики. Ему присущи признаки Р, R, S. Кратко это можно записать так: А (Р, R, S). Исследуем другие документы таким же образом:

В (Q, R, S),

С (Q, P, S),

D (K, R, S),

E (K, P, S),

F (K, Q, S).

Сравнивая эти случаи (документы), можно сделать вывод: общим и повторяющимся будет признак S. Остальные признаки либо специфичны только для отдельного случая, либо исследователь не сумел выделить нечто существенное, что объединяло бы эти разные признаки. Во втором случае, а у нас – именно он для признаков К, Р, Q, R, ищутся обобщающие их объяснения, которые могли бы быть применимы для каждого случая из исследуемых. В конечном итоге вывод может быть следующим: для существования феномена N необходимым и достаточным является наличие признака S и *любых других, общих для изучаемых случаев*. Отсутствие этих признаков свидетельствует и об отсутствии самого феномена.

Метод аналитической индукции, таким образом, направлен на выявление *типического, общего* для совокупности изучаемых элементов. Американский социолог Д.Тернер назвал эту логическую процедуру *поиском уни-*

версального, т.е. эмпирически установленных *общих причин*, основанном на тщательном изучении каждого из отобранных случаев.

Впервые аналитическая индукция подробно была описана американским исследователем У.Робинзоном, где он выделял шесть этапов:

- 1) приблизительное определение изучаемого феномена;
- 2) формулирование гипотез, его объясняющих;
- 3) исследование *одного* случая с целью определения соответствия гипотезы реальным данным;
- 4) пересмотр гипотезы, если она не соответствует данным, либо переосмысление самого феномена, либо исключение случая как не соответствующего изучаемому явлению.
- 5) исследование нескольких случаев, чтобы была достигнута некоторая определенность.

В качестве шестого этапа Робинзоном была выдвинута идея необходимости продолжения анализа случая до тех пор, пока не будут установлены достаточно надежно «универсальные взаимосвязи».

Таким образом, в этой процедуре зафиксированы две важнейшие процедуры, характерные для *качественного исследования*:

- пересмотр гипотезы, если имеются данные, противоречащие ей;
- возможность изменения *самого определения* изучаемого феномена.

3.3. Специфические методы обработки документальной информации

В качественном исследовании для поиска типических паттернов (образцов) поведения и сознания, а также их интерпретации на *теоретическом* языке могут использоваться достаточно разнообразные методы. Л.Ньюман вы-

деляет пять из них: иллюстративный, поступательную аппроксимацию, аналитическое сравнение (техники согласия и различия), анализ доменов и построение идеальных типов.

Иллюстративный метод используется для того, чтобы проиллюстрировать или «привязать» теорию. При помощи такого метода исследователь примеривает теорию к конкретной социальной ситуации или организует данные, содержащиеся в документах в соответствии с предшествующей теорией. Существовавшая ранее теория предоставляет «открытые ящики» (белые пятна), а исследователь смотрит, в какой мере информация, содержащаяся в документах, может заполнить эти «ящики». Эта новая информация подтверждает или не подтверждает теорию, которую исследователь использует как инструмент для интерпретации изучаемых документов.

Поступательная аппроксимация предполагает возобновляемые итерации (повторения) или циклические возвраты при прохождении шаг за шагом сквозь текстовую информацию к результату – мини-концепции. Социолог начинает с исследовательских вопросов, а также с некоторых предположений (гипотез). Затем он апробирует их на данных, содержащихся в первых документах массива. Это позволяет увидеть, насколько предварительная гипотеза соответствует данным, раскрывает их характеристики. При несоответствии создается новая гипотеза, в большей степени соответствующая текстовой информации.

Затем исследователь анализирует следующий документ, чтобы проверить уточненную гипотезу на предмет ее соответствия данным второго документа. На этой стадии все повторяется сначала. Гипотеза может уточняться или быть отброшенной вовсе. Тогда исследователь формулирует новую гипотезу. На каждой такой стадии «свидетельства и теория оформляют друг друга». Этот процесс называется аппроксимацией, сближением, так как «моди-

фицированные концепции приближаются к более полным свидетельствам и модифицируются снова и снова, пока постепенно не становятся более аккуратными»¹¹⁷. Каждое прохождение через «сырые данные» здесь принципиально *предварительно и неполно*, выступает лишь этапом в циклическом движении к адекватной миниконцепции.

Логические процедуры *согласия и различия*, составляющие суть *метода аналитического сравнения*, были разработаны английским философом Дж. Ст. Миллем как возможные логические основания эксперимента (логика «единственного различия» и «единственного сходства»). Вместе с тем они могут успешно применяться и при анализе информации в качественном исследовании. В отличие от иллюстративного метода, где нужно в готовой теории только заполнить «пустые ящики», исследователь здесь в полном соответствии с логикой качественного подхода ищет повторяющиеся образцы «внизу», в текстовой информации, чтобы противопоставить их альтернативным объяснениям и *теоретически описать*.

Используя *логический прием согласия*, социолог акцентирует свое внимание на том, что является *сходным* во всех текстах. Он устанавливает *тождественный результат*, а затем пытается найти общие черты, которые можно было бы квалифицировать как *причины*. При этом типические черты ищутся путем исключения (элиминирования) тех возможных причин, которые не являются общими для всех анализируемых текстов. Затем те сходные моменты, которые могут быть причинами одинакового результата, могут объединяться в *более общие термины*. Смысл такой логики заключается в том, чтобы доказать, что в изучаемых документах, несмотря на некоторые различия, есть сходные типические черты, которые могут быть квали-

¹¹⁷Newman L.W. Social Research methods. Qualitative and Quantitative Approaches. Allan and Bacon, 1994, p.419.

фицированы социологом как некоторые *причины и их следствия* (результаты).

Логический прием различия состоит в том, что социолог классифицирует документы как по сходным чертам, так и по противоречащим им. При этом он фиксирует как тождественные причины и результаты в документах, так и ищет сходства (общие причины и результаты) в *альтернативных случаях*. Определенная симметрия в анализируемых документах в этой логике усиливает доказательность предположительной гипотезы. Обобщения, получаемые с помощью такой логики (в том числе и логики согласия), не носят универсального характера, то есть не являются законом, но тем не менее теоретически описывают явление в *определенном социальном контексте* (время, место, условия).

Например, в одних транскриптах нарративного интервью с жителями Самары трудоспособного возраста в конце 90-х годов мы фиксируем высокий уровень образования и высокую ценность работы в сочетании с достаточно высоким уровнем материального достатка. В другой совокупности текстов мы отмечаем низкий уровень образования в сочетании с другим набором ценностных ориентаций и низким материальным статусом. В итоге мы можем сделать обобщение: уровень образования, а также характер ценностных ориентаций являются факторами, определяющими успешность или неуспешность экономического поведения трудоспособного населения Самары в конце 90-х годов.

Анализ доменов как метод обработки информации в качественном исследовании был разработан американским исследователем Дж. Спрэдди. Доменом Спрэдди называет *единицу культурного окружения*, организующую концепцию. Домены включают в себя три части: *покрывающий термин* или фразу, *семантическое отношение* и *включенный термин*. *Покрывающий термин* – это просто назва-

ние домена. Включенные термины – это подтипы или части доменов. Семантическое отношение показывает, каким образом включенный термин *логически встраивается внутрь домена*. В качестве семантического отношения могут быть использованы такие суждения: «такой стиль жизни, как», «человек подобного рода», «товары этого вида» и т. д.

Л. Ньюман как пример домена приводит исследование В. Зелицер, которая изучала изменение ценности «дети» в американском обществе, анализируя документы, так или иначе относящиеся к детской смертности в конце XIX века. В этом исследовании в качестве домена выступало отношение к детской смертности (покрывающее суждение). Суждения о различных представлениях по поводу этого явления, которые были обнаружены в текстах, – это включенные термины. Семантическое отношение здесь, включающее эти термины в домен, «является примером чего-либо». Такого рода домены называются *аналитическими*: покрывающие термины здесь «идут от исследователя», из его предварительных гипотез, предзнания в целом. Они – *конструкция исследователя*, пытающегося таким образом структурировать анализируемый текст. В то время покрывающий термин «вырастает из текста», соответствует ему.

Исследователь, использующий этот метод, «продвигаясь по тексту», создает *аналитические заметки*, из которых потом и черпает покрывающие термины, формируя домены. После того как домены созданы, осуществляется организация доменов путем установления различия и сходства между ними. Исследователь затем объединяет домены, где это возможно, в *типы* как более общую конструкцию, куда домены входят уже в качестве включенных терминов. Так происходит *индуктивное восхождение от «сырых данных» к некоторым обобщающим категориям*, к построению типологии социального явления, «вырастающей» из текстовой информации.

Метод идеальных типов, предложенный М. Вебером, предполагает использование *моделей*, ментальных образований, описывающих то или иное социальное явление в качестве базы для сравнения с «живой» социальной реальностью. Модель представляет собой «чистый» образец, идеальную умозрительную конструкцию, созданную исследователем. Сравнение ее с конкретным «случаем», как правило, далеким от идеала, помогает исследователю понять специфические черты изучаемого объекта, его «особость», увидеть сходство или различие с подобными явлениями, подчеркнуть уникальность контекста. В этом смысле идеальный тип выступает своеобразным инструментом, организующим текстовую информацию в определенном направлении для реконструкции социального явления.

Ключевые слова

Документ, виды документов, традиционный анализ, контент-анализ, информативно-целевой анализ, смысловая единица анализа, единица счета, классификатор, коэффициент информативности, «человеческие документы», аналитическая индукция, пересмотр гипотезы, сравнение.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. Как понимается термин «документ» в социологии?
2. Опишите основания для классификации видов документов.
3. Что такое «человеческие документы»?
4. Какие виды анализа документальной информации используются в классическом социологическом исследовании?
5. Что такое традиционный анализ документов?

6. Опишите основные понятия контент-анализа.
7. Как обрабатывается информация в контент-анализе?
8. Опишите сущность и назначение информативно-целевого анализа документов.
9. Опишите условия появления интереса к «человеческим документам».
10. Опишите алгоритм обработки документальной информации в логике «grounded theory».
11. В чем состоит основная идея метода аналитической индукции?
12. Опишите основные этапы этой логики.
13. Опишите основную идею поступательной аппроксимации.
14. В чем особенности метода аналитического сравнения?
15. Как используется метод анализа доменов при обработке текстовой информации?

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. Исупова О.Г. Различные подходы к анализу текстов и возможность их применения в социологических исследованиях // *Методология и методы социологических исследований*. Программа магистерского обучения. М., 1996.
2. Козлова Н. Документ жизни: опыт социологического чтения // *Sociologos'96*.
3. Козлова Н., Сандомирская И. «Наивное письмо» и производители нормы // *Вопросы социологии*, 1996. Вып.7.
4. Киблицкая М. Дневники как метод гендерной социологии: стратегии выживания одиноких матерей // *Женщина не существует: современные исследования полового различия*. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1999.
5. Ключкина О.Б. Построение теории на основе качественных данных // *Социс*. 2000. №10.
6. Малышева М. Способы кодирования и анализа качественных данных // *Возможности использования качественной*

методологии в гендерных исследованиях. Материалы семинара. М; 1997.

7. Методы сбора информации в социологических исследованиях. Кн.2. М.: Наука, 1990.

8. Рябинская Н.с. Текст и социальная структура // Социологический журнал. 2000. №3/4.

9. Татарова Г. Методология анализа данных в социологии. М: Издат. дом «Стратегия», 1998.

10. Чураков А.Н. Компьютерный контент-анализ. М.. Инстит социологии РАН, 1996.

11. Ярская-Смирнова Е. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов, 1997.

12. Ярская-Смирнова Е. Социальное пространство глухоты: анализ кинорепрезентации // Трансформация социального пространства в посткоммунистических странах и новые подходы в социальных науках: Тезисы докладов Международной научной конференции. 25-27 сентября 1998 г. Самара, 1998.

13. Neuman L. W. Social methods. Quantitative and Qualitative approaches. Allan and Bacon, 1994.

14. Silverman D. Doing qualitative research. A practical Hand book. Sage Publications. London. Thouthand Oaks. New Delhi, 2000.

15. Strauss Anselm L. Qualitative Analysis for social scientists. Cambridge, University Press, 1987.

**КАЧЕСТВЕННЫЙ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ ПОДХОДЫ:
ВОЗМОЖНОСТИ СОЧЕТАНИЯ В ОДНОМ
ОТДЕЛЬНО ВЗЯТОМ ИССЛЕДОВАНИИ**

Черное и белое –
Только не горелое.
Детская считалка

1. Соотношение подходов

Эта тема является своеобразным итогом нашего разговора о качественном и количественном подходах в социологическом исследовании. Мы более или менее подробно рассмотрели теоретические предпосылки становления каждого из них, описали их сущностные черты, основные типы и свойственные им исследовательские стратегии, познакомились со спецификой методов интервью, наблюдения и анализа документов в каждой из этих парадигм. Теперь «законным образом» встает вопрос: «Как сочетаются эти два подхода, и возможно ли это сочетание вообще?» Сегодня можно выделить, по меньшей мере, четыре позиции социологов по этой проблеме.

Первая, назовем ее *радикалистской позицией*, разделяется прежде всего методологами: З.Бауманом, Ж.Габриулом, Дж.Холстейном и др. Она состоит в том, что эти две социологии, «взаимоотношения которых воспроизводят пропасть, разделяющую законодательный и интерпрета-

тивный разум, *нельзя примирить*»¹¹⁸. Законодательный разум здесь – методология классического социологического исследования, в рамках которой исследователь – «востроглазый обществовед» производит закон, единственно верную истину для всех остальных людей, «сборища невежд» здесь.

Интерпретативный разум – это методология качественного исследования, где в режиме диалога на равных рождается множественность толкований социальной реальности.¹¹⁹ Интерпретативный разум, по З.Бауману, это разум, который отказывается законодательствовать.

В своей наиболее радикальной версии в рамках этой позиции считается, что вместе с «медленным разложением модернистского проекта» должна уйти со сцены и классическая социология (законодательный разум), как ошибочная, устаревшая, уступая место качественной социологии (интерпретативному разуму). Здесь отношения между этими социологиями – *отношения исторической последовательности*: сначала – потом. Эта версия справедливо вызывает возражения: пришествие эпохи «постмодернизма» вовсе не означает, что «модернистские» социологические практики «уйдут со сцены».

Более умеренная форма этой позиции состоит в том, что принципиально полярные социологии существуют все же *синхронно, параллельно*, но вес качественных исследовательских практик будет возрастать как более соответствующих «духу времени».

Фактически такая позиция достаточно жестко или в мягкой форме рассматривает эти два подхода в терминах «лучше-хуже».

¹¹⁸ Бауман Зигмунт. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. 1992. Т.1. №2. С.14.

¹¹⁹ В целом законодательный и интерпретативный разум по З.Бауману, более широкие понятия, соответствующие методологии классического и неклассического гуманитарного знания.

Вторая позиция, назовем ее *экзистенциалистской*, заключается в том, что каждая из этих парадигм имеет свой *спектр познавательных возможностей, свои достоинства и недостатки* и потому не может быть оценена по шкале «лучше – хуже». Главный пафос такой позиции в том, что «не существует критериев, которые бы позволили окончательно доказать превосходство» одного подхода над другим. Вопрос о том, «к какому знанию мы стремимся, ... есть экзистенциальный выбор»¹²⁰ исследователя.

Третья позиция, назовем ее *прагматической*, является в некотором смысле продолжением второй и разделяется прежде всего социологами, имеющими *значительный опыт эмпирических исследований*. В западной социологии это Д.Силверман, К.Панч, К.Риссман и другие, в российской социологии – О.М.Маслова, В.Б.Якубович, Г.Г.Татарова, Ю.Н.Толстова и др. Она заключается в том, что каждая из этих парадигм имеет *свою «зону релевантности»*, т.е. *область исследовательских задач*, где использование конкретного подхода является наиболее эффективным или может быть единственно возможным. Выбор того или иного подхода определяет *сам исследователь*, руководствуясь целями и задачами своего исследовательского проекта.

Каковы же эти «зоны релевантности» для каждой из анализируемых нами парадигм? Фрагментарно мы так или иначе уже говорили об этом. Здесь лишь в компактном виде постараемся еще раз «собрать все».

Итак, считается, что *классический* подход необходимо использовать в такой исследовательской ситуации, где требуется определить меру:

- выраженности, распространенности того или иного *социального свойства* в изучаемой социальной общности;

¹²⁰ Монсон Пер. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М.: Весь мир, 1995. С.13.

представленности *отдельных элементов изучаемого* социального явления или процесса, т.е. описать количественно его структуру;

- представленности *типов изучаемого явления* в той или иной социальной группе;

а также взаимосвязь между социальными признаками, ее тесноту и направленность.

При этом мы уже говорили, что этот класс исследовательских задач может быть реализован в рамках классического подхода, если в распоряжении исследователя *есть теоретическое описание* изучаемого явления или процесса (их может быть несколько); только в этом случае возможна эмпирическая интерпретация, осуществление эмпирического исследования в целом. Это означает, что в рамках этой парадигмы могут быть исследованы только *относительно изученные, теоретически осмысленные социальные явления*, при этом их теоретическое описание удовлетворяет исследователя.

Качественный подход в наибольшей степени соответствует такой исследовательской ситуации, когда:

- изучается *малоизученное* или *вовсе новое*, неизученное явление, т.е. когда отсутствует его теоретическое описание или исследователя не устраивает имеющееся;

- необходимо изучить социальный объект в его *изменчивости во времени*;

- а также уникальное явление в его целостности и неповторимости.

Еще одна позиция, назовем ее *узкоэмпиристской*, если ее упростить, сводится к тому, что различия между качественным и классическим подходом не столь уж велики. социологи издавна используют самые различные методы. Поэтому сама дискуссия об этих подходах носит надуманный характер и непродуктивна.

Наиболее популярна в социологическом сообществе сегодня *прагматическая* позиция, которая, признавая «осо-

бость» каждого из этих подходов, тем не менее не водружает между ними «китайской стены». Сторонники этой точки зрения полагают, что применительно к *отдельно взятому исследованию* возможно сочетание этих подходов, если это обуславливается целями и задачами исследовательского проекта. Введенные авторами этой точки зрения новые для социологии словосочетания: «принцип дополнительности», «метод золотой середины», говорят именно об этом. В рамках такой позиции отвергается все еще распространенная среди российских социологов точка зрения, что качественный подход (и, соответственно, «мягкие» методы) может выступать *только вспомогательным средством*: или в качестве разведывательного этапа *до осуществления основного классического*, или в качестве уточняющего, детализирующего, *после* него.

Конечно, в рамках разведывательного этапа традиционного социологического исследования, действительно, чаще всего используются «мягкие» методы: свободное интервью, включенное наблюдение и т.д. Но вряд ли разведывательный этап, необходимый для производства «хорошего» исследования, можно назвать качественным: мы уже говорили, что здесь не производится полноценного знания. Его задача – быть вечным «предзнанием», «до того знанием»: отрефлексированные здесь проблемы и предмет исследования не имеют самостоятельного статуса.

Еще раз подчеркнем, что идея взаимосвязи этих двух парадигм в едином исследовательском цикле предполагает их *равнозначное «сосуществование»*, равный вес и значимость исследовательских задач, которые решаются в их рамках.

Как возможно сочетание этих парадигм? Какие организационные, логические очертания оно принимает? Социологическая практика показывает, что возможно, по меньшей мере, два вида сочетания:

- качественные и количественные методы используются *параллельно*;

- качественные и количественные методы используются *последовательно на разных этапах* социологического исследования.

2. Параллельное использование качественного и количественного подходов

Для такого «параллельного» сочетания характерно изучение *различных срезов одного и того же предмета исследования*. Это различные методологические фокусы исследовательского интереса. Они могут «накладываться, соединяться и перекликаться в процессе познания». ¹²¹ Т.Шанин для такого сочетания парадигм в одном отдельно взятом исследовании вводит термин «интерфейс». Он полагает, что близкие термины «связь», «взаимодействие», подчеркивая единство поля исследования, тем не менее не отражают принципиальной разнородности качественного и количественного фокусов исследования.

Блестящим использованием такого «интерфейса» было исследование российского крестьянства под его руководством, о котором мы уже говорили ранее (тема 4, часть 1). В нем, например, в рамках *классической методологии* проводились бюджетные обследования домохозяйств ¹²² анализ доходов и расходов, вобравшие в себя традицию сельских статистических бюджетных исследований. Такие ис-

¹²¹ Шанин Теодор. Методология двойной рефлексивности в исследовании современной российской деревни // Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С.328.

¹²² Домохозяйство в исследовании рассматривалось как семейная единица производства.

следования проводились еще в 20-е годы в рамках ЦСУ и Тимирязевской академии и связаны с именами А.В.Чаянова, В.С.Немчинова и др. В исследовании под руководством Т.Шанина чаяновские таблицы были скорректированы, и с их помощью собирались *количественные данные* о балансах семейного производства, об инвестициях, комбинировании натуральных и денежных ресурсов.

Параллельно с этим в этих же семьях шел сбор качественных данных о стратегиях материального обеспечения, планах производства, использовании труда, материальных ресурсов и денег, а также бартера и неэквивалентного обмена в рамках сети взаимопомощи родственников и соседей.

Такое сочетание двух полярных методологических подходов применительно к одному и тому же предмету исследования дало возможность соотнести «сухие» цифры доходов и расходов с *субъективно значимыми решениями*, ображениями членов изучаемых семей, позволило понять их способ организации своей собственной экономической жизни, в конечном итоге российского крестьянства образца начала 90-х годов в целом.

Попытки такого параллельного сочетания характерны и для польских социологов, которые еще в конце 1960-х годов использовали «жесткие» и «мягкие» методы для перепроверки данных. Так, В.Адамский в своем исследовании польского движения скаутов комбинировал мемуарные материалы с почтовым анкетным опросом, а Б.Гамбьевский использовал стратегию «историй жизни» в сочетании с анкетным опросом для изучения проблем сельской молодежи.

3. Последовательное сочетание качественного и количественного подходов

В отечественной социологии сегодня существует целый ряд эмпирических исследований, представляющих собой сочетание качественного и количественного подходов на *разных этапах* одного исследования. Чаще всего на *первом этапе* используются *качественная* методология и, соответственно, качественные методы, а на *втором* – традиционная, *классическая*, с соответствующими процедурами. При этом на первом качественном этапе исследователь «схватывает» явление как целостность, как палитру, содержащую самые разнообразные его краски. Именно на этом этапе изучаемое явление предстает своими новыми, неожиданными для исследователя гранями. На втором количественном этапе – «как правило», определяется *мера выраженности* найденного, описанного на предыдущем этапе. Следует подчеркнуть, что качественный этап здесь имеет *самостоятельное* значение: в его рамках *уже* произведено знание, представляющее интерес для исследователя. Чаще всего это описание («тонкое» или «толстое») малоизученного или не изученного вовсе социального явления. Продолжение исследовательского поиска, переход ко второму этапу здесь вовсе не обязательны и диктуются только соответствующими целями и задачами исследования.

В отечественной социологии примерами такой логической последовательности – *качественный-количественный этапы* – могут быть известная аксиобиографическая методика выявления ценностных ориентаций социальной группы А.П.Вардоматского, а также методика анализа экономических стереотипов, разработанная и реализованная молодым исследователем О.Н.Ваниной в 1999 году. Остановимся на них подробнее.

На первом качественном этапе аксиобиографическая методика А.П.Вардоматского предполагает выделение ценностных ориентаций индивидов. Для этого информантов просят написать (или рассказать) о самых значимых для них событиях в их жизни (вот откуда вторая часть названия этой методики – «биографическая»). После этого интервьюер, используя метод глубинного интервью, пытается понять те смыслы, которыми информант наделяет выделенные события. Анализируя получаемую информацию, исследователь (он же, как правило, здесь и интервьюер) конструирует в итоге ценностные ориентации индивидов как некоторые обобщающие теоретические понятия.

На втором классическом этапе изучается представленность выделенных ценностных ориентаций в той или иной социальной общности, которая выступает объектом исследования.¹²³

Теперь обратимся к последовательному использованию качественного и количественного подходов для изучения экономических стереотипов современного российского общества.¹²⁴ Цель его заключалась в выявлении и определении уровня распространенности в различных социально-демографических группах стереотипов новых экономических групп, появившихся в российском обществе в 80-е годы: богатых, бедных, наемных работников, хозяев, безработных.

¹²³ Подробнее см.: Вардоматский А.П. Аксиобиографическая методика // Социс. 1991. №7.

¹²⁴ Ванина О.Н. Экономические стереотипы россиян в постсоветский период: социологический анализ // Трансформация социального пространства в посткоммунистических странах и новые подходы в социальных науках. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции 23-25 сентября 1998 г. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1998.

На первом качественном этапе исследования задача состояла в описании всего спектра стереотипов каждой из выделенных групп, а также выявлении структуры стереотипа.¹²⁵ При этом представление полноты разнообразия этих стереотипов относительно объектов оценивания: богатых, бедных имело самостоятельную ценность, демонстрируя «веер», разброс восприятия новой постсоветской социально-экономической реальности российскими людьми.

Так, например, применительно к группе бедных методом свободного интервью были получены различные, хотя и преимущественно негативные стереотипы. По мнению опрошенных, бедные – это:

- «безынициативные, пассивные, апатичные люди»;
- «лентяи»;
- «слабаки-неудачники»;
- «злые, агрессивные».

Был выделен также и единственно положительный стереотип бедных – «нравственно совершенные», добрые, сострадательные, готовые помочь другим, стереотип, видимо, берущий свое начало из христианской православной идеологии.

Относительно социальной группы богатых были выделены всего два вида стереотипов:

- позитивный – «честный бизнесмен, трудоголик»;
- негативный – «нечестный, вороватый, с сомнительными источниками дохода («мафиози»)».

Здесь уже сам факт существования таких стереотипов бедных и богатых свидетельствовал о тех сдвигах в ценностном сознании россиян, которые начали происходить в связи с кардинальными общественными преобразованиями. В самом деле, трудно предположить существование таких стереотипов бедных в советском обществе, когда сам термин применительно к советским людям никогда не исполь-

¹²⁵ На этом этапе был использован целевой отбор, объем опрошенных составлял 50 человек.

зовался: в соответствии с идеологическими установками такого феномена просто не было в Советском Союзе. В то же время присутствие *полярных стереотипов* в общественном сознании показывает сложность переориентации общественного сознания, его двойственность, расколотость.

На *втором этапе исследования, количественном*, определялся *уровень распространенности* выявленных стереотипов в различных социально-демографических группах населения.¹²⁶ В ходе исследования было выявлено, что отрицательные стереотипы бедных характерны для 64% населения, и лишь 13,9% воспринимают бедных как нравственно совершенных людей.¹²⁷ Было также получено, что в целом в общественном сознании преобладает, хотя и несущественно, отрицательный стереотип богатых (38,1%), в то время как его антипод – положительный стереотип характерен для 27%.¹²⁸

Кроме того, на этом этапе было выяснено, например, что носителями наиболее распространенного стереотипа бедных как пассивных, безынициативных фаталистов, плывущих по течению, являются прежде всего люди с высшим образованием. Стереотип бедных как ленивых («нет бедных, есть ленивые») прежде всего характерен для молодежи.

Отрицательный стереотип богатых свойственен преимущественно людям зрелого возраста (41-50 лет), чей период социализации проходил в советское время.¹²⁹

¹²⁶ На этом этапе методом анкетного опроса опрашивались 450 жителей г. Самары, отобранных с помощью квотного отбора по трем критериям: пол, возраст, образование.

¹²⁷ «Недостающие» 22,0% характеризуют людей, у которых стереотип бедных пока не сформирован.

¹²⁸ Здесь так же, как и в ситуации со стереотипом «бедных», у 35,3% опрошенных определенный (со знаком «+» или «-») стереотип не сформирован.

¹²⁹ Подробно см.: Ванина О.Н. Указ. соч. С.53.

Возможно и принципиально другое последовательное сочетание рассматриваемых подходов. Оно обуславливается *иным сочетанием целей и задач исследования*. Здесь на первом этапе осуществляется *классическое* исследование с присущими этому подходу «жесткими» методами, а на втором – *качественное* исследование с соответствующими процедурами. В качестве примера такой логики исследования в западной социологии можно привести исследование проблемы внебрачного материнства французского социолога Н.Лефошер, которое анализирует Жан-Пьер Альмодавар в своей известной статье «Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа». *Первый этап этого исследования* – количественный – включал *статистический анализ* официальных документов: карточек гражданского состояния, административных досье 250 молодых женщин, матерей-одиночек.¹³⁰ С помощью собранной статистической информации исследователь сумел проследить некоторые вехи социальной и семейной траектории женщин.

На *втором, качественном этапе*, который осуществлялся через несколько лет, Н.Лефошер использовал *исследовательскую стратегию «история жизни»*. Рассказы о жизни 6 матерей-одиночек антильского происхождения позволили воссоздать макросоциальный контекст, т.е. те изменения в социальных нормах, которые произошли в течение жизни одного поколения на Антильских островах: женщины, происходящие из семей, в которых «наблюдается в некотором роде генеалогическая непрерывность внебрачного материнства, осуждают его»,¹³¹ стараются дистанцироваться от него.

¹³⁰ Вся эта информация была собрана в приюте для матерей-одиночек

¹³¹ Альмодавар Жан-Пьер. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. №2. С. 101.

Еще одним примером такого исследовательского цикла может быть наше исследование социально-экономической адаптации населения Самарской области (1999-2000 гг.), о котором фрагментарно мы уже говорили. Цель *первого количественного этапа* состояла в определении *представленности типологических групп*, различающихся по уровню социально-экономической адаптированности в составе населения Самарской области.¹³² Для этого была сконструирована теоретическая гипотеза о существовании четырех таких групп, которая и проверялась на этом этапе:

- успешные адаптанты;
- успешные дезадаптанты;
- неуспешные адаптанты;
- неуспешные дезадаптанты.

С помощью *формализованного интервью* было опрошено 1162 человека, отобранных методом квотного отбора по критериям пола, возраста, образования.

Ранее в теме 2 части 1 мы уже говорили о результатах этого этапа. Здесь лишь добавим, что *статистический анализ* полученной информации позволил нам определить и *социально-демографическое «лицо»* каждой из выделенных групп. Для этой цели нами был использован так называемый *метод структурных коэффициентов*,¹³³ в рамках которого сравниваются доли определенной социально-демографической группы в общем массиве опрошенных и в конкретной типологической группе. Значение структурного коэффициента больше 1 означает, что данная конкретная

¹³² Подробно см.: Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология-4М. 2000. №12.

¹³³ Величина структурного коэффициента рассматривалась как *отношение* доли конкретной социально-демографической в объеме опрошенных определенной типологической группы к доле этой группы в общем объеме опрошенных.

социально-демографическая группа преимущественно представлена в данной типологической группе, является чертой ее своеобразия. Так, например, анализ показал, что группа «успешных адаптантов», представленная прежде всего предпринимателями и управленцами разных уровней, имеет преимущественно мужское и очень молодое «лицо». Для этой группы характерен довольно высокий уровень образования. Напротив, группа «неуспешных адаптантов» представлена прежде всего специалистами-гуманитариями с лидирующим возрастом 41-50 лет и преимущественно высшим образованием.

В целом использование типологического анализа как логики классического социологического исследования позволило нам *на первом этапе* представить население Самарской области как совокупности определенных типологических групп, различающихся по уровню и результату процесса социально-экономической адаптации, определить количественную представленность этих групп, описать их социально-демографические параметры.

На втором этапе в соответствии с *другой задачей исследования* – определением спектра факторов, обуславливающих успешность социально-экономической адаптации, была использована *качественная методология* с соответствующими процедурами: *методом нарративного интервью* и «*grounded theory*» как способом обработки качественной информации. Использование этой методологии обуславливалось тем простым обстоятельством, что сегодня в российской социологии отсутствует теоретическое знание, корректно описывающее этот аспект изучаемого процесса. На этом этапе нами изучались жизненные истории двух полярных групп: «успешных адаптантов» и «неуспешных дезадаптантов», по 15 человек в каждой.¹³⁴

¹³⁴ Для корректности выводов нами были взяты группы, одинаково включающие в себя информантов в возрасте 25-45 лет.

Содержательно на этом этапе нами ставились *такие исследовательские вопросы*: есть ли что-то сходное (типичное) в жизненных историях, социальных ситуациях людей, *удачно вписавшихся* в новые формирующиеся социально-экономические условия? Есть ли что-то сходное в индивидуально-психологических, социальных характеристиках этих людей? Если эти черты все же существуют, то каковы они? Этот же круг вопросов был адресован нами и другой полярной группе – тем, *кто не предпринимал сколько-нибудь значимых усилий для изменения своей жизненной ситуации к лучшему*. Главный исследовательский вопрос, который ставился здесь, сводился к *поиску различий* между этими противоположными группами.

В итоге нами были выделены три группы факторов, так или иначе являющихся условиями успешности адаптационного процесса: социальные, личностные и индивидуально-психологические.¹³⁵

Ключевые слова

Законодательный разум, интерпретативный разум, радикальная, экзистенциалистская, прагматическая, узкоэмпирическая позиции, параллельное сочетание, последовательное сочетание, интерфейс.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

1. В чем состоит основная мысль радикалистской позиции?
2. Какова основная идея экзистенциалистской позиции?

¹³⁵ Подробно см. статью: Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация: факторы успешности-неуспешности // Социс. 2000. №17.

3. В чем смысл прагматической позиции?
4. Какова суть узкоэмпирической точки зрения?
5. Что означает параллельное сочетание качественного и количественного подходов?
6. Опишите возможные варианты последовательного сочетания этих подходов.

ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

1. Альмодавэр Жан-Пьер. Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа // Вопросы социологии. 1992. №2.
2. Бауман Зигмунд. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. 1992 №2. Т. 1
3. Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М.: Наука, 1993.
4. Вардоматский А.П. Аксиобиографическая методика // Социс. 1991. №7.
5. Ванина О.Н. Экономические стереотипы россиян в постсоветский период: социологический анализ // Трансформация социального пространства в посткоммунистических странах и новые подходы в социальных науках. Тезисы докладов Международной научно-практической конференции 23-25 сентября 1998 г. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 1998.
6. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология-4М. 2000. Т.12.
7. Демин А.Н. О совмещении количественного и качественного подходов в исследовательском цикле // Социология-4М. 2000. Т.11.
8. Маслова О.М. Количественная и качественная социология: методология и методы // Социология-4М. 1995. Т.5-6.
9. Маслова О.М. Методология и методы // Социология в России. М.: Институт социологии РАН, 1996.

10. Татарова Г.Г. Методология анализа данных в социологии (введение). М.: Издательский дом «Стратегия», 1998.

11. Толстова Ю.Н. Идеи моделирования, системного анализа, «качественной социологии»: возможность стыковки (на примере метода репертуарных решеток) // Социология-4М. 1997. Т.8.

12. Томпсон Пол. Гуманистическая традиция и жизненные истории в Польше // Биографический метод. История, методология, практика. Институт социологии, 1994.

13. Шанин Теодор. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С.328.

14. Якубович В.Б. Качественные методы или качество результатов // Социс-4М. 1995. Т. 5-6.

15. Gubrium Jaber F., Holstein James A. The new language of Qualitative Method. New York, Oxford: Oxford University Press, 1997.

16. Punch K.F. Introduction to Social Research. Qualitative and Quantitative Approaches. Sage Publications, London Thousand Oaks, New Delhi, 1998.

**НАРРАТИВНОЕ ИНТЕРВЬЮ
С НЕУСПЕШНЫМ ДЕЗАДАПТАНТОМ**

1. Тамара Н., 51 г., диспетчер на АО «Авиакор»

2. Интервьюер – Козлова Н.В.

3. Ну, Нин, детство у меня прошло, как и у всех тогда – в бараке.
 4. Мы приехали из деревни, мне три года было, я, конечно, этого
 5. уже не помню, когда мы приехали. Всю жизнь прожили в поселке
 6. Мясокомбината, барак у нас был. В общем-то, весело было.
 7. Детство наше проходило не так, как сейчас. Жили мы не богато
 8. Как и все люди моего возраста, как и мама твоя, наверное. Но
 9. было весело. Если, вот, сейчас сравнить с детьми теперешними –
 10. никаких игр у них нет. А мы как играли – и в скакалки разные, в
 11. «штандеры», «казаки-разбойники», приходили без ног, по сараям
 12. лазили, такие деревянные сараи были. Прятались. Нормальное
 13. детство. А чтобы что-нибудь такое, примечательное было... Ну,
 14. праздники, какие были, отмечали всем двором. Особенно
 15. майские праздники, советские, а также Пасху. Тогда же не
 16. признавали Пасху, но все равно справляли ее все. Хоть и
 17. считалась она праздником некоммунистическим. Обязательно
 18. новое платье шилось. У нас мама очень хорошо шила. Ну, как
 19. хорошо – по нашим меркам хорошо. Я, считай, была уже невеста –
 20. 17, 18 лет, а все шила она. Просто было. Ну, что еще... Одевали
 21. новые платья, новые туфли, выходили во двор. У нас сосед,
 22. допустим, гармонист был хороший, дядя Леша, помню, тогда. И
 23. жена у него – мордочка. Выходили, а они такие заводные
 24. были, она запевала частушки, а голос такой звонкий. Вокруг нее
 25. собиралась сначала маленькая группа, потом – побольше, так
 26. весело было. Я не скажу, что пьянки были такие, у нас, во всяком
 27. случае, в подъезде нашем. Все тихо, спокойно. Ну, один там
 28. выступал иногда, но как-то это было не очень серьезно. Во
 29. всяком случае, такого, как сейчас, не было – поножовщины,

1. убийств меньше как-то было. А, может, мы и не слышали,
2. информация-то было вся запретная. Ну, вот и все детство, что
3. еще можно про детство рассказать... Ну, семья... Нас было три
4. сестры, мама, папа. Пять человек. Люда и Наташа – младшие.
5. Разница у нас... Я – с 48-го, а они – с 57-го. Сколько – девять лет.
6. Родители у нас были простыми, добрыми людьми. Любимчиков
7. не было у нас в семье. Ко всем нам ровно относились, что отец,
8. что мать. А то, вот, послушаешь, у кого-то есть любимчики в
9. семье. Если несколько детей, то родители кого-то больше любят.
10. Но у нас в семье, чтобы один любимый, другой – нелюбимый,
11. такого не было. Ну, что еще сказать. Нормальное детство было.
12. Я, например, не жалею, не завидую. Кто-то, может быть, богаче
13. жил, кто-то – беднее. Но тогда это было не так заметно, просто
14. было. Такого выделения, как сейчас, раньше не было. А то друг
15. перед дружкой стараемся... Ну, что, потом... На поселке
16. Мясокомбината я жила до замужества. 22 года. В 22 года вышла
17. замуж, ушла жить к мужу. Муж тоже жил в бараке, здесь, в
18. Юнгородке. Тут сплошные были бараки. Прожили мы...
19. Виталька у нас родился, но жили также в бараке. Правда, нам
20. дали комнату на расширение. Немножечко, с год, наверное, мы
21. прожили в бараке на квартире. Потом нам дали в бараке, где его
22. родители жили, комнату. Своя уже у нас была комната. В ней мы
23. прожили, наверное, года полтора. Вскоре нас снесли и дали нам
24. квартиру вместе с родителями. Витальке было, наверное, года
25. два. Ну, вот, всю жизнь я прожила со свекровью. Худо-бедно, но
26. прожили. Не ругались, не скандалили. Ну, были у нас стычки с
27. ней, но уже попозже. И такие... Но как живут другие со
28. свекровьями! Я скажу, что это у нас было просто так, как бы
29. разрядочка небольшая происходила. Ну, такие факторы были, не
30. очень, можно их и опустить. Где-то она не смолчала, где-то я.
31. Ну, и прожили мы до 96-го года, пока не умерла. А сейчас живу
32. со снохой, с сыном. И дед. Вот и вся моя жизнь. Что вас еще
33. интересует? Я больше не знаю, что тебе рассказать.
34. И: Давайте опять вернемся в Ваше детство. Вы вкратце о нем
35. рассказали, но не могли бы поподробнее остановиться на этом
36. периоде? Расскажите о Вашей семье, как складывались
37. взаимоотношения...
38. Р. У нас дружная была семья. Главой семьи был, естественно,
39. папа. Воспитанием нашим занимались и отец, и мать. Ну, мы же
40. три девчонки, но отец никогда не жалел, что у него одни
41. девочки. Никогда не жалел. Ну, вроде бы, я первая, а второго

1. ребенка он хотел сына. Но родились две девочки сразу, но он
2. никогда не жалел. Говорил: «Мне с ними проще». Смеялся, его
3. там подкалывали, как обычно, мужчины, вроде, у тебя три
4. девчонки, а он: «Мне с ними проще». Да, никогда не жалел. Он у
5. нас был очень хороший. Ну, как, выпивал, не без этого. Он мог
6. несколько месяцев вообще в рот не брать, а мог и с недельку, так,
7. вот, бывало. Но это все проходило как-то не так. Деньги он в дом
8. приносил. Он у нас был, ну, как, сейчас таких людей, которые
9. делают мебель, называют краснодеревщиками. Если, допустим,
10. хорошую мебель делают. Тогда ведь не было магазинов, ничего,
11. и у нас отец делал диваны, комоды. Резные были, очень
12. красивые по тогдашним временам. И продавал, делал на
13. продажу. Это была семье тоже, в общем-то, помощь. А мама у
14. нас тоже работала крановщицей. Тоже, вроде, не ахти, какие
15. деньги. Но, в общем-то, мы были не хуже людей, и одевали нас
16. не хуже мы людей жили. Потом жили мы на Мясокомбинате.
17. Было проще. Ведь про это, Мясокомбината завод тоже надо
18. рассказать. Мяса было вдоволь, мясо было дешевое.
19. Приворовывал, кто там работал, на этом заводе У нас никто
20. там не работал, просто это, ну, как, не секрет. Приворовывали –
21. ходили, продавали, так что мясо мы брали дешевое, всегда были
22. сыты, тогда мы ели то, что сейчас не едим – колбасы были.
23. рябчики разные, вот. У нас возле забора огороды были. Пала с
24. мамой всегда занимались этими огородами. Летом, перед
25. работой, с утра встанут, полили. Иной раз папка утром идет, а
26. через забор перелетает кончик колбаски, а его потом не найдут
27. забрать. Ну, он его... Да, сколько раз такое было. Но, в общем-
28. то, семья у нас дружная была. С сестрами у нас ни драки. Я хотя
29. постарше была на девять лет, но я не помню, чтобы мы дрались.
30. выясняли отношения, мол, тебя родители больше любят, а меня
31. меньше, нет, такого не было. Нет, нг. А, потом, когда они
32. родились, я уже пошла в первый класс. Все-таки взрослая. У нас
33. бабушек-дедушек не было, и, вот, потом я повзрослее стала, они
34. на мне были летом, да. Летом я с ними занималась. Родители
35. работали, а они у нас, наверное, в ясельки ходили, пошли вернее.
36. Им два с половиной годика было. Мама не работала, наверное,
37. года три, а потом куда их... В ясельки их водила, а мама с
38. папкой, допустим, забирали, ну, по времени. А потом, летом
39. повзрослее стала, уже на меня оставляли. Я их, бывало, уложу
40. спать, с них все платяшки, трусики перестираю, они у меня все
41. были чистенькие, наглаженные. Вот. В школе я окончила 10

1. классов. Ну, училась средне. Потом поступала в плановый
2. институт, ходила на подготовительные, но у меня математика
3. хромала, и я математику сразу завалила, конечно. А потом уже
4. никуда не поступала. Пошла как-то, устроилась на завод сразу
5. после школы. Я школу окончила, мне как раз было... В общем, я
6. пришла на завод, мне как раз было 18 лет. Раньше же не с семи, а
7. с восьми лет в школу брали. Я окончила школу, мне как раз был
8. восемнадцатый год, а в сентябре мне 18 исполнилось, и я на
9. завод пришла. Ну, а потом как-то уже все... Тут уже с дядей
10. Петей познакомилась, начали гулять. Тут уже не до учебы,
11. вроде бы. В общем, потом никуда не пошла.
12. **И: А были у Вас мысли поступить куда-то?**
13. Т: Да ты знаешь, нет. Я как-то не очень стремилась. Математика-
14. то хромала, и я думала, что везде ее буду заваливать, на троечку
15. математика. Поэтому я даже как-то... Нет, потом я и не пыталась
16. больше. Нет, не пыталась больше поступать. Про школу я много
17. и не помню. Никакой общественной работой не занималась.
18. Когда на завод пришла, была комсоргом немножко. А больше и
19. нет. С год, наверное. Лет, наверное, 19 мне было. Все, больше
20. ничем не занималась. Нет. В 22 года вышла замуж, в 23 Виталька
21. родился. Что... И все, жизнь потекла такая обычная, размеренная.
22. Ничего, никаких событий, кроме как рождение сына, не было
23. таких, которые бы особо запомнились. Ничего не было...
24. **И: И Вы все эти годы проработали на заводе?**
25. Р: Да, я работала на «Прогрессе». Пришла я на «Прогресс» и
26. работала там до 93-го года. Работала контролером, потом
27. перешла на вредность, работала там восемь лет, а потом уже
28. вредность доработала на авиационном. Доработала на
29. вредность два года и ушла диспетчером там же на авиационном.
30. **И: Как же Вы попали на авиационный?**
31. Р: Устроили меня. Устроил Александр Викторович (муж сестры
32. Натальи – прим. интервьюера). Он был начальником цеха, а
33. тогда на завод не принимали, завод был в таком тяжелом
34. материальном положении. «БС-ы» были у нас, сокращения. А
35. Саша взял к себе диспетчером. Тут и работаю по сей день. Ну,
36. какое еще событие... Нет больше ничего.
37. **И: Скажите, как же изменилась Ваша жизнь за последнее время,**
38. **после перестройки, стала ли она другой, или нет?**
39. Т: Ну, в каком плане изменилась... Материально если только,
40. хотя нам и раньше никогда много не платили. Но все равно,
41. раньше было легче. Раньше раза два в году съездишь в Москву,

1. шмотки какие купишь. А сейчас – сейчас я не знаю, какие деньги
2. нужны, чтобы что-то себе купить, не дай Бог, куда поехать.
3. Сейчас у меня нет таких возможностей, хотя я сейчас на пенсии,
4. пенсию получаю. Но пенсия-то крошечная, что на такие деньги
5. сделаешь. Раньше было легче в смысле материальном. Но сейчас
6. все же есть пенсия, заработок, пусть очень маленький. Но,
7. допустим, захотел ты колбасы какой или деликатеса какого,
8. ранее не видимого, можешь 100 грамм себе позволить. А раньше
9. купить было на что, а негде. Сейчас же все пожалуйста, но
10. возможностей нет таких. Ну и все, а в остальном, как жили
11. небогато, просто, так и живем. Обычная жизнь. А что, ничего
12. такого, необычного в моей жизни не было. Нет, даже и не
13. вспыхивает что-то яркое, обычная жизнь. Ничего интересного,
14. ничего интересного. Сейчас живем ничего, нормально,
15. устраивает. Все идет потихоньку, как всегда. Семья у меня
16. нормальная, сын со снохой нормально живут, есть внук, это
17. сейчас – главное. С дедом только скандалим. Немножко. Дед
18. поддает. Только, вот, из-за этого, это – главная проблема. А так
19. бы вообще было все отлично. Сыном я вообще очень довольна.
20. Нормально, нормально.
21. **И:** Хорошо, тогда расскажите, как Вы жили, когда работали на
22. «Прогрессе»? Как совмещали работу и воспитание сына?
23. **Р:** Свекровь тогда работала. Тоже на пенсии работала, пока не
24. заболела. Как совмещала? Как и все. Тогда ведь возможности
25. сидеть у нас не было. До года, а потом – куда хочешь ребенка:
26. или в ясли, или нянечку. Ну, у меня тогда Витальке год
27. исполнился, надо было на работу выходить. Помогали сестры.
28. Они уже к тому времени повзрослели, сколько им было, учились
29. уже, летом на переменку ездили. То Люда, то Наталья ездили,
30. нянчили. Муж работал, но у него был такой скользкий график,
31. допустим, два дня работает, два дня – дома. Вот так и обходились
32. до осени. А осенью Витальку в ясельки стали возить. Стали
33. возить, а он заболел. И весь год он у нас просидел дома, не стали
34. его тревожить. Так тоже, где бабушка, где я, где отец, так и
35. продержались до весны. А весной – опять в ясельки, немножко
36. поводили в ясельки. Правда, было далеко туда ездить, на 22-й
37. Партсъезд. А потом нам дали ясли поближе, уже здесь, в
38. Юнгородке. Стало попроще, никуда ездить не надо. А потом уже
39. в садик пошел сюда, у нас во дворе прямо садик. Ну, естественно,
40. до садика болел часто, месяц не проходил, чтобы я на
41. больничном не сидела. А когда уже в садик пошел, здесь уже стал

1. поменьше, стал повзрослее, стал поменьше болеть. Тут бабушка
2. у нас перестала работать – то она его отведет, то я к восьми
3. часам ходила, его забрасывала. А в школу пошел, так бабушка
4. уже у нас совсем не работала – провожала и встречала, так что у
5. меня проблем не было. После школы бабушка и накормит, и
6. проводит. И проблем у меня с сыном не было. Учился он хорошо.
7. Первый класс закончил у нас вообще с похвальной грамотой.
8. Отличное поведение, отличные оценки. А потом повзрослел, уже
9. понял, зачем это надо. Ну, в общем, проблем у меня с ним не
10. было ни в учебе – математика у него хорошо была, русский тоже.
11. Хорошо он учился у нас. Я не скажу, вот, отличником он не был,
12. но он все делал сам, все самостоятельно делал. Закончил восемь
13. классов, после восьми пошел в техникум. Закончил техникум от
14. «Прогресса» радио-механический. Закончил, отслужил в Армии.
15. Отслужил, вернулся, женился. Стала бабушкой. Ну, Нин, я не
16. знаю, что еще, ведь у меня такая жизнь простая.
17. **И: Расскажите про свою работу, ведь Вы так долго проработали**
18. **на «Прогрессе»...**
19. **Р: Ты знаешь, я ведь сначала пришла контролером, первый раз**
20. **на завод я пошла контролером. Я не могу сказать, нравилось мне**
21. **или не нравилось, но не плохая работа, в общем-то. Чисто, в**
22. **белом халате всегда. Виталька тоже мне: «Мама, как это можно**
23. **столько лет проработать на заводе?» Он, когда из армии пришел,**
24. **недели две, наверное, проработал на заводе. А я говорю: «А как,**
25. **а работать где-то надо. Специальности никакой, а где-то надо».**
26. **И потом, как-то ведь втягиваешься, как будто так и надо. Вот,**
27. **сколько я проработала, лет, наверное, 25 контролером. Потом**
28. **решила, дай-ка я пойду, подзаработаю себе стаж, вредность к**
29. **пенсии. И немножко раньше уйти на пенсию. Пошла,**
30. **отработала. Работа эта, конечно, после работы контролером**
31. **была тяжелая. Я работала в гальваническом цехе, была**
32. **гальваником на цинке, цинковала детали. У нас ведь как – в**
33. **основном ручной труд – в ванную завесь, из ванной вытащи.**
34. **Проработала восемь лет. С половиной. Потом у меня руки**
35. **начали болеть. Постоянно болели. Булку хлеба возьмешь, и**
36. **устают руки держать. Думаю, нет, так я не выдержу. А первое**
37. **время вообще думала уйду. Приду, отрубалась. Первым делом**
38. **ложилась, отдыхала, начала жаловаться. А дед – он тогда еще не**
39. **был дедом – мне: «Не жалуйся, тебя никто на эту работу не**
40. **посылал, тяжело – уходи». А я думаю, ну, чего же, вроде, уже**
41. **начала. А потом адаптировалась, втянулась, проработала восемь**

1. лет. А когда руки начали болеть, я решила - все, пора уходить.
2. Ушла на авиационный завод, тоже в гальванический цех, но там
3. совершенно другая была работа. Я была на приемке деталей. Из
4. ванной выносили на кран-балках, мы их принимали вместе с
5. контролером, укладывали и сдавали. Полегче. Отработала два
6. года, стаж как раз набрался. Но по возрасту нужно было еще
7. отработать. Вот, ушла в 26-й цех диспетчером, где и сейчас
8. работаю. Вот и все.
9. И: Скажите, пожалуйста, сложился ли на работе у Вас коллектив,
10. появились ли друзья, как Вы проводили время?
11. Т: Знаешь, друзей-приятелей на работе не было, у нас была
12. бригада, но бригада довольно дружная была, когда работала на
13. «Прогрессе». А если говорить о друзьях, то подруга у меня
14. осталась с пятого цеха, где я работала контролером. Мы и сейчас
15. перезваниваемся, а встречаемся... Раньше встречались, все
16. праздники вместе семейные, а сейчас, как-то возраст, да и дома
17. хочется побыть. Уже реже встречаемся. Просто осталась подруга
18. с детства, с которой, конечно, встречаемся. Мы с трех лет вместе.
19. Татьяна, сейчас живет в Тольятти, трое детей у нее. Три раза она
20. уже бабушка. По сей день дружим. Это – моя единственная
21. подруга. А на работе – просто приятели, я считаю. Вместе
22. работаем, вот, и сейчас у нас коллектив – пять человек. Я –
23. диспетчер и четыре комплектовщицы также, сейчас мы вместе
24. праздники на работе, дни рождения, какие-то подарки друг
25. другу делаем, за небольшие, конечно, деньги. Так, неплохо тоже,
26. дружно. мне нравится. Нормальный коллектив. А так, чисто
27. приятельские отношения. А, вот, подруг таких, вот, чисто, нет у
28. меня никаких. Никаких склок нету. Мы как-то доверяем друг
29. другу. И сейчас я работаю, подобралась женщины все не
30. склочные, не базарные. Ну, мало ли, в семье бывает, знаешь, не
31. всегда можешь поделиться с кем-то, а хочется. Что-то можно
32. говорить, что-то нельзя (вздых), все мы – женщины, как-то
33. поговоришь, зальешь свою боль, расскажешь. Иногда поплачем.
34. по-бабьи, так посидишь, полегче становится.
35. И А как на протяжении жизни складывались Ваши
36. взаимоотношения с сестрами, родителями?
37. Г: С сестрами у меня сейчас очень хорошие отношения, очень
38. хорошие, особенно с Натальей. Ну, почему, потому что мы с ней
39. больше общаемся, на даче мы вместе, дачу начинали вместе,
40. продолжаем. А, может, из-за того, что она жила с мамой, к маме
41. я чаще приезжала, как-то у нас с ней, наверное, отношения

1. проще, чем с Людой. С Людой мы видимся пореже. Я думаю, что
2. только из-за этого. Да и потом по характеру мы с Натальей как-
3. то больше подходим друг дружке. Людмила у нас немножко
4. посложнее. Но, в общем-то, когда вместе собираемся, мы в очень
5. хороших отношениях. Дружная, хорошая семья, дружные зятья,
6. хорошие сестры у меня, дружим, в общем-то. Просто с одной
7. чуть поближе, с другой – немножко подальше. Я считаю, это из-
8. за того, что (вздых) больше с Натальей мы как-то видимся.
9. Общаемся мы с ней больше – так можно сказать. И если, вот,
10. чисто по-человечески, то она, ну, больше она подходит мне по
11. духу и как-то поближе немножко. Нет, у нас все хорошо. Как
12. Наталья говорит с Сашей: «Ты у нас за маму» (смеется), «Ты у
13. нас за маму». Вот. А потом еще много зависит, вот, то, что мы
14. сейчас общаемся, много зависит от Саши. Саша ведь такой
15. человек – простой очень, надежный, конечно, он у нее. Ей
16. повезло в жизни, что такой муж. Нет, я довольна сестрами, нет,
17. обе они хорошие. Все хорошо сложилось в этом отношении. И я,
18. вот, все думаю, хорошо, что нас три сестры, потому что... Вот.
19. Виталька у меня один, ему даже поплакаться некому. А мы, вот,
20. три. Ведь со всеми радостями, невзгодами куда – к сестрам.
21. Сестра поймет, сестра подскажет. В этом отношении мне
22. повезло. И помогут. Наталья с Сашей меня никогда не бросают
23. (плачет).
24. **И: Что с Вами, я что-то не то спросила?**
25. Р: Да нет, все нормально, давно не плакала, наверное. Ну, что
26. тебя интересует еще, потому что я не знаю, что еще рассказать.
27. Ну, Наталья мне сейчас помогает, конечно, и участием, и всем.
28. Материально, есть возможность. Ругаю. Витальке машину...
29. Перевернулся он ведь у нас. С Леной (женой прим. интервьюера)
30. по работе ездили и перевернулись. Я не знаю, как остались
31. целыми и невредимыми. Машину всю помяло им – и бок, и верх.
32. Все это меняли Саша с Наташей. Все нормально. Они на трассе
33. ехали. КАМАЗ навстречу шел. Как раз погода такая была –
34. дождь. Уже увернулся от него на повороте, очень сложный
35. поворот, и попал в эту, в воду, и повело, и они так плавно
36. кувыркнулись. Не успели испугаться. Ну, а как – не испугались...
37. У Лены, вон, сейчас, правда, не спросила, но были в левой
38. стороне боли (указывает на область грудной клетки). Я ей
39. сказала, что это не сердце. Пошла в больницу, а врач ей говорит:
40. «У Вас стресса никакого не было?» Она говорит, что был,
41. перевернулись на машине, но, вроде, не испугались, не успели. А

1. врач говорит: «Как же, не испугались, все равно потом все это
2. откладывается». Так вот (всхлипывает).
3. **И: Но сейчас Вы продолжаете работать, хотя на пенсии, почему?**
4. **Т:** И из материальных соображений, и вообще – что же, в 50 лет я
5. сяду и буду сидеть! Еще пенсия-то такая. Раньше я пошла на
6. пенсию на пять лет. У нас пенсия по старости 45-55 лет, а у меня
7. по вредности – льготная пенсия. Но я еще в силах, почему я не
8. могу, тем более, что у меня такая работа, что я с ней справляюсь.
9. **Не тяжелая работа. По цехам хожу, детали выбиваю, ну, ты,**
10. **наверное, представляешь работу диспетчера – просто ходишь,**
11. **дефицит выбиваешь, просишь, какие срочные, какие срочные,**
12. **мне вот эту нужно, работа такая. Не вот тебе, не физическая**
13. **работа. Нормальная работка, мне нравится. Почему я не могу,**
14. **тем более я же не знаю, что со мной завтра будет, а пока все**
15. **нормально. Работаю. Тем более, что пенсия еще маленькая**
16. **очень, надо сделать перерасчет пенсии, я ведь только год, а надо**
17. **побольше немножко. Я думаю, что у меня получится. Ну, вот и**
18. **все.**
19. **И: Как я поняла, нельзя сказать, что за последнее время Ваша**
20. **жизнь намного ухудшилась...**
21. **Т:** Да нет. Приспосабливаемся, конечно, приспособляемся.
22. **Нет.** Я говорю, мы всегда не были избалованы, в общем-то, а
23. **сейчас...** Я говорю, побольше бы денег, и давали бы
24. **регулярно, но жить можно, можно же. Вот единственное, что**
25. **молодежи с работой сейчас очень тяжело, это – другой вопрос.**
26. **Мы-то, я вот, все думаю про своих, мы заработали пенсию, а вот**
27. **как вы... Как вы, где вы будете зарабатывать ее, стаж? вот.**
28. **Виталька работает, но он не числится ни в фирме, нигде, ничего**
29. **Откуда стаж? Вот, что беспокоит – будущее детей. Мысли не о**
30. **себе, а о детях. Вот – единственное, что сейчас беспокоит.**
31. **Проблемы, конечно, были в жизни, как без проблем-то, без них**
32. **не бывает. Но проблемы – как у всех, конечно, как у**
33. **большинства. То хорошо, то – не очень. Всякое бывает. Без**
34. **проблем, наверное, не интересно. Уже и привыкли к ним.**
35. **И: А какие у Вас были самые большие проблемы?**
36. **Р:** Ничего серьезного не произошло, не было у меня. Сын рос у
37. **меня, он мне хлопот не доставлял, никогда у него связей с**
38. **милицией не было, как сейчас, послушаешь – наркомания,**
39. **дерутся. Нет, у меня такого нет. В этом отношении мне очень**
40. **повезло с сыном. Не доставлял мне хлопот. Ну, как мальчишка,**
41. **хулиганистый был, естественно. Порола его. Оценки были**

1. хорошие, а поведение – никудышное. Смеется и разговаривает на
2. уроке. Естественно, порола, он сейчас удивляется, неужели, мол,
3. я его порола, как рука поднималась, не помнит. А это самое
4. важное. Я считаю, что самое главное, чтобы в семье все
5. нормально было и с ребенком. А то, вот, у моей подруги оба
6. сына – наркоманы. Старший затянул младшего, а старший – чуть
7. помладше моего Витальки. Я до этого слышала, но не верила, а
8. тут она сама мне рассказала. Это, вот, - несчастье, я считаю, хуже
9. не бывает, что дети такие. А то у нее не работают, не учатся...
10. Это – несчастье. А мелкие такие, житейские проблемы – это не в
11. счет. А у меня все было спокойно. Виталька мне проблем не
12. давал таких. В армии отслужил, слава Богу, нормально, два раза
13. в отпуске он был. И служил, когда Афган как раз кончился, как
14. раз такое время, когда Афган прокатился. Виталька пошел
15. служить уже после, и как-то служба прошла спокойно. А не как
16. сейчас – матери волнуются, переживают, что дети в «горячих
17. точках». Вот. А у меня не было ни происшествий, ни таких
18. знаменательных событий, чтобы я запомнила. Нет, не было.
19. Нормальная человеческая жизнь...
20. **И:** Главное, что человеческая...
21. **Т:** Да, точно, главное, что – человеческая. Ну, конечно, с дедом
22. немножко у меня – вот, единственная проблема. А так все
23. нормально. Скандалить – сейчас я уже не скандалю, берегу свое
24. здоровье, его уже не исправишь, наверное. Вот и все. Сын у меня
25. хороший, в этом отношении я счастлива. С сыном у меня в
26. детстве – никаких проблем, в юности и сейчас. И у него в семье
27. все нормально, я вижу, как они друг к дружке относятся, и к
28. мальчишке как он относится к своему. Нормально все. Что самое
29. главное для матери. И мать не обижает тоже. Никогда не грубил,
30. никогда грубого слова не скажет. Нет, ни отцу, ни матери. Деду
31. можно было бы, он его почему-то жалеет, всегда говорит,
32. заступает: «Мам, ты на него заседаешь». Мама опять заседает
33. на него. Говорю: «Витальк, ну, ты хоть его поругай гам
34. немножечко его». «Мам, он взрослый человек, должен сам знать.
35. Я, говорит, уже ничем помочь не могу». Вот так, Ниночка
36. **И:** И у Вас никогда не возникало желания что-то исправить в
37. своей жизни, чего-то добиться?
38. **Т:** Ну, о карьере я никогда не думала. Во-первых, ну, Нин, ну,
39. если бы у меня какие-то были, там, вот, склонности к чему-то,
40. допустим, что-то я, прям, мечтала с детства. Допустим там,
41. некоторые врачом мечтают стать, вот, ты, например, учишься, у

1. тебя была мечта пойти учиться в ВУЗ. А потом ты училась
2. хорошо?
3. **И: Нормально.**
4. **Т:** Вот, ты училась хорошо. Не знаю я. Конечно, если бы у меня,
5. может быть, успехи в учебе были бы получше, может быть, я бы
6. куда-то. Но, вот, так, чтобы я горела желанием на кого-то
7. выучиться – нет. **Нет.** Меня, вот, вполне... Ну, у меня родители,
8. конечно, родители хотели, чтобы я выучилась. Хотели. Но не
9. получилось. Но не всем быть учеными, кому-то надо и на
10. производстве работать. Вот, я и работаю. Да нет, я прям... я
11. не скажу, что я мечтала о чем-то... о высоком... **Нет.** Меня вполне
12. устраивало... моя работа. Устраивала. И у меня не было такого,
13. чтобы, вот, я не хочу идти на работу. А по молодости, так
14. вообще как-то даже весело было. Раньше-то ведь молодежи
15. очень много было в цехах, на заводе. Это сейчас, вон, одни
16. пенсионеры ходим. Мало ведь молодежи совершенно. А тогда
17. как-то интереснее было – концерты, самодеятельность была.
18. Как-то вместе вылазки в лес, на лыжах, помню, тогда ходили, в
19. кино соберемся, всей группой пойдем. Ничего, нормально.
20. довольна я. Но о карьере я, в общем-то, никогда не думала, нет,
21. никогда не думала. Я, вот, все Витальку: «Виталька, ты окончил
22. техникум, давай, иди по специальности куда-то, будешь
23. работать». Саша брал его мастером. «**Нет,** я мастером не пойду, я
24. людьми не умею... командовать и не хочу – сопливый мальчишка
25. приду, вроде, взрослыми мужиками командовать. **Я не смогу.** Я
26. говорю: «**Ну,** почему? Сначала тяжело, конечно, будет, а потом
27. втянешься. Саша, вон, тоже начал с мастера, а вырос до
28. начальника цеха. Не сразу же дают». «**Нет,** мам, я не пойду». А
29. потом началась эта вот катавасия, эти кушпи-продажи, эти
30. поездки Турция-Китай. Все увлеклись. Ну, и он у нас, наверное,
31. недели две поработал на заводе и ушел. Вот он сначала с зятем
32. старшим, с Людиным (вторая из сестер-двойняшек – прим.
33. интервьюера), стал ездить в Болгарию, Турцию, Китай. Потом
34. забросил все, когда уже тут начался завал на рынках. Бросил.
35. Делали мебель они втроем, три друга. Хорошо у них получалось,
36. а сейчас опять перенасыщение уже мебелью всякой. Сейчас
37. пытаются чем-то другим заняться, но пока не очень хорошо
38. получается. Везде нужно время, везде нужны силы, хотя он
39. легкий на подъем у нас. Вот. Карьеру тоже не захотел делать. А
40. какая сейчас карьера, если на себя работает? Какая карьера
41. может быть? Я считаю, карьера, это, вот, на заводе, допустим,

1. вот, Саша, допустим, с мастера вырос до начальника цеха. С
2. начальника цеха – еще выше: ведущий инженер, там, плановый
3. инженер. Вот это – карьера, я считаю. А здесь какая может быть
4. карьера, когда человек сам на себя работает? Я считаю, что здесь
5. карьеры – никакой. Материальное благо ты можешь себе
6. улучшить, повысить, а больше – ничего. Ну, торгаши, какие они
7. карьеристы? Они не карьеристы. Имеют деньги и все. Которых у
8. нас мало. Ну, вот и все, что я хотела сказать о карьере. Так что,
9. Нин, о карьере я и не думала никогда. Никогда не думала.
10. Обычный, простой – как раньше говорили – советский человек.
11. **И: И, как Вы говорите, простая жизнь...**
12. Т: Да, такая простая жизнь, без вспышек, никаких вспышек не
13. было. А я и не жалею. Да и не надо, нет. Нет. Потому что, как
14. это говорят обычно, после вспышек бывает падение, да?
15. **И: После взлетов.**
16. Т: Да, после взлетов бывают падения. Нет, нет. У меня, как-то
17. гладко все, размеренно в жизни. Обычная семья. Нормально, в
18. общем-то. Но я не жалею. Не жалею, нет. Все нормально.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Часть 1. Методологические основания количественного и качественного подходов в социологическом исследовании	6
<i>Тема 1. Количественный подход в социологическом исследовании: предпосылки, история становления</i>	6
1. Что такое методология социологического исследования	6
2. Что такое количественный подход в социологическом исследовании	9
3. Из истории становления количественного подхода	10
4. Критерии научного знания	15
4.1. Опытное изучение реальности	16
4.2. Достоверность научного знания	18
4.3. Объективность и предметность научного знания	21
4.4. Практическая направленность научного знания	23
4.5. Направленность на обнаружение законов	24
4.6. Рефлексия по поводу методов достижения цели	26
4.7. Особый язык науки	27
<i>Тема 2. Основные черты количественного подхода в социологическом исследовании</i>	30
1. Фокус исследовательского интереса	30
2. Исследовательская ориентация	33
3. Объект исследования	37
4. Логическая стратегия получения знания	38
5. Основание эмпирического анализа: измерение социальных характеристик	43
5.1. Особенности измерения в социологии	46
5.2. Типы шкал, используемых в социологическом исследовании	49
5.3. Процедура построения порядковой шкалы	54
6. Выборочный метод	63
6.1. Основные понятия и идея выборочного метода	63
6.2. Класс строго вероятностных способов отбора	66
7. Оценка качества исследования	69
7.1. Что такое качество социологического исследования	69
7.2. Как оценить достоверность результатов исследования	71
7.3. «Асимметрия приписывания» в социологическом исследовании	72
8. Характер получаемого знания.	75
Позиция исследователя в исследовательском процессе	75
<i>Тема 3. Качественный подход в социологическом исследовании: предпосылки, история становления, теоретические истоки</i>	80
1. Что такое качественный подход в социологическом исследовании	80
2. Из истории становления	81
3. Предпосылки становления	83

4. Теоретические истоки	91
4.1. Концепция понимания в работах В. Дильтея и Г. Зиммеля	92
4.2. Проблема понимания и категория "социальное действие" в трудах М. Вебера	95
4.3. Прагматизм У. Джеймса и Дж. Дьюи	98
4.4. Символический интеракционизм Дж. Г. Мид	101
4.5. Драматургическая социология Ирвинга Гофмана	105
4.6. Феноменологическая социология	109
4.7. Этнометодология Гарольда Гарфинкеля	115
Тема 4. Основные черты качественного подхода в социологическом исследовании	124
1. Фокус исследовательского интереса	124
1.1. Опозиция индивид-общество в экзистенциализме	125
1.2. Опозиция индивид-общество в феноменологической социологии	126
1.3. Индивидуальное и типическое	127
1.4. Естественный способ получения данных	129
2. Исследовательская ориентация	129
2.1. Понимание как специфический способ познания	129
2.2. Почему исследователь может понять информанта	131
3. Характер получаемой информации	134
3.1. Понятие интерпретации	134
3.2. Уровни репрезентации опыта	139
3.3. Задачи интерпретации	141
4. Языки результата качественного исследования	146
4.1. Образы результата исследования	146
4.2. Язык результата научно ориентированного исследования	148
4.3. Язык исследовательского комментария	151
4.4. Язык простого или плотного описания	151
5. Логическая стратегия получения знания	152
5.1. Общая характеристика	152
5.2. Основные правила "логики на практике"	157
6. Проблема истины в качественном исследовании	159
6.1. Объективная истина и истина опыта	159
6.2. Качество качественного исследования	161
6.3. Как повысить обоснованность результатов исследования	162
7. Позиция исследователя	166
Тема 5. Функции социологического исследования в классической и качественной парадигмах	171
1. Функции классического социологического исследования: общая характеристика	172
1.1. Описание в методологии классического социологического исследования	173
1.2. Объяснение в методологии классического социологического исследования	176

2. Описание и объяснение в качественной парадигме	179
2.1. Описание: широкое и узкое значение	179
2.2. Объяснение: семантическое и научное	180
3. Использование социологической информации в прикладных целях	182
3.1. Управленческая функция классического социологического исследования	182
3.2. Классическое социологическое исследование для нужд прогнозирования	185
3.3. Качественное исследование и управление	192
3.4. Качественное социологическое исследование - в помощь конкретному человеку	194
4. Мотивы обращения социолога к качественному исследованию	196
Часть II. Исследовательские практики	199
<i>Тема 1. Типы социологического исследования в классической парадигме</i>	199
1. Критерии выделения типов социологического исследования	200
2. Цель как критерий выделения типов социологического исследования	200
3. Фундаментальное исследование	200
3.1. Что такое фундаментальное исследование	200
3.2. Особенности фундаментального исследования	200
4. Прикладное социологическое исследование	210
4.1. Что такое прикладное исследование	211
4.2. Основные черты прикладного социологического исследования	211
5. Квазифундаментальное исследование	210
5.1. Что такое квазифундаментальное исследование	219
5.2. Характерные черты квазифундаментального исследования	220
6. Разведывательное исследование	220
<i>Тема 2. Типы социологического исследования в качественной парадигме</i>	226
1. Характер исследовательской практики как критерий выделения типов	226
2. Этнографический тип качественного социологического исследования	228
2.1. Что такое этнография	228
2.2. Основные идеи этнографического подхода в социологии	230
2.3. Основные черты качественного исследования этнографического типа	231
3. Кейс-стади как тип качественного исследования	238
3.1. Общая характеристика	238

3.2. Виды кейс-стади	241
3.3. Дизайн (план) кейс-стади	245
3.4. Опыт реализации стратегии «кейс-стади»	246
4. «Grounded theory» (обоснованная теория) как тип качественного исследования	248
4.1. Основные идеи стратегии	248
4.2. Логика исследовательского поиска	252
4.3. Важнейшие операции «обоснованной теории»	258
5. «Устная история» («oral history») как тип качественного социологического исследования	267
5.1. Что такое «устная история»	267
5.2. Темного истории	269
5.3. Достоверность и надежность в исследовании типа «устная история»	270
6. «История жизни» («life story») как тип качественного социологического исследования	272
6.1. Общие положения	272
6.2. Из истории становления	275
6.3. Методологические подходы к историям жизни	276
Тема 3. Метод интервью в социологическом исследовании	286
1. Общая характеристика	286
2. Виды интервью	289
3. Оппозиции «мягкое» и «жесткое», «качественное» - «количественное» интервью	293
4. Стандартизированное (формализованное) интервью	295
4.1. Специфика стандартизированного (формализованного) интервью	295
4.2. Характер отношений между интервьюером и респондентом	296
5. Нарративное интервью	300
5.1. Что такое нарративное интервью	300
5.2. Специфические черты	302
5.3. Стратегия проведения	306
5.4. Отношения интервьюер – информант в нарративном интервью	308
5.5. Проблема истины в нарративном интервью	312
6. Полуформализованное интервью	313
7. Фокусированное групповое интервью	316
7.1. Общая характеристика	316
7.2. Подбор участников группы	320
7.3. Процедура фокус-группового интервью	322
Тема 4. Метод наблюдения в социологическом исследовании	328
1. Основные положения	328
2. Невключенное структурированное наблюдение	334
3. Включенное бесструктурное наблюдение	345

Тема 5. Метод анализа документов в качественной и количественной парадигмах	353
1. Понятие «документ» в социологии	353
2. Виды анализа документов в классическом социологическом исследовании	357
2.1. Неформализованный анализ документальной информации	357
2.2. Контент-анализ текстовой информации	359
2.3. Анализ статистической информации	370
2.4. Информативно-целевой анализ текстов	371
2.5. Проблема надежности документальной информации	375
3. Анализ документов в качественной парадигме социологического исследования	376
3.1. Традиция изучения "человеческих документов"	376
3.2. Аналитическая индукция и "grounded theory" (обоснованная теория) как способы обработки информации в качественном исследовании	379
3.3. Специфические методы обработки документальной информации	381
Тема 6. Качественный и количественный подходы: возможности сочетания в одном отдельно взятом исследовании	389
1. Соотношение подходов	389
2. Параллельное использование качественного и количественного подходов	394
3. Последовательное сочетание качественного и количественного подходов	396
Приложение	406